VIII(2) 349.

МАРІЯ МИХАЙЛОВНА
ЛЬВОВА.

Ст. .....

1583
A 1238

Digitized by Google

NAZIONALE
BIBLIOTECA
CENTRALE V. E. II
GOGOL
B
3477 /4
ROMA

А. 12287/IV

ВОЙНА и МИРЪ.

Digitized by Google

ВОЙНА и МИРЪ.

А/238

сочиненіе

Графа Л. Н. Толстаго.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ Т. РИСЪ У МЯСНИЦКИХЪ ВОРОТЪ, ДОМЪ ВОЖЕНКОВА.
1868.

6060c B 3477/4

BLE03/1955
BLE51959

BIBLIOTECA NAZIONALE V. EMANUELE III

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Съ конца 1811-го года началось усиленное вооруженіе и сосредоточеніе силъ западной Европы, и въ 1812 году силы эти—милліоны людей (считая тѣхъ, которые перевозили и кормили армію), двинулись съ Запада на Востокъ, къ границамъ Россіи, къ которымъ точно также съ 1811-го года стягивались силы Россіи.—12 іюня силы западной Европы перешли границы Россіи, и началась война т. е. совершилось противное человѣческому разуму и всей человѣческой природѣ событіе. Милліоны людей совершали другъ противъ друга такое безчисленное количество злодѣяній, обмановъ, измѣнъ, воровства, поддѣлокъ и выпуска фальшивыхъ ассигнацій, грабежей, поджоговъ и убійствъ, котораго въ цѣлые вѣка не соберетъ лѣтопись всѣхъ судовъ міра, и на которые, въ этотъ періодъ времени, люди совершавшіе ихъ не смотрѣли какъ на преступленія.

Что произвело это необычайное событіе? Какія были причины его? Историки съ наивной увѣренностью говорятъ, что причинами этого событія были обида, нанесенная герцогу Ольденбургскому, несоблюденіе континентальной системы, властолюбіе Наполеона, твердость Александра, ошибки дипломатовъ и т. п.

Слѣдовательно стоило только Меттерниху, Румянцеву или Талейрану, между выходомъ и раутомъ, хорошенько постараться и написать поискуснѣе бумажку, или Наполеону написать къ Александру: Monsieur mon frère, je consens à rendre le duché au duc d'Oldenbourg, и войны бы не было.

Понятно, что такимъ представлялось дѣло современникамъ. Понятно, что Наполеону казалось, что причиной войны были интриги Англіи (какъ онъ и говорилъ это на островѣ св. Элены); понятно, что членамъ англійской палаты казалось, что причиной войны было властолюбіе Наполеона; что принцу Ольденбургскому казалось, что причиной войны было совершенное противъ него насиліе; что купцамъ казалось, что причиной войны была континентальная система раззорявшая Европу; что старымъ солдатамъ и генераламъ казалось, что главной причиной была необходимость употребить ихъ въ дѣло; легитимистамъ того времени то, что необходимо было возстановить les bons principes, а дипломатамъ того времени то, что все произошло отъ того, что союзъ Россіи съ Австріей въ 1809 году не былъ достаточно искусно скрытъ отъ Наполеона, и что неловко былъ написанъ memorandum за № 178. Понятно, что эти и еще безчисленное, безконечное количество причинъ, количество которыхъ зависитъ отъ безчисленнаго различія точекъ зрѣнія, представлялось современникамъ; но для насъ-потомковъ, созерцающихъ во всемъ его объемѣ громадность совершившагося событія и вникающихъ въ его простой и страшный смыслъ, причины эти представляются недостаточными. Для насъ непонятно, чтобы милліоны людей-христіанъ убивали и мучали другъ друга, потому что Наполеонъ былъ властолюбивъ, Александръ твердъ, политика Англіи хитра, и герцогъ Ольденбургскій обиженъ. Нельзя понять, какую связь имѣютъ эти обстоятельства съ самымъ фактомъ убійства и насилія; почему вслѣдствіе

того, что герцогъ обиженъ, тысячи людей съ другаго края Европы убивали и раззоряли людей Смоленской и Московской губерній, и были убиваемы ими.

Для насъ-потомковъ не-историковъ, не увлеченныхъ процессомъ изысканія, и потому съ незатемнѣннымъ, здравымъ смысломъ созерцающихъ событіе, причины его представляются въ неисчислимомъ количествѣ. Чѣмъ больше мы углубляемся въ изысканіе причинъ, тѣмъ больше намъ ихъ открывается, и всякая отдѣльно взятая причина или цѣлый рядъ причинъ представляются намъ одинаково справедливыми сами по себѣ, и одинаково ложными по своей ничтожности въ сравненіи съ громадностью событія, и одинаково ложными по недѣйствительности своей (безъ участія всѣхъ другихъ совпавшихъ причинъ) произвести совершившееся событіе. Такой же причиной, какъ отказъ Наполеона отвести свои войска за Вислу и отдать назадъ герцогство Ольденбургское, представляется намъ и желаніе или нежеланіе перваго французскаго капрала поступить на вторичную службу: ибо, ежели бы онъ не захотѣлъ идти на службу и не захотѣлъ бы другой и третій и тысячный капралъ и солдатъ, на столько менѣе людей было бы въ войскѣ Наполеона, и войны не могло бы быть.

Ежели бы Наполеонъ не оскорбился требованіемъ отступить за Вислу и не велѣлъ наступать войскамъ, не было бы войны; но ежели бы всѣ сержанты не пожелали поступить на вторичную службу, тоже войны не могло бы быть. Тоже не могло бы быть войны, ежели бы не было интригъ Англіи и принца Ольденбургскаго, и чувства оскорбленія въ Александрѣ, и не было бы самодержавной власти въ Россіи, и не было бы французской революціи и послѣдовавшихъ диктаторства и имперіи, и всего того, что произвело французскую революцію, и такъ далѣе. Безъ одной изъ этихъ причинъ ничего не могло бы быть. Стало быть, причины эти всѣ — милліарды причинъ — совпали для того, чтобы

произвести то, что̀ было. И слѣдовательно ничто не было исключительной причиной событія, а событіе должно было совершиться только потому, что оно должно было совершиться. Должны были милліоны людей, отрекшись отъ своихъ человѣческихъ чувствъ и своего разума, идти на Востокъ съ Запада и убивать себѣ подобныхъ, точно также какъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ съ Востока на Западъ шли толпы людей, убивая себѣ подобныхъ.

Дѣйствія Наполеона и Александра, отъ слова которыхъ зависѣло, казалось, чтобы событіе совершилось или не совершилось — были также мало произвольны, какъ и дѣйствіе каждаго солдата, шедшаго въ походъ по жребію или по набору. Это не могло быть иначе потому, что для того, чтобы воля Наполеона и Александра (тѣхъ людей, отъ которыхъ, казалось, зависѣло событіе) была исполнена, необходимо было совпаденіе безчисленныхъ обстоятельствъ, безъ одного изъ которыхъ событіе не могло бы совершиться. Необходимо было, чтобы милліоны людей, въ рукахъ которыхъ была дѣйствительная сила, солдаты, которые стрѣляли, везли провіантъ и пушки, надо было, чтобы они согласились исполнить эту волю единичныхъ и слабыхъ людей, и были приведены къ этому безчисленнымъ количествомъ сложныхъ, разнообразныхъ причинъ.

Фатализмъ въ исторіи неизбѣженъ для объясненія неразумныхъ явленій (то-есть тѣхъ, разумность которыхъ мы не понимаемъ). Чѣмъ болѣе мы стараемся разумно объяснить эти явленія въ исторіи, тѣмъ они становятся для насъ неразумнѣе, непонятнѣе.

Каждый человѣкъ живетъ для себя, пользуется свободой для достиженія своихъ личныхъ цѣлей и чувствуетъ всѣмъ существомъ своимъ, что онъ можетъ сейчасъ сдѣлать или не сдѣлать такое-то дѣйствіе; но какъ скоро онъ сдѣлаетъ его, такъ дѣйствіе это, совершенное въ извѣстный моментъ времени, становится невозвратимымъ и дѣлается достоя-

ніемъ исторіи, въ которой оно имѣетъ не свободное, а предопредѣленное значеніе.

Есть двѣ стороны жизни въ каждомъ человѣкѣ: жизнь личная, которая тѣмъ болѣе свободна, чѣмъ отвлеченнѣе ея интересы, и жизнь стихійная, роевая, гдѣ человѣкъ неизбѣжно исполняетъ предписанные ему законы.

Человѣкъ сознательно живетъ для себя, но служитъ безсознательнымъ орудіемъ для достиженія историческихъ, общечеловѣческихъ цѣлей. Совершенный поступокъ невозвратимъ, и дѣйствіе его, совпадая во времени съ милліонами дѣйствій другихъ людей, получаетъ историческое значеніе. Чѣмъ выше стоитъ человѣкъ на общественной лѣстницѣ, чѣмъ съ большими людьми онъ связанъ, тѣмъ больше власти онъ имѣетъ на другихъ людей, тѣмъ очевиднѣе предопредѣленность и неизбѣжность каждаго его поступка.

«Сердце царево въ руцѣ Божьей».

Царь—есть рабъ исторіи.

Исторія т. е. безсознательная, общая, роевая жизнь человѣчества, всякой минутой жизни царей пользуется для себя, какъ орудіемъ для своихъ цѣлей.

Наполеонъ, несмотря на то, что ему болѣе чѣмъ когда нибудь теперь, въ 1812 году, казалось, что отъ него зависѣло verser или не verser le sang de ses peuples (какъ въ послѣднемъ письмѣ писалъ ему Александръ), никогда болѣе какъ теперь не подлежалъ тѣмъ неизбѣжнымъ законамъ, которые заставляли его (дѣйствуя въ отношеніи себя, какъ ему казалось, по произволу) дѣлать для общаго дѣла, для исторіи то, что̀ должно было совершиться.

Люди Запада двигались на Востокъ для того, чтобы убивать другъ друга. И по закону совпаденія причинъ поддѣлались сами собою и совпали съ этимъ событіемъ тысячи

мелкихъ причинъ для этаго движенія и для войны: укоры за несоблюденіе континентальной системы, и герцогъ Ольденбургскій, и движеніе войскъ въ Пруссію, предпринятое (какъ казалось Наполеону) для того только, чтобы достигнуть вооруженнаго мира, и любовь и привычка французскаго императора къ войнѣ, совпавшая съ расположеніемъ его народа, увлеченіе грандіозностью приготовленій, и расходы по приготовленію, и потребность пріобрѣтенія такихъ выгодъ, которыя бы окупили эти расходы, и одурманивающія почести въ Дрезденѣ, и дипломатическіе переговоры, которые, по взгляду современниковъ, были ведены съ искреннимъ желаніемъ достиженія мира и которые только уязвляли самолюбіе той и другой стороны, и милліоны милліоновъ другихъ причинъ, поддѣлавшихся подъ имѣющее совершиться событіе, совпавшихъ съ нимъ.

Когда созрѣло яблоко и падаетъ,—отчего оно падаетъ? Оттого ли, что тяготѣетъ къ землѣ, оттого ли, что засыхаетъ стержень, оттого ли, что сушится солнцемъ, что тяжелѣетъ, что вѣтеръ стрясетъ его, оттого ли, что стоящему внизу мальчику хочется съѣсть его?

Ничто не причина. Все это только совпаденіе тѣхъ условій, при которыхъ совершается всякое жизненное, органическое, стихійное событіе. И тотъ ботаникъ, который найдетъ, что яблоко падаетъ оттого, что клѣтчатка разлагается и тому подобное, будетъ также правъ, какъ и тотъ ребенокъ стоящій внизу, который скажетъ, что яблоко упало отъ того, что ему хотѣлось съѣсть его и что онъ молился объ этомъ. Также правъ и неправъ будетъ тотъ, кто скажетъ, что Наполеонъ пошелъ въ Москву потому, что онъ захотѣлъ этаго и оттого погибъ, что Александръ захотѣлъ его погибели: какъ правъ и не правъ будетъ тотъ, кто скажетъ, что завалившаяся въ милліонъ пудовъ подкопанная гора упала оттого, что послѣдній работникъ ударилъ послѣдній разъ киркою. Въ историческихъ событіяхъ

такъ называемые великіе люди суть ярлыки, дающіе наименованіе событію, которые, также какъ ярлыки, менѣе всего имѣютъ связи съ самымъ событіемъ.

Каждое дѣйствіе ихъ, кажущееся имъ произвольнымъ для самихъ себя, въ историческомъ смыслѣ непроизвольно, а находится въ связи со всѣмъ ходомъ исторіи и опредѣлено предвѣчно.

II.

29 мая Наполеонъ выѣхалъ изъ Дрездена, гдѣ онъ пробылъ три недѣли, окруженный дворомъ, составленнымъ изъ принцевъ, герцоговъ, королей и даже одного императора. Наполеонъ передъ отъѣздомъ обласкалъ принцевъ, королей и императора, которые того заслуживали, побранилъ королей и принцевъ, которыми онъ былъ недоволенъ, одарилъ своими собственными т. е. взятыми у другихъ королей жемчугами и бриліантами императрицу Австрійскую и, нѣжно обнявъ императрицу Марію Луизу, какъ говоритъ его историкъ, оставилъ ее огорченною разлукой, которую она — эта Марія-Луиза, считавшаяся его супругой, несмотря на то, что въ Парижѣ оставалась другая супруга — казалось не въ силахъ была перенести. Несмотря на то, что дипломаты еще твердо вѣрили въ возможность мира и усердно работали съ этой цѣлью, несмотря на то, что императоръ Наполеонъ самъ писалъ письмо императору Александру, называя его Monsieur mon frère и искренно увѣряя, что онъ не желаетъ войны, и что всегда будетъ любить и уважать его — онъ ѣхалъ къ арміи и отдавалъ на каждой станціи новыя приказанія, имѣвшія цѣлью торопить движеніе арміи отъ Запада къ Востоку. Онъ ѣхалъ въ дорожной каретѣ, запряженной шестерикомъ, окруженный пажами, адъютантами и конвоемъ, по тракту: на Позенъ, Торнъ, Данцигъ и Кенигсбергъ. Въ каждомъ изъ этихъ городовъ тысячи людей съ трепетомъ и восторгомъ встрѣчали его.

Армія подвигалась съ Запада на Востокъ, и перемѣнныя шестерни несли его туда же. 10-го іюня онъ догналъ армію и ночевалъ въ Вильковисскомъ лѣсу, въ приготовленной для него квартирѣ, въ имѣніи польскаго графа.

На другой день Наполеонъ, обогнавъ армію, въ коляскѣ подъѣхалъ къ Нѣману, и съ тѣмъ чтобы осмотрѣть мѣстность переправы, переодѣлся въ польскій мундиръ и выѣхалъ на берегъ.

Увидавъ на той сторонѣ les Cosaques и разстилавшіяся степи (les Steppes), въ серединѣ которыхъ была Moscou la sainte ville, столица того подобнаго скиѳскому государства, куда ходилъ Александръ Македонскій, — Наполеонъ, неожиданно для всѣхъ и противно какъ стратегическимъ, такъ и дипломатическимъ соображеніямъ, приказалъ наступленіе, и на другой день войска его стали переходить Нѣманъ.

12-го числа рано утромъ онъ вышелъ изъ палатки, раскинутой въ этотъ день на крутомъ, лѣвомъ берегу Нѣмана, и смотрѣлъ въ зрительную трубу на выплывающіе изъ Вильковисскаго лѣса потоки своихъ войскъ, разливающихся по тремъ мостамъ, наведенныхъ на Нѣманѣ. Войска знали о присутствіи императора, искали его глазами, и когда находили на горѣ передъ палаткой отдѣлившуюся отъ свиты фигуру въ сюртукѣ и шляпѣ, они кидали вверхъ шапки и кричали: «Vive l'Empereur!» и одни за другими, не истощаясь, вытекали, все вытекали изъ огромнаго скрывавшаго ихъ доселѣ лѣса и, разстроясь, по тремъ мостамъ переходили на ту сторону.

— On fera du chemin cette fois ci. Oh! quand il s'en mêle lui même ça chauffe... Nom... de Dieu...! Le voila!... Vive l'Empereur!

— Les voilà donc les Steppes de l'Asie! Vilain pays tout de même. A revoir, Beauché; je te réserve le plus beau palais de Moscou. A revoir! Bonne chance... L'as tu vu, l'Empereur?

Vive l'Empereur!... preur! Si on me fait gouverneur aux Indes, Gérard, je te fais ministre du Cachemire, c'est arrêté. Vive l'Empereur! Vive! vive! vive! Les gredins de Cosaques, comme ils filent. Vive l'Empereur! Le voila! Le vois tu? Je l'ai vu deux fois comme je te vois. Le petit caporal... Je l'ai vu donner la croix à l'un des vieux... Vive l'Empereur!... говорили голоса старыхъ и молодыхъ людей, самыхъ разнообразныхъ характеровъ и положеній въ обществѣ. На всѣхъ лицахъ этихъ людей было одно общее выраженіе радости о началѣ давно ожидаемаго похода и восторга и преданности къ человѣку въ сѣромъ сюртукѣ, стоявшему на горѣ.

13-го іюня Наполеону подали небольшую, чистокровную арабскую лошадь, и онъ сѣлъ и поѣхалъ галопомъ къ одному изъ мостовъ черезъ Нѣманъ, непрестанно оглушаемый восторженными криками, которые онъ очевидно переносилъ только потому, что нельзя было запретить имъ криками этими выражать свою любовь къ нему; но крики эти, сопутствующіе ему вездѣ, тяготили его и отвлекали его отъ военной заботы, охватившей его съ того времени, какъ онъ присоединился къ войску. Онъ проѣхалъ по одному изъ качавшихся на лодкахъ мостовъ на ту сторону, круто повернулъ влѣво и галопомъ поѣхалъ по направленію къ Ковнѣ, предшествуемый замиравшими отъ счастія, восторженными, гвардейскими конными егерями, разчищая дорогу по войскамъ скакавшими впереди его. Подъѣхавъ къ широкой рѣкѣ Вислѣ, онъ остановился подлѣ польскаго уланскаго полка, стоявшаго на берегу.

— Виватъ! также восторженно кричали Поляки, разстроивая фронтъ и давя другъ друга для того, чтобы увидать его. Наполеонъ осмотрѣлъ рѣку, слѣзъ съ лошади и сѣлъ на бревно, лежавшее на берегу. По безсловесному знаку ему подали трубу, онъ положилъ ее на спину подбѣжавшаго счастливаго пажа, и сталъ смотрѣть на ту сторону. Потомъ онъ углубился въ разсматриванье листа карты.

разложеннаго между бревнами. Не поднимая головы, онъ сказалъ что-то, и двое его адъютантовъ поскакали къ польскимъ уланамъ.

— Что? Что онъ сказалъ? слышалось въ рядахъ польскихъ уланъ, когда одинъ адъютантъ подскакалъ къ нимъ.

Было приказано, отъискавъ бродъ, перейти на ту сторону. Польскій уланскій полковникъ, красивый, старый человѣкъ, раскраснѣвшись и путаясь въ словахъ отъ волненія, спросилъ у адъютанта, позволено ли ему будетъ переплыть съ своими уланами рѣку, не отъискивая брода. Онъ съ очевиднымъ страхомъ за отказъ, какъ мальчикъ, который проситъ позволенія сѣсть на лошадь, просилъ, чтобы ему позволили переплыть рѣку въ глазахъ императора. Адъютантъ сказалъ, что вѣроятно императоръ не будетъ недоволенъ этимъ излишнимъ усердіемъ.

Какъ только адъютантъ сказалъ это, старый усатый офицеръ съ счастливымъ лицомъ и блестящими глазами, поднявъ кверху саблю, прокричалъ: «виватъ!» и, скомандовавъ уланамъ идти за собой, далъ шпоры лошади и подскакалъ къ рѣкѣ. Онъ злобно толкнулъ замявшуюся подъ собой лошадь и бухнулся въ воду, направляясь въ глубь къ быстринѣ теченія. Сотни улановъ поскакали за нимъ. Было холодно и жутко на серединѣ и на быстринѣ теченья. Уланы цѣплялись другъ за друга, сваливались съ лошадей. Лошади нѣкоторыя тонули, тонули и люди, остальные старались плыть, кто на сѣдлѣ, кто держась за гриву. Они старались плыть впередъ на ту сторону, и несмотря на то, что за полверсты была переправа, гордились тѣмъ, что они плывутъ и тонутъ въ этой рѣкѣ подъ взглядами человѣка, сидѣвшаго на бревнѣ и даже не смотрѣвшаго на то, что̀ они дѣлали. Когда вернувшійся адъютантъ, выбравъ удобную минуту, позволилъ себѣ обратить вниманіе императора на преданность Поляковъ къ его особѣ, маленькій человѣкъ въ сѣромъ суртукѣ всталъ и, подозвавъ къ себѣ

Бертье, сталъ ходить съ нимъ взадъ и впередъ по берегу, отдавая ему приказанія и изрѣдка недовольно взглядывая на тонувшихъ уланъ, развлекавшихъ его вниманіе.

Для него было не ново убѣжденіе въ томъ, что присутствіе его на всѣхъ концахъ міра, отъ Африки до степей Московіи, одинаково поражаетъ и повергаетъ людей въ безуміе самозабвенія. Онъ велѣлъ подать себѣ лошадь и поѣхалъ въ свою стоянку.

Человѣкъ 40 уланъ потонуло въ рѣкѣ, несмотря на высланныя на помощь лодки. Большинство прибилось назадъ къ этому берегу. Полковникъ и нѣсколько человѣкъ переплыли рѣку и съ трудомъ вылѣзли на тотъ берегъ. Но какъ только они вылѣзли въ обмокнувшемъ со стекающими ручьями платьѣ, они закричали: «Виватъ»! восторженно глядя на то мѣсто, гдѣ стоялъ Наполеонъ, но гдѣ его уже не было, и въ ту минуту считали себя счастливыми.

Ввечеру Наполеонъ между двумя распоряженіями—одно о томъ, чтобы какъ можно скорѣе доставить заготовленныя фальшивыя русскія ассигнаціи для ввоза въ Россію, и другое о томъ, чтобы разстрѣлять Саксонца, въ перехваченномъ письмѣ котораго найдены свѣдѣнія объ распоряженіяхъ по французской арміи—сдѣлалъ третье распоряженіе о причисленіи бросившагося безъ нужды въ рѣку польскаго полковника къ когортѣ чести (légion d'honneur), которой Наполеонъ былъ самъ главою.

Quos vult perdere—dementat.

III.

Русскій императоръ между тѣмъ болѣе мѣсяца уже жилъ въ Вильнѣ, дѣлая смотры и маневры. Ничто не было готово для войны, которой всѣ ожидали и для приготовленія къ которой императоръ пріѣхалъ изъ Петербурга. Общаго плана дѣйствій не было. Колебанія о томъ, какой планъ

изъ всѣхъ тѣхъ, которые предлагались, долженъ быть принятъ, еще болѣе усилились послѣ мѣсячнаго пребыванія императора въ главной квартирѣ. Въ трехъ арміяхъ былъ въ каждой отдѣльный главнокомандующій, но общаго начальника надъ всѣми арміями не было, и императоръ не принималъ на себя этаго званія.

Чѣмъ дольше жилъ императоръ въ Вильнѣ, тѣмъ менѣе готовились къ войнѣ, уставши ожидать ея. Всѣ стремленія людей, окружавшихъ государя, казалось, были направлены только на то, чтобы заставлять государя, пріятно проводя время, забыть о предстоящей войнѣ.

Послѣ многихъ баловъ и праздниковъ у польскихъ магнатовъ, у придворныхъ и у самого государя, въ іюнѣ мѣсяцѣ одному изъ польскихъ генералъ-адъютантовъ государя пришла мысль дать обѣдъ и балъ государю отъ лица его генералъ-адъютантовъ. Мысль эта радостно была принята всѣми. Государь изъявилъ согласіе. Генералъ-адъютанты собрали по подпискѣ деньги. Особа, которая наиболѣе могла быть пріятна государю—была приглашена быть хозяйкой бала. Графъ Бенигсенъ, помѣщикъ Виленской губерніи, предложилъ свой загородный домъ для этого праздника, и 13 іюня былъ назначенъ балъ, обѣдъ, катанье на лодкахъ и фейерверкъ въ Закретѣ, загородномъ домѣ графа Бенигсена.

Въ тотъ самый день, въ который Наполеономъ былъ отданъ приказъ о переходѣ черезъ Нѣманъ, и передовыя войска его, оттѣснивъ казаковъ, перешли черезъ русскую границу, Александръ проводилъ вечеръ на дачѣ Бенигсена — на балѣ, даваемомъ генералъ-адъютантами.

Былъ веселый, блестящій праздникъ; знатоки дѣла говорили, что рѣдко собиралось въ одномъ мѣстѣ столько красавицъ. Графиня Безухая въ числѣ другихъ русскихъ дамъ, пріѣхавшихъ за государемъ изъ Петербурга въ Вильну, была на этомъ балѣ, затемняя своей тяжелой, такъ называе-

мой, русской красотой утонченныхъ польскихъ дамъ. Она была замѣчена, и государь удостоилъ ее танца.

Борисъ Друбецкой, *en garçon*, какъ онъ говорилъ, оставивъ свою жену въ Москвѣ, былъ также на этомъ балѣ и, хотя не генералъ-адъютантъ, былъ участникомъ на большую сумму въ подпискѣ для бала. Борисъ теперь былъ богатый человѣкъ, далеко ушедшій въ почестяхъ, уже не искавшій покровительства, но на ровной ногѣ стоявшій съ высшими изъ своихъ сверстниковъ. Онъ встрѣтилъ Эленъ въ Вильнѣ, не видавъ ее давно, и не помнилъ о прежнемъ; но такъ какъ Эленъ пользовалась милостями очень важнаго лица, а Борисъ недавно былъ женатъ, то они сошлись старыми, добрыми друзьями.

Въ 12 часовъ ночи еще танцовали. Эленъ, не имѣвшая достойнаго кавалера, сама предложила мазурку Борису. Они сидѣли въ третьей парѣ. Борисъ, хладнокровно поглядывая на блестящія, обнаженныя плечи Эленъ, выступавшія изъ темнаго газоваго съ золотомъ платья, разсказывалъ про старыхъ знакомыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, незамѣтно для самаго себя и для другихъ, ни на секунду не переставалъ наблюдать государя, находившагося въ той же залѣ. Государь не танцовалъ; онъ стоялъ въ дверяхъ и останавливалъ то тѣхъ, то другихъ тѣми ласковыми словами, которыя онъ одинъ только умѣлъ говорить.

При началѣ мазурки, Борисъ видѣлъ, что генералъ-адъютантъ Балашевъ, одно изъ ближайшихъ лицъ къ государю, подошелъ къ нему и не-придворно остановился близко отъ государя, говорившаго съ польской дамой. Поговоривъ съ дамой, государь взглянулъ вопросительно и видно понявъ, что Балашевъ поступилъ такъ только потому, что на это были важныя причины, слегка кивнулъ дамѣ и обратился къ Балашеву. Только что Балашевъ началъ говорить, какъ удивленіе выразилось на лицѣ государя. Онъ взялъ подъ руку Балашева и пошелъ съ нимъ черезъ залу, безсозна-

тельно для себя расчищая съ обѣихъ сторонъ сажени на три широкую дорогу сторонившихся передъ нимъ. Борисъ замѣтилъ взволнованное лицо Аракчеева, въ то время какъ государь пошелъ съ Балашевымъ. Аракчеевъ, изъ подлобья глядя на государя и посапывая краснымъ носомъ, выдвинулся изъ толпы, какъ бы ожидая, что государь обратится къ нему. (Борисъ понялъ, что Аракчеевъ завидуетъ Балашеву и не доволенъ тѣмъ, что какая-то очевидно важная новость не черезъ него передана государю).

Но государь съ Балашевымъ прошли, не замѣчая Аракчеева, черезъ выходную дверь, въ освѣщенный садъ. Аракчеевъ, придерживая шпагу и злобно оглядываясь вокругъ себя, прошелъ шагахъ въ двадцати за ними.

Пока Борисъ продолжалъ дѣлать фигуры мазурки, его не переставала мучить мысль о томъ, какую новость привезъ Балашевъ и какимъ-бы образомъ узнать ее прежде другихъ.

Въ фигурѣ, гдѣ ему надо было выбирать дамъ, шепнувъ Эленъ, что онъ хочетъ взять графиню Потоцкую, которая, кажется, вышла на балконъ, онъ, скользя ногами по паркету, выбѣжалъ въ выходную дверь въ садъ, и, замѣтивъ входящаго съ Балашевымъ на терассу государя, пріостановился. Государь съ Балашевымъ направлялись къ двери. Борисъ заторопившись, какъ будто не успѣвъ отодвинуться, почтительно прижался къ притолкѣ и нагнулъ голову.

Государь съ волненіемъ лично-оскорбленнаго человѣка договаривалъ слѣдующія слова:

— Безъ объявленія войны вступить въ Россію! Я помирюсь только тогда, когда ни одного вооруженнаго непріятеля не останется на моей землѣ, сказалъ онъ. Какъ показалось Борису, государю пріятно было высказать эти слова: онъ былъ доволенъ формой выраженія своей мысли, но былъ не доволенъ тѣмъ, что Борисъ услыхалъ ихъ.

— Чтобъ никто не зналъ! прибавилъ государь, нахмурившись. Борисъ понялъ, что это относилось къ нему, и,

закрывъ глаза, слегка наклонилъ голову. Государь опять вошелъ въ залу и еще около получаса пробылъ на балѣ.

Борисъ первый узналъ извѣстіе о переходѣ французскими войсками Нѣмана, и, благодаря этому, имѣлъ случай показать нѣкоторымъ важнымъ лицамъ, что многое скрытое отъ другихъ бываетъ ему извѣстно, и черезъ то имѣлъ случай подняться выше во мнѣніи этихъ особъ.

Неожиданное извѣстіе о переходѣ Французами Нѣмана было особенно неожиданно послѣ мѣсяца несбывавшагося ожиданія, и на балѣ! Государь, въ первую минуту полученія извѣстія, подъ вліяніемъ возмущенія и оскорбленія, нашелъ то, сдѣлавшееся потомъ знаменитымъ, изрѣченіе, которое самому понравилось ему и выражало вполнѣ его чувства. Возвратившись домой съ бала, государь въ два часа ночи послалъ за секретаремъ Шишковымъ и велѣлъ написать приказъ войскамъ и рескриптъ къ фельдмаршалу кн. Салтыкову, въ которомъ онъ непремѣнно требовалъ, чтобы были помѣщены слова о томъ, что онъ не помирится до тѣхъ поръ, пока хотя одинъ вооруженный Французъ останется на Русской землѣ.

На другой день было написано слѣдующее письмо къ Наполеону.

«Monsieur mon frère. J'ai appris hier que malgré la loyauté «avec laquelle j'ai maintenu mes engagements envers Votre «Majesté, ses troupes ont franchis les frontières de la Russie, «et je reçois à l'instant de Pétersbourg une note par laquelle «le comte Lauriston, pour cause de cette aggression, annonce «que Votre Majesté s'est considérée comme en état de guerre «avec moi dès le moment où le prince Kourakine a fait la «demande de ses passeports. Les motifs sur lesquels le duc de «Bassano fondait son refus de les lui delivrer n'auraient jamais «pu me faire supposer que cette démarche servirait jamais de

«prétexte à l'aggression. En effet cet ambassadeur n'y a jamais «été autorisé comme il l'a déclaré lui-même, et aussitôt que «j'en fus informé, je lui ai fait connaître combien je le désap-«prouvais en lui donnant l'ordre de rester à son poste. Si «Votre Majesté n'est pas intentionnée de verser le sang de nos «peuples pour une mésantendue de ce genre et qu'elle consente «à retirer ses troupes du territoire russe, je regarderai ce qui «s'est passé comme non avenu, et un accomodement entre nous «sera possible. Dans le cas contraire, Votre Majesté, je me «verrai forcé de repousser une attaque que rien n'a provoquée «de ma part. Il dépend encore de Votre Majesté d'éviter à «l'humanité les calamités d'une nouvelle guerre.

Je suis, etc.

(signé) Alexandre *).

---

*) Т. е. Государь братъ мой! Вчера дошло до меня, что, несмотря на прямодушіе, съ которымъ соблюдалъ я мои обязательства въ отношеніи къ Вашему Императорскому Величеству, войска Ваши перешли Русскія границы, и только лишь теперь получилъ изъ Петербурга ноту, которою графъ Лористонъ извѣщаетъ меня, по поводу сего вторженія, что Ваше Величество считаете себя въ непріязненныхъ отношеніяхъ со мною, съ того времени какъ князь Куракинъ потребовалъ свои паспорты. Причины, на которыхъ герцогъ Бассано основывалъ свой отказъ выдать сіи паспорты, никогда не могли бы заставить меня предполагать, чтобы поступокъ моего посла послужилъ поводомъ къ нашествію. И въ дѣйствительности, онъ не имѣлъ на то отъ меня повелѣнія, какъ было объявлено имъ самимъ; и какъ только я узналъ о семъ, то немедленно выразилъ мое неудовольствіе князю Куракину, повелѣвъ ему исполнять, по прежнему, порученныя ему обязанности. Ежели Ваше Величество не расположены проливать кровь нашихъ подданныхъ изъ-за подобнаго недоразумѣнія, и ежели Вы согласны вывести свои войска изъ Русскихъ владѣній, то я оставлю безъ вниманія все происшедшее, и соглашеніе между нами будетъ возможно. Въ противномъ случаѣ, я буду принужденъ отражать нападеніе, которое ничѣмъ не было возбуждено съ моей стороны. Еще Ваше Величество имѣете возможность избавить человѣчество отъ бѣдствій новой войны.

IV.

13 іюня въ 2 часа ночи, государь, призвавъ къ себѣ Балашева и прочтя ему свое письмо къ Наполеону, приказалъ ему отвезти это письмо и лично передать французскому императору. Отправляя Балашева, государь вновь повторилъ ему слова о томъ, что онъ не помирится до тѣхъ поръ, пока останется хотя одинъ вооруженный непріятель на Русской землѣ, и приказалъ непремѣнно передать эти слова Наполеону. Государь не написалъ этихъ словъ въ письмѣ къ Наполеону, потому что онъ чувствовалъ съ своимъ тактомъ, что слова эти неудобны для передачи въ ту минуту, какъ дѣлается послѣдняя попытка къ примиренію; но онъ непремѣнно приказалъ Балашеву передать ихъ лично Наполеону.

Выѣхавъ въ ночь съ 13-го на 14-е, Балашевъ, сопутствуемый трубачемъ и двумя козаками, къ разсвѣту пріѣхалъ въ деревню Рыконты на французскіе аванпосты по сю сторону Нѣмана. Онъ былъ остановленъ французскими кавалерійскими часовыми.

Французскій гусарскій унтеръ-офицеръ, въ малиновомъ мундирѣ и мохнатой шапкѣ, крикнулъ на подъѣзжавшаго Балашева, приказывая ему остановиться. Балашевъ не тотчасъ остановился, а продолжалъ шагомъ подвигаться по дорогѣ.

Унтеръ-офицеръ, нахмурившись и проворчавъ какое-то ругательство, надвинулся грудью лошади на Балашева, взялся за саблю и грубо крикнулъ на русскаго генерала, спрашивая его: глухъ ли онъ, что не слышитъ того что̀ ему говорятъ. Балашевъ назвалъ себя. Унтеръ-офицеръ послалъ солдата къ офицеру.

Не обращая на Балашева вниманія, унтеръ-офицеръ сталъ говорить съ товарищами о своемъ полковомъ дѣлѣ и не глядѣлъ на русскаго генерала.

Необычайно странно было Балашеву послѣ той близости къ высшей власти и могуществу, послѣ разговора три часа тому назадъ съ государемъ и вообще по своей службѣ привыкшему къ почестямъ, видѣть тутъ, на Русской землѣ, это враждебное, а главное, непочтительное отношеніе къ себѣ грубой силы.

Солнце только начинало подниматься изъ-за тучъ; въ воздухѣ было свѣжо и росисто. По дорогѣ изъ деревни выгоняли стадо. Въ поляхъ одинъ за однимъ, какъ пузырьки въ водѣ, вспырскивали съ чувыканьемъ жаворонки.

Балашевъ оглядывался вокругъ себя, ожидая пріѣзда офицера изъ деревни. Русскіе казаки и трубачь и французскіе гусары молча изрѣдка глядѣли другъ на друга.

Французскій гусарскій полковникъ, видимо, только что съ постели, выѣхалъ изъ деревни на красивой, сытой, сѣрой лошади, сопутствуемый двумя гусарами. На офицерѣ, на солдатахъ и на ихъ лошадяхъ, былъ видъ довольства и щегольства.

Это было то первое время кампаніи, когда войска еще находятся въ исправности, почти равной смотровой, мирной дѣятельности, только съ оттѣнкомъ нарядной воинственности въ одеждѣ и съ нравственнымъ оттѣнкомъ того веселья и предпріимчивости, которыя всегда сопутствуютъ началамъ кампаній.

Французскій полковникъ съ трудомъ удерживалъ зѣвоту, но былъ учтивъ и видимо понималъ все значеніе Балашева. Онъ провелъ его мимо своихъ солдатъ за цѣпь, и сообщилъ, что желаніе его быть представлену императору будетъ вѣроятно тотчасъ же исполнено, такъ какъ императорская квартира, сколько онъ знаетъ, находится не далеко.

Они проѣхали деревню Рыконты мимо французскихъ гусарскихъ коновязей, часовыхъ и солдатъ, отдававшихъ честь своему полковнику и съ любопытствомъ осматривав-

шихъ русскій мундиръ, и выѣхали на другую сторону села. По словамъ полковника, въ двухъ километрахъ былъ начальникъ дивизіи, который приметъ Балашева и проводитъ его по назначенію.

Солнце уже поднялось и весело блестѣло на яркой зелени. Только что они выѣхали за корчму на гору, какъ на встрѣчу имъ изъ подъ горы показалась кучка всадниковъ, впереди которой на вороной лошади съ блестящею на солнцѣ сбруей ѣхалъ высокій ростомъ человѣкъ въ шляпѣ съ перьями и черными, завитыми по плечи, волосами, въ красной мантіи и съ длинными ногами, выпяченными впередъ, какъ ѣздятъ Французы. Человѣкъ этотъ поѣхалъ галопомъ на встрѣчу Балашеву, блестя и развѣваясь на яркомъ іюньскомъ солнцѣ своими перьями, каменьями и золотыми галунами.

Балашевъ уже былъ на разстояніи двухъ лошадей отъ скачущаго ему на встрѣчу съ торжественно-театральнымъ лицомъ всадника въ браслетахъ, перьяхъ, ожерельяхъ и золотѣ, когда Юльнеръ, французскій полковникъ, почтительно прошепталъ: «Le roi de Naples.» Дѣйствительно это былъ Мюратъ, называемый теперь неаполитанскимъ королемъ. Хотя и было совершенно не понятно, почему онъ былъ неаполитанскій король; но его называли такъ, и онъ самъ былъ убѣжденъ въ этомъ, и потому имѣлъ болѣе торжественный и важный видъ, чѣмъ прежде. Онъ такъ былъ увѣренъ въ этомъ, что онъ дѣйствительно неаполитанскій король, что когда, наканунѣ отъѣзда изъ Неаполя, во время его прогулки съ женою по улицамъ Неаполя, нѣсколько Итальянцевъ прокричали ему: «Viva il re!» онъ съ грустной улыбкой повернулся къ супругѣ и сказалъ: «Les malheureux, ils ne savent pas que je les quitte demain!»

Но не смотря на то, что онъ твердо вѣрилъ въ то, что онъ былъ неаполитанскій король, и что онъ сожалѣлъ о горести своихъ покидаемыхъ имъ подданныхъ, въ послѣднее

время, послѣ того какъ ему велѣно было опять поступить на службу и особенно послѣ свиданія съ Наполеономъ въ Данцигѣ, когда августѣйшій шуринъ сказалъ ему: «je vous ai fais Roi pour regner à ma manière, mais pas à la votre» — онъ весело принялся за знакомое ему дѣло и, какъ разъѣвшійся, но не зажирѣвшій конь, почуявъ себя въ упряжкѣ, заигралъ въ оглобляхъ и разрядившись какъ можно пестрѣе и дороже, веселый и довольный, скакалъ самъ не зная куда и зачѣмъ по дорогамъ Польши:

Увидавъ русскаго генерала, онъ по королевски, торжественно, откинулъ назадъ голову съ завитыми по плечи волосами и вопросительно поглядѣлъ на французскаго полковника. Полковникъ почтительно передалъ его величеству значеніе Балашева, фамилію котораго онъ не могъ выговорить.

— De Bal-macheve! сказалъ король (своей рѣшительностью превозмагая трудность, представлявшуюся полковнику) charmé de faire votre connaissance, général, прибавилъ онъ съ королевски-милостивымъ жестомъ. Какъ только король началъ говорить громко и быстро, все королевское достоинство мгновенно оставило его, и онъ, самъ не замѣчая, перешелъ въ тонъ добродушной фамильярности. Онъ положилъ свою руку на холку лошади Балашева.

— Eh bien, général, tout est à la guerre, à ce qu'il parait, сказалъ онъ, какъ будто сожалѣя объ обстоятельствѣ, о которомъ онъ не могъ судить.

— Sire, отвѣчалъ Балашевъ, l'Empereur mon maître ne désire point la guerre, et comme Votre Majésté le voit, говорилъ Балашевъ, во всѣхъ падежахъ употребляя *Votre Majesté*, съ неизбѣжной афектаціей учащенія титула, обращаясь къ лицу, для котораго титулъ этотъ еще новость.

Лицо Мюрата сіяло глупымъ довольствомъ въ то время, какъ онъ слушалъ Monsieur de Balacheff. Но royauté oblige: онъ чувствовалъ необходимость переговорить съ посланни-

комъ Александра о государственныхъ дѣлахъ, какъ король и союзникъ. Онъ слѣзъ съ лошади и, взявъ подъ руку Балашева, отойдя на нѣсколько шаговъ отъ почтительно-дожидавшейся свиты, сталъ ходить съ нимъ взадъ и впередъ, стараясь говорить значительно. Онъ упомянулъ о томъ, что императоръ Наполеонъ оскорбленъ требованіями вывода войскъ изъ Пруссіи, въ особенности тогда, когда это требованіе сдѣлалось всѣмъ извѣстно и когда этимъ оскорблено достоинство Франціи.—Балашевъ сказалъ, что въ требованіи этомъ нѣтъ ничего оскорбительнаго, потому что... Мюратъ перебилъ его:

— Такъ вы считаете зачинщикомъ не императора Александра? сказалъ онъ неожиданно съ добродушно-глупой улыбкой.

— Балашевъ сказалъ, почему онъ дѣйствительно полагалъ, что начинатель войны былъ Наполеонъ.

— Eh, mon cher général, опять перебилъ его Мюратъ, je désire de tout mon coeur que les Empereurs s'arrangent entre eux, et que la guerre commencée malgré moi se termine le plutôt possible, сказалъ онъ тономъ разговора слугъ, которые желаютъ остаться добрыми друзьми, несмотря на ссору между господами. И онъ перешелъ къ распросамъ о великомъ князѣ, о его здоровьѣ и о воспоминаніяхъ весело и забавно проведеннаго съ нимъ времени въ Неаполѣ. Потомъ вдругъ, какъ будто вспомнивъ о своемъ королевскомъ достоинствѣ, Мюратъ торжественно выпрямился, сталъ въ ту же позу, въ которой онъ стоялъ на коронаціи и, помавая правой рукою, сказалъ: — Je ne vous retiens plus, général; je souhaite le succès de votre mission, и развѣваясь красной, шитой мантіей и перьями, и блестя драгоцѣнностями, онъ пошелъ къ свитѣ, почтительно ожидавшей его.

Балашевъ поѣхалъ дальше, по словамъ Мюрата предполагая весьма скоро быть представленнымъ самому Напо-

леону. Но вмѣсто скорой встрѣчи съ Наполеономъ, часовые пѣхотнаго корпуса Даву опять также задержали его у слѣдующаго селенія какъ и въ передовой цѣпи, и вызванный адъютантъ командира корпуса проводилъ его въ деревню къ маршалу Даву.

V.

Даву былъ Аракчеевъ императора Наполеона—Аракчеевъ не трусъ, но столь же исправный, жестокій и не умѣющій выражать свою преданность иначе какъ жестокостью.

Въ механизмѣ государственнаго организма нужны эти люди, какъ нужны волки въ организмѣ природы, и они всегда есть, всегда являются и держатся, какъ ни несообразно кажется ихъ присутствіе и близость къ главѣ правительства. Только этой необходимостью можно объяснить то, какъ могъ жестокій, лично выдергивавшій усы гренадерамъ и не могущій нервами переносить опасность, необразованный, непридворный Аракчеевъ держаться въ такой силѣ при рыцарски-благородномъ и нѣжномъ характерѣ Александра.

Балашевъ засталъ маршала Даву въ сараѣ крестьянской избы, сидящаго на боченкѣ и занятаго письменными работами (онъ повѣрялъ счеты). Адъютантъ стоялъ подлѣ него. Возможно было найти лучшее помѣщеніе, но маршалъ Даву былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые нарочно ставятъ себя въ самыя мрачныя условія жизни для того, чтобы имѣть право быть мрачными. Они для того же всегда поспѣшно и упорно заняты. «Гдѣ тутъ думать о счастливой сторонѣ человѣческой жизни, когда, вы видите, я на бочкѣ сижу въ грязномъ сараѣ и работаю,» говорило выраженіе его лица. Главное удовольствіе и потребность этихъ людей состоитъ въ томъ, чтобы, встрѣтивъ оживленіе жизни, бросить этому оживленію въ глаза свою мрачную, упорную

дѣятельность. Это удовольствіе доставилъ себѣ Даву, когда къ нему ввели Балашева. Онъ еще болѣе углубился въ свою работу, когда вошелъ русскій генералъ, и взглянувъ черезъ очки на оживленное, подъ впечатлѣніемъ прекраснаго утра и бесѣды съ Мюратомъ, лицо Балашева, не всталъ, не пошевелился даже, а еще больше нахмурился и злобно усмѣхнулся.

Замѣтивъ на лицѣ Балашева произведенное этимъ пріемомъ непріятное впечатлѣніе, Даву поднялъ голову и холодно спросилъ, что ему нужно.

Предполагая, что такой пріемъ могъ быть сдѣланъ ему только потому, что Даву не знаетъ, что онъ генералъ-адъютантъ императора Александра и даже представитель его передъ Наполеономъ, Балашевъ поспѣшилъ сообщить свое званіе и значеніе. Въ противность ожиданія его, Даву, выслушавъ Балашева, сталъ еще суровѣе и грубѣе.

— Гдѣ же вашъ пакетъ? сказалъ онъ. Donnez le moi, je l'enverrai à l'Empereur.

— Балашевъ сказалъ, что онъ имѣетъ приказаніе лично передать пакетъ самому императору.

— Приказанія вашего императора исполняются въ вашей арміи, а здѣсь, сказалъ Даву, вы должны дѣлать то, что вамъ говорятъ.

И какъ будто для того, чтобы еще больше дать почувствовать русскому генералу его зависимость отъ грубой силы, Даву послалъ адъютанта за дежурнымъ.

Балашевъ вынулъ пакетъ, заключавшій письмо государя, и положилъ его на столъ (столъ, состоявшій изъ двери, на которой торчали оторванныя петли, положенной на два боченка). Даву взялъ пакетъ и прочелъ надпись.

— Вы совершенно правы оказывать и не оказывать мнѣ уваженіе, сказалъ Балашевъ. — Но позвольте вамъ замѣтить, что я имѣю честь носить званіе генералъ-адъютанта Его Величества....

Даву взглянулъ на него молча, и нѣкоторое волненіе и и смущеніе, выразившееся на лицѣ Балашева, видимо доставили ему удовольствіе.

— Вамъ будетъ оказано должное, сказалъ онъ, и, положивъ конвертъ въ карманъ, вышелъ изъ сарая.

Черезъ минуту вошелъ адъютантъ маршала г-нъ де Кастръ и провелъ Балашева въ приготовленное для него помѣщеніе.

Балашевъ обѣдалъ въ этотъ день въ сараѣ съ маршаломъ на той же доскѣ на бочкахъ.

На другой день Даву выѣхалъ рано утромъ, и, пригласивъ къ себѣ Балашева, внушительно сказалъ ему, что онъ проситъ его оставаться здѣсь, подвигаться вмѣстѣ съ багажемъ, ежели они будутъ имѣть на то приказанія, и не разговаривать ни съ кѣмъ кромѣ какъ съ господиномъ де Кастръ.

Послѣ четырехъ дневнаго уединенія, скуки, сознанія недвланости и ничтожества, особенно ощутительнаго послѣ той среды могущества, въ которой онъ такъ недавно находился, послѣ нѣсколькихъ переходовъ вмѣстѣ съ багажами маршала, съ французскими войсками, занимавшими всю мѣстность, Балашевъ привезенъ былъ въ Вильну, занятую теперь Французами, въ ту же заставу, изъ которой онъ выѣхалъ четыре дня тому назадъ.

На другой день императорскій камергеръ, Monsieur de Turenne пріѣхалъ къ Балашеву, и передалъ ему желаніе императора Наполеона удостоить его аудіенціи.

Четыре дня тому назадъ у того же дома, къ которому подвезли Балашева, стояли Преображенскаго полка часовые; теперь же стояли два французскихъ гренадера въ раскрытыхъ на груди синихъ мундирахъ и въ мохнатыхъ шапкахъ, конвой гусаровъ и уланъ и блестящая свита адъютантовъ, пажей и генераловъ, ожидавшихъ выхода Напо-

леона вокругъ стоявшей у крыльца верховой лошади и его мамелюка Рустана. Наполеонъ принималъ Балашева въ томъ самомъ домѣ въ Вильнѣ, изъ котораго отправлялъ его Александръ.

VI.

Несмотря на привычку Балашева къ придворной торжественности, роскошь и пышность двора Наполеона поразили его.

Графъ Тюренъ ввелъ его въ большую пріемную, гд дожидалось много генераловъ, каммергеровъ и польскихъ магнатовъ, изъ которыхъ многихъ Балашевъ видалъ при дворѣ русскаго императора. Дюрокъ сказалъ, что императоръ Наполеонъ приметъ русскаго генерала передъ своей прогулкой.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія дежурный камергеръ вышелъ въ большую пріемную и, учтиво поклонившись Балашеву, пригласилъ его идти за собой.

Балашевъ вошелъ въ маленькую пріемную, изъ которой одна дверь вела въ кабинетъ, въ тотъ самый кабинетъ, изъ котораго отправлялъ его русскій императоръ. Балашевъ простоялъ минуты двѣ ожидая. За дверью послышались поспѣшные шаги. Быстро отворились обѣ половинки двери, все затихло, и изъ кабинета зазвучали другіе твердые, рѣшительные шаги: это былъ Наполеонъ. Онъ только что окончилъ свой туалетъ для верховой ѣзды. Онъ былъ въ синемъ мундирѣ, раскрытомъ надъ бѣлымъ жилетомъ, спускавшимся на круглый животъ, въ бѣлыхъ лосинахъ, обтягивающихъ жирныя ляжки короткихъ ногъ, и въ ботфортахъ. Короткіе волоса его очевидно только что были причесаны, но одна прядь волосъ спускалась книзу надъ серединой широкаго лба. Бѣлая, нѣжная шея его рѣзко выступала изъ-за чернаго воротника мундира; отъ него пахло

одеколономъ. На моложавомъ, полномъ лицѣ его съ выступающимъ подбородкомъ было выраженіе милостиваго и величественнаго императорскаго привѣтствія.

Онъ вышелъ, быстро подрагивая на каждомъ шагу и откинувъ нѣсколько назадъ голову. Вся его потолстѣвшая, короткая фигура съ широкими, толстыми плечами и невольно-выставленнымъ впередъ животомъ и грудью имѣла тотъ представительный, осадистый видъ, который имѣютъ въ холѣ живущіе сорокалѣтніе люди. Кромѣ того видно было, что онъ въ этотъ день находился въ самомъ хорошемъ расположеніи духа.

Онъ кивнулъ головою, отвѣчая на низкій и почтительный поклонъ Балашева и, подойдя къ нему, тотчасъ же сталъ говорить, какъ человѣкъ, дорожащій всякой минутой своего времени и не снисходящій до того, чтобы приготавливать свои рѣчи, а увѣренный въ томъ, что онъ всегда скажетъ хорошо и что̀ нужно сказать.

— Здравствуйте, генералъ! сказалъ онъ.—Я получилъ письмо императора Александра, которое вы доставили, и очень радъ васъ видѣть. Онъ взглянулъ въ лицо Балашева своими большими глазами и тотчасъ же сталъ смотрѣть мимо него.

Очевидно было, что его не интересовала нисколько личность Балашева. Видно было, что только то, что̀ происходило въ *его* душѣ, имѣло интересъ для него. Все, что̀ было внѣ его, не имѣло для него значенія, потому что все въ мірѣ, какъ ему казалось, зависѣло только отъ его воли.

— Я не желаю и не желалъ войны, сказалъ онъ, но меня вынудили къ ней. Я и *теперь* (онъ сказалъ это слово съ удареніемъ) готовъ принять всѣ объясненія, которыя вы можете дать мнѣ.—И онъ ясно и коротко сталъ излагать причины своего неудовольствія противъ русскаго правительства. Судя по умѣренно-спокойному и дружелюбному

тону, съ которымъ говорилъ французскій императоръ, Балашевъ былъ твердо убѣжденъ, что онъ желаетъ мира и намѣренъ вступить въ переговоры.

— Sire! L'Empereur, mon maître... началъ Балашевъ давно приготовленную рѣчь, когда Наполеонъ, окончивъ свою рѣчь, вопросительно взглянулъ на русскаго посла; но взглядъ устремленныхъ на него глазъ императора смутилъ его. «Вы смущены — оправьтесь,» какъ будто сказалъ Наполеонъ, съ чуть замѣтной улыбкой оглядывая мундиръ и шпагу Балашева. Балашевъ оправился и началъ говорить. Онъ сказалъ, что императоръ Александръ не считаетъ достаточной причиной для войны требованіе паспортовъ Куракинымъ, что Куракинъ поступилъ такъ по своему произволу и безъ согласія на то государя, что императоръ Александръ не желаетъ войны, и что съ Англіей нѣтъ никакихъ сношеній.

— *Еще* нѣтъ, вставилъ Наполеонъ и, какъ будто боясь отдаться своему чувству, нахмурился и слегка кивнулъ головой, давая этимъ чувствовать Балашеву, что онъ можетъ продолжать.

Высказавъ все, что̀ ему было приказано, Балашевъ сказалъ, что императоръ Александръ желаетъ мира, но не приступитъ къ переговорамъ иначе какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы... Тутъ Балашевъ замялся: онъ вспомнилъ тѣ слова, которыя императоръ Александръ не написалъ въ письмѣ, но которыя непремѣнно приказалъ вставить въ рескриптъ Салтыкову и которыя приказалъ Балашеву передать Наполеону. Балашевъ помнилъ про эти слова: «пока ни одинъ вооруженный непріятель не останется на землѣ Русской», но какое-то сложное чувство удержало его. Онъ не могъ сказать этихъ словъ, хотя и хотѣлъ это сдѣлать. Онъ замялся и сказалъ: съ условіемъ, чтобы французскія войска отступили за Нѣманъ.

Наполеонъ замѣтилъ смущеніе Балашева при высказываньи

послѣднихъ словъ: лицо его дрогнуло, лѣвая икра ноги начала мѣрно дрожать. Не сходя съ мѣста, онъ голосомъ, болѣе высокимъ и поспѣшнымъ чѣмъ прежде, началъ говорить. Во время послѣдующей рѣчи, Балашевъ, не разъ опуская глаза, невольно наблюдалъ дрожанье икры въ лѣвой ногѣ Наполеона, которое тѣмъ болѣе усиливалось, чѣмъ болѣе онъ возвышалъ голосъ.

— Я желаю мира не менѣе императора Александра, началъ онъ. Не я ли осьмнадцать мѣсяцевъ дѣлаю все, чтобы получить его? Я осьмнадцать мѣсяцевъ жду объясненій. Но для того, чтобы начать переговоры, чего же требуютъ отъ меня? сказалъ онъ, нахмурившись и дѣлая энергически вопросительный жестъ своей маленькой, бѣлой и пухлой рукой.

— Отступленія войскъ за Нѣманъ, государь, сказалъ Балашевъ.

— За Нѣманъ? повторилъ Наполеонъ. Такъ теперь вы хотите, чтобы отступили за Нѣманъ—только за Нѣманъ? повторилъ Наполеонъ, прямо взглянувъ на Балашева.

Балашевъ почтительно наклонилъ голову.

Вмѣсто требованія четыре мѣсяца тому назадъ отступить изъ Помераніи, теперь требовали только отступить за Нѣманъ. Наполеонъ быстро повернулся и сталъ ходить по комнатѣ.

— Вы говорите, что отъ меня требуютъ отступленія за Нѣманъ для начатія переговоровъ; но отъ меня требовали точно также два мѣсяца тому назадъ отступленія за Одеръ и Вислу и, несмотря на то, вы согласны вести переговоры.

Онъ молча прошелъ отъ одного угла комнаты до другаго и опять остановился противъ Балашева. Балашевъ замѣтилъ, что лѣвая нога его дрожала еще быстрѣе, чѣмъ прежде, и лицо какъ будто окаменѣло въ своемъ строгомъ выраженіи.

— Такія предложенія какъ то, чтобы очистить Одеръ и Вислу, можно дѣлать принцу Баденскому, а не мнѣ, совершенно неожиданно, для себя почти, вскрикнулъ Наполеонъ. — Ежели бы вы дали мнѣ Петербургъ и Москву, я бы не принялъ этихъ условій. Вы говорите, я началъ эту войну! А кто прежде пріѣхалъ къ арміи? — императоръ Александръ, а не я. И вы предлагаете мнѣ переговоры тогда, какъ я издержалъ милліоны, тогда какъ вы въ союзѣ съ Англіей, и когда ваше положеніе дурно, вы предлагаете мнѣ переговоры! А какая цѣль вашего союза съ Англіей? Что она дала вамъ? говорилъ онъ поспѣшно, очевидно уже направляя свою рѣчь не для того, чтобы высказать выгоды заключенія мира и обсудить его возможность, а только для того, чтобы доказать и свою правоту, и свою силу, и чтобы доказать неправоту и ошибки Александра.

Вступленіе его рѣчи было сдѣлано очевидно съ цѣлью выказать выгоду своего положенія и показать, что, несмотря на то, онъ принимаетъ открытіе переговоровъ. Но онъ уже началъ говорить, и чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ менѣе онъ былъ въ состояніи управлять своей рѣчью.

Вся цѣль его рѣчи теперь уже очевидно была въ томъ, чтобы только возвысить себя и оскорбить Александра, то есть именно сдѣлать то самое, чего онъ менѣе всего хотѣлъ при началѣ свиданія.

— Говорятъ, вы заключили миръ съ Турками?

Балашевъ утвердительно наклонилъ голову. — Миръ заключенъ.... началъ онъ. Но Наполеонъ не далъ ему говорить. Ему, видно, нужно было говорить одному самому, и онъ продолжалъ говорить съ тѣмъ краснорѣчіемъ и невоздержаніемъ раздраженности, къ которому такъ склонны балованные люди.

— Да я знаю, вы заключили миръ съ Турками, не получивъ Молдавіи и Валахіи. А я бы далъ вашему государю эти провинціи также, какъ я далъ ему Финляндію.

Да, продолжалъ онъ, я обѣщалъ и далъ бы императору Александру Молдавію и Валахію, а теперь онъ не будетъ имѣть этихъ прекрасныхъ провинцій. Онъ бы могъ однако присоединить ихъ къ своей имперіи, и въ одно царствованье онъ бы расширилъ Россію отъ Ботническаго залива до устьевъ Дуная. Екатерина Великая не могла бы сдѣлать болѣе, говорилъ Наполеонъ, все болѣе и болѣе разгораясь, ходя по комнатѣ и повторяя Балашеву почти тѣже слова, которыя онъ говорилъ самому Александру въ Тильзитѣ.—Tout cela il l'aurait du à mon amitié. Ah! quel beau règne, quel beau règne! повторилъ онъ нѣсколько разъ, остановился, досталъ золотую табакерку изъ кармана и жадно потянулъ изъ нее носомъ.

— Quel beau règne *aurait pu* être celui de l'empereur Alexandre!

Онъ съ сожалѣніемъ взглянулъ на Балашева и только что Балашевъ хотѣлъ замѣтить что-то, какъ онъ опять поспѣшно перебилъ его.

— Чего онъ могъ желать и искать такого, чего бы онъ не нашелъ въ моей дружбѣ?... сказалъ онъ, съ недоумѣніемъ пожимая плечами. — Нѣтъ, онъ нашелъ лучшимъ окружить себя моими врагами, и кѣмъ же? продолжалъ Наполеонъ. — Онъ призвалъ къ себѣ Штейновъ, Армфельдовъ, Бенигсеновъ, Винценгероде. Штейнъ, — прогнанный изъ своего отечества измѣнникъ, Армфельдтъ—развратникъ и интриганъ, Винценгероде—бѣглый подданный Франціи, Бенигсенъ нѣсколько болѣе военный чѣмъ другіе, но все таки не способный, который ничего не умѣлъ сдѣлать въ 1807 году, и который бы долженъ былъ возбуждать въ императорѣ Александрѣ ужасныя воспоминанія.... Положимъ, ежели бы они были способны, можно бы ихъ употреблять, продолжалъ Наполеонъ, едва успѣвая словомъ поспѣвать за безпрестанно-возникающими соображеніями, показывающими ему его правоту или силу (что въ его понятіи было

одно и тоже); но и того нѣтъ: они не годятся ни для войны, ни для мира! Барклай, говорятъ, дѣльнѣе ихъ всѣхъ; но я этого не скажу, судя по его первымъ движеніямъ. А они что дѣлаютъ, что дѣлаютъ всѣ эти придворные? Пфуль предлагаетъ, Армфельдтъ споритъ, Бенигсенъ разсматриваетъ, а Барклай, призванный дѣйствовать не знаетъ, на что рѣшиться, и время проходитъ, ничего не принося. Одинъ Багратіонъ — военный человѣкъ. Онъ глупъ, но у него есть опытность, глазомѣръ и рѣшительность.... И что за роль играетъ вашъ молодой государь въ этой безобразной толпѣ? Они его компрометируютъ и на него сваливаютъ отвѣтственность всего совершающагося. Un souverain ne doit être à l'armée que quand il est général, сказалъ онъ, очевидно посылая эти слова прямо какъ вызовъ въ лицо государя. Наполеонъ зналъ, какъ желалъ императоръ Александръ быть полководцемъ.

— Уже недѣля какъ началась кампанія, и вы не съумѣли защитить Вильну. Вы разрѣзаны на двое и прогнаны изъ польскихъ провинцій. Ваша армія ропщетъ.

— Напротивъ, ваше величество, сказалъ Балашевъ, едва успѣвавшій запоминать то, что̀ говорилось ему и съ трудомъ слѣдовавшій за этимъ фейерверкомъ словъ,—войска горятъ желаніемъ....

— Я все знаю, перебилъ его Наполеонъ, я все знаю, и знаю число вашихъ батальоновъ также вѣрно, какъ и моихъ. У васъ нѣтъ 200 тысячъ войскъ, а у меня втрое больше: даю вамъ честное слово, сказалъ Наполеонъ, забывая, что это его слово никакъ не могло имѣть значенія,— даю вамъ ma parole d'honneur que j'ai cinq cent trente mille hommes de ce coté de la Vistule. Турки вамъ не помощь: они никуда не годятся и доказали это, замирившись съ вами. Шведы—ихъ предопредѣленіе быть управляемыми сумасшедшими королями. Ихъ король былъ безумный; они перемѣнили его и взяли другаго,—Бернадота, который тот-

часъ же сошелъ съ ума, потому что сумасшедшій только, будучи Шведомъ, можетъ заключать союзы съ Россіей. Наполеонъ злобно усмѣхнулся и опять поднес ъ посу табакерку.

На каждую изъ фразъ Наполеона Балашевъ хотѣлъ и имѣлъ что возражать; безпрестанно онъ дѣлалъ движеніе человѣка, желавшаго сказать что-то, но Наполеонъ перебивалъ его. Противъ безумія Шведовъ Балашевъ хотѣлъ сказать, что Швеція есть островъ, когда Россія за нее; но Наполеонъ сердито вскрикнулъ, чтобы заглушить его голосъ. Наполеонъ находился въ томъ состояніи раздраженія, въ которомъ нужно говорить, говорить и говорить только для того, чтобы самому себѣ доказать свою справедливость. Балашеву становилось тяжело: онъ, какъ посолъ, боялся уронить свое достоинство и чувствовалъ необходимость возражать; но, какъ человѣкъ, онъ сжимался нравственно передъ забытьемъ безпричиннаго гнѣва, въ которомъ очевидно находился Наполеонъ. Онъ зналъ, что всѣ слова, сказанныя теперь Наполеономъ, не имѣютъ значенія, что онъ самъ, когда опомнится, устыдится ихъ. Балашевъ стоялъ, опустивъ глаза, глядя на движущіяся, толстыя ноги Наполеона, и старался избѣгать его взгляда.

— Да что мнѣ эти ваши союзники? говорилъ Наполеонъ. У меня союзники — это Поляки: ихъ 80 тысячъ, они дерутся какъ львы. И ихъ будетъ 200 тысячъ.

И вѣроятно еще болѣе возмутившись тѣмъ, что, сказавъ это, онъ сказалъ очевидную неправду и что Балашевъ въ той же покорной своей судьбѣ позѣ молча стоялъ передъ нимъ, онъ круто повернулся назадъ, подошелъ къ самому лицу Балашева и, дѣлая энергическіе и быстрые жесты своими бѣлыми руками, закричалъ почти:

— Знаете, что ежели вы поколеблете Пруссію противъ меня, знайте, что я сотру ее съ карты Европы, сказалъ онъ съ блѣднымъ, искаженнымъ злобой лицомъ, энергическимъ

жестомъ одной маленькой руки ударяя по другой.—Да, я заброшу васъ за Двину, за Днѣпръ и возстановлю противъ васъ ту преграду, которую Европа была преступна и слѣпа, что позволила разрушить. Да, вотъ что съ вами будетъ, вотъ что вы выиграли, удалившись отъ меня, сказалъ онъ и молча прошелъ нѣсколько разъ по комнатѣ, вздрагивая своими толстыми плечами. Онъ положилъ въ жилетный карманъ табакерку, опять вынулъ ее, нѣсколько разъ приставлялъ ее къ носу и остановился противъ Балашева. Онъ помолчалъ, поглядѣлъ насмѣшливо прямо въ глаза Балашеву и сказалъ тихимъ голосомъ:—Et cependant quel beau règne *aurait pu avoir* votre maître!

Балашевъ, чувствуя необходимость возражать, сказалъ, что со стороны Россіи дѣла не представляются въ такомъ мрачномъ видѣ. Наполеонъ молчалъ, продолжая насмѣшливо глядѣть на него и очевидно его не слушая. Балашевъ сказалъ, что въ Россіи ожидаютъ отъ войны всего хорошаго. Наполеонъ снисходительно кивнулъ головой, какъ бы говоря: «Знаю, такъ говорить ваша обязанность, но вы сами въ это не вѣрите, вы убѣждены мною».

Въ серединѣ рѣчи Балашева Наполеонъ вынималъ опять табакерку, понюхалъ изъ нея и, какъ сигналъ, стукнулъ два раза ногой по полу. Дверь отворилась; почтительно изгибающійся камергеръ подалъ императору шляпу и перчатки, другой подалъ носовой платокъ. Наполеонъ, не глядя на нихъ, обратился къ Балашеву:

— Увѣрьте отъ моего имени императора Александра, сказалъ онъ взявъ шляпу, что я ему преданъ по прежнему: я знаю его совершенно и весьма высоко цѣню его высокія качества. Je ne vous retiens plus, général, vous recevrez ma lettre à l'Empereur.—И Наполеонъ пошелъ быстро къ двери. Изъ пріемной все бросилось впередъ и внизъ по лѣстницѣ.

VII.

Послѣ всего того, что̀ сказалъ ему Наполеонъ, послѣ этихъ взрывовъ гнѣва и послѣ послѣднихъ, сухо сказанныхъ словъ: «je ne vous retiens plus, général, vous recevrez ma lettre,» Балашевъ былъ увѣренъ, что Наполеонъ уже не только не пожелаетъ его видѣть, но постарается не видать его — оскорбленнаго посла и, главное, свидѣтеля его непристойной горячности. Но къ удивленію своему, Балашевъ черезъ Дюрока получилъ приглашеніе въ этотъ день къ столу императора.

На обѣдѣ были Бессьеръ, Коленкуръ и Бертье.

Наполеонъ встрѣтилъ Балашева съ веселымъ и ласковымъ видомъ. Не только не было въ немъ выраженія застѣнчивости или упрека себѣ за утреннюю вспышку, но онъ, напротивъ, старался ободрить Балашева. Видно было, что уже давно для Наполеона въ его убѣжденіи не существовало возможности ошибокъ и что въ его понятіи все то, что̀ онъ дѣлалъ, было хорошо не потому, что оно сходилось съ представленіемъ того, что̀ хорошо и дурно, но потому что *онъ* дѣлалъ это.

Императоръ былъ очень веселъ послѣ своей верховой прогулки по Вильнѣ, въ которой толпы народа съ восторгомъ встрѣчали и провожали его. Во всѣхъ окнахъ улицъ, по которымъ онъ проѣзжалъ, были выставлены ковры, знамена, вензеля его, и польскія дамы, привѣтствуя его, махали ему платками.

За обѣдомъ, посадивъ подлѣ себя Балашева, онъ обращался съ нимъ не только ласково, но обращался такъ, какъ будто онъ и Балашева считалъ въ числѣ своихъ придворныхъ, въ числѣ тѣхъ людей, которые сочувствовали его планамъ и должны были радоваться его успѣхамъ. Между прочимъ разговоромъ онъ заговорилъ о Москвѣ и сталъ

спрашивать Балашева о русской столицѣ, нетолько какъ спрашиваетъ любознательный путешественникъ о новомъ мѣстѣ, которое онъ намѣревается посѣтить, но какъ бы съ убѣжденіемъ, что Балашевъ, какъ Русскій, долженъ быть польщенъ этой любознательностью.

— Сколько жителей въ Москвѣ, сколько домовъ? Правда ли, что Moscou называютъ Moscou la sainte? Сколько церквей въ Moscou? спрашивалъ онъ.

И на отвѣтъ, что церквей болѣе двухъ сотъ, онъ сказалъ:—Къ чему такая бездна церквей?

— Русскіе очень набожны, отвѣчалъ Балашевъ.

— Впрочемъ, большое количество монастырей и церквей есть всегда признакъ отсталости народа, сказалъ Наполеонъ, оглядываясь на Коленкура за оцѣнкой этаго сужденія.

Балашевъ почтительно позволилъ себѣ не согласиться съ мнѣніемъ французскаго императора.

— У каждой страны свои нравы, сказалъ онъ.

— Но уже нигдѣ въ Европѣ нѣтъ ничего подобнаго, сказалъ Наполеонъ.

— Прошу извиненія у вашего величества, сказалъ Балашевъ: кромѣ Россіи есть еще Испанія, гдѣ также много церквей и монастырей.

Этотъ отвѣтъ Балашева, намекавшій на недавнее пораженіе Французовъ въ Испаніи, былъ высоко оцѣненъ, по разсказамъ Балашева, при дворѣ императора Александра и очень мало былъ оцѣненъ теперь за обѣдомъ Наполеона и прошелъ незамѣтно.

По равнодушнымъ и недоумѣвающимъ лицамъ господъ маршаловъ видно было, что они недоумѣвали, въ чемъ тутъ состояла острота, на которую намекала интонація Балашева. «Ежели и была она, то мы не поняли ея или она вовсе не остроумна», говорили выраженія лицъ маршаловъ. Такъ

мало былъ оцѣненъ этотъ отвѣтъ, что Наполеонъ даже рѣшительно не замѣтилъ его и наивно спросилъ Балашева о томъ, на какіе города идетъ отсюда прямая дорога къ Москвѣ. Балашевъ, бывшій все время обѣда настороже, отвѣчалъ, что comme tout chemin méne à Rome, tout chemin méne à Moscou, что есть много дорогъ, и что въ числѣ этихъ разныхъ путей есть дорога на *Полтаву,* которую избралъ Карлъ XII, сказалъ Балашевъ, невольно вспыхнувъ отъ удовольствія въ удачѣ этого отвѣта. Не успѣлъ Балашевъ досказать послѣднихъ словъ: «Poltawa,» какъ уже Коленкуръ заговорилъ о неудобствахъ дороги изъ Петербурга въ Москву и о своихъ Петербургскихъ воспоминаніяхъ.

Послѣ обѣда перешли пить кофе въ кабинетъ Наполеона, четыре дня тому назадъ бывшій кабинетомъ императора Александра. Наполеонъ сѣлъ, потрогивая кофе въ севрской чашкѣ, и указалъ на стулъ подлѣ себя Балашеву.

Есть въ человѣкѣ извѣстное, послѣобѣденное расположеніе духа, которое сильнѣе всякихъ разумныхъ причинъ заставляетъ человѣка быть довольнымъ собой и считать всѣхъ своими друзьями. Наполеонъ находился въ этомъ расположеніи. Ему казалось, что онъ окруженъ людьми обожающими его. Онъ былъ убѣжденъ, что и Балашевъ послѣ его обѣда былъ его другомъ и обожателемъ. Наполеонъ обратился къ нему съ пріятной и слегка-насмѣшливой улыбкой.

— Это та же комната, какъ мнѣ говорили, въ которой жилъ императоръ Александръ. Странно, неправда ли, генералъ? сказалъ онъ, очевидно не сомнѣваясь въ томъ, что это обращеніе не могло не быть пріятно его собесѣднику, такъ какъ оно доказывало превосходство его Наполеона надъ Александромъ.

Балашевъ ничего не могъ отвѣчать на это и молча наклонилъ голову.

— Да, въ этой комнатѣ, четыре дня тому назадъ, совѣщались Винценгероде и Штейнъ, съ той же насмѣшливой, увѣренной улыбкой продолжалъ Наполеонъ.—Чего я не могу понять, сказалъ онъ, это того, что императоръ Александръ приблизилъ къ себѣ всѣхъ личныхъ моихъ непріятелей. Я этого не... понимаю. Онъ не подумалъ о томъ, что я могу сдѣлать тоже? съ вопросомъ обратился онъ къ Балашеву, и очевидно это воспоминаніе втолкнуло его опять въ тотъ слѣдъ утренняго гнѣва, который еще былъ свѣжъ въ немъ.

— И пусть онъ знаетъ, что я это сдѣлаю, сказалъ Наполеонъ, вставая и отталкивая рукой свою чашку. Я выгоню изъ Германіи всѣхъ его родныхъ, Виртембергскихъ, Баденскихъ, Веймарскихъ.... да, я выгоню ихъ.—Пусть онъ готовитъ для нихъ убѣжище въ Россіи!

Балашевъ наклонилъ голову, видомъ своимъ показывая, что онъ желалъ бы откланяться, и слушаетъ только потому, что онъ не можетъ не слушать того, что̀ ему говорятъ. Наполеонъ не замѣчалъ этого выраженія; онъ обращался къ Балашеву не какъ къ послу своего врага, а какъ къ человѣку, который теперь вполнѣ преданъ ему и долженъ радоваться униженію своего бывшаго господина.

— И зачѣмъ императоръ Александръ принялъ начальство надъ войсками? Къ чему это? Война мое ремесло, а его дѣло царствовать, а не командовать войсками. Зачѣмъ онъ взялъ на себя такую отвѣтственность?

Наполеонъ опять взялъ табакерку, молча прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и вдругъ неожиданно подошелъ къ Балашеву и съ легкой улыбкой такъ увѣренно, быстро, просто, какъ будто онъ дѣлалъ какое нибудь не только важное, но и пріятное для Балашева дѣло, поднялъ руку къ лицу сорокалѣтняго Русскаго генерала, и, взявъ его за ухо, слегка дернулъ, улыбнувшись одними губами.

Avoir l'oreille tirée par l'Empereur считалось величайшей честью и милостью при французскомъ дворѣ.

— Eh bien, vous ne dites rien, admirateur et courtisan de l'Empereur Alexandre? сказалъ онъ, какъ будто смѣшно было быть въ его присутствіи чьимъ нибудь courtisan и admirateur кромѣ его, Наполеона.

— Готовы ли лошади для генерала? прибавилъ онъ, слегка наклоняя голову въ отвѣтъ на поклонъ Балашева.

— Дайте ему моихъ, ему *далеко ѣхать*....

Письмо, привезенное Балашевымъ, было послѣднее письмо Наполеона къ Александру. Всѣ подробности разговора были переданы русскому императору, и война началась.

VIII.

Послѣ свиданія своего въ Москвѣ съ Пьеромъ, князь Андрей уѣхалъ въ Петербургъ по дѣламъ, какъ онъ сказалъ своимъ роднымъ, но въ сущности для того, чтобы встрѣтить тамъ князя Анатоля Курагина, котораго онъ считалъ необходимымъ встрѣтить. Курагина, о которомъ онъ освѣдомился, пріѣхавъ въ Петербургъ, уже тамъ не было. Пьеръ далъ знать своему шурину, что князь Андрей ѣдетъ за нимъ. Анатоль Курагинъ тотчасъ получилъ назначеніе отъ военнаго министра и уѣхалъ въ Молдавскую армію. Въ это же время въ Петербургѣ князь Андрей встрѣтилъ Кутузова, своего прежняго, всегда расположеннаго къ нему, генерала, и Кутузовъ предложилъ ему ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ Молдавскую армію, куда старый генералъ назначался главнокомандующимъ. Князь Андрей, получивъ назначеніе состоять при штабѣ главной квартиры, уѣхалъ въ Турцію.

Князь Андрей считалъ неудобнымъ писать къ Курагину и вызывать его. Не подавъ новаго повода къ дуэли, князь Андрей считалъ вызовъ съ своей стороны компрометирую-

щимъ графиню Ростову, и потому онъ искалъ личной встрѣчи съ Курагинымъ, въ которой онъ намѣренъ былъ найти новый поводъ къ дуэли. Но въ Турецкой арміи ему также не удалось встрѣтить Курагина, который вскорѣ послѣ пріѣзда князя Андрея въ Турецкую армію вернулся въ Россію. Въ новой странѣ и въ новыхъ условіяхъ жизни, князю Андрею стало жить легче. Послѣ измѣны своей невѣсты, которая тѣмъ сильнѣе поразила его чѣмъ старательнѣе онъ скрывалъ ото всѣхъ произведенное на него дѣйствіе, для него были тяжелы тѣ условія жизни, въ которыхъ онъ былъ счастливъ, и еще тяжелѣе были свобода и независимость, которыми онъ такъ дорожилъ прежде. Онъ не только не думалъ тѣхъ прежнихъ мыслей, которыя въ первый разъ пришли ему, глядя на небо на Аустерлицкомъ полѣ, которыя онъ любилъ развивать съ Пьеромъ и которыя наполняли его уединеніе въ Богучаровѣ, а потомъ въ Швейцаріи и Римѣ; но онъ даже боялся вспоминать объ этихъ мысляхъ, раскрывавшихъ безконечные и свѣтлые горизонты. Его интересовали теперь только самые ближайшіе, не связанные съ прежними, практическіе интересы, за которые онъ ухватывался съ тѣмъ бо́льшей жадностью, чѣмъ закрытѣе были отъ него прежніе. Какъ будто тотъ безконечный удаляющійся сводъ неба, стоявшій прежде надъ нимъ, вдругъ превратился въ низкій, опредѣленный, давившій его сводъ, въ которомъ все было ясно, но ничего не было вѣчнаго и таинственнаго.

Изъ представлявшихся ему дѣятельностей военная служба была самая простая и знакомая ему. Состоя въ должности дежурнаго генерала при штабѣ Кутузова, онъ упорно и усердно занимался дѣлами, удивляя Кутузова своей охотой и акуратностью къ работѣ. Не найдя Курагина въ Турціи, князь Андрей не считалъ необходимымъ скакать за нимъ опять въ Россію; но, при всемъ томъ, онъ зналъ, что сколько бы ни прошло времени, онъ не могъ, встрѣ-

тивъ Курагина, несмотря на все презрѣніе, которое онъ имѣлъ къ нему, не смотря на всѣ доказательства, которыя онъ дѣлалъ себѣ, что ему не стоитъ унижаться до столкновенія съ нимъ, онъ зналъ, что встрѣтивъ его онъ не могъ не вызвать его, какъ не могъ голодный человѣкъ не броситься на пищу. И это сознаніе того, что оскорбленіе еще не вымещено, что злоба не излита, а лежитъ на сердцѣ, отравляло то искусственное спокойствіе, которое въ видѣ озабоченно-хлопотливой и нѣсколько честолюбивой и тщеславной дѣятельности устроилъ себѣ князь Андрей въ Турціи.

Въ 12-мъ году, когда до Букарешта (гдѣ два мѣсяца жилъ Кутузовъ, проводя дни и ночи у своей Валашки) дошла вѣсть о войнѣ съ Наполеономъ, князь Андрей попросилъ у Кутузова перевода въ западную армію. Кутузовъ, которому уже надоѣлъ Болконскій своей дѣятельностью, служившей ему упрекомъ въ праздности, Кутузовъ весьма охотно отпустилъ его и далъ ему порученія къ Барклаю-де-Толли.

Прежде чѣмъ ѣхать въ армію, находившуюся въ маѣ въ Дрисскомъ лагерѣ, князь Андрей заѣхалъ въ Лысыя Горы, которыя были на самой его дорогѣ, находясь въ 3-хъ верстахъ отъ Смоленскаго большака. Послѣдніе три года въ жизни князя Андрея было такъ много переворотовъ, такъ много онъ передумалъ, перечувствовалъ, перевидѣлъ (онъ объѣхалъ и западъ и востокъ), что его странно и неожиданно поразило при въѣздѣ въ Лысыя Горы все точно тоже, до малѣйшихъ подробностей—точно тоже теченіе жизни. Онъ какъ въ заколдованный, заснувшій замокъ въѣхалъ въ аллею и въ каменные ворота Лысогорскаго дома. Таже степенность, таже чистота, таже тишина были въ этомъ домѣ, тѣже мебели, тѣже стѣны, тѣже звуки, тотъ же запахъ и тѣже робкія лица, только нѣсколько постарѣвшія. Княжна Марья была все таже робкая, некрасивая, старѣющаяся дѣвушка, въ страхѣ и вѣчныхъ нравственныхъ страданіяхъ,

безъ пользы и радости проживающая лучшіе годы своей жизни. Bourienne была таже радостно-пользующаяся каждой минутой своей жизни и исполненная самыхъ для себя радостныхъ надеждъ, довольная собой, кокетливая дѣвушка. Она только стала увѣреннѣе, какъ показалось князю Андрею. Привезенный имъ изъ Швейцаріи воспитатель Десаль былъ одѣтъ въ сюртукъ русскаго покроя, коверкая языкъ говорилъ по-русски со слугами, но былъ все тотъ же ограниченно-умный, образованный, добродѣтельный и педантическій воспитатель. Старый князь перемѣнился физически только тѣмъ, что съ боку рта у него сталъ замѣтенъ недостатокъ одного зуба; нравственно онъ былъ все такой же какъ и прежде, только съ еще бо́льшимъ озлобленіемъ и недовѣріемъ къ дѣйствительности того что̀ происходило въ мірѣ. Одинъ только Николушка выросъ, перемѣнился, разрумянился, обросъ курчавыми, темными волосами, и, самъ не зная того, смѣясь и веселясь, поднималъ верхнюю губку хорошенькаго ротика точно также, какъ ее поднимала покойница маленькая княгиня. Онъ одинъ не слушался закона неизмѣнности въ этомъ заколдованномъ, спящемъ за̀мкѣ. Но хотя по внѣшности все оставалось по старому, внутреннія отношенія всѣхъ этихъ лицъ измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ князь Андрей не видалъ ихъ. Члены семейства были раздѣлены на два лагеря, чуждые и враждебные между собою, которые сходились теперь только при немъ, для него измѣняя свой обычный образъ жизни. Къ одному принадлежали старый князь, Bourienne и архитекторъ, къ другому — княжна Марья, Десаль, Николушка и всѣ няньки и мамки.

Во время его пребыванія въ Лысыхъ Горахъ, всѣ домашніе обѣдали вмѣстѣ, но всѣмъ было неловко, и князь Андрей чувствовалъ, что онъ гость, для котораго дѣлаютъ исключеніе, что онъ стѣсняетъ всѣхъ своимъ присутствіемъ. Во время перваго дня обѣда князь Андрей, невольно чув-

ствуя это, былъ молчаливъ, и старый князь, замѣтивъ неестественность его состоянія, тоже угрюмо замолчалъ и сейчасъ послѣ обѣда ушелъ къ себѣ. Когда ввечеру князь Андрей пришелъ къ нему и стараясь расшевелить его сталъ разсказывать ему о кампаніи молодаго графа Каменскаго, старый князь неожиданно началъ разговоръ съ нимъ о княжнѣ Марьѣ, осуждая ее за ея суевѣріе, за ея нелюбовь къ M-lle Bourienne, которая, по его словамъ, была одна истинно предана ему.

Старый князь говорилъ, что ежели онъ боленъ, то только отъ княжны Марьи; что она нарочно мучаетъ и раздражаетъ его; что она баловствомъ и глупыми рѣчами портитъ маленькаго князя Николая. Старый князь зналъ очень хорошо, что онъ мучаетъ свою дочь, что жизнь ея очень тяжела; но зналъ тоже, что онъ не можетъ не мучать ея и что она заслуживаетъ этаго. «Почему же князь Андрей, который видитъ это, мнѣ ничего не говоритъ про сестру? думалъ старый князь. Чтоже онъ думаетъ, что я злодѣй или старый дуракъ, безъ причины отдалился отъ дочери и приблизилъ къ себѣ Француженку? Онъ не понимаетъ, и потому надо объяснить ему, надо чтобъ онъ выслушалъ», думалъ старый князь. И онъ сталъ объяснять причины, по которымъ онъ не могъ переносить безтолковаго характера дочери.

— Ежели вы спрашиваете меня, сказалъ князь Андрей, не глядя на отца (онъ въ первый разъ въ жизни осуждалъ своего отца), — я не хотѣлъ говорить; но ежели вы меня спрашиваете, то я скажу вамъ откровенно свое мнѣніе на счетъ всего этаго. Ежели есть недоразумѣнія и разладъ между вами и Машей, то я никакъ не могу винить ее—я знаю, какъ она васъ любитъ и уважаетъ. Ежели ужъ вы спрашиваете меня, продолжалъ князь Андрей раздражаясь, потому что онъ всегда былъ готовъ на раздраженіе въ послѣднее время, то я одно могу сказать: ежели есть не-

доразумѣнія, то причиной ихъ ничтожная женщина, которая бы не должна была быть подругой сестры.—Старикъ сначала остановившимися глазами смотрѣлъ на сына, и ненатурально открылъ улыбкой новый недостатокъ зуба, къ которому князь Андрей не могъ привыкнуть.

— Какая же подруга, голубчикъ? А? Ужъ переговорилъ! А?

— Батюшка, я не хотѣлъ быть судьей,- сказалъ князь Андрей желчнымъ и жесткимъ тономъ, но вы вызвали меня, и я сказалъ и всегда скажу, что княжна Марья не виновата, а виноваты... виновата эта Француженка.....

— А, присудилъ!.. присудилъ! сказалъ старикъ тихимъ голосомъ и, какъ показалось князю Андрею, съ смущеніемъ, но потомъ вдругъ онъ вскочилъ и закричалъ: «Вонъ, вонъ! Чтобъ духу твоего тутъ не было!»....

Князь Андрей хотѣлъ тотчасъ же уѣхать, но княжна Марья упросила его остаться еще день. Въ этотъ день князь Андрей не видѣлся съ отцомъ, который не выходилъ и никого не пускалъ къ себѣ кромѣ M-lle Bourienne и Тихона, и спрашивалъ нѣсколько разъ о томъ, уѣхалъ ли его сынъ. На другой день передъ отъѣздомъ князь Андрей пошелъ на половину сына. Здоровый, по матери кудрявый мальчикъ сѣлъ ему на колѣни. Князь Андрей началъ сказывать ему сказку о Синей Бородѣ, но не досказавъ задумался. Онъ думалъ не объ этомъ хорошенькомъ мальчикѣ-сынѣ въ то время, какъ онъ его держалъ на колѣняхъ, а думалъ о себѣ. Онъ съ ужасомъ искалъ и не находилъ въ себѣ ни раскаянія въ томъ, что онъ раздражилъ отца, ни сожалѣнія о томъ, что онъ (въ ссорѣ въ первой въ жизни) уѣзжаетъ отъ него. Главнѣе всего ему было то, что онъ искалъ и не находилъ той прежней нѣжности къ сыну, которую онъ надѣялся возбудить въ себѣ, приласкавъ мальчика и посадивъ его къ себѣ на колѣни.

— Ну, разсказывай же, говорилъ сынъ. Князь Андрей, не отвѣчая ему, снялъ его съ колѣнъ и пошелъ изъ комнаты. Какъ только князь Андрей оставилъ свои ежедневныя занятія, въ особенности какъ только онъ вступилъ въ прежнія условія жизни, въ которыхъ онъ былъ еще тогда когда онъ былъ счастливъ, тоска жизни охватила его съ прежней силой, и онъ спѣшилъ поскорѣе уйти отъ этихъ воспоминаній и найти поскорѣе какое нибудь дѣло.

— Ты рѣшительно ѣдешь, André? сказала ему сестра.

— Слава Богу, что могу ѣхать, сказалъ князь Андрей; очень жалѣю, что ты не можешь.

— Зачѣмъ ты это говоришь! сказала княжна Марья. Зачѣмъ ты это говоришь теперь, когда ты ѣдешь на эту страшную войну, и онъ такъ старъ! M-lle Bourinne говорила, что онъ спрашивалъ про тебя... Какъ только она начала говорить объ этомъ, губы ея задрожали, и слезы закапали. Князь Андрей отвернулся отъ нея и сталъ ходить по комнатѣ.

— Ахъ Боже мой! Боже мой! сказалъ онъ.—И какъ подумаешь, что и кто—какое ничтожество, можетъ быть причиной несчастья людей! сказалъ онъ со злобою, испугавшею княжну Марью.

Она поняла, что, говоря про людей, которыхъ онъ называлъ ничтожествомъ, онъ разумѣлъ нетолько M-lle Bourienne, дѣлавшую его несчастіе, но и этого человѣка, который погубилъ его счастіе.

— André, объ одномъ я прошу, я умоляю тебя, сказала она, дотрогиваясь до его локтя и сіяющими сквозь слезы глазами глядя на него. Я понимаю тебя (княжна Марья опустила глаза). Не думай, что горе сдѣлали люди. Люди — орудіе Его.—Она взглянула немного повыше головы князя Андрея, съ увѣреннымъ, привычнымъ взглядомъ, съ которымъ смотрятъ на знакомое мѣсто портрета.—Горе посла-

но Имъ, а не людьми. Люди Его орудія — они не виноваты. Ежели тебѣ кажется, что кто нибудь виноватъ передъ тобой — забудь это и прости. Мы не имѣемъ права наказывать. И ты поймешь счастье прощать.

— Ежели бы я былъ женщина, я бы это дѣлалъ, Marie. Это добродѣтель женщины. Но мущина не долженъ и не можетъ забывать и прощать, сказалъ онъ и, хотя онъ до этой минуты не думалъ о Курагинѣ, вся невымещенная злоба вдругъ поднялась въ его сердцѣ. «Ежели княжна Марья уже уговариваетъ меня простить, то значитъ давно мнѣ надо было наказать,» подумалъ онъ. И не отвѣчая болѣе княжнѣ Марьѣ, онъ думалъ теперь о той радостной, злобной минутѣ, когда онъ встрѣтитъ Курагина, который (онъ зналъ) находится въ арміи.

Княжна Марья умоляла брата подождать еще день, говорила о томъ, что она знаетъ какъ будетъ несчастливъ отецъ, ежели Андрей уѣдетъ, не помирившись съ нимъ; но князь Андрей отвѣчалъ, что онъ вѣроятно скоро пріѣдетъ опять изъ арміи, что непремѣнно напишетъ отцу и что теперь чѣмъ дольше оставаться, тѣмъ больше растравится этотъ раздоръ.

— Adieu, André. Rappelez vous que les malheurs viennent de Dieu, et que les hommes ne sont jamais coupables, были послѣднія слова, которыя онъ слышалъ отъ сестры, когда прощался съ нею.

«Такъ это должно быть! думалъ князь Андрей, выѣзжая изъ аллеи Лысагорскаго дома. Она, жалкое невинное существо, остается на съѣденіе выжившему изъ ума старику. Старикъ чувствуетъ, что виноватъ, но не можетъ измѣнить себя. Мальчикъ мой ростетъ и радуется жизни, въ которой онъ будетъ такимъ же какъ и всѣ, обманутымъ или обманываемымъ. Я ѣду въ армію, зачѣмъ самъ не знаю, и желаю встрѣтить того человѣка, котораго презираю для того, чтобы дать ему случай убить меня и посмѣяться надо мной!»

И прежде были все тѣже условія жизни, но прежде они всѣ вязались между собой, а теперь все разсыпалось. Одни безсмысленныя явленія, безъ всякой связи, одно за другимъ представлялись князю Андрею.

IX.

Князь Андрей пріѣхалъ въ главную квартиру арміи въ концѣ іюня. Войска первой арміи, той, при которой находился государь, были расположены въ укрѣпленномъ лагерѣ у Дриссы; войска второй арміи отступали, стремясь соединиться съ первой арміей, отъ которой—какъ говорили—они были отрѣзаны большими силами Французовъ. Всѣ были не довольны общимъ ходомъ военныхъ дѣлъ въ русской арміи; но объ опасности нашествія въ русскія губерніи никто и не думалъ, никто и не предполагалъ, чтобы война могла быть перенесена далѣе западныхъ польскихъ губерній.

Князь Андрей нашелъ Барклая-де-Толли, къ которому онъ былъ назначенъ, на берегу Дриссы. Такъ какъ не было ни одного большаго села или мѣстечка въ окрестностяхъ лагеря, то все огромное количество генераловъ и придворныхъ, бывшихъ при арміи, располагалось въ окружности 10-ти верстъ по лучшимъ домамъ деревень, по сю и по ту сторону рѣки. Барклай-де-Толли стоялъ въ 4-хъ верстахъ отъ государя. Онъ сухо и холодно принялъ Болконскаго, и сказалъ своимъ нѣмецкимъ выговоромъ, что онъ доложитъ о немъ государю для опредѣленія ему назначенія, а покамѣстъ проситъ его состоять при его штабѣ. Анатоля Курагина, котораго князь Андрей надѣялся найти въ арміи, не было здѣсь: онъ былъ въ Петербургѣ, и это извѣстіе было пріятно Болконскому. Интересъ центра производящейся огромной войны занялъ князя Андрея, и онъ радъ былъ на нѣкоторое время освободиться отъ развлеченія, которое производила въ немъ мысль о Курагинѣ. Впродолженіи первыхъ 4-хъ

дней, во время которыхъ онъ не былъ никуда требуемъ, князь Андрей объѣздилъ весь укрѣпленный лагерь, и съ помощію своихъ знаній и разговоровъ съ свѣдущими людьми, старался составить себѣ о немъ опредѣленное понятіе. Но вопросъ о томъ, выгоденъ или не выгоденъ этотъ лагерь, остался нерѣшеннымъ для князя Андрея. Онъ уже успѣлъ вывести изъ своего военнаго опыта то убѣжденіе, что въ военномъ дѣлѣ ничего не значатъ самые глубокомысленно-обдуманные планы (какъ онъ видѣлъ это въ Аустерлицкомъ походѣ), что все зависитъ отъ того, какъ отвѣчаютъ на неожиданныя и не могущія быть предвидѣнными дѣйствія непріятеля, что все зависитъ отъ того, какъ и кѣмъ ведется все дѣло? Для того чтобы уяснить себѣ этотъ послѣдній вопросъ, князь Андрей, пользуясь своимъ положеніемъ и знакомствами, старался вникнуть въ характеръ управленія арміей, лицъ и партій, учавствовавшихъ въ ономъ и вывелъ для себя слѣдующее понятіе о положеніи дѣлъ.

Когда еще государь былъ въ Вильнѣ, армія была раздѣлена на трое: 1-я армія находилась подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, 2-я подъ начальствомъ Багратіона, 3-я подъ начальствомъ Тормасова. Государь находился при первой арміи, но не въ качествѣ главнокомандующаго. Въ приказахъ было сказано, что государь будетъ—не командовать, а сказано только, что государь будетъ при арміи. Кромѣ того при государѣ лично не было штаба главнокомандующащаго, а былъ штабъ императорской главной квартиры. При немъ былъ начальникъ императорскаго штаба, генералъ-квартирмейстеръ князь Волконскій, генералы, флигель-адъютанты, дипломатическіе чиновники и большое количество иностранцевъ, но не было штаба арміи. Кромѣ того, безъ должности, при государѣ находились Аракчеевъ, бывшій военный министръ, графъ Бенигсенъ по чину старшій изъ генераловъ, великій князь цесаревичъ Константинъ Павловичъ, гр. Румянцовъ—канцлеръ, Штейнъ бывшій Прусскій министръ,

Армфельдъ Шведскій генералъ, Пфуль главный составитель плана кампаніи, Паулучи генералъ-адъютантъ—Сардинскій выходецъ, Вольцогенъ и мн. др. Хотя эти лица и находились безъ военныхъ должностей при арміи, но по своему положенію имѣли вліяніе, и часто корпусный начальникъ и даже главнокомандующій не зналъ, въ качествѣ чего спрашиваетъ или совѣтуетъ то или другое Бенигсенъ, или великій князь, или Аракчеевъ, или князь Волконскій, и не зналъ, отъ его ли лица, или отъ государя истекаетъ такое-то приказаніе въ формѣ совѣта, и нужно или не нужно исполнять его. Но эта была внѣшняя обстановка, существенный же смыслъ присутствія государя и всѣхъ этихъ лицъ съ придворной точки (а въ присутствіи государя всѣ дѣлаются придворными) всѣмъ былъ ясенъ. Онъ былъ слѣдующій: государь не бралъ на себя званія главнокомандующаго, но распоряжался всѣми арміями; люди, окружавшіе его, были его помощники. Аракчеевъ былъ вѣрный исполнитель-блюститель порядка и тѣлохранитель государя; Бенигсенъ былъ помѣщикъ Виленской губерніи, который какъ будто дѣлалъ les honneurs края, а въ сущности былъ хорошій генералъ, полезный для совѣта и для того, чтобы имѣть его всегда на готовѣ на смѣну Барклая. Великій князь былъ тутъ потому, что ему это было угодно. Бывшій министръ Штейнъ былъ тутъ потому, что онъ былъ полезенъ для совѣта и потому, что императоръ Александръ высоко цѣнилъ его личныя качества. Армфельдъ былъ злой ненавистникъ Наполеона и генералъ увѣренный въ себѣ, что̀ имѣло всегда вліяніе на Александра. Паулучи былъ тутъ потому, что онъ былъ смѣлъ и рѣшителенъ въ рѣчахъ. Генералъ-адъютанты были тутъ потому, что они вездѣ были гдѣ государь, и наконецъ главное—Пфуль былъ тутъ потому, что онъ составилъ планъ войны противъ Наполеона и, заставивъ Александра повѣрить въ цѣлесообразность этого плана, руководилъ всѣмъ дѣломъ войны. При Пфулѣ былъ Вольцогенъ, передававшій

мысли Пфуля въ болѣе доступной формѣ, чѣмъ самъ Пфуль, рѣзкій, самоувѣренный до презрѣнія ко всему, кабинетный теоретикъ.

Кромѣ этихъ поименованныхъ лицъ, русскихъ и иностранныхъ (въ особенности иностранцевъ, которые съ смѣлостью, свойственной людямъ въ дѣятельности среди чужой среды, каждый день предлагали новыя неожиданныя мысли) было еще много лицъ второстепенныхъ, находившихся при арміи потому, что тутъ были ихъ принципалы.

Въ числѣ всѣхъ мыслей и голосовъ въ этомъ огромномъ, безпокойномъ, блестящемъ и гордомъ мірѣ, князь Андрей видѣлъ слѣдующія, болѣе рѣзкія подраздѣленія направленій и партій.

Первая партія была: Пфуль и его послѣдователи, теоретики войны, вѣрящіе въ то, что есть наука войны, и что въ этой наукѣ есть свои неизмѣнные законы, законы облическаго движенія, обхода и т. п. Пфуль и послѣдователи его требовали отступленія въ глубь страны, по точнымъ законамъ, предписаннымъ мнимой теоріей войны и во всякомъ отступленіи отъ этой теоріи видѣли только варварство, необразованность или злонамѣренность. Къ этой партіи принадлежали нѣмецкіе принцы, Вольцогенъ, Винцингероде и другіе, преимущественно Нѣмцы.

Вторая партія была противуположная первой. Какъ и всегда бываетъ, при одной крайности были представители другой крайности. Люди этой партіи были тѣ, которые съ Вильны требовали наступленія въ Польшу и свободы отъ всякихъ впередъ составленныхъ плановъ. Кромѣ того, что представители этой партіи были представители смѣлыхъ дѣйствій, они вмѣстѣ съ тѣмъ были и представителями національности, вслѣдствіе чего становились еще односторонніе въ спорѣ. Эти были Русскіе: Багратіонъ, начинавшій возвышаться Ермоловъ и другіе. Въ это время была распространена извѣстная шутка Ермолова, будто бы про-

сящаго государя объ одной милости — производства его въ Нѣмцы. Люди эти партіи говорили, вспоминая Суворова, что надо не думать, не накалывать иголками карту, а драться, бить непріятеля, не впускать его въ Россію и не давать унывать войску.

Къ третьей партіи, къ которой болѣе всего имѣлъ довѣрія государь, принадлежали придворные дѣлатели сдѣлокъ между обоими направленіями. Люди этой партіи, большей частью не военные и къ которой принадлежалъ Аракчеевъ, думали и говорили, что̀ говорятъ обыкновенно люди, не имѣющіе убѣжденій, но желающіе казаться за таковыхъ. Они говорили, что безъ сомнѣнія война, особенно съ такимъ геніемъ какъ Бонапарте (его опять называли Бонапарте) требуетъ глубокомысленнѣйшихъ соображеній, глубокаго знанія науки, и въ этомъ дѣлѣ Пфуль геніаленъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать того, что теоретики часто односторонни, и потому не надо вполнѣ довѣрять имъ, надо прислушиваться и къ тому что̀ говорятъ противники Пфуля и къ тому что̀ говорятъ люди практическіе, опытные въ военномъ дѣлѣ, и изо всего взять среднее. Люди этой партіи настояли на томъ, чтобы, удержавъ Дрисскій лагерь по плану Пфуля, измѣнить движенія другихъ армій. Хотя этимъ образомъ дѣйствій не достигалась ни та ни другая цѣль, но людямъ этой партіи казалось такъ лучше.

Четвертое направленіе было направленіе, котораго самымъ виднымъ представителемъ былъ великій князь, наслѣдникъ цесаревичъ, не могшій забыть своего Аустерлицкаго разочарованія, гдѣ онъ, какъ на смотръ, выѣхалъ передъ гвардію въ каскѣ и колетѣ, разсчитывая молодецки раздавить Французовъ и попавъ неожиданно въ первую линію, насилу ушелъ въ общемъ смятеніи. Люди этой партіи имѣли въ своихъ сужденіяхъ и качество и недостатокъ искренности. Они боялись Наполеона, видѣли въ немъ силу, въ себѣ слабость, и прямо высказывали это. Они говорили: «Ни-

чего кромѣ горя, срама и погибели изъ всего этаго не выйдетъ! Вотъ мы оставили Вильну, оставили Витебскъ, оставимъ и Дриссу. Одно, что̀ намъ остается умнаго сдѣлать, это заключить миръ и какъ можно скорѣе, пока не выгнали насъ изъ Петербурга!»

Воззрѣніе это, сильно распространенное въ высшихъ сферахъ арміи, находило себѣ поддержку и въ Петербургѣ и въ канцлерѣ Румянцовѣ, по другимъ государственнымъ причинамъ стоявшемъ также за миръ.

Пятые были приверженцы Барклая-де-Толли, не столько какъ человѣка, сколько какъ военнаго министра и главнокомандующаго. Они говорили: «Какой онъ ни есть (всегда такъ начинали) но онъ честный, дѣльный человѣкъ, и лучше его нѣтъ. Дайте ему настоящую власть, потому что война не можетъ идти успѣшно безъ единства начальствованія, и онъ покажетъ то, что́ онъ можетъ сдѣлать, какъ онъ показалъ себя въ Финляндіи. Ежели армія наша устроена и сильна и отступила до Дриссы, не понесши никакихъ пораженій, то мы обязаны этимъ только Барклаю. Ежели теперь замѣнятъ Барклая Бенигсеномъ, то все погибнетъ!» говорили люди этой партіи, потому что Бенигсенъ уже показалъ свою неспособность въ 1807-мъ году.

Шестые, бенигсенисты, говорили напротивъ, что все таки не было никого дѣльнѣе и опытнѣе Бенигсена, и какъ ни вертись, все таки придешь къ нему. «Пускай теперь дѣлаютъ ошибки!» и люди этой партіи доказывали, что все наше отступленіе до Дриссы было постыднѣйшее пораженіе и безпрерывный рядъ ошибокъ. «Чѣмъ больше надѣлаютъ ошибокъ, тѣмъ лучше, по крайней мѣрѣ скорѣе поймутъ, что такъ не можетъ идти, говорили они. А нуженъ не какой нибудь Барклай, а человѣкъ какъ Бенигсенъ, который показалъ уже себя въ 1807-мъ году, которому отдалъ справедливость самъ Наполеонъ, и такой человѣкъ, за которымъ бы охотно признавали власть, и таковой есть только одинъ Бенигсенъ.»

Седьмые—были лица, которыя всегда есть въ особенности при молодыхъ государяхъ, и которыхъ особенно много было при императорѣ Александрѣ, лица генераловъ и флигель-адъютантовъ, страстно преданные государю не какъ императору, но какъ человѣка обожающіе его, искренно и безкорыстно, какъ его обожалъ Ростовъ въ 1805-мъ году, и видящіе въ немъ не только всѣ добродѣтели, но и всѣ качества человѣческія. Эти лица, хотя и восхищались скромностью государя, отказывавшагося отъ командованія войсками, но осуждали эту излишнюю скромность, и желали только одного и настаивали на томъ, чтобы обожаемый государь, оставивъ излишнее недовѣріе къ себѣ, объявилъ открыто, что онъ становится во главѣ войска, составилъ бы при себѣ штабъ-квартиру главнокомандующаго, и совѣтуясь гдѣ нужно съ опытными теоретиками и практиками, самъ бы велъ свои войска, которыхъ одно это довело бы до высшаго состоянія воодушевленія.

Восьмая, самая большая, группа людей, которая по своему огромному количеству относилась къ другимъ какъ 99 къ 1-му, состояла изъ людей не желавшихъ ни мира, ни войны, ни наступательныхъ движеній, ни оборонительнаго лагеря ни при Дриссѣ, ни гдѣ бы то ни было, ни Барклая, ни государя, ни Пфуля, ни Бенигсена, но желающихъ только одного и самаго существеннаго: наибольшихъ для себя выгодъ и удовольствій. Въ той мутной водѣ перекрещивающихся и перепутывающихся интригъ, которыя кишѣли при главной квартирѣ государя, въ весьма многомъ можно было успѣть въ такомъ, что немыслимо бы было въ другое время. Одинъ, не желая только потерять своего выгоднаго положенія, нынче соглашался съ Пфулемъ, завтра съ противникомъ его, послѣ завтра утверждалъ, что не имѣетъ никакого мнѣнія объ извѣстномъ предметѣ, только для того, чтобы избѣжать отвѣтственности и угодить государю. Другой, желающій пріобрѣсти выгоды, обращалъ на себя вни-

маніе государя, громко крича то самое, на что намекнулъ государь наканунѣ, спорилъ и кричалъ въ совѣтѣ, ударяя себя въ грудь и вызывая несоглашающихся на дуэль и тѣмъ показывая, что онъ готовъ быть жертвою общей пользы. Третій просто выпрашивалъ себѣ, между двухъ совѣтовъ и въ отсутствіи враговъ, единовременное пособіе за свою вѣрную службу, зная, что теперь некогда будетъ отказать ему. Четвертый нечаянно все попадался на глаза государю, отягченный работой. Пятый для того, чтобы достигнуть давно желанной цѣли—обѣда у государя, ожесточенно доказывалъ правоту или неправоту вновь выступившаго мнѣнія и для этаго приводилъ болѣе или менѣе сильныя и справедливыя доказательства.

Всѣ люди этой партіи ловили рубли, кресты, чины, и въ этомъ ловленіи слѣдили только за направленіемъ флюгера царской милости, и только что замѣчали, что флюгеръ обратился въ одну сторону, какъ все это трутневое населеніе арміи начинало дуть въ ту же сторону, такъ что государю тѣмъ труднѣе было повернуть его въ другую. Среди неопредѣленности положенія, при угрожающей, серьезной опасности, придававшей всему особенно-тревожный характеръ, среди этаго вихря интригъ, самолюбій, столкновеній, различныхъ воззрѣній и чувствъ, при разноплеменности всѣхъ этихъ лицъ, эта восьмая, самая большая, партія людей занятыхъ личными интересами, придавала большую запутанность и смутность общему дѣлу. Какой бы ни поднимался вопросъ, а ужъ рой трутней этихъ, не оттрубивъ еще надъ прежней темой, перелеталъ на новую и своимъ жужжаніемъ заглушалъ и всѣ болѣе затемнялъ искренніе, спорящіе голоса.

Изъ всѣхъ этихъ партій въ то самое время, какъ князь Андрей пріѣхалъ къ арміи, собралась еще одна девятая партія, начинавшая поднимать свой голосъ. Это была партія людей старыхъ, разумныхъ, государственно-опыт-

ныхъ и умѣвшихъ, не раздѣляя ни однаго изъ противурѣчащихъ мнѣній, отвлеченно посмотрѣть на все, что̀ дѣлалось при штабѣ главной квартиры, и обдумать средства къ выходу изъ этой неопредѣленности, нерѣшительности, запутанности и слабости.

Люди этой партіи говорили и думали, что все дурное происходитъ преимущественно отъ присутствія государя съ военнымъ дворомъ при арміи, что въ армію перенесена та неопредѣленная, условная и колеблющаяся шаткость отношеній, которая удобна при дворѣ, но вредна въ арміи; что государю нужно царствовать, а не управлять войскомъ, что единственный выходъ изъ этаго положенія есть отъѣздъ государя съ его дворомъ изъ арміи; что одно присутствіе государя парализируетъ 50 тысячъ войска, нужныхъ для обезпеченія его личной безопасности; что самый плохой, но независимый главнокомандующій будетъ лучше самаго лучшаго, но связаннаго присутствіемъ и властью государя.

Въ то самое время какъ князь Андрей жилъ безъ дѣла при Дриссѣ, Шишковъ, государственный секретарь, бывшій однимъ изъ главныхъ представителей этой партій, написалъ государю письмо, которое согласились подписать Балашевъ и Аракчеевъ. Въ письмѣ этомъ, пользуясь позволеніемъ даннымъ ему отъ государя разсуждать объ общемъ ходѣ дѣлъ, онъ почтительно и подъ предлогомъ необходимости для государя воодушевить къ войнѣ народъ въ столицѣ, предлагалъ государю оставить войско.

Одушевленіе государемъ народа и воззваніе къ нему для защиты отечества — то самое (на сколько оно произведено было личнымъ присутствіемъ государя въ Москвѣ) одушевленіе народа, которое было главной причиной торжества Россіи, было представлено государю и принято имъ, какъ предлогъ для оставленія арміи.

X.

Письмо это еще не было подано государю, когда Барклай за обѣдомъ передалъ Болконскому, что государю лично угодно видѣть князя Андрея для того, чтобы распросить его о Турціи, и что князь Андрей имѣетъ явиться въ квартиру Бенигсена, въ шесть часовъ вечера.

Въ этотъ же день въ квартирѣ государя было получено извѣстіе о новомъ движеніи Наполеона, могущемъ быть опаснымъ для арміи, извѣстіе, впослѣдствіи оказавшееся несправедливымъ. И въ это же утро полковникъ Мишо объѣзжалъ съ государемъ Дрисскія укрѣпленія и доказывалъ государю, что укрѣпленный лагерь этотъ, устроенный Пфулемъ и считавшійся до сихъ поръ chef-d'oeuvr' омъ тактики, долженствующимъ погубить Наполеона,—что лагерь этотъ есть безсмыслица и погибель Русской арміи.

Князь Андрей пріѣхалъ въ квартиру генерала Бенигсена, занимавшаго небольшой помѣщичій домъ на самомъ берегу рѣки. Ни Бенигсена, ни государя не было тамъ; но Чернышевъ, флигель-адъютантъ государя, принялъ Болконскаго и объявилъ ему, что государь поѣхалъ съ генераломъ Бенигсеномъ и съ маркизомъ Паулучи другой разъ въ нынѣшній день для объѣзда укрѣпленій Дрисскаго лагеря, въ удобности котораго начинали сильно сомнѣваться.

Чернышевъ сидѣлъ съ книгой французскаго романа у окна первой комнаты. Комната эта вѣроятно прежде была залой; въ ней еще стоялъ органъ, на который навалены были какіе-то ковры, и въ одномъ углѣ стояла складная кровать адъютанта Бенигсена. Этотъ адъютантъ былъ тутъ. Онъ, видно замученный пирушкой или дѣломъ, сидѣлъ на свернутой постелѣ и дремалъ. Изъ залы вели двѣ двери: одна прямо въ бывшую гостиную, другая направо въ кабинетъ. Изъ первой двери слышались голоса разговариваю-

щихъ по нѣмецки и изрѣдка по французски. Тамъ, въ бывшей гостиной, были собраны по желанію государя не военный совѣтъ (государь любилъ неопредѣленность), но нѣкоторыя лица, которыхъ мнѣнія, въ предстоящихъ затрудненіяхъ, онъ желалъ знать. Это не былъ военный совѣтъ, но какъ бы совѣтъ избранныхъ для уясненія нѣкоторыхъ вопросовъ, лично для государя. На этотъ полу-совѣтъ были приглашены шведскій генералъ Армфельдъ, генералъ-адъютантъ Вольцогенъ, Винцингероде, котораго Наполеонъ называлъ бѣглымъ французскимъ подданнымъ, Мишо, Толь, вовсе не военный человѣкъ — графъ Штейнъ, и наконецъ самъ Пфуль, который, какъ слышалъ князь Андрей, былъ la cheville ouvrière всего дѣла. Князь Андрей имѣлъ случай хорошо разсмотрѣть его, такъ какъ Пфуль вскорѣ послѣ него пріѣхалъ и прошелъ въ гостиную, остановившись на минуту поговорить съ Чернышевымъ.

Пфуль съ перваго взгляда, въ своемъ русскомъ, генеральскомъ, дурно сшитомъ мундирѣ, который нескладно какъ на наряженномъ сидѣлъ на немъ, показался князю Андрею какъ будто знакомымъ, хотя онъ никогда не видалъ его. Въ немъ былъ и Вейротеръ, и Макъ, и Шмидтъ, и много другихъ нѣмецкихъ теоретиковъ-генераловъ, которыхъ князю Андрею удалось видѣть въ 1805-мъ году; но онъ былъ типичнѣе всѣхъ ихъ. Такого Нѣмца-теоретика, соединявшаго въ себѣ все, что̀ было въ тѣхъ Нѣмцахъ, еще не видалъ никогда князь Андрей.

Пфуль былъ не высокъ ростомъ, очень худъ, но ширококостъ, грубаго, здороваго сложенія, съ широкимъ тазомъ и костлявыми лопатками. Лицо у него было очень морщинисто, съ глубоко-вставленными глазами. Волоса его спереди у висковъ очевидно торопливо были приглажены щеткой, сзади же наивно торчали кисточками. Онъ, безпокойно и сердито оглядываясь, вошелъ въ комнату, какъ будто онъ всего боялся въ большой комнатѣ, куда онъ вошелъ. Онъ

неловкимъ движеніемъ, придерживая шпагу, обратился къ Чернышеву, спрашивая по нѣмецки, гдѣ государь. Ему, видно было, какъ можно скорѣе хотѣлось пройдти комнаты, окончить поклоны и привѣтствія и сѣсть за дѣло передъ картой, гдѣ онъ чувствовалъ себя на мѣстѣ. Онъ поспѣшно кивалъ головой на слова Чернышева и иронически улыбался, слушая его слова о томъ, что государь осматриваетъ укрѣпленія, которыя онъ самъ Пфуль заложилъ по своей теоріи. Онъ что-то басисто и круто, какъ говорятъ самоувѣренные Нѣмцы, проворчалъ про себя: Dummkopf... или: zu Grunde die ganze Geschichte... или: s'wird was gescheites d'raus werden.... Князь Андрей не разслышалъ и хотѣлъ пройдти, но Чернышевъ познакомилъ князя Андрея съ Пфулемъ, замѣтивъ, что князь Андрей пріѣхалъ изъ Турціи, гдѣ такъ счастливо кончена война. Пфуль чуть взглянулъ не столько на князя Андрея сколько черезъ него, и проговорилъ смѣясь: «da muss ein schöner taktischer Krieg gewesen sein».—И засмѣявшись презрительно, прошелъ въ комнату, изъ которой слышались голоса.

Видно, Пфуль, уже всегда готовый на ироническое раздраженіе, нынче былъ особенно возбужденъ тѣмъ, что осмѣлились безъ него осматривать его лагерь и судить о немъ. Князь Андрей по одному короткому этому свиданію съ Пфулемъ, благодаря своимъ Аустерлицкимъ воспоминаніямъ, составилъ себѣ ясную характеристику этаго человѣка. Пфуль былъ одинъ изъ тѣхъ безнадежно, неизмѣнно, до мученичества самоувѣренныхъ людей, которыми только бываютъ Нѣмцы, и потому именно, что только Нѣмцы бываютъ самоувѣренными на основаніи отвлеченной идеи—науки, т. е. мнимаго знанія совершенной истины. Французъ бываетъ самоувѣренъ потому, что онъ почитаетъ себя лично, какъ умомъ такъ и тѣломъ, непреодолимо-обворожительнымъ какъ для мущинъ, такъ и для женщинъ. Англичанинъ самоувѣренъ на томъ основаніи, что онъ есть гражданинъ благо-

устроеннѣйшаго государства въ мірѣ и потому, какъ Англичанинъ, знаетъ всегда, что̀ ему дѣлать нужно, и знаетъ что все, что̀ онъ дѣлаетъ какъ Англичанинъ, несомнѣнно хорошо. Итальянецъ самоувѣренъ потому, что онъ взволнованъ и забываетъ легко и себя и другихъ. Русскій самоувѣренъ именно потому, что онъ ничего не знаетъ и знать не хочетъ, потому что не вѣритъ, чтобы можно было знать что нибудь. Нѣмецъ самоувѣренъ хуже всѣхъ и тверже всѣхъ и противнѣе всѣхъ, потому что онъ воображаетъ, что знаетъ истину, науку, которую онъ самъ выдумалъ, но которая для него есть абсолютная истина. — Таковъ очевидно былъ Пфуль. У него была наука—теорія облическаго движенія, выведенная имъ изъ исторіи войнъ Фридриха Великаго, и все, что̀ встрѣчалось ему въ новѣйшей военной исторіи, казалось ему безсмыслицей, варварствомъ, безобразнымъ столкновеніемъ, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ было сдѣлано столько ошибокъ, что войны эти не могли быть названы войнами: они не подходили подъ теорію и не могли служить предметомъ науки.

Въ 1806-мъ году Пфуль былъ одинъ изъ составителей плана войны, кончившейся Іеной и Ауерштетомъ; но въ исходѣ этой войны онъ не видѣлъ ни малѣйшаго доказательства неправильности своей теоріи. Напротивъ, сдѣланныя отступленія отъ его теоріи, по его понятіямъ, были единственной причиной всей неудачи, и онъ съ свойственной ему радостной ироніей говорилъ: Ich sagte ja dass die ganze Geschichte zum Teufel gehen wird [1]). Пфуль былъ одинъ изъ тѣхъ теоретиковъ, которые такъ любятъ свою теорію, что забываютъ цѣль теоріи—приложеніе ея къ практикѣ; онъ въ любви къ теоріи ненавидѣлъ всякую практику и знать ея не хотѣлъ. Онъ даже радовался неуспѣху, потому что неуспѣхъ, происходившій отъ отступленія въ

[1]) Т. е. вѣдь я же говорилъ, что все дѣло пойдетъ къ чорту.

практикѣ отъ теоріи, доказывалъ ему только справедливость его теоріи.

Онъ сказалъ нѣсколько словъ съ княземъ Андреемъ и Чернышевымъ о настоящей войнѣ съ выраженіемъ человѣка, который знаетъ впередъ, что все будетъ скверно, и что онъ даже не недоволенъ этимъ. Торчавшія на затылкѣ непричесанныя кисточки волосъ и торопливо-причесанные височки особенно краснорѣчиво говорили это.

Онъ прошелъ въ другую комнату, и оттуда тотчасъ же послышались басистые и ворчливые звуки его голоса.

XI.

Не успѣлъ князь Андрей проводить глазами Пфуля, какъ въ комнату поспѣшно вошелъ графъ Бенигсенъ и, кивнувъ головой Болконскому, не останавливаясь, прошелъ въ кабинетъ, отдавая какія-то приказанія своему адъютанту. Государь ѣхалъ за нимъ, и Бенигсенъ поспѣшилъ впередъ, чтобы приготовить кое-что и успѣть встрѣтить государя. Чернышевъ и князь Андрей вышли на крыльцо. Государь съ усталымъ видомъ слѣзалъ съ лошади. Маркизъ Паулучи что-то говорилъ государю. Государь, склонивъ голову на лѣво, съ недовольнымъ видомъ, слушалъ Паулучи, говорившаго съ особеннымъ жаромъ. Государь тронулся впередъ, видимо желая окончить разговоръ; но раскраснѣвшійся, взволнованный Итальянецъ, забывая приличія, шелъ за нимъ, продолжая говорить:

— Quand à celui qui a conseillé ce camp, le camp de Drissa, говорилъ Паулучи въ то время, какъ государь, входя на ступеньки и замѣтивъ князя Андрея, вглядывался въ незнакомое ему лицо.

— Quand à celui, Sire, продолжалъ Паулучи съ отчаянностью, какъ будто не въ силахъ удержаться,—qui a conseillé le camp de Drissa, je ne vois pas d'autre alternative

que la maison jaune ou le gibet [1]). Не дослушавъ и какъ будто не слыхавъ словъ Итальянца, государь, узнавъ Болконскаго, милостиво обратился къ нему:

— Очень радъ тебя видѣть, пройди туда, гдѣ они собрались, и подожди меня. Государь прошелъ въ кабинетъ. За нимъ прошелъ князь Петръ Михаиловичъ Волконскій, баронъ Штейнъ, и за ними затворились двери. Князь Андрей, пользуясь разрѣшеніемъ государя, прошелъ съ Паулучи, котораго онъ зналъ по Турціи, въ гостиную, гдѣ собрался совѣтъ.

Князь Петръ Михаиловичъ Волконскій занималъ должность какъ бы начальника штаба государя. Волконскій вышелъ изъ кабинета и, принеся въ гостиную карты и расположивъ ихъ на столѣ, передалъ вопросы, на которые онъ желалъ слышать мнѣніе собранныхъ господъ. Дѣло было въ томъ, что въ ночь было получено извѣстіе (впослѣдствіи оказавшееся ложнымъ) о движеніи Французовъ въ обходъ Дрисскаго лагеря.

Первый началъ говорить генералъ Армфельдъ, неожиданно, во избѣжаніе представившагося затрудненія предложивъ совершенно новую, ничѣмъ (кромѣ какъ желаніемъ показать, что онъ тоже можетъ имѣть мнѣніе) необъяснимую позицію въ сторонѣ отъ Петербургской и Московской дорогъ, на которой по его мнѣнію армія должна была соединившись ожидать непріятеля. Видно было, что этотъ планъ давно былъ составленъ Армфельдомъ, и что онъ теперь изложилъ его не столько съ цѣлью отвѣчать на предлагаемые вопросы, на которые планъ этотъ не отвѣчалъ, сколько съ цѣлью воспользоваться случаемъ высказать его. Это было одно изъ милліоновъ предположеній, которыя также основа-

[1]) Т. е. Что касается до того человѣка, который присовѣтовалъ лагерь при Дриссѣ, то съ нимъ по моему мнѣнію надо сдѣлать одно изъ двухъ: или въ желтый домъ, или на висилицу.

тельно какъ и другія можно было дѣлать, не имѣя понятія о томъ, какой характеръ приметъ война. Нѣкоторые оспаривали его мнѣніе, нѣкоторые защищали его. Молодой полковникъ Толь горячѣе другихъ оспаривалъ мнѣніе шведскаго генерала и, во время спора, досталъ изъ боковаго кармана исписанную тетрадь, которую онъ попросилъ позволеніе прочесть. Въ пространно-составленной запискѣ Толь предлагалъ другой—совершенно противный и плану Армфельда и Пфуля планъ кампаніи. Паулучи, возражая Толю, предложилъ планъ движенія впередъ и атаки, которая одна по его словамъ могла вывести насъ изъ неизвѣстности и западни, какъ онъ называлъ Дрисскій лагерь, въ которой мы находились. Пфуль во время этихъ споровъ и его переводчикъ Вольцогенъ (его мостъ въ придворномъ отношеніи) молчали. Пфуль только презрительно фыркалъ и отворачивался, показывая, что противъ того вздора, который онъ теперь слышитъ, онъ никогда не унизится до возраженія. Но когда князь Волконскій, руководившій прѣніями, вызвалъ его на изложеніе своего мнѣнія, онъ только сказалъ: «Что же меня спрашивать? Генералъ Армфельдъ предложилъ прекрасную позицію съ открытымъ тыломъ, или атаку von diesem Italienischen Herre, sehr schön. Или отступленіе. Auch gut. Чтожь меня спрашивать? сказалъ онъ. Вѣдь вы сами знаете все лучше меня».—Но когда Волконскій нахмурившись сказалъ, что онъ спрашиваетъ его мнѣнія отъ имени государя, то Пфуль всталъ и вдругъ одушевившись началъ говорить:

— Все испортили, все спутали, всѣ хотѣли знать лучше меня, а теперь пришли ко мнѣ. Какъ поправить? Нечего поправлять. Надо исполнять въ точности по основаніямъ, изложеннымъ мною, говорилъ онъ, стуча костлявыми пальцами по столу. Въ чемъ затрудненіе? Вздоръ, Kinderspiel.— Онъ подошелъ къ картѣ и сталъ быстро говорить, тыкая сухимъ пальцемъ по картѣ и доказывая, что никакая слу-

чайность не можетъ измѣнить цѣлесообразности Дрисскаго лагеря, что все предвидѣно, и что ежели непріятель дѣйствительно пойдетъ въ обходъ, то непріятель долженъ быть неминуемо уничтоженъ.

Паулучи, незнавшій по нѣмецки, сталъ спрашивать его по французски. Вольцогенъ подошелъ на помощь своему принципалу, плохо говорившему по французски и сталъ переводить его слова, едва поспѣвая за Пфулемъ, который быстро доказывалъ, что все, все, не только то, что случилось, но все, что только могло случиться, все было предвидѣно въ его планѣ, и что ежели теперь были затрудненія, то вся вина была только въ томъ, что не въ точности все исполнено. Онъ безпрестанно иронически смѣялся, доказывалъ и наконецъ презрительно бросилъ доказывать, какъ бросаетъ математикъ повѣрять различными способами разъ доказанную вѣрность задачи. Вольцогенъ замѣнилъ его, продолжая излагать по французски его мысли и изрѣдка говоря Пфулю: «nicht wahr, Exellenz? Пфуль, какъ въ бою разгоряченный человѣкъ бьетъ по своимъ, сердито кричалъ и на своего, на Вольцогена:

— Nun ja, was soll denn da noch expliziert werden?» Паулучи и Мишо въ два голоса нападали на Вольцогена по французски. Армфельдъ по нѣмецки обращался къ Пфулю. Толь по русски объяснялъ князю Волконскому. Князь Андрей молча слушалъ и наблюдалъ.

Изъ всѣхъ этихъ лицъ болѣе всѣхъ возбуждалъ участіе въ князѣ Андреѣ озлобленный, рѣшительный и безтолково-самоувѣренный Пфуль. Онъ одинъ изъ всѣхъ здѣсь присутствующихъ лицъ очевидно ничего не желалъ для себя, ни къ кому не питалъ вражды, а только желалъ одного приведенія въ дѣйствіе плана, выведеннаго изъ теоріи, выведенной имъ годами трудовъ. Онъ былъ смѣшонъ, былъ непріятенъ своей ироничностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ внушалъ невольное уваженіе своею безпредѣльной преданностью идеѣ. Кромѣ

того во всѣхъ рѣчахъ всѣхъ говорившихъ была, за исключеніемъ Пфуля, одна общая черта, которой не было на военномъ совѣтѣ въ 1805-мъ году—это былъ теперь, хотя и скрываемый, но паническій страхъ передъ геніемъ Наполеона, который высказывался въ каждомъ возраженіи. Предполагали для Наполеона все возможнымъ, ждали его со всѣхъ сторонъ, и его страшнымъ именемъ разрушали предположенія, одинъ другаго. Одинъ Пфуль, казалось, и его Наполеона, считалъ такимъ же варваромъ, какъ и всѣхъ оппонентовъ своей теоріи. Но кромѣ чувства уваженія, Пфуль внушалъ въ князѣ Андреѣ и чувство жалости. По тому тону, съ которымъ съ нимъ обращались придворные, по тому, что̀ позволилъ себѣ сказать Паулучи императору, но главное по нѣкоторой отчаянности выраженій самого Пфуля видно было, что другіе знали, и онъ самъ чувствовалъ, что паденіе его близко. И не смотря на свою самоувѣренность и нѣмецкую, ворчливую ироничность, онъ былъ жалокъ съ своими приглаженными волосами на височкахъ и торчавшими на затылкѣ кисточками. Онъ, видимо, хотя и скрывалъ это подъ видомъ раздраженія и презрѣнія, онъ былъ въ отчаяніи отъ того, что единственный теперь случай провѣрить на огромномъ опытѣ и доказать всему міру вѣрность своей теоріи ускользалъ отъ него.

Прѣнія продолжались долго, и чѣмъ дальше они продолжались, тѣмъ больше разгорались споры, доходившіе до криковъ и личностей, и тѣмъ менѣе было возможно вывести какое нибудь общее заключеніе изъ всего сказаннаго. Князь Андрей, слушая этотъ разноязычный говоръ и эти предположенія, планы и опроверженія и крики, только удивлялся тому, что̀ они всѣ говорили. Тѣ, давно и часто приходившія ему, во время его военной дѣятельности, мысли, что нѣтъ и не можетъ быть никакой военной науки, и поэтому не можетъ быть никакого, такъ называемаго военнаго генія, теперь получили для него совершенную очевидность истины.

«Какая же могла быть теорія и наука въ дѣлѣ, котораго условія и обстоятельства неизвѣстны и не могутъ быть опредѣлены, въ которомъ сила дѣятелей войны еще менѣе можетъ быть опредѣлена? Никто не могъ и не можетъ знать, въ какомъ будетъ положеніи наша и непріятельская армія черезъ день, и никто не можетъ знать, какая есть сила этого или того отряда. Иногда, когда нѣтъ труса впереди, который закричитъ: «мы отрѣзаны!» и побѣжитъ, а есть веселый, смѣлый человѣкъ впереди, который крикнетъ: «ура!» отрядъ въ 5 тысячъ стоитъ 30-ти тысячъ, какъ подъ Шенграбеномъ, а иногда 50 тысячъ бѣгутъ передъ 8-ю, какъ подъ Аустерлицемъ.—Какая же можетъ быть наука въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ, какъ во всякомъ практическомъ дѣлѣ, ничто не можетъ быть опредѣлено, и все зависитъ отъ безчисленныхъ условій, значеніе которыхъ опредѣляется въ одну минуту, про которую никто не знаетъ, когда она наступитъ. Армфельдъ говоритъ, что наша армія отрѣзана, а Паулучи говоритъ, что мы поставили французскую армію между двухъ огней; Мишо говоритъ, что негодность Дрисскаго лагеря состоитъ въ томъ, что рѣка позади, а Пфуль говоритъ, что въ этомъ его сила. Толь предлагаетъ одинъ планъ, Армфельдъ предлагаетъ другой; и всѣ хороши, и всѣ дурны, и выгоды всякаго предложенія могутъ быть очевидны только въ тотъ моментъ, когда совершится событіе. И отчего всѣ говорятъ: геній военный. Развѣ геній тотъ человѣкъ, который во время умѣетъ велѣть подвезти сухари и идти тому направо, тому налѣво? Оттого только, что военные люди облечены блескомъ и властью, и массы подлецовъ льстятъ власти, придавая ей несвойственныя качества генія. Напротивъ, лучшіе генералы, которыхъ я зналъ —глупые или разсѣянные люди. Лучшій Багратіонъ—самъ Наполеонъ призналъ это. А самъ Бонапарте! Я помню самодовольное и ограниченное его лицо на Аустерлицкомъ полѣ. Не только генія и какихъ нибудь качествъ особенныхъ

не нужно хорошему полководцу, но напротивъ ему нужно отсутствіе самыхъ высшихъ, лучшихъ человѣческихъ качествъ—любви, поэзіи, нѣжности, философскаго, пытливаго сомнѣнія. Онъ долженъ быть ограниченъ, твердо увѣренъ въ томъ, что то, что́ онъ дѣлаетъ, очень важно (иначе у него не достанетъ терпѣнія), и тогда только онъ будетъ храбрый полководецъ. Избави Богъ, коли онъ человѣкъ, полюбитъ кого нибудь, пожалѣетъ, подумаетъ о томъ, что̀ справедливо и нѣтъ. Понятно, что изстари еще для нихъ поддѣлали теорію геніевъ, потому что они—власть. Заслуга въ успѣхѣ военнаго дѣла зависитъ не отъ нихъ, а отъ того человѣка, который въ рядахъ закричитъ: пропали, или закричитъ: ура! И только въ этихъ рядахъ можно служить съ увѣренностью, что ты полезенъ!»

Такъ думалъ князь Андрей, слушая толки, и очнулся только тогда, когда Паулучи позвалъ его, и всѣ уже расходились.

На другой день на смотру государь спросилъ у князя Андрея, гдѣ онъ желаетъ служить, и князь Андрей навѣки потерялъ себя въ придворномъ мірѣ, не попросивъ остаться при особѣ государя, а попросивъ позволенія служить въ арміи.

XII.

Ростовъ передъ открытіемъ кампаніи получилъ письмо отъ родителей, въ которомъ, кратко извѣщая его о болѣзни Наташи и о разрывѣ съ княземъ Андреемъ (разрывъ этотъ объясняли ему отказомъ Наташи), они опять просили его выйти въ отставку и пріѣхать домой. Николай, получивъ это письмо, и не попытался проситься въ отпускъ или отставку, а написалъ родителямъ, что очень жалѣетъ о болѣзни и разрывѣ Наташи съ ея женихомъ, и что онъ сдѣлаетъ все возможное для того, чтобы исполнить ихъ желаніе. Сонѣ онъ писалъ отдѣльно.

«Обожаемый другъ души моей, писалъ онъ. Ничто кро-
«мѣ чести не могло бы удержать меня отъ возвращенія
«въ деревню. Но теперь, передъ открытіемъ кампаніи,
«я бы счелъ себя безчестнымъ не только передъ всѣми
«товарищами, но и передъ самимъ собою, ежели бы я пред-
«почелъ свое счастіе своему долгу и любви къ отечеству.
«Но эта—послѣдняя разлука. Вѣрь, что тотчасъ послѣ вой-
«ны, ежели я буду живъ и все любимъ тобою, я брошу
«все и прилечу къ тебѣ, чтобы прижать тебя уже навсегда
«къ моей пламенной груди.»

Дѣйствительно только открытіе кампаніи задержало Ростова и помѣшало ему пріѣхать — какъ онъ обѣщалъ — и жениться на Сонѣ. Отрадненская осень съ охотой и зима со святками и съ любовью Сони, открыла ему перспективу тихихъ дворянскихъ радостей и спокойствія, которыхъ онъ не зналъ прежде и которыя теперь манили его къ себѣ. «Славная жена, дѣти, добрая стая гончихъ, лихія десять-двѣнадцать своръ борзыхъ, хозяйство, сосѣди, служба по выборамъ!» — думалъ онъ. Но теперь была кампанія, и надо было оставаться въ полку. А такъ какъ это надо было, то Николай Ростовъ по своему характеру былъ доволенъ и той жизнью, которую онъ велъ въ полку, и съумѣлъ сдѣлать себѣ эту жизнь пріятною.

Пріѣхавъ изъ отпуска, радостно встрѣченный товарищами, Николай былъ посыланъ за ремонтомъ, и изъ Малороссіи привелъ отличныхъ лошадей, которыя радовали его и заслужили ему похвалы отъ начальства. Въ отсутствіе его онъ былъ произведенъ въ ротмистры, и когда полкъ былъ поставленъ на военное положеніе съ увеличеннымъ комплектомъ, онъ опять получилъ свой прежній эскадронъ.

Началась кампанія, полкъ былъ двинутъ въ Польшу, выдавалось двойное жалованье, прибыли новые офицеры, новые люди, лошади; и, главное, распространилось то возбужденно-веселое настроеніе, которое сопутствуетъ началу вой-

ны; и Ростовъ, сознавая свое выгодное положеніе въ полку, весь предался удовольствіямъ и интересамъ военной службы, хотя и зналъ, что рано или поздно придется ихъ покинуть.

Войска отступали отъ Вильны по разнымъ сложнымъ, государственнымъ, политическимъ и тактическимъ, причинамъ. Каждый шагъ отступленія сопровождался сложной игрой интересовъ, умозаключеній и страстей въ главномъ штабѣ. Для гусаръ же Павлоградскаго полка, весь этотъ отступательный походъ, въ лучшую пору лѣта, съ достаточнымъ продовольствіемъ, былъ самымъ простымъ и веселымъ дѣломъ. Унывать, безпокоиться и интриговать могли только въ главной квартирѣ, а въ глубокой арміи и не спрашивали себя, куда, зачѣмъ идутъ. Если жалѣли, что отступаютъ, то только потому, что надо было выходить изъ обжитой квартиры, отъ хорошенькой панны. Ежели и приходило кому-нибудь въ голову, что дѣла плохи, то, какъ слѣдуетъ хорошему, военному человѣку, тотъ, кому приходило въ голову, старался быть веселъ и не думать объ общемъ ходѣ дѣлъ, а думать о своемъ ближайшемъ дѣлѣ. Сначала весело стояли подлѣ Вильны, заводя знакомства съ польскими помѣщиками и ожидая и отбывая смотры государя и другихъ высшихъ командировъ. Потомъ пришелъ приказъ отступить къ Свенціанамъ и истреблять провіантъ, который нельзя было увезти. Свенціаны памятны были гусарамъ только потому, что это былъ *пьяный лагерь*, какъ прозвала вся армія стоянку у Свенціанъ, и потому, что въ Свенціанахъ много было жалобъ на войска за то, что они, воспользовавшись приказаніемъ отбирать провіантъ, въ числѣ провіанта забирали и лошадей, и экипажи, и ковры у польскихъ пановъ. Ростовъ помнилъ Свенціаны потому, что онъ въ первый день вступленія въ это мѣстечко смѣнилъ вахмистра и не могъ справиться съ перепившимися всѣми людьми эскадрона, которые безъ

его вѣдома увезли пять бочекъ стараго пива. Отъ Свенціанъ отступали дальше и дальше до Дриссы, и опять отступили отъ Дриссы, уже приближаясь къ Русскимъ границамъ.

13 іюля Павлоградцамъ въ первый разъ пришлось быть въ серьезномъ дѣлѣ.

12-го іюля въ ночь, наканунѣ дѣла, была сильная буря съ дождемъ и градомъ. Лѣто 1812 года вообще было замѣчательно бурями.

Павлоградскіе два эскадрона стояли биваками, среди выбитаго до тла скотомъ и лошадьми, уже выколосившагося ржанаго поля. Дождь лилъ ливнемъ, и Ростовъ съ покровительствуемымъ имъ молодымъ офицеромъ Ильинымъ сидѣлъ подъ сгороженнымъ на скорую руку шалашикомъ. Офицеръ ихъ полка съ длинными усами, продолжавшимися отъ щекъ, ѣздившій въ штабъ и застигнутый дождемъ, зашелъ къ Ростову.

— Я, графъ, изъ штаба. Слышали подвигъ Раевскаго? И офицеръ разсказалъ подробности Салтановскаго сраженія, слышанныя имъ въ штабѣ.

Ростовъ, пожимаясь шеей, за которую затекала вода, курилъ трубку и слушалъ невнимательно, изрѣдка поглядывая на молодаго офицера Ильина, который жался около него. Офицеръ этотъ, 16-ти лѣтній мальчикъ, недавно поступившій въ полкъ, былъ теперь въ отношеніи Николая тѣмъ, чѣмъ былъ Николай въ отношеніи къ Денисову семь лѣтъ тому назадъ. Ильинъ старался во всемъ подражать Ростову, и какъ женщина былъ влюбленъ въ него.

Офицеръ съ двойными усами, Здржинскій, разсказывалъ напыщенно о томъ, какъ Салтановская плотина была Ѳермопилами Русскихъ, какъ на этой плотинѣ былъ совершенъ генераломъ Раевскимъ поступокъ, достойный древности. Здржинскій разсказывалъ поступокъ Раевскаго, который вывелъ на

плотину своихъ двухъ сыновей подъ страшный огонь и съ ними рядомъ пошелъ въ атаку. Ростовъ слушалъ разсказъ и нетолько ничего не говорилъ въ подтвержденіе восторга Здржинскаго, но напротивъ имѣлъ видъ человѣка, который стыдится того, что̀ ему разсказываютъ, хотя и не намѣренъ возражать. Ростовъ послѣ Аустерлицкой и 1807 года кампаній зналъ по своему собственному опыту, что, разсказывая военныя происшествія, всегда врутъ, какъ и самъ онъ вралъ разсказывая; во вторыхъ, онъ имѣлъ на столько опытности, что зналъ, какъ все происходитъ на войнѣ совсѣмъ не такъ, какъ мы можемъ воображать и разсказывать. И потому ему не нравился разсказъ Здржинскаго, не нравился и самъ Здржинскій, который, съ своими усами отъ щекъ, по своей привычкѣ низко нагибался надъ лицомъ того, кому онъ разсказывалъ и тѣснилъ его въ тѣсномъ шалашѣ. Ростовъ молча смотрѣлъ на него. «Во-первыхъ на плотинѣ, которую атаковали, должна была быть вѣрно такая путаница и тѣснота, что ежели Раевскій и вывелъ сыновей, то это ни на кого не могло подѣйствовать, кромѣ какъ человѣкъ на десять, которые были около самаго его, думалъ Ростовъ: остальные и не могли видѣть, какъ и съ кѣмъ шелъ Раевскій по плотинѣ. Но и тѣ, которые видѣли это, не могли очень воодушевиться, потому что, что̀ имъ было за дѣло до нѣжныхъ, родительскихъ чувствъ Раевскаго, когда тутъ дѣло шло о собственной шкурѣ? Потомъ отъ того, что возьмутъ или не возьмутъ Салтановскую плотину, не зависѣла судьба отечества, какъ намъ описываютъ это при Ѳермопилы. И стало быть зачѣмъ же было приносить такую жертву? И потомъ зачѣмъ тутъ, на войнѣ, мѣшать своихъ дѣтей? Я бы нетолько Петю-брата не повелъ бы, но и Ильина даже, этого чужаго мнѣ, но добраго мальчика, постарался бы поставить куда нибудь подъ защиту, продолжалъ думать Ростовъ, слушая Здржинскаго. Но онъ не сказалъ своихъ мыслей: онъ и на это уже имѣлъ

свой опытъ. Онъ зналъ, что этотъ разсказъ содѣйствовалъ къ прославленію нашего оружія, и потому надо было дѣлать видъ, что не сомнѣваешься въ немъ. Такъ онъ и дѣлалъ.

— Однако, мочи нѣтъ, сказалъ Ильинъ, замѣчавшій, что Ростову не нравится разговоръ Здржинскаго. И чулки, и рубашка, и подъ меня подтекло. Пойду искать пріюта. Кажется, дождикъ полегче.—Ильинъ вышелъ и Здржинскій уѣхалъ.

Черезъ пять минутъ Ильинъ, шлепая по грязи, прибѣжалъ къ шалашу.

— Ура! Ростовъ, идемъ скорѣе. Нашелъ! Вотъ тутъ шаговъ двѣсти корчма, ужъ туда забрались наши. Хоть посушимся, и Марья Генриховна тамъ.

Марья Генриховна была жена полковаго доктора, молодая, хорошенькая Нѣмка, на которой докторъ женился въ Польшѣ. Докторъ или оттого, что не имѣлъ средствъ, или оттого, что не хотѣлъ первое время женитьбы разлучаться съ молодой женой, возилъ ее вездѣ за собой при гусарскомъ полку, и ревность доктора сдѣлалась обычнымъ предметомъ шутокъ между гусарскими офицерами.

Ростовъ накинулъ плащъ, кликнулъ за собой Лаврушку съ вещами, и пошелъ съ Ильинымъ гдѣ раскатываясь по грязи, гдѣ прямо шлепая подъ утихавшимъ дождемъ, въ темнотѣ вечера, изрѣдка нарушаемой далекими молніями.

— Ростовъ, ты гдѣ?

— Здѣсь, какова молнія! — переговаривались они.

XIII.

Въ корчмѣ, передъ которой стояла кибитка доктора, уже было человѣкъ пять офицеровъ. Марья Генриховна, полная бѣлокурая Нѣмочка въ кофточкѣ и ночномъ чепчикѣ, сидѣ-

ла въ переднемъ углу на широкой лавкѣ. Мужъ ея, докторъ, спалъ позади ея. Ростовъ съ Ильинымъ, встрѣченные веселыми восклицаніями и хохотомъ, вошли въ комнату.

— И! да у васъ какое веселье, смѣясь сказалъ Ростовъ.

— А вы что зѣваете?

— Хороши! Такъ и течетъ съ нихъ! Гостиную нашу не замочите.

— Марьи Генриховны платье не запачкать, отвѣчали голоса.

Ростовъ съ Ильинымъ поспѣшили найти уголокъ, гдѣ бы они, не нарушая скромности Марьи Генриховны, могли бы перемѣнить мокрое платье. Они пошли было за перегородку, чтобы переодѣться; но въ маленькомъ чуланчикѣ, наполняя его весь, съ одной свѣчкой на пустомъ ящикѣ, сидѣли три офицера, играя въ карты, и ни за что не хотѣли уступить свое мѣсто. Марья Генриховна уступила на время свою юбку, чтобы употребить ее вмѣсто занавѣски, и за этой занавѣской Ростовъ и Ильинъ съ помощью Лаврушки, принесшаго вьюки, сняли мокрое и надѣли сухое платье,

Въ разломанной печкѣ разложили огонь. Достали доску, утвердивъ ее на двухъ сѣдлахъ, покрыли попоной, достали самоварчикъ, погребецъ и полбутылки рому, и попросивъ Марью Генриховну быть хозяйкой, всѣ столпились около нея. Кто предлагалъ ей чистый носовый платокъ, чтобы обтирать прелестныя ручки, кто подъ ножки подкладывалъ ей венгерку, чтобы не было сыро, кто плащемъ завѣшивалъ окно, чтобы не дуло, кто обмахивалъ мухъ съ лица ея мужа, чтобы онъ не проснулся.

— Оставьте его, говорила Марья Генриховна, робко и счастливо улыбаясь,—онъ и такъ спитъ хорошо послѣ безсонной ночи.

— Нельзя, Марья Генриховна, отвѣчалъ офицеръ,—надо доктору прислужиться. Все можетъ быть, и онъ меня пожалѣетъ, когда ногу или руку рѣзать станетъ.

Стакановъ было только три; вода была такая грязная, что нельзя было рѣшить когда крѣпокъ или некрѣпокъ чай, и въ самоварѣ воды было только на шесть стакановъ; но тѣмъ пріятнѣе было по очереди и старшинству получать свой стаканъ изъ пухлыхъ съ короткими, несовсѣмъ чистыми, ногтями ручекъ Марьи Генриховны. Всѣ офицеры, казалось, и дѣйствительно были влюблены въ этотъ вечеръ въ Марью Генриховну. Даже тѣ офицеры, которые играли за перегородкой въ карты, скоро бросили игру и перешли къ самовару, подчиняясь общему настроенію ухаживанья за Марьей Генриховной. Марья Герниховна, видя себя окруженной такой блестящей и учтивой молодежью, сіяла счастьемъ, какъ она ни старалась скрывать этого и какъ ни очевидно робѣла при каждомъ сонномъ движеніи спавшаго за ней мужа.

Ложка была только одна, сахару было больше всего, но размѣшивать его не успѣвали, и потому было рѣшено, что она будетъ поочередно мѣшать сахаръ каждому. Ростовъ, получивъ свой стаканъ и подливъ въ него рому, попросилъ Марью Генриховну размѣшать.

— Да вѣдь вы безъ сахара? сказала она, все улыбаясь, какъ будто все, что̀ ни говорила она и все, что̀ ни говорили другіе, было очень смѣшно и имѣло еще другое значеніе.

— Да мнѣ не сахаръ, мнѣ только чтобъ вы помѣшали своей ручкой.

Марья Генриховна согласилась и стала искать ложку, которую уже захватилъ кто-то.

— Вы пальчикомъ, Марья Генриховна, сказалъ Ростовъ,— еще пріятнѣе будетъ.

— Горячо! сказала Марья Генриховна, краснѣя отъ удовольствія.

Ильинъ взялъ ведро съ водой и, капнувъ туда рому, пришелъ къ Марьѣ Генриховнѣ, прося помѣшать пальчикомъ.

— Это моя чашка, говорилъ онъ.—Только вложите пальчикъ, все выпью.

Когда самоваръ весь выпили, Ростовъ взялъ карты и предложилъ играть въ короли съ Марьей Генриховной. Кинули жребій, кому составлять партію Марьи Генриховны. Правилами игры по предложенію Ростова было то, чтобы тотъ, кто будетъ королемъ, имѣлъ бы право поцѣловать ручку Марьи Генриховны, а чтобы тотъ, кто останется прохвостомъ, шелъ бы ставить новый самоваръ для доктора, когда онъ проснется.

— Ну, а ежели Марья Генриховна будетъ королемъ? спросилъ Ильинъ.

— Она и такъ королева! И приказанія ея—законъ.

Только что началась игра, какъ изъ-за Марьи Генриховны вдругъ поднялась вспутанная голова доктора. Онъ давно уже не спалъ и прислушивался къ тому, что̀ говорилось, и видимо не находилъ ничего веселаго, смѣшнаго или забавнаго во всемъ, что̀ говорилось и дѣлалось. Лицо его было грустно и уныло. Онъ не поздоровался съ офицерами, почесался и попросилъ позволенія выдти, такъ какъ ему загораживали дорогу. Какъ только онъ вышелъ, всѣ офицеры разразились громкимъ хохотомъ, а Марья Генриховна до слезъ покраснѣла и тѣмъ сдѣлалась еще привлекательнѣе на глаза всѣхъ офицеровъ. Вернувшись со двора, докторъ сказалъ женѣ (которая перестала уже такъ счастливо улыбаться и, испуганно ожидая приговора, смотрѣла на него) что дождь прошелъ, и что надо идти ночевать въ кибитку, а то все растащатъ.

— Да я вѣстоваго пошлю... двухъ! сказалъ Ростовъ.— Полноте, докторъ.

— Я самъ стану на часы! сказалъ Ильинъ.

— Нѣтъ, господа, вы выспались, а я двѣ ночи не спалъ, сказалъ докторъ, и мрачно сѣлъ подлѣ жены, ожидая окончанія игры.

Глядя на мрачное лицо доктора, косившагося на свою жену, офицерамъ стало еще веселѣй, и многіе не могли

удержаться отъ смѣха, которому они поспѣшно старались отъискивать благовидные предлоги. Когда докторъ ушелъ, уведя свою жену и помѣстился съ нею въ кибиточку, офицеры улеглись въ корчмѣ, укрывшись мокрыми шинелями; но долго не спали, то переговариваясь, вспоминая испугъ доктора и веселье докторши, то выбѣгая на крыльцо и сообщая о томъ, что̀ дѣлалось въ кибиточкѣ. Нѣсколько разъ Ростовъ, завертываясь съ головой, хотѣлъ заснуть; но опять чье нибудь замѣчаніе развлекало его, опять начинался разговоръ, и опять раздавался безпричинный, веселый, дѣтскій хохотъ.

XIV.

Въ 3-мъ часу еще никто не заснулъ, какъ явился вахмистръ съ приказомъ выступать къ мѣстечку Островнѣ.

Все съ тѣмъ же говоромъ и хохотомъ офицеры поспѣшно стали собираться; опять поставили самоваръ на грязной водѣ. Но Ростовъ, не дождавшись чаю, пошелъ къ эскадрону. Уже свѣтало; дождикъ пересталъ, тучи расходились. Было сыро и холодно, особенно въ непросохшемъ платьѣ. Выходя изъ корчмы, Ростовъ и Ильинъ оба въ сумеркахъ разсвѣта заглянули въ глянцовитую отъ дождя, кожанную докторскую кибитку, изъ подъ фартука которой торчали ноги доктора и въ серединѣ которой виднѣлся на подушкѣ чепчикъ докторши и слышалось сонное дыханіе.

— Право, она очень мила! сказалъ Ростовъ Ильину, выходившему съ нимъ.

— Прелесть какая женщина! съ шестнадцатилѣтней серьезностью отвѣчалъ Ильинъ.

Черезъ полчаса выстроенный эскадронъ стоялъ на дорогѣ. Послышалась команда: «садись!»—солдаты перекрестились и стали садиться. Ростовъ, выѣхавъ впередъ, скомандовалъ: «маршъ!» и вытянувшись въ четыре человѣка, гусары, звуча

шлепаньемъ копытъ по мокрой дорогѣ, бренчаньемъ сабель и тихимъ говоромъ, тронулись по большой, обсаженной березами дорогѣ, вслѣдъ за шедшей впереди пѣхотой и батареей.

Разорванныя сине-лиловыя тучи, краснѣя на восходѣ, быстро гнались вѣтромъ. Становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе. Ясно виднѣлась та курчавая травка, которая засѣдаетъ всегда по проселочнымъ дорогамъ, еще мокрая отъ вчерашняго дождя; висячія вѣтви березъ, тоже мокрыя, качались отъ вѣтра и роняли въ бокъ отъ себя свѣтлыя капли. Яснѣе и яснѣе обозначались лица солдатъ. Ростовъ ѣхалъ съ Ильинымъ, не отстававшимъ отъ него, стороной дороги, между двойнымъ рядомъ березъ.

Ростовъ въ кампаніи позволялъ себѣ вольность ѣздить не на фронтовой лошади, а на казацкой. И знатокъ, и охотникъ, онъ недавно досталъ себѣ лихую, донскую, крупную и добрую игреневую лошадь, на которой никто не обскакивалъ его. Ѣхать на этой лошади было для Ростова наслажденіе. Онъ думалъ о лошади, объ утрѣ, о докторшѣ, и ни разу не подумалъ о предстоящей опасности.

Прежде Ростовъ, идя въ дѣло, боялся; теперь онъ не испытывалъ ни малѣйшаго чувства страха. Не оттого онъ не боялся, что онъ привыкъ къ огню (къ опасности нельзя привыкнуть), но оттого, что онъ выучился управлять своей душою передъ опасностью. Онъ привыкъ, идя въ дѣло, думать обо всемъ, исключая того, что̀ казалось было бы интереснѣе всего другаго—о предстоящей опасности. Сколько онъ ни старался, ни упрекалъ себя въ трусости, первое время своей службы, онъ не могъ этого достигнуть; но съ годами теперь это сдѣлалось само собою. Онъ ѣхалъ теперь рядомъ съ Ильинымъ между березами, изрѣдка отрывая листья съ вѣтокъ, которыя попадались подъ руку, иногда дотрогиваясь ногой до паха лошади, иногда отдавая не поворачиваясь докуренную трубку ѣхавшему сзади гусару, съ

такимъ спокойнымъ и беззаботнымъ видомъ, какъ будто онъ ѣхалъ кататься. Ему жалко было смотрѣть на взволнованное лицо Ильина, много и безпокойно говорившаго; онъ по опыту зналъ то мучительное состояніе ожиданія страха и смерти, въ которомъ находился корнетъ, и зналъ, что ничто кромѣ времени не поможетъ ему.

Только что солнце показалось на чистой полосѣ изъ подъ тучи, какъ вѣтеръ стихъ, какъ будто онъ не смѣлъ портить этого прелестнаго послѣ грозы лѣтняго утра; капли еще падали, но уже отвѣсно—и все затихло. Солнце вышло совсѣмъ, показалось на горизонтѣ и исчезло въ узкой и длинной тучѣ, стоявшей надъ нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ солнце еще свѣтлѣе показалось на верхнемъ краѣ тучи, разрывая ея края. Все засвѣтилось и заблестѣло. И вмѣстѣ съ этимъ свѣтомъ, какъ будто отвѣчая ему, раздались впереди выстрѣлы орудій.

Не успѣлъ еще Ростовъ обдумать и опредѣлить какъ далеки эти выстрѣлы, какъ отъ Витебска прискакалъ адъютантъ графа Остермана-Толстаго съ приказаніемъ идти на рысяхъ по дорогѣ.

Эскадронъ объѣхалъ пѣхоту и батарею, также торопившуюся идти скорѣе, спустился подъ гору, и пройдя черезъ какую-то пустую безъ жителей деревню, опять поднялся на гору. Лошади стали взмыливаться, люди раскраснѣлись.

— Стой, равняйся! послышалась впереди команда дивизіонера. «Лѣвое плечо впередъ, шагомъ маршъ!» скомандовали впереди. И гусары по линіи войскъ прошли на лѣвый флангъ позиціи, и стали позади нашихъ уланъ, стоявшихъ въ первой линіи. Справа стояла наша пѣхота густой колонной, это были резервы; по выше ея на горѣ видны были на чистомъ, чистомъ воздухѣ, въ утреннемъ, косомъ и яркомъ освѣщеніи, на самомъ горизонтѣ, наши пушки. Впереди за лощиной видны были непріятельскія колонны и пушки. Въ

лощинѣ слышна была наша цѣпь, уже вступившая въ дѣло и весело перещелкивающаяся съ непріятелемъ.

Ростову, какъ отъ звуковъ самой веселой музыки, стало весело на душѣ отъ этихъ звуковъ давно уже неслышанныхъ. Трапъ-та-та-тапъ! хлопали то вдругъ, то быстро одинъ за другимъ, нѣсколько выстрѣловъ. Опять замолкало все, и опять какъ будто трескались хлопушки, по которымъ ходилъ кто-то.

Гусары простояли около часу на одномъ мѣстѣ. Началась и канонада. Графъ Остерманъ съ свитой проѣхалъ сзади эскадрона, остановившись поговорилъ съ командиромъ полка и отъѣхалъ къ пушкамъ на гору.

Вслѣдъ за отъѣздомъ Остермана, у уланъ послышалась команда:—«Въ колонну, къ атакѣ стройся!» Пѣхота впереди ихъ вздвоила взводы, чтобы пропустить кавалерію. Уланы тронулись, колеблясь флюгерами пикъ и на рысяхъ пошли подъ гору на французскую кавалерію, показавшуюся подъ горой влѣво.

Какъ только уланы сошли подъ гору, гусарамъ велѣно было подвинуться въ гору, въ прикрытіе къ батареѣ. Въ то время какъ гусары становились на мѣсто уланъ, изъ цѣпи пролетѣли, визжа и свистя, далекія, не попадавшія пули.

Давно неслышанный этотъ звукъ еще радостнѣе и возбудительнѣе подѣйствовалъ на Ростова, чѣмъ прежніе звуки стрѣльбы. Онъ выпрямившись разглядывалъ поле сраженія, открывавшееся съ горы, и всей душой участвовалъ въ движеніи улановъ. Уланы близко налетѣли на французскихъ драгунъ, что-то спуталось тамъ въ дыму, и черезъ пять минутъ уланы понеслись назадъ не къ тому мѣсту, гдѣ они стояли, но лѣвѣе. Между ранжевыми уланами на рыжихъ лошадяхъ и позади ихъ, большей кучей, видны были синіе французскіе драгуны на сѣрыхъ лошадяхъ.

XV.

Ростовъ своимъ зоркимъ охотничьимъ глазомъ одинъ изъ первыхъ увидалъ этихъ синихъ французскихъ драгунъ, преслѣдующихъ нашихъ уланъ. Ближе, ближе подвигались разстроенными толпами уланы, и французскіе драгуны преслѣдующіе ихъ. Уже можно было видѣть, какъ эти казавшіеся подъ горой маленькими люди сталкивались, нагоняли другъ друга и махали руками или саблями.

Ростовъ какъ на травлю смотрѣлъ на то что̀ дѣлалось передъ нимъ. Онъ чутьемъ чувствовалъ, что, ежели ударить теперь съ гусарами на французскихъ драгунъ, они не устоятъ; но ежели ударить, то надо было сейчасъ, сію минуту, иначе будетъ уже поздно. Онъ оглянулся вокругъ себя. Ротмистръ, стоя подлѣ него, точно также не спускалъ глазъ съ кавалеріи внизу.

— Андрей Севастьянычъ, сказалъ Ростовъ, вѣдь мы ихъ сомнемъ....

— Лихая бы штука, сказалъ ротмистръ, а въ самомъ дѣлѣ....

Ростовъ, не дослушавъ его, толкнулъ лошадь, выскакалъ впередъ эскадрона, и не успѣлъ онъ еще скомандовать движеніе, какъ весь эскадронъ, испытывавшій тоже что̀ и онъ, тронулся за нимъ. Ростовъ самъ не зналъ, какъ и почему онъ это сдѣлалъ. Все это онъ сдѣлалъ, какъ онъ дѣлалъ на охотѣ, не думая, не соображая. Онъ видѣлъ, что драгуны близко, что они скачутъ, разстроены; онъ зналъ, что они не выдержатъ, онъ зналъ, что была только одна минута, которая не воротится, ежели онъ упуститъ ее. Пули такъ возбудительно визжали и свистѣли вокругъ него, лошадь такъ горячо просилась впередъ, что онъ не могъ выдержать. Онъ тронулъ лошадь, скомандовалъ и въ тоже мгновеніе, услыхавъ за собой звукъ топота

своего развернутаго эскадрона, на полныхъ рысяхъ, сталъ опускаться къ драгунамъ подъ гору. Едва они сошли подъ гору, какъ невольно ихъ аллюръ рыси перешелъ въ галопъ, становившійся все быстрѣе и быстрѣе, по мѣрѣ того какъ они приближались къ своимъ уланамъ и скакавшимъ за ними французскимъ драгунамъ. Драгуны были близко. Передніе, увидавъ гусаръ, стали поворачивать назадъ, задніе пріостанавливаться. Съ чувствомъ, съ которымъ онъ несся на перерѣзъ волку, Ростовъ, выпустивъ во весь махъ своего донца, скакалъ на перерѣзъ разстроеннымъ рядамъ французскихъ драгунъ. Одинъ уланъ остановился, одинъ пѣшій припалъ къ землѣ, чтобы его не раздавили, одна лошадь безъ сѣдока замѣшалась съ гусарами. Почти всѣ французскіе драгуны скакали назадъ. Ростовъ, выбравъ себѣ одного изъ нихъ на сѣрой лошади, пустился за нимъ. По дорогѣ онъ налетѣлъ на кустъ: добрая лошадь перенесла его черезъ него, и, едва справясь на сѣдлѣ, Николай увидалъ, что онъ черезъ нѣсколько мгновеній догонитъ того непріятеля, котораго онъ выбралъ своей цѣлью. Французъ этотъ, вѣроятно офицеръ по его мундиру, согнувшись скакалъ на своей сѣрой лошади, саблей подгоняя ее. Черезъ мгновенье лошадь Ростова ударила грудью въ задъ лошади офицера, чуть не сбила ее съ ногъ, и въ тоже мгновенье Ростовъ, самъ не зная зачѣмъ, поднялъ саблю и ударилъ ею по Французу.

Въ тоже мгновеніе какъ онъ сдѣлалъ это, все оживленіе Ростова вдругъ исчезло. Офицеръ упалъ не столько отъ удара саблей, который только слегка разрѣзалъ ему руку выше локтя, сколько отъ толчка лошади и отъ страха. Ростовъ, сдержавъ лошадь, отъискивалъ глазами своего врага, чтобы увидать кого, онъ побѣдилъ. Драгунскій, французскій офицеръ одной ногой прыгалъ на землѣ, другой зацѣпился въ стремени. Онъ испуганно щурясь, какъ будто ожидая всякую секунду новаго удара, сморщившись, съ выраженіемъ

ужаса взглянулъ снизу вверхъ на Ростова. Лицо его, блѣдное и забрызганое грязью, бѣлокурое, молодое, съ дырочкой на подбородкѣ и свѣтлыми, голубыми глазами, было самое не для поля сраженія, не вражеское лицо, а самое простое, комнатное лицо. Еще прежде чѣмъ Ростовъ рѣшилъ, что онъ съ нимъ будетъ дѣлать, офицеръ закричалъ: je me rends! Онъ торопясь хотѣлъ и не могъ выпутать изъ стремени ногу и, не спуская испуганныхъ голубыхъ глазъ, смотрѣлъ на Ростова. Подскочившіе гусары выпростали ему ногу и посадили его на сѣдло. Гусары съ разныхъ сторонъ возились съ драгунами: одинъ былъ раненъ, но съ лицемъ въ крови не давалъ своей лошади; другой, обнявъ гусара, сидѣлъ на крупѣ его лошади; третій взлѣзалъ, поддерживаемый гусаромъ, на его лошадь. Впереди бѣжала стрѣляя французская пѣхота. Гусары торопливо поскакали назадъ съ своими плѣнными. Ростовъ скакалъ назадъ съ другими, испытывая какое-то непріятное чувство, сжимавшее ему сердце. Что-то неясное, запутанное, чего онъ никакъ не могъ объяснить себѣ, открылось ему взятіемъ въ плѣнъ этого офицера и тѣмъ ударомъ, который онъ нанесъ ему.

Графъ Остерманъ-Толстой встрѣтилъ возвращавшихся гусаръ, подозвалъ Ростова, благодарилъ его и сказалъ, что онъ представитъ государю о его молодецкомъ поступкѣ, и будетъ просить для него Георгіевскій крестъ. Когда Ростова потребовали къ графу Остерману, онъ, вспомнивъ о томъ, что атака его была начата безъ приказанья, былъ вполнѣ убѣжденъ, что начальникъ требуетъ его для того, чтобы наказать его за самовольный поступокъ. Поэтому лестныя слова Остермана и обѣщаніе награды должны бы были тѣмъ радостнѣе поразить Ростова; но все тоже непріятное, неясное чувство нравственно тошнило ему.—«Да что бишь меня мучаетъ? спросилъ онъ себя, отъѣзжая отъ генерала. Ильинъ? Нѣтъ онъ цѣлъ. Осрамился я чѣмъ нибудь? Нѣтъ. Все не то!» Что-то другое мучило его какъ раскаяніе. Да, да

этотъ французскій офицеръ съ дырочкой. И какъ я помню, какъ рука моя остановилась, когда я поднялъ ее».

Ростовъ увидалъ отвозимыхъ плѣнныхъ и поскакалъ за ними, чтобы посмотрѣть своего Француза съ дырочкой на подбородкѣ. Онъ въ своемъ странномъ мундирѣ сидѣлъ на заводской гусарской лошади и безпокойно оглядывался вокругъ себя. Рана его на рукѣ была почти не рана. Онъ притворно улыбнулся Ростову и помахалъ ему рукой, въ видѣ привѣтствія. Ростову все также было неловко и чего-то совѣстно.

Весь этотъ день и слѣдующій день, друзья и товарищи Ростова замѣчали, что онъ не скученъ, не сердитъ, но молчаливъ, задумчивъ и сосредоточенъ. Онъ неохотно пилъ, старался оставаться одинъ, и о чемъ-то все думалъ.

Ростовъ все думалъ объ этомъ своемъ блестящемъ подвигѣ, который, къ удивленію его, пріобрѣлъ ему Георгіевскій крестъ и даже сдѣлалъ ему репутацію храбреца, и никакъ не могъ понять чего-то. «Такъ и они еще больше боятся нашего! думалъ онъ. Такъ только-то и есть всего то, что̀ называется геройствомъ? И развѣ я это дѣлалъ для отечества? И въ чемъ онъ виноватъ съ своей дырочкой и голубыми глазами? А какъ онъ испугался! Онъ думалъ, что я убью его. За что̀жъ мнѣ убивать его? У меня рука дрогнула. А мнѣ дали Георгіевскій крестъ. Ничего, ничего не понимаю!»

Но пока Николай перерабатывалъ въ себѣ эти вопросы и все таки не далъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что̀ такъ смутило его, колесо счастья по службѣ, какъ это часто бываетъ, повернулось въ его пользу. Его выдвинули впередъ послѣ Островненскаго дѣла, дали ему батальонъ гусаровъ, и когда нужно было употребить храбраго офицера, давали ему порученія.

XVI.

Получивъ извѣстіе о болѣзни Наташи, графиня, еще не совсѣмъ здоровая и слабая, съ Петей и со всѣмъ домомъ, пріѣхала въ Москву, и все семейство Ростовыхъ перебралось отъ Марьи Дмитріевны въ свой домъ и совсѣмъ поселилось въ Москвѣ.

Болѣзнь Наташи была такъ серьезна, что къ счастью ея и къ счастью родныхъ мысль о всемъ томъ, что̀ было причиной ея болѣзни, ея поступокъ и разрывъ съ женихомъ перешли на второй планъ. Она была такъ больна, что нельзя было думать о томъ, на сколько она была виновата во всемъ случившемся, тогда какъ она не ѣла, не спала, замѣтно худѣла, кашляла и была, какъ давали чувствовать доктора̀, въ опасности. Надо было думать только о томъ, чтобы помочь ей. Доктора ѣздили къ Наташѣ и отдѣльно, и консиліумами, говорили много по-французски, и по-нѣмецки, и по-латыни, осуждали одинъ другаго, прописывали самыя разнообразныя лекарства отъ всѣхъ имъ извѣстныхъ болѣзней; но ни одному изъ нихъ не приходила въ голову та простая мысль, что имъ не можетъ быть извѣстна та болѣзнь, которой страдала Наташа, какъ не можетъ быть извѣстна ни одна болѣзнь, которой одержимъ живой человѣкъ: ибо каждый живой человѣкъ имѣетъ свои особенности и всегда имѣетъ особенную и свою новую, сложную, неизвѣстную медицинѣ болѣзнь, не болѣзнь легкихъ, печени, кожи, сердца, нервовъ и т. д. записанныхъ въ медицинѣ, но болѣзнь состоящую изъ одного изъ безчисленныхъ соединеній въ страданіяхъ этихъ органовъ. Эта простая мысль не могла приходить докторамъ (также какъ не можетъ придти колдуну въ голову мысль, что онъ не можетъ колдовать), потому, что ихъ дѣло жизни состояло въ томъ, чтобы лечить, потому, что за то они получали деньги и потому, что на это дѣло они потратили лучшіе года своей жизни.

Но главное — мысль эта не могла придти докторамъ, потому что они видѣли, что они несомнѣнно полезны и были дѣйствительно полезны для всѣхъ домашнихъ Ростовыхъ. Они были полезны не потому, что заставляли проглатывать больную большей частью вредныя вещества (вредъ этотъ былъ мало чувствителенъ, потому что вредныя вещества давались въ маломъ количествѣ), но они полезны, необходимы, неизбѣжны были (причина — почему всегда есть и будутъ мнимые излечители, ворожеи, гомеопаты и алопаты), потому что они удовлетворяли нравственной потребности больной и людей, любящихъ больную. Они удовлетворяли той вѣчной человѣческой потребности надежды на облегченіе, потребности сочувствія и дѣятельности, которыя испытываетъ человѣкъ во время страданія. Они удовлетворяли той вѣчной, человѣческой — въ ребенкѣ замѣтной въ самой первобытной формѣ — потребности потереть то мѣсто, которое ушиблено. Ребенокъ убьется и тотчасъ же бѣжитъ въ руки матери, няньки, для того чтобы ему поцѣловали и потерли больное мѣсто, и ему дѣлается легче, когда больное мѣсто потрутъ или поцѣлуютъ. Ребенокъ не вѣритъ, чтобъ у сильнѣйшихъ и мудрѣйшихъ его не было средства помочь его боли. И надежда на облегченіе, и выраженіе сочувствія въ то время, какъ мать третъ его шишку, утѣшаютъ его. Доктора для Наташи были полезны тѣмъ, что они цѣловали и терли *бобо*, увѣряя, что сейчасъ пройдетъ, ежели кучеръ съѣздитъ въ Арбатскую аптеку и возьметъ на рубль семь гривенъ порошковъ и пилюль въ хорошенькой коробочкѣ и ежели порошки эти, непремѣнно черезъ два часа, никакъ не больше и не меньше, будетъ въ отварной водѣ принимать больная.

Что же бы дѣлали Соня, графъ и графиня, какъ бы они смотрѣли, ничего не предпринимая, ежели бы не было этихъ пилюль по часамъ, питья тепленькаго, куриной котлетки и всѣхъ подробностей жизни, предписанныхъ докторомъ, со-

блюдать которыя составляло занятіе и утѣшеніе для окружающихъ?

Какъ бы переносилъ графъ болѣзнь своей любимой дочери, ежели бы онъ не зналъ, что ему стóила тысячи рублей болѣзнь Наташи, и что онъ не пожалѣетъ еще тысячъ, чтобы сдѣлать ей пользу; ежели бы онъ не зналъ, что ежели она не поправится, онъ не пожалѣетъ еще тысячъ и повезетъ ее за границу и тамъ сдѣлаетъ консиліумы; ежели бы онъ не имѣлъ возможности разсказывать подробности о томъ, какъ Метивье и Феллеръ не поняли, а Фризъ понялъ и Мудровъ еще лучше опредѣлилъ болѣзнь? Чтобы дѣлала графиня, ежели бы она не могла иногда ссориться съ больной Наташей за то, что она не вполнѣ соблюдала предписаній доктора?

— Этакъ никогда не выздоровѣешь, говорила она, подъ досадой забывая свое горе,—ежели ты не будешь слушаться доктора и не вò-время принимать лекарство! Вѣдь нельзя шутить этимъ, когда у тебя можетъ сдѣлаться пневмонія, говорила графиня, и въ произношеніи этого непонятнаго не для нея одной слова она уже находила большое утѣшеніе. Чтобы дѣлала Соня, ежели бы у ней не было радостнаго сознанія того, что она не раздѣвалась три ночи первое время для того, чтобы быть на готовѣ исполнять въ точности всѣ предписанія доктора и что она теперь не спитъ ночи для того, чтобы не пропустить часы, въ которые надо давать маловредныя пилюли изъ золотой коробочки. Даже самой Наташѣ, которая хотя и говорила, что никакія лекарства не вылечатъ ея и что все это глупости, и ей—было радостно видѣть, что для нея дѣлали такъ много пожертвованій, что ей надо было въ извѣстные часы принимать лекарства. И даже ей радостно было тò, что она, пренебрегая исполненіемъ предписаннаго, могла показывать, что она не вѣритъ въ леченіе и не дорожитъ своей жизнью.

Докторъ ѣздилъ каждый день, щупалъ пульсъ, смотрѣлъ языкъ и, не обращая вниманія на ея убитое лицо, шутилъ съ нею. Но за то, когда онъ выходилъ въ другую комнату, графиня поспѣшно выходила за нимъ, и онъ, принимая серьозный видъ и покачивая задумчиво головой, говорилъ, что хотя и есть опасность, онъ надѣется на дѣйствіе этого послѣдняго лекарства, и что надо ждать и посмотрѣть; что болѣзнь больше нравственная, но....

Графиня, стараясь скрыть этотъ поступокъ отъ себя и отъ доктора, всовывала ему въ руку золотой и всякій разъ съ успокоеннымъ сердцемъ возвращалась къ больной.

Признаки болѣзни Наташи состояли въ томъ, что она мало ѣла, мало спала, кашляла и никогда не оживлялась. Доктора говорили, что больную нельзя оставлять безъ медицинской помощи, и поэтому въ душномъ воздухѣ держали ее въ городѣ. И лѣто 1812-го года Ростовы не уѣзжали въ деревню.

Несмотря на большое количество проглоченныхъ пилюль, капель и порошковъ изъ баночекъ и коробочекъ, изъ которыхъ madame Schoss, охотница до этихъ вещицъ, собрала большую коллекцію, несмотря на отсутствіе привычной деревенской жизни, молодость брала свое: горе Наташи начало покрываться слоемъ впечатлѣній прожитой жизни, оно перестало такой мучительной болью лежать ей на сердцѣ, начинало становиться прошедшимъ, и Наташа стала физически оправляться.

XVII.

Наташа была спокойнѣе, но не веселѣе. Она не только избѣгала всѣхъ внѣшнихъ условій радости: баловъ, катанья, концертовъ, театра; но она ни разу не смѣялась такъ, чтобы изъ-за смѣха ея не слышны были слезы. Она не могла пѣть. Какъ только начинала она смѣяться или пробовала одна сама съ собой пѣть, слезы душили ее; слезы раска-

янія, слезы воспоминаній о томъ невозвратномъ, чистомъ времени; слезы досады, что такъ, задаромъ, погубила она свою молодую жизнь, которая могла бы быть такъ счастлива. Смѣхъ и пѣніе особенно казались ей кощунствомъ надъ ея горемъ. О кокетствѣ она и не думала; ей не приходилось даже воздерживаться. Она говорила и чувствовала, что въ это время всѣ мущины были для нея совершенно тоже, что шутъ Настасья Ивановна. Внутренній стражъ твердо воспрещалъ ей всякую радость. Да и не было въ ней всѣхъ прежнихъ интересовъ жизни изъ того дѣвичьяго, беззаботнаго, полнаго надеждъ, склада жизни. Чаще и болѣзненнѣе всего она вспоминала осенніе мѣсяцы, охоту, дядюшку и святки, проведенные съ Nicolas въ Отрадномъ. Чтобы она дала, чтобы возвратить хоть одинъ день изъ того времени! Но ужъ это навсегда было кончено. Предчувствіе не обманывало ея тогда, что то состояніе свободы и открытости для всѣхъ радостей никогда уже не возвратится больше. Но жить надо было.

Ей отрадно было думать, что она не лучше, какъ она прежде думала, а хуже и гораздо хуже всѣхъ, всѣхъ, кто только есть на свѣтѣ. Но этого мало было. Она знала это и спрашивала себя: «чтожъ дальше?» А дальше ничего не было. Не было никакой радости въ жизни, а жизнь проходила. Наташа видимо старалась только никому не быть въ тягость и никому не мѣшать, но для себя ей ничего не нужно было. Она удалялась отъ всѣхъ домашнихъ, и только съ братомъ Петей ей было легко. Съ нимъ она любила бывать больше чѣмъ съ другими; и иногда, когда бывала съ нимъ съ глазу на глазъ, смѣялась. Она почти не выѣзжала изъ дому и изъ пріѣзжавшихъ къ нимъ рада была только одному человѣку—Пьеру. Нельзя было нѣжнѣе, осторожнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезнѣе обращаться, чѣмъ обращался съ нею графъ Безухій. Наташа безсознательно чувствовала эту нѣжность обращенія, и потому находила большое удоволь-

ствіе въ его обществѣ. Но она не была даже благодарна ему за его нѣжность. Ничто хорошее со стороны Пьера не казалось ей усиліемъ. Пьеру, казалось, такъ естественно быть добрымъ со всѣми, что не было никакой заслуги въ его добротѣ. Иногда Наташа замѣчала смущеніе и неловкость Пьера въ ея присутствіи, въ особенности когда онъ хотѣлъ сдѣлать для нея что нибудь пріятное или когда онъ боялся, чтобы что нибудь въ разговорѣ не навело Наташу на тяжелыя воспоминанія. Она замѣчала это и приписывала это его общей добротѣ и застѣнчивости, которая, по ея понятіямъ, таковая же какъ съ нею должна была быть и со всѣми. Послѣ тѣхъ нечаянныхъ словъ о томъ, что ежели бы онъ былъ свободенъ, онъ на колѣняхъ бы просилъ ея руки и любви, сказанныхъ въ минуту такого сильнаго волненія для нея, Пьеръ никогда не говорилъ ничего о своихъ чувствахъ къ Наташѣ; и для нея было очевидно, что тѣ слова, тогда такъ утѣшившія ее, были сказаны, какъ говорятся всякія безсмысленныя слова, для утѣшенія плачущаго ребенка. Не оттого что Пьеръ былъ женатый человѣкъ, но оттого, что Наташа чувствовала между собою и имъ въ высшей степени ту силу нравственныхъ преградъ — отсутствіе которой она чувствовала съ Курагинымъ — ей никогда въ голову не приходило, чтобы изъ ея отношеній съ Пьеромъ могла выдти не только любовь съ ея или еще менѣе съ его стороны, но даже и тотъ родъ нѣжной, признающей себя, поэтической дружбы между мущиной и женщиной, которой она знала нѣсколько примѣровъ.

Въ концѣ Петровскаго поста Аграфена Ивановна Бѣлова, Отрадненская сосѣдка Ростовыхъ, пріѣхала въ Москву поклониться Московскимъ угодникамъ. Она предложила Наташѣ говѣть, и Наташа съ радостью ухватилась за эту мысль. Несмотря на запрещеніе докторовъ выходить рано утромъ, Наташа настояла на томъ, чтобы говѣть, и говѣть не такъ какъ говѣли въ домѣ Ростовыхъ обыкновенно, то

есть отслушать на дому три службы, а чтобы говѣть такъ, какъ говѣла Аграфена Ивановна, то есть всю недѣлю, не пропуская ни одной вечерни, обѣдни или заутрени.

Графинѣ понравилось это усердіе Наташи; она въ душѣ своей, послѣ безуспѣшнаго медицинскаго леченія, надѣялась, что молитва поможетъ ей больше лекарствъ, и хотя со страхомъ и скрывая отъ доктора, но согласилась на желаніе Наташи и поручила ее Бѣловой. Аграфена Ивановна въ три часа ночи приходила будить Наташу и большей частью находила ее уже не спящею. Наташа боялась проспать время заутрени. Поспѣшно умываясь и съ смиреніемъ одѣваясь въ самое дурное свое платье и старенькую мантилью, содрагаясь отъ свѣжести, Наташа выходила на пустынныя улицы, прозрачно освѣщенныя утренней зарей. По совѣту Аграфены Ивановны Наташа говѣла не въ своемъ приходѣ, а въ церкви, въ которой, по словамъ набожной Бѣловой, былъ священникъ весьма строгой и высокой жизни. Въ церкви всегда было мало народа. Наташа съ Бѣловой становились на привычное мѣсто передъ иконою Божіей Матери, вдѣланной въ задъ лѣваго клироса, и новое для Наташи чувство смиренія передъ великимъ, непостижимымъ, охватывало ее, когда она въ этотъ непривычный часъ утра, глядя на черный ликъ Божіей Матери, освѣщенный и свѣчами горѣвшими передъ нимъ и свѣтомъ утра, падавшимъ изъ окна, слушала звуки службы, за которыми она старалась слѣдить, понимая ихъ. Когда она понимала ихъ, ея личное чувство съ своими оттѣнками присоединялось къ ея молитвѣ; когда она не понимала, ей еще сладостнѣе было думать, что желаніе понимать все есть гордость, что понимать всего нельзя, что надо только вѣрить и отдаваться Богу, Который въ эти минуты — она чувствовала — управлялъ ея душою. Она крестилась, кланялась и когда не понимала, то только ужасаясь передъ своею мерзостью, просила Бога простить ее за все, за все,

и помиловать. Молитвы, которымъ она больше всего отдавалась, были молитвы раскаянія. Возращаясь домой въ ранній часъ утра, когда встрѣчались только каменьщики, шедшіе на работу, дворники, выметавшіе улицу, и въ домахъ еще всѣ спали, Наташа испытывала новое для нея чувство возможности исправленія себя отъ своихъ пороковъ и возможности новой, чистой жизни и счастія.

Впродолженіи всей недѣли, въ которую она вела эту жизнь, чувство это росло съ каждымъ днемъ. И счастье пріобщиться или сообщиться, . какъ радостно играя этимъ словомъ говорила ей Аграфена Ивановна, представлялось ей столь великимъ, что ей казалось, что она не доживетъ до этого блаженнаго воскресенія.

Но счастливый день наступилъ, и когда Наташа въ это памятное для нея воскресенье, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, вернулась отъ причастія, она въ первый разъ послѣ многихъ мѣсяцевъ почувствовала себя спокойною и не тяготящеюся жизнью, которая ей предстояла.

Пріѣзжавшій въ этотъ день докторъ осмотрѣлъ Наташу и велѣлъ продолжать тѣ послѣдніе порошки, которые онъ прописалъ двѣ недѣли тому назадъ.

— Непремѣнно продолжать утромъ и вечеромъ, сказалъ онъ, видимо самъ добросовѣстно-довольный своимъ успѣхомъ.— Только пожалуйста акуратнѣе.

— Будьте покойны, графиня, сказалъ шутливо докторъ, въ мякоть руки ловко подхватывая золотой,—скоро опять запоетъ и зарѣзвится. Очень, очень ей въ пользу послѣднее лекарство. Она очень посвѣжѣла.

Графиня посмотрѣла на ногти и поплевала, съ веселымъ лицомъ возвращаясь въ гостиную.

XVIII.

Въ началѣ іюля въ Москвѣ распространялись все болѣе

и болѣе тревожные слухи о ходѣ войны; говорили о воззваніи государя къ народу, о пріѣздѣ самаго государя изъ арміи въ Москву. И такъ какъ до 11-го іюля манифестъ и воззваніе не были получены, то о нихъ и о положеніи Россіи ходили преувеличенные слухи. Говорили, что государь уѣзжаетъ потому, что армія въ опасности, говорили, что Смоленскъ сданъ, что у Наполеона милліонъ войска, и что только чудо можетъ спасти Россію.

11-го іюля въ субботу былъ полученъ манифестъ, но еще не напечатанъ; и Пьеръ, бывшій у Ростовыхъ, обѣщалъ на другой день, въ воскресенье, пріѣхать обѣдать и привести манифестъ и воззваніе, которыя онъ достанетъ у графа Ростопчина.

Въ это воскресенье Ростовы по обыкновенію поѣхали къ обѣднѣ въ домовую церковь Разумовскихъ. Былъ жаркій, іюльскій день. Уже въ 10 часовъ, когда Ростовы выходили изъ кареты передъ церковью, въ жаркомъ воздухѣ, въ крикахъ разносчиковъ, въ яркихъ и свѣтлыхъ лѣтнихъ платьяхъ толпы, въ запыленныхъ листьяхъ деревъ бульвара, въ звукахъ музыки и бѣлыхъ панталонахъ прошедшаго на разводъ батальона, въ громѣ мостовой и яркомъ блескѣ жаркаго солнца, было то лѣтнее томленіе, довольство и недовольство настоящимъ, которое особенно рѣзко чувствуется въ ясный жаркій день въ городѣ. Въ церкви Разумовскихъ была вся знать Московская, все знакомые Ростовыхъ (въ этотъ годъ, какъ бы ожидая чего-то, очень много богатыхъ семей, обыкновенно разъѣзжающихся по деревнямъ, остались въ городѣ). Проходя позади ливрейнаго лакея, раздававшаго толпу, подлѣ матери, Наташа услыхала голосъ молодаго человѣка, слишкомъ громкимъ шопотомъ говорившаго о ней:

— Это Ростова, та самая.

— Какъ похудѣла, а все-таки хороша!—Она слышала, или ей показалось, что были упомянуты имена Курагина и Болконскаго. Впрочемъ ей всегда это казалось. Ей всегда

казалось, что всѣ, глядя на нее, только и думаютъ о томъ, что̀ съ ней случилось. Страдая и замирая въ душѣ, какъ всегда въ толпѣ, Наташа шла въ своемъ лиловомъ, шелковомъ, съ черными кружевами платьѣ, такъ какъ умѣютъ ходить женщины, тѣмъ спокойнѣе и величавѣе, чѣмъ больнѣе и стыднѣе у ней было на душѣ. Она знала и не ошибалась, что она хороша, но это теперь не радовало ее какъ прежде. Напротивъ, это мучило ее больше всего въ послѣднее время, и въ особенности въ этотъ яркій, жаркій, лѣтній день въ городѣ. «Еще воскресенье, еще недѣля, говорила она себѣ»,—вспоминая какъ она была тутъ въ то воскресенье, «и все таже жизнь безъ жизни, и все тѣ же условія, въ которыхъ такъ легко бывало жить прежде. Хороша, молода и я знаю что теперь добра, прежде я была дурная, а теперь я добра, я знаю, думала она, а такъ даромъ, ни для кого, проходятъ лучшіе, лучшіе годы.»—Она стала подлѣ матери и перекинулась съ близко стоявшими знакомыми. Наташа по привычкѣ разсмотрѣла туалеты дамъ, осудила tenue и неприличный способъ креститься рукой на маломъ пространствѣ одной близко стоявшей дамы, опять съ досадой подумала о томъ, что про нея судятъ, что и она судитъ, и вдругъ, услыхавъ звуки службы, ужаснулась своей мерзости, ужаснулась тому, что прежняя чистота опять потеряна ею.

Благообразный, чистый старичокъ служилъ съ той кроткой торжественностью, которая такъ величаво, успокоительно дѣйствуетъ на души молящихся. Царскія двери затворились, медленно задернулась завѣса, таинственный, тихій голосъ произнесъ что-то оттуда. Непонятныя для нея самой слезы стояли въ груди Наташи, и радостное и томительное чувство волновало ее.

«Научи меня, что̀ мнѣ дѣлать, какъ мнѣ быть съ моей жизнью, какъ мнѣ исправиться навсегда, навсегда!... думала она.

Дьяконъ вышелъ на амвонъ, выправилъ, широко отставивъ большой палецъ, свои длинные волосы изъ подъ стихаря и, положивъ на груди крестъ, громко и торжественно сталъ читать слова молитвы:

— «Міромъ Господу помолимся.»

«Міромъ, всѣ вмѣстѣ, безъ различія сословій, безъ вражды, а соединенные братской любовью—будемъ молиться», думала Наташа.

— О свышнемъ мірѣ и о спасеніи душъ нашихъ!

«О мірѣ ангеловъ и душъ всѣхъ безтѣлесныхъ существъ, которые живутъ надъ нами», молилась Наташа.

Когда молились за воинство, она вспомнила брата и Денисова. Когда молились за плавающихъ и путешествующихъ, она вспомнила князя Андрея, и молилась за него, и молилась за то, чтобы Богъ простилъ ей то зло, которое она ему сдѣлала. Когда молились за любящихъ насъ, она молилась о своихъ домашнихъ, объ отцѣ, матери, Сонѣ—въ первый разъ теперь понимая всю свою вину передъ ними и чувствуя всю силу своей любви къ нимъ. Когда молились о ненавидящихъ насъ, она придумывала себѣ враговъ и ненавидящихъ для того, чтобы молиться за нихъ. Она причисляла къ врагамъ кредиторовъ и всѣхъ тѣхъ, которые имѣли дѣло съ ея отцемъ, и всякій разъ, при мысли о врагахъ и ненавидящихъ, она вспоминала Анатоля, сдѣлавшаго ей столько зла, и хотя онъ не былъ ненавидящій, она радостно молилась за него какъ за врага. Только на молитвѣ она чувствовала себя въ силахъ ясно и спокойно вспоминать и о князѣ Андреѣ и объ Анатолѣ, какъ объ людяхъ, къ которымъ чувства ея уничтожались въ сравненіи съ ея чувствомъ страха и благоговѣнія къ Богу. Когда молились за царскую фамилію и за синодъ, она особенно низко кланялась и крестилась, говоря себѣ, что ежели она не понимаетъ, она не можетъ сомнѣваться, и все таки любитъ правительствующій синодъ и молится за него.

Окончивъ ектенью, дьяконъ перекрестилъ вокругъ груди орарь и произнесъ:

— Сами себя и животъ нашъ Христу Богу предадимъ.

«Сами себя Богу предадимъ, повторила въ своей душѣ Наташа.—Боже мой, предаю себя Твоей волѣ, думала она. —Ничего не хочу, не желаю; научи меня, что̀ мнѣ дѣлать, какъ употребить свою волю! Да возьми же меня, возьми меня!» съ умиленнымъ нетерпѣніемъ въ душѣ говорила Наташа, не крестясь, опустивъ свои тонкія руки и какъ будто ожидая, что вотъ, вотъ невидимая сила возьметъ ее и избавитъ отъ себя, отъ своихъ сожалѣній, желаній, укоровъ, надеждъ и пороковъ.

Графиня нѣсколько разъ во время службы оглядывалась на умиленное, съ блестящими глазами, лицо своей дочери и молилась Богу о томъ, чтобы Онъ помогъ ей.

Неожиданно, въ серединѣ и не въ порядкѣ службы, который Наташа хорошо знала, дьячекъ вынесъ скамеечку, ту самую, на которой читались колѣнопреклонныя молитвы въ Троицынъ день, и поставилъ ее передъ царскими дверьми. Священникъ вышелъ въ своей лиловой, бархатной скуфьѣ, оправилъ волосы и съ усиліемъ сталъ на колѣна. Всѣ сдѣлали тоже, и съ недоумѣньемъ смотрѣли другъ на друга. Это была молитва, только что полученная изъ синода, молитва о спасеніи Россіи отъ вражескаго нашествія.

«Господи Боже силъ, Боже спасенія нашего» — началъ священникъ тѣмъ яснымъ, ненапыщеннымъ и кроткимъ голосомъ, которымъ читаютъ только одни духовные славянскіе чтецы, и который такъ неотразимо дѣйствуетъ на Русское сердце.

«Господи Боже силъ, Боже спасенія нашего! Призри нынѣ «въ милостяхъ и щедротахъ на смиренныя люди Твоя, и «человѣколюбно услыши, и пощади, и помилуй насъ. Се «врагъ смущаяй землю Твою и хотяй положити вселенную

«всю пусту, возста на ны; се люди беззаконніи собрашася, «еже погубити достояніе Твое, разорити честный Іеруса-«лимъ Твой, возлюбленную Твою Россію: осквернити храмы «Твои, раскопати алтари и поругатися Святынѣ нашей. «Доколѣ, Господи, доколѣ грѣшницы восхвалятся? Доколѣ «употребляти имать законопреступный власть?

«Владыко Господи! Услыши насъ молящихся Тебѣ: укрѣ-«пи силою Твоею благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго «великаго государя нашего императора Александра Павло-«вича; помяни правду Его и кротость, воздаждь Ему по «благости Его, ею же хранитъ ны, Твой возлюбленный «Израиль. Благослови Его совѣты, начинанія и дѣла; ут-«верди всемогущею Твоею десницею царство Его, и по-«даждь Ему побѣду на врага, яко же Моусею на Амалика, «Гедеону на Мадіама и Давиду на Голіаѳа. Сохрани воин-«ство Его, положи лукъ мѣдянъ мышцамъ во имя Твое «ополчившихся, и препояши ихъ силою на брань. Пріими «оружіе и щитъ, и возстани въ помощь нашу, да посты-«дятся и посрамятся мыслящіи намъ злая, да будутъ предъ «лицемъ вѣрнаго Ти воинства, яко прахъ предъ лицемъ «вѣтра, и Ангелъ Твой сильный да будетъ оскорбляяй и «погоняяй ихъ; да пріидетъ имъ сѣть, юже не свѣдаютъ, «и ихъ ловитва, юже сокрыша, да обыметъ ихъ; да падутъ «предъ ногами рабовъ Твоихъ и въ попраніе воемъ нашимъ «да будутъ. Господи! Не изнеможетъ у Тебѣ спасати во «многихъ и въ малыхъ; Ты еси Богъ, да не противовозмо-«жетъ противу Тебѣ человѣкъ.

«Боже отецъ нашихъ! Помяни щедроты Твоя и милости «яже отъ вѣка суть; не отвержи насъ отъ лица Твоего, «ниже возгнушайся недостоинствомъ нашимъ, но по вели-«цѣй милости Твоей и по множеству щедротъ Твоихъ, «презри беззаконія и грѣхи наша. Сердце чисто созижди въ «насъ, и духъ правъ обнови во утробѣ нашей; всѣхъ насъ «укрѣпи вѣрою въ Тя, утверди надеждою, одушеви истин-

«ною другъ къ другу любовью, вооружи единодушіемъ на «праведное защищеніе одержанія еже далъ еси намъ и от«цемъ нашимъ, да не вознесется жезлъ нечестивыхъ на жре«бій освященныхъ.

«Господи Боже нашъ, въ Него же вѣруемъ и на Него «же уповаемъ, не посрами насъ отъ чаянія милости Твоея, «и сотвори знаменіе во благо, яко да видятъ ненавидящіи «насъ и православную вѣру нашу, и посрамятся и по«гибнутъ; и да увѣдятъ всѣ страны, яко имя Тебѣ Гос«подь, и мы людіе Твои. Яви намъ, Господи, нынѣ ми«лость Твою и спасеніе Твое даждь намъ; возвесели серд«це рабовъ Твоихъ о милости Твоей; порази враги наши, «и сокруши ихъ подъ ноги вѣрныхъ Твоихъ вскорѣ. Ты «бо еси заступленіе, помощь и побѣда уповающихъ на Тя, «и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и Святому Духу «и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.»

Въ томъ состояніи раскрытости душевной, въ которой находилась Наташа, эта молитва сильно подѣйствовала на нее. Она слушала каждое слово о побѣдѣ Моисея на Амалика, и Гедеона на Мадіама, и Давида на Голіаѳа, и о разореніи Іерусалима Твоего, и просила Бога съ той нѣжностью и размягченностью, которою было переполнено ея сердце; но не понимала хорошенько, о чемъ она просила Бога въ этой молитвѣ. Она всей душой участвовала въ прошеніи о духѣ правомъ, объ укрѣпленіи сердца вѣрою, надеждою и о воодушевленіи ихъ любовью. Но она не могла молиться о попраніи подъ ноги враговъ своихъ, когда она за нѣсколько минутъ передъ этимъ только желала имѣть ихъ больше, чтобы молиться за нихъ. Но она тоже не могла сомнѣваться въ правотѣ читаемой, колѣнопреклонной молитвы. Она ощущала въ душѣ своей благоговѣйный и трепетный ужасъ предъ наказаніемъ, постигшимъ людей за ихъ грѣхи и въ особенности за свои грѣхи, и просила Бога о томъ, чтобы Онъ простилъ ихъ всѣхъ и ее, и далъ бы имъ всѣмъ

и ей спокойствія и счастія въ жизни. И ей казалось, что Богъ слышитъ ея молитву.

XIX.

Съ того дня какъ Пьеръ, уѣзжая отъ Ростовыхъ и вспоминая благодарный взглядъ Наташи, смотрѣлъ на комету стоявшую на небѣ, и почувствовалъ, что для него открылось что-то новое, — вѣчно мучившій его вопросъ о тщетѣ и безумности всего земнаго, пересталъ представляться ему. Этотъ страшный вопросъ: зачѣмъ? кчему? который прежде представлялся ему всерединѣ всякаго занятія, теперь замѣнился для него не другимъ вопросомъ и не отвѣтомъ на прежній вопросъ, а представленіемъ *ея*. Слышалъ ли онъ или самъ велъ ничтожные разговоры, читалъ ли онъ или узнавалъ про подлость и безсмысленность людскую, онъ не ужасался какъ прежде; не спрашивалъ себя изъ чего хлопочатъ люди, когда все такъ кратко и неизвѣстно, но вспоминалъ ее въ томъ видѣ, въ которомъ онъ видѣлъ ее послѣдній разъ, и всѣ сомнѣнія его исчезали, не потому, что она отвѣчала на вопросы, которые представлялись ему, но потому, что представленіе о ней переносило его мгновенно въ другую, свѣтлую область душевной дѣятельности, въ которой не могло быть праваго или виноватаго, въ область красоты и любви, для которой стоило жить. Какая бы мерзость житейская ни представлялась ему, онъ говорилъ себѣ:

«Ну и пускай NN. обокралъ государство и царя, а государство и царь воздаютъ ему почести; а она вчера улыбнулась мнѣ, и просила пріѣхать, и я люблю ее, и никто никогда не узнаетъ этого». И на душѣ его было спокойно и ясно.

Пьеръ все также ѣздилъ въ общество, также много пилъ и велъ ту же праздную и разсѣянную жизнь, потому что кромѣ тѣхъ часовъ, которые онъ проводилъ у Росто-

выхъ, надо было проводить и остальное время, и привычки и знакомства, сдѣланныя имъ въ Москвѣ, непреодолимо влекли его къ той жизни, которая захватила его. Но въ послѣднее время, когда съ театра войны приходили все болѣе и болѣе тревожные слухи, и когда здоровье Наташи стало поправляться, и она перестала возбуждать въ немъ прежнее чувство бережливой жалости, имъ стало овладѣвать болѣе и болѣе непонятное для него безпокойство. Онъ чувствовалъ, что то положеніе, въ которомъ онъ находился, не могло продолжаться долго, что наступаетъ катастрофа, долженствующая измѣнить всю его жизнь и съ нетерпѣніемъ отъискивалъ во всемъ признаки этой приближающейся катастрофы. Пьеру было открыто однимъ ихъ братьевъ-масоновъ, слѣдующее, выведенное изъ апокалипсиса Іоанна Богослова, пророчество относительно Наполеона.

Въ апокалипсисѣ, главѣ тринадцатой, стихѣ восьмнадцатомъ сказано: «Здѣ мудрость есть; иже имать умъ да почтетъ число звѣрино: число бо человѣческо есть и число его шестьсотъ-шестьдесятъ-шесть.»

И той же главы въ стихѣ пятомъ: «И даны быша ему уста глаголюща велика и хульна; и дана бысть ему область творити мѣсяцъ четыре-десять два.»

Французскія буквы, подобно еврейскому число-изображенію, по которому десятью первыхъ буквъ означаются единицы, а прочими десятки, имѣютъ слѣдующее значеніе:

a	b	c	d	e	f	g	h	i	k	l	m	n	o	p	q	r	s	t	u	v	w	x	y	z
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	20	30	40	50	60	70	80	90	100	110	120	130	140	150	160

Написавъ по этой азбукѣ цифрами слова L'empereur Napoleon, выходитъ, что сумма этихъ чиселъ равна 666-ти и что поэтому Наполеонъ есть тотъ звѣрь, о которомъ предсказано въ апокалипсисѣ. Кромѣ того, написавъ по этой же азбукѣ слова quarante deux т. е. предѣлъ, который былъ положенъ звѣрю глаголати велика и хульна, сумма этихъ чиселъ, изображающихъ quarante deux, опять ровна 666-ти, изъ

чего выходитъ, что предѣлъ власти Наполеона наступилъ въ 1812-мъ году, въ которомъ французскому императору минуло 42 года. Предсказаніе это очень поразило Пьера, и онъ часто задавалъ себѣ вопросъ о томъ, что̀ именно положитъ предѣлъ власти звѣря т. е. Наполеона, и на основаніи тѣхъ же изображеній словъ цифрами и вычисленіями старался найти отвѣтъ на занимавшій его вопросъ. Пьеръ написалъ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ: L'empereur Alexandre? la nation Russe?-сумма цифръ выходила больше или меньше 666-ти. Одинъ разъ, занимаясь этими вычисленіями, онъ написалъ своя имя Comte Pierre Besouhoff, сумма цифръ не вышла. Онъ, измѣнивъ орѳографію, поставилъ z вмѣтто s, прибавилъ «de» прибавилъ «article le» и все не получалъ желаемаго результата, Тогда ему пришло въ голову, что ежели бы отвѣтъ на искомый вопросъ и заключался въ его имени, то въ отвѣтѣ непремѣнно была бы названа его національность. Онъ написалъ Le Russe Besuhof и сочтя цифры, онъ получилъ 671. Только 5 было лишнихъ: 5 означаетъ «e», то самое «e», которое было откинуто въ article передъ словомъ l'empereur. Откинувъ точно также хотя и неправильно «e», Пьеръ получилъ искомый отвѣтъ l'Russe Besuhof, равное 666-ти. Открытіе это взволновало его. Какъ, какой связью, былъ онъ соединенъ съ тѣмъ великимъ событіемъ, которое было предсказано въ апокалипсисѣ, онъ не зналъ; но онъ ни на минуту не усумнился въ этой связи. Его любовь къ Ростовой, Антихристъ, нашествіе Наполеона, комета, 666, l'empereur Napoléon и l'Russe Besuhof, все это вмѣстѣ должно было созрѣть, разразиться и вывести его изъ того заколдованнаго, ничтожнаго міра Московскихъ привычекъ, въ которыхъ онъ чувствовалъ себя плѣненнымъ, и привести его къ великому подвигу и великому счастію.

Пьеръ наканунѣ того воскресенья, въ которое читали молитву, обѣщалъ Ростовымъ привести имъ отъ графа Ростопчина, съ которымъ онъ былъ хорошо знакомъ, и воззваніе къ Россіи, и послѣднія извѣстія изъ арміи. Поутру, заѣхавъ къ графу Ростопчину, Пьеръ у него засталъ только что пріѣхавшаго курьера изъ арміи. Курьеръ былъ одинъ изъ знакомыхъ Пьеру, Московскихъ бальныхъ танцоровъ.

— Ради Бога, не можете ли вы меня облегчить, сказалъ курьеръ: у меня полна сумка писемъ къ родителямъ.

Въ числѣ этихъ писемъ было письмо отъ Николая Ростова къ отцу. Пьеръ взялъ это письмо. Кромѣ того графъ Ростопчинъ далъ Пьеру воззваніе государя къ Москвѣ, только что отпечатанное, послѣдніе приказы по арміи и свою послѣднюю афишу. Просмотрѣвъ приказы по арміи, Пьеръ нашелъ въ одномъ изъ нихъ между извѣстіями о раненыхъ, убитыхъ и награжденныхъ имя Николая Ростова, награжденнаго Георгіемъ 3-й степени, за оказанную храбрость въ Островненскомъ дѣлѣ, и въ томъ же приказѣ назначеніе князя Андрея Болконскаго командиромъ Егерскаго полка. Хотя ему и не хотѣлось напоминать Ростовымъ о Болконскомъ, но Пьеръ не могъ воздержаться отъ желанія порадовать ихъ извѣстіемъ о награжденіи сына, и оставивъ у себя воззваніе, афишу и другіе приказы, съ тѣмъ, чтобы самому привести ихъ къ обѣду, послалъ печатный приказъ и письмо къ Ростовымъ.

Разговоръ съ графомъ Ростопчинымъ, его тонъ озабоченности и поспѣшности, встрѣча съ курьеромъ, беззаботно разсказывавшимъ о томъ, какъ дурно идутъ дѣла въ арміи, слухи о найденныхъ въ Москвѣ шпіонахъ, о бумагѣ ходящей по Москвѣ, въ которой сказано, что Наполеонъ до осени обѣщаетъ быть въ обѣихъ Русскихъ столицахъ, разговоръ объ ожидаемомъ на завтра пріѣздѣ государя — все это съ новой силой возбуждало въ Пьерѣ то чувство вол-

ненія и ожиданія, которое не оставляло его со времени появленія кометы и въ особенности съ начала войны.

Пьеру давно уже приходила мысль поступить въ военную службу, и онъ бы исполнилъ ее, ежели бы не мѣшала ему во первыхъ, принадлежность его къ тому масонскому обществу, съ которымъ онъ былъ связанъ клятвой, и которое проповѣдывало вѣчный міръ и уничтоженіе войны, и во вторыхъ то, что ему, глядя на большое количество Москвичей, надѣвшихъ мундиры и проповѣдывающихъ патріотизмъ, было почему-то совѣстно предпринять такой шагъ. Главная же причина, по которой онъ не приводилъ въ исполненіе своего намѣренія поступить въ военную службу, состояла въ томъ неясномъ представленіи, что онъ,—Russe Besuhof, имѣющій значеніе звѣринаго числа 666-ть, что его участіе въ великомъ дѣлѣ положенія предѣлу власти *звѣрю*, глаголящему велика и хульна, опредѣлено предвѣчно, и что поэтому ему не должно предпринимать ничего, и ждать того, что̀ должно совершиться.

XX.

У Ростовыхъ, какъ и всегда по воскресеніямъ, обѣдалъ кое-кто изъ близкихъ знакомыхъ.

Пьеръ пріѣхалъ раньше, чтобы застать ихъ однихъ.

Пьеръ за этотъ годъ такъ потолстѣлъ, что онъ былъ бы уродливъ ежели бы онъ не былъ такъ великъ ростомъ, крупенъ членами и не былъ такъ силенъ, что очевидно легко носилъ свою толщину.

Онъ, пыхтя и что-то бормоча про себя, вошелъ на лѣстницу. Кучеръ его уже не спрашивалъ, дожидаться ли. Онъ зналъ, что когда графъ у Ростовыхъ, то до 12-го часу. Лакеи Ростовыхъ радостно бросились снимать съ него плащъ. Пьеръ, по привычкѣ клубной, и палку и шляпу оставлялъ въ передней.

Первое лицо, которое онъ увидалъ у Ростовыхъ, была Наташа. Еще прежде чѣмъ онъ увидалъ ее, онъ, снимая шубу въ передней, услыхалъ ее. Она пѣла солфеджи въ залѣ. Онъ зналъ, что она не пѣла со времени своей болѣзни, и потому звукъ ея голоса удивилъ и обрадовалъ его. Онъ тихо отворилъ дверь и увидалъ Наташу въ ея лиловомъ платьѣ, въ которомъ она была у обѣдни, прохаживающуюся по комнатѣ и поющую. Она шла задомъ къ нему, когда онъ отворилъ дверь, но когда она круто повернулась и увидала его толстое, удивленное лицо, она покраснѣла и быстро подошла къ нему.

— Я хочу попробовать опять пѣть, сказала она. Все таки это занятіе, прибавила она, какъ будто извиняясь.

— И прекрасно.

— Какъ я рада, что вы пріѣхали! Я нынче такъ счастлива! сказала она съ тѣмъ прежнимъ оживленіемъ, котораго уже давно не видѣлъ въ ней Пьеръ. — Вы знаете, Nicolas получилъ Георгіевскій крестъ. Я такъ горда за него.

— Какже, я прислалъ приказъ. — Ну, я вамъ не хочу мѣшать, прибавилъ онъ, и хотѣлъ пройти въ гостиную.

Наташа остановила его.

— Графъ! что это дурно, что я пою? сказала она покраснѣвъ, но не спуская глазъ вопросительно глядя на Пьера.

— Нѣтъ... Отчего же? Напротивъ... Но отчего вы меня спрашиваете?

— Я сама не знаю, быстро отвѣчала Наташа, но я ничего бы не хотѣла сдѣлать, что̀ бы вамъ не нравилось. Я вамъ вѣрю во всемъ. Вы не знаете, какъ вы для меня важны и какъ много вы для меня сдѣлали!... Она говорила быстро и не замѣчая того, какъ Пьеръ покраснѣлъ при этихъ словахъ. — Я видѣла въ томъ же приказѣ *онъ*, Болконскій (быстро шопотомъ проговорила она это слово), онъ

въ Россіи и опять служить. Какъ вы думаете, сказала она быстро, видимо торопясь говорить, потому что она боялась за свои силы, проститъ онъ меня когда нибудь? Не будетъ онъ имѣть противъ меня злаго чувства? Какъ вы думаете? Какъ вы думаете?

— Я думаю... сказалъ Пьеръ.—Ему нечего прощать... Ежели бы я былъ на его мѣстѣ... По связи воспоминаній, Пьеръ мгновенно перенесся воображеніемъ къ тому времени, когда онъ, утѣшая ее, сказалъ ей, что ежели бы онъ былъ не онъ, а лучшій человѣкъ въ мірѣ и свободенъ, то онъ на колѣняхъ просилъ бы ея руки, и тоже чувство жалости, нѣжности, любви охватило его, и тѣ же слова были у него на устахъ. Но она не дала ему времени сказать ихъ.

— Да вы—вы, сказала она, съ восторгомъ произнося это слово *вы*, другое дѣло. Добрѣе, великодушнѣе, лучше васъ я не знаю человѣка, и не можетъ быть. Ежели бы васъ не было тогда, да и теперь, я не знаю, что̀ бы было со мною, потому что... Слезы вдругъ полились ей въ глаза; она повернулась, подняла ноты къ глазамъ, запѣла и пошла опять ходить по залѣ.

Въ это же время изъ гостиной выбѣжалъ Петя.

Петя былъ теперь красивый, румяный, пятнадцатилѣтній мальчикъ съ толстыми, красными губами, похожій на Наташу. Онъ готовился въ университетъ, но въ послѣднее время, съ товарищемъ своимъ Оболенскимъ, тайно рѣшилъ, что пойдетъ въ гусары.

Петя выскочилъ къ своему тезкѣ, чтобы переговорить о дѣлѣ.

Онъ просилъ его узнать, примутъ ли его въ гусары.

Пьеръ шелъ по гостиной, не слушая Петю.

Петя дернулъ его за руку, чтобы обратить на себя его вниманье.

— Ну что мое дѣло, Петръ Кирилычъ, ради Бога! Одна надежда на васъ, говорилъ Петя.

— Ахъ да, твое дѣло. Въ гусары-то? Скажу, скажу. Нынче скажу все.

— Ну что, mon cher, ну что достали манифестъ? спросилъ старый графъ. — А графинюшка была у обѣдни у Разумовскихъ, молитву новую слышала. Очень хорошая, говоритъ.

— Досталъ, отвѣчалъ Пьеръ.—Завтра государь будетъ... Необычайное дворянское собраніе и, говорятъ, по десяти съ тысячи наборъ. Да, поздравляю васъ.

— Да, да, слава Богу. Ну, а изъ арміи что?

— Наши опять отступили. Подъ Смоленскомъ уже, говорятъ, отвѣчалъ Пьеръ.

— Боже мой, Боже мой! сказалъ графъ. Гдѣ же манифестъ?

— Воззваніе! Ахъ, да! Пьеръ сталъ въ карманахъ искать бумагъ и не могъ найти ихъ. Продолжая охлопывать карманы, онъ поцѣловалъ руку у вошедшей графини и безпокойно оглядывался, очевидно ожидая Наташу, которая не пѣла больше, но и не приходила въ гостинную.

— Ma parole, je ne sais plus ou je l'ai fourré, сказалъ онъ.

— Ну ужъ вѣчно растеряетъ все, сказала графиня. Наташа вошла съ размягченнымъ, взволнованнымъ лицемъ и сѣла, молча глядя на Пьера. Какъ только она вошла въ комнату, лицо Пьера, до этаго пасмурное, просіяло, и онъ, продолжая отыскивать бумаги, нѣсколько разъ взглядывалъ на нее.

— Ей Богу я съѣзжу, я дома забылъ. Непремѣнно...

— Ну къ обѣду опоздаете.

— Ахъ и кучеръ уѣхалъ.—Но Соня, пошедшая въ переднюю искать бумаги, нашла ихъ въ шляпѣ Пьера, куда онъ ихъ старательно заложилъ за подкладку. Пьеръ было хотѣлъ читать.

— Нѣтъ, послѣ обѣда, сказалъ старый графъ, видимо въ этомъ чтеніи предвидѣвшій большое удовольствіе.

За обѣдомъ, за которымъ пили шампанское за здоровье новаго Георгіевскаго кавалера, Шиншинъ разсказывалъ городскія новости о болѣзни старой Грузинской княгини, о томъ, что Мотивье исчезъ изъ Москвы, и о томъ, что къ Ростопчину привели какого-то Нѣмца и объявили ему, что это шампиньонъ (такъ разсказывалъ самъ графъ Ростопчинъ), и какъ графъ Ростопчинъ велѣлъ шампиньона отпустить, сказавъ народу, что это не шампиньонъ, а просто старый грибъ Нѣмецъ.

— Хватаютъ, хватаютъ, сказалъ графъ, — я графинѣ и то говорю, чтобъ поменьше говорила по-французски. Теперь не время.

— А слышали? сказалъ Шиншинъ.—Князь Голицынъ Русскаго учителя взялъ, — по-русски учится—il commence à devenir dangereux de parler français dans les rues.

— Ну чтожъ, графъ Петръ Кирилычъ, какъ ополченье то собирать будутъ, и вамъ придется на коня? сказалъ старый графъ, обращаясь къ Пьеру.

Пьеръ былъ молчаливъ и задумчивъ, во все время этаго обѣда. Онъ, какъ бы не понимая, посмотрѣлъ на графа при этомъ обращеніи. Да, да на войну, сказалъ онъ— нѣтъ! Какой я воинъ!—А впрочемъ все такъ странно, такъ странно! Да я и самъ не понимаю. Я не знаю, я такъ далекъ отъ военныхъ вкусовъ, но въ теперешнія времена никто за себя отвѣчать не можетъ.

Послѣ обѣда графъ усѣлся покойно въ кресло, и съ серьезнымъ лицомъ попросилъ Соню, славившуюся мастерствомъ чтенія, читать.

«Первопрестольной столицѣ нашей Москвѣ.

«Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы «Россіи. Онъ идетъ разорять любимое наше отечество», ста-

рательно читала Соня, своимъ тоненькимъ голоскомъ. Графъ, закрывъ глаза, слушалъ, порывисто вздыхая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Наташа сидѣла, вытянувшись, испытующе и прямо глядя то на отца, то на Пьера.

Пьеръ чувствовалъ на себѣ ея взглядъ, и старался не оглядываться. Графиня неодобрительно и сердито покачивала головой, противъ каждаго торжественнаго выраженія манифеста. Она во всѣхъ этихъ словахъ видѣла только то, что опасности, угрожающія ея сыну, еще не скоро прекратятся. Шиншинъ, сложивъ ротъ въ насмѣшливую улыбку, очевидно приготовился насмѣхаться надъ тѣмъ, что̀ первое представится для насмѣшки: надъ чтеніемъ Сони, надъ тѣмъ что̀ скажетъ графъ, даже надъ самымъ воззваніемъ, ежели не представится лучше предлога.

Прочтя объ опасностяхъ, угрожающихъ Россіи, о надеждахъ, возлагаемыхъ государемъ на Москву, и въ особенности на знаменитое дворянство, Соня съ дрожаніемъ голоса, происходившимъ преимущественно отъ вниманія, съ которымъ ее слушали, прочла послѣднія слова: «Мы не «умедлимъ сами стать посреди народа своего въ сей сто«лицѣ и въ другихъ государства нашего мѣстахъ для со«вѣщанія и руководствованія всѣми нашими ополченіями, «какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь «устроенными на пораженіе онаго, вездѣ гдѣ только поя«вится. Да обратится погибель, въ которую онъ мнитъ низ«ринуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства «Европа да возвеличитъ имя Россіи!»

— Вотъ это такъ! вскрикнулъ графъ, открывая мокрые глаза и, нѣсколько разъ прерываясь отъ сопѣнья, какъ будто къ носу ему подносили склянку съ крѣпкой, уксусной солью, онъ проговорилъ.—Только скажи государь, мы всѣмъ пожертвуемъ и ничего не пожалѣемъ.

Шиншинъ еще не успѣлъ сказать приготовленную имъ

шутку на патріотизмъ графа, какъ Наташа вскочила съ своего мѣста и подбѣжала къ отцу.

— Что за прелесть, этотъ папа! проговорила она, цѣлуя его, и она опять взглянула на Пьера съ тѣмъ безсознательнымъ кокетствомъ, которое вернулось къ ней вмѣстѣ съ ея оживленіемъ.

— Вотъ такъ патріотка! сказалъ Шиншинъ.

— Совсѣмъ не патріотка, а просто.... обиженно отвѣчала Наташа. — Вамъ все смѣшно, а это совсѣмъ не шутка...

— Какія шутки! повторилъ графъ.—Только скажи онъ слово, мы всѣ пойдемъ... Мы не Нѣмцы какіе нибудь...

— А замѣтили вы, сказалъ Пьеръ, что сказано: «для совѣщанія».

— Ну ужъ, тамъ для чего бы ни было....

Въ это время Петя, на котораго никто не обращалъ вниманія, подошелъ къ отцу и, весь красный, ломающимся, то грубымъ, то тонкимъ голосомъ, сказалъ:

— Ну теперь, папенька, я рѣшительно скажу — и маменька тоже, какъ хотите — я рѣшительно скажу, что вы пустите меня въ военную службу, потому что я не могу.... вотъ и все...

Графиня съ ужасомъ подняла глаза къ небу, всплеснула руками и сердито обратилась къ мужу:

— Вотъ и договорился! сказала она.

Но графъ въ ту же минуту оправился отъ волненія.

— Ну, ну, сказалъ онъ. Вотъ воинъ еще! Глупости-то оставь: учиться надо.

— Это не глупости, папенька. Оболенскій Ѳедя моложе меня и тоже идетъ, а главное, все равно, я ничему не могу учиться теперь, когда.... Петя остановился, покраснѣлъ до поту и проговорилъ таки: — когда отечество въ опасности.

— Полно, полно, глупости...

— Да вѣдь вы сами сказали, что всѣмъ пожертвуемъ.

— Петя! Я тебѣ говорю, замолчи, крикнулъ графъ, оглядываясь на жену, которая поблѣднѣвъ смотрѣла остановившимися глазами на меньшаго сына.

— А я вамъ говорю. Вотъ и Петръ Кирилловичъ скажетъ...

— Я тебѣ говорю — вздоръ, еще молоко не обсохло, а въ военную службу хочетъ! Ну, ну, я тебѣ говорю, и графъ, взявъ съ собой бумаги, вѣроятно чтобы еще разъ прочесть въ кабинетѣ передъ отдыхомъ, пошелъ изъ комнаты.

— Петръ Кирилловичъ, чтожъ пойдемъ покурить....

Пьеръ находился въ смущеніи и нерѣшительности. Непривычно-блестящіе и оживленные глаза Наташи безпрестанно, больше чѣмъ ласково обращавшіеся на него, привели его въ это состояніе.

— Нѣтъ, я, кажется, домой поѣду....

— Какъ домо́й, да вы вечеръ у насъ хотѣли.... И то рѣдко стали бывать. А эта моя.... сказалъ добродушно графъ, указывая на Наташу,—только при васъ и весела....

— Да, я забылъ... Мнѣ непремѣнно надо домо́й... Дѣла... поспѣшно сказалъ Пьеръ.

— Ну такъ до свиданія, сказалъ графъ, совсѣмъ уходя изъ комнаты.

— Отчего вы уѣзжаете? Отчего вы разстроены? Отчего?... спросила Пьера Наташа, вызывающе глядя ему въ глаза.

«Оттого, что я тебя люблю!» хотѣлъ онъ сказатъ, но онъ не сказалъ этаго, до слезъ покраснѣлъ и опустилъ глаза.

— Оттого, что мнѣ лучше рѣже бывать у васъ.... Оттого.... нѣтъ, просто у меня дѣла....

— О́тчего? нѣтъ, скажите, рѣшительно начала было Наташа, и вдругъ замолчала. Они оба испуганно и смущенно

смотрѣли другъ на друга. Онъ попытался усмѣхнуться, но не могъ: улыбка его выразила страданіе, и онъ молча поцѣловалъ ея руку и вышелъ.

Пьеръ рѣшилъ самъ съ собою: не бывать больше у Ростовыхъ.

XXI.

Петя, послѣ полученнаго имъ рѣшительнаго отказа, ушелъ въ свою комнату и тамъ, запершись отъ всѣхъ, горько плакалъ. Всѣ сдѣлали какъ будто ничего не замѣтили, когда онъ къ чаю пришелъ молчаливымъ и мрачнымъ съ заплаканными глазами.

На другой день пріѣхалъ государь. Нѣсколько человѣкъ дворовыхъ Ростовыхъ отпросились пойти поглядѣть царя. Въ это утро Петя долго одѣвался, причесывался и устроивалъ воротнички такъ, какъ у большихъ. Онъ хмурился передъ зеркаломъ, дѣлалъ жесты, пожималъ плечами, и наконецъ, никому не сказавши, надѣлъ фуражку и вышелъ изъ дома съ задняго крыльца, стараясь быть незамѣченнымъ. Петя рѣшился идти прямо къ тому мѣсту, гдѣ былъ государь и прямо объяснить какому нибудь камергеру (Петѣ казалось, что государя всегда окружаютъ камергеры), что онъ, графъ Ростовъ, несмотря на свою молодость, желаетъ служить отечеству, что молодость не можетъ быть препятствіемъ для преданности, и что онъ готовъ.... Петя, въ то время какъ онъ собирался, приготовилъ много прекрасныхъ словъ, которыя онъ скажетъ камергеру.

Петя разсчитывалъ на успѣхъ своего представленія государю именно потому, что онъ ребенокъ (Петя думалъ даже, какъ всѣ удивятся его молодости), а вмѣстѣ съ тѣмъ въ устройствѣ своихъ воротничковъ, въ прическѣ и въ степенной медлительной походкѣ, онъ хотѣлъ представить изъ себя стараго человѣка. Но чѣмъ дальше онъ шелъ,

чѣмъ больше онъ развлекался все прибывающимъ и прибывающимъ у Кремля народомъ, тѣмъ больше онъ забывалъ соблюденіе степенности и медлительности, свойственныхъ взрослымъ людямъ. Подходя къ Кремлю, онъ уже сталъ заботиться о томъ, чтобы его не затолкали, и рѣшительно, съ угрожающимъ видомъ выставилъ по бокамъ локти. Но въ Троицкихъ воротахъ, несмотря на всю его рѣшительность, люди, которые вѣроятно не знали съ какой патріотической цѣлью онъ шелъ въ Кремль, такъ прижали его къ стѣнѣ, что онъ долженъ былъ покориться и остановиться, пока въ ворота съ гудящимъ подъ сводами звукомъ проѣзжали экипажи. Около Пети стояла баба съ лакеемъ, два купца и отставной солдатъ. Постоявъ нѣсколько времени въ воротахъ, Петя, не дождавшись того, чтобы всѣ экипажи проѣхали, прежде другихъ хотѣлъ тронуться дальше и началъ рѣшительно работать локтями; но баба, стоявшая противъ него, на которую онъ первую направилъ свои локти, сердито крикнула на него:

— Что, барчукъ, толкаешься, видишь всѣ стоятъ. Чтожъ лѣзть то!

— Такъ и всѣ полѣзутъ, сказалъ лакей и, тоже начавъ работать локтями, затискалъ Петю въ вонючій уголъ воротъ.

Петя отеръ руками потъ, покрывавшій его лицо, и поправилъ размочившіеся отъ пота воротнички, которые онъ такъ хорошо, какъ у большихъ, устроилъ дома.

Петя чувствовалъ, что онъ имѣетъ непрезентабельный видъ, и боялся, что ежели такимъ онъ представится камергерамъ, то его не допустятъ до государя. Но оправиться и перейти въ другое мѣсто не было возможности отъ тѣсноты. Одинъ изъ проѣзжавшихъ генераловъ былъ знакомый Ростовыхъ. Петя хотѣлъ просить его помощи, но счелъ, что это было бы противно мужеству. Когда всѣ экипажи проѣхали, толпа хлынула и вынесла и Петю на площадь,

которая была вся занята народомъ. Нетолько по площади, но на откосахъ, на крышахъ, вездѣ былъ народъ. Только что Петя очутился на площади, онъ явственно услыхалъ наполнявшіе весь Кремль звуки колоколовъ и радостнаго, народнаго говора.

Одно время на площади было просторнѣе, но вдругъ всѣ головы открылись, все бросилось еще куда-то впередъ. Петю сдавили такъ, что онъ не могъ дышать, и все закричало: «Ура! ура! ура!» Петя поднимался на цыпочки, толкался, щипался, но ничего не могъ видѣть кромѣ народа вокругъ себя.

На всѣхъ лицахъ было одно общее выраженіе умиленія и восторга. Одна купчиха, стоявшая подлѣ Пети, рыдала, и слезы текли у нея изъ глазъ.

— Отецъ, Ангелъ, батюшка! приговаривала она, отирая пальцами слезы.

— Ура! кричали со всѣхъ сторонъ.

Съ минуту, толпа простояла на одномъ мѣстѣ; но потомъ опять бросилась впередъ.

Петя, самъ себя не помня, стиснулъ зубы и звѣрски выкативъ глаза, бросился впередъ, работая локтями и крича: «Ура!» какъ будто онъ готовъ былъ и себя и всѣхъ убить въ эту минуту, но съ боковъ его лѣзли точно такія же звѣрскія лица съ такими же криками: «Ура!»

«Такъ вотъ что такое государь!» думалъ Петя. — Нѣтъ, нельзя мнѣ самому ему подать прошеніе, это слишкомъ смѣло!» Несмотря на то, онъ все также отчаянно пробивался впередъ, и изъ-за спинъ переднихъ, ему мелькнуло пустое пространство съ устланнымъ краснымъ сукномъ ходомъ; но въ это время толпа заколебалась назадъ (спереди полицейскіе отталкивали надвинувшихся слишкомъ близко къ шествію; государь проходилъ изъ дворца въ Успенскій соборъ), и Петя неожиданно получилъ въ бокъ

такой ударъ по ребрамъ, и такъ былъ придавленъ, что вдругъ въ глазахъ его все помутилось, и онъ потерялъ сознаніе. Когда онъ пришелъ въ себя, какое-то духовное лицо, съ пучкомъ сѣдѣвшихъ волосъ назади, въ потертой синей рясѣ—вѣроятно дьячекъ, одной рукой держалъ его подъ мышку, другой охранялъ отъ напиравшей толпы.

— Барченка задавили! говорилъ дьячокъ. Чтожъ, такъ!.. легче... задавили, задавили!

Государь прошелъ въ Успенскій соборъ. Толпа опять разровнялась, и дьячокъ вывелъ Петю блѣднаго и не дышащаго къ царь-пушкѣ. Нѣсколько лицъ пожалѣли Петю, и вдругъ вся толпа обратилась къ нему, и уже вокругъ него произошла давка. Тѣ, которые стояли ближе, услуживали ему, растегивали его сюртучокъ, усаживали на возвышеніе пушки и укоряли кого-то тѣхъ, кто раздавилъ его.

— Этакъ до смерти раздавить можно. Чтожъ это! Душегубство дѣлать! Вишь сердечный, какъ скатерть бѣлый сталъ, говорили голоса.

Петя скоро опомнился, краска вернулась ему въ лицо, боль прошла, и за эту временную непріятность онъ получилъ мѣсто на пушкѣ, съ которой онъ надѣялся увидать долженствующаго пройти назадъ государя. Петя уже не думалъ теперь о подачѣ прошенія. Ужъ только ему увидать бы Его, и то онъ считалъ бы себя счастливымъ!

Во время службы въ Успенскомъ соборѣ—соединеннаго молебствія по случаю пріѣзда государя и благодарственнаго молебствія за заключеніе мира съ Турками, толпа пораспространилась; появились покрикивающіе продавцы квасу, пряниковъ, мака, до котораго былъ особенно охотникъ Петя, и послышались обыкновенные разговоры. Одна купчиха показывала свою разорванную шаль и сообщала, какъ дорого она была куплена; другая говорила, что нынче всѣ шелковыя матеріи дороги стали. Дьячокъ, спаситель Пети, разговаривалъ съ чиновникомъ о томъ, кто и кто служитъ нынче

съ преосвященнымъ. Дьячекъ нѣсколько разъ повторялъ слово *соборне*, котораго не понималъ Петя. Два молодыхъ мѣщанина шутили съ дворовыми дѣвушками, грызущими орѣхи. Всѣ эти разговоры, въ особенности шуточки съ дѣвушками, для Пети, въ его возрастѣ, имѣвшія особенную привлекательность, всѣ эти разговоры теперь не занимали Петю; онъ сидѣлъ на своемъ возвышеніи—пушкѣ, все также волнуясь при мысли о государѣ и о своей любви къ нему. Совпаденіе чувства боли и страха, когда его сдавили, съ чувствомъ восторга, еще болѣе усилили въ немъ сознаніе важности этой минуты.

Вдругъ съ набережной послышались пушечные выстрѣлы (это стрѣляли въ ознаменованіе мира съ Турками), и толпа стремительно бросилась къ набережной — смотрѣть, какъ стрѣляютъ. Петя тоже хотѣлъ бѣжать туда, но дьячокъ, взявшій подъ свое покровительство барченка, не пустилъ его. Еще продолжались выстрѣлы, когда изъ Успенскаго собора выбѣжали офицеры, генералы, камергеры, потомъ уже не такъ поспѣшно вышли еще другіе, опять снялись шапки съ головъ, и тѣ, которые убѣжали смотрѣть пушки, бѣжали назадъ. Наконецъ вышли еще четверо мущинъ въ мундирахъ и лентахъ изъ дверей собора. «Ура! ура!» опять закричала толпа.

— Который? Который? плачущимъ голосомъ спрашивалъ вокругъ себя Петя, но никто не отвѣчалъ ему; всѣ были слишкомъ увлечены, и Петя, выбравъ одного изъ этихъ четырехъ лицъ, котораго онъ изъ-за слезъ выступившихъ ему отъ радости на глаза, не могъ ясно разглядѣть, сосредоточилъ на него весь свой восторгъ, хотя это былъ не государь, закричалъ «Ура!» неистовымъ голосомъ и рѣшилъ, что завтра же, чего бы это ему ни стоило, онъ будетъ военнымъ.

Толпа побѣжала за государемъ, проводила его до дворца и стала расходиться. Было уже поздно, и Петя ничего не

ѣлъ, и потъ лилъ съ него градомъ; но онъ не уходилъ домой, и вмѣстѣ съ уменьшившейся, но еще довольно большой толпой стоялъ передъ дворцомъ, во время обѣда государя, глядя въ окна дворца, ожидая еще чего-то и завидуя одинаково и сановникамъ, подъѣзжавшимъ къ крыльцу, къ обѣду государя и камеръ-лакеямъ, служившимъ за столомъ и мелькавшимъ въ окнахъ.

За обѣдомъ государя Валуевъ сказалъ, оглянувшись въ окно:

— Народъ все еще надѣется увидать ваше величество.

Обѣдъ уже кончился, государь всталъ, доѣдая бисквитъ, и вышелъ на балконъ. Народъ, съ Петей всерединѣ, бросился къ балкону. — Ангелъ, батюшка! Ура!

Отецъ!... кричали народъ и Петя, и опять бабы и нѣкоторые мущины послабѣе, въ томъ числѣ и Петя, заплакали отъ счастія. Довольно большой обломокъ бисквита, который держалъ въ рукѣ государь, отломившись упалъ на перилы балкона, съ перилъ на землю. Ближе всѣхъ стоявшій кучеръ въ поддевкѣ бросился къ этому кусочку бисквита, и схватилъ его. Нѣкоторые изъ толпы бросились къ кучеру. Замѣтивъ это, государь велѣлъ подать себѣ тарелку съ бисквитами и сталъ кидать бисквиты съ балкона. Глаза Пети налились кровью, опасность быть задавленнымъ еще болѣе возбуждала его, онъ бросился на бисквиты. Онъ не зналъ зачѣмъ, но нужно было взять одинъ бисквитъ изъ рукъ царя, и нужно было не поддаться. Онъ бросился и сбилъ съ ногъ старушку, ловившую бисквитъ. Но старушка не считала себя побѣжденною, хотя и лежала на землѣ (старушка ловила бисквиты и не попадала руками). Петя колѣнкой отбилъ ея руку, схватилъ бисквитъ, и какъ будто боясь опоздать, опять закричалъ: Ура! уже охриплымъ голосомъ.

Государь ушелъ, и послѣ этаго большая часть народа стала расходиться.

— Вотъ я говорилъ, что еще подождать—такъ и вышло, съ разныхъ сторонъ радостно говорили въ народѣ.

Какъ ни счастливъ былъ Петя, но ему все таки грустно было идти домой и знать, что все наслажденіе этаго дня кончилось. Изъ Кремля Петя пошелъ не домой, а къ своему товарищу Оболенскому, которому было пятнадцать лѣтъ и который тоже поступалъ въ полкъ. Вернувшись домой, онъ рѣшительно и твердо объявилъ, что ежели его не пустятъ, то онъ убѣжитъ. И на другой день, хотя и несовсѣмъ еще сдавшись, но графъ Илья Андреичъ поѣхалъ узнавать, какъ бы пристроить Петю куда нибудь побезопаснѣе.

XXI.

15-го числа, утромъ, на третій день послѣ этого, у Слободскаго дворца стояло безчисленное количество экипажей.

Залы были полны. Въ первой были дворяне въ мундирахъ, во второй купцы съ медалями, въ бородахъ и синихъ кафтанахъ. По залѣ дворянскаго собранія шелъ гулъ и движеніе. У одного большаго стола, подъ портретомъ государя, сидѣли, на стульяхъ съ высокими спинками, важнѣйшіе вельможи; но большинство дворянъ ходило по залѣ.

Всѣ дворяне, тѣ самые, которыхъ каждый день видалъ Пьеръ то въ клубѣ, то въ ихъ домахъ, — всѣ были въ мундирахъ, кто въ Екатерининскихъ, кто въ Павловскихъ, кто въ новыхъ Александровскихъ, кто въ общемъ дворянскомъ, и этотъ общій характеръ мундира придавалъ что-то странное и фантастическое этимъ старымъ и молодымъ, самымъ разнообразнымъ и знакомымъ лицамъ. Особенно поразительны были старики, подслѣповатые, беззубые, плѣшивые, оплывшіе желтымъ жиромъ или сморщенные, худые. Они большей частью сидѣли на мѣстахъ и молчали, и еже-

ли ходили и говорили, то пристроивались къ кому нибудь помоложе. Также какъ на лицахъ толпы, которую на площади видѣлъ Петя, на всѣхъ этихъ лицахъ была поразительна черта противуположности: общаго ожиданія чего-то торжественнаго, и обыкновеннаго, вчерашняго—бостонной партіи, Петрушки-повара, здоровья Зинаиды Дмитріевны и т. п.

Пьеръ, съ ранняго утра стянутый въ неловкомъ, сдѣлавшимся ему узкимъ, дворянскомъ мундирѣ, былъ въ залахъ. Онъ былъ въ волненіи; необыкновенное собраніе не только дворянства, но и купечества — сословій, états généraux — вызвало въ немъ цѣлый рядъ давно оставленныхъ, но глубоко врѣзавшихся въ его душѣ мыслей о Contrat social и французской революціи. Замѣченныя имъ въ воззваніи слова, что государь прибудетъ въ столицу для *совѣщанія* съ своимъ народомъ, утверждали его въ этомъ взглядѣ. И онъ, полагая, что въ этомъ смыслѣ приближается что-то важное, то, чего онъ ждалъ давно, ходилъ, присматривался, прислушивался къ говору, но нигдѣ не находилъ выраженія тѣхъ мыслей, которыя занимали его.

Былъ прочтенъ манифестъ государя, вызвавшій восторгъ, и потомъ всѣ разбрелись разговаривая. Кромѣ обычныхъ интересовъ, Пьеръ слышалъ толки о томъ, гдѣ стоять предводителямъ въ то время какъ войдетъ государь, когда дать балъ государю, раздѣлиться ли по уѣздамъ или всей губерніей.... и т. д.; но какъ скоро дѣло касалось войны и того, для чего было собрано дворянство, толки были нерѣшительны и неопредѣленны. Всѣ больше желали слушать, чѣмъ говорить.

Одинъ мущина среднихъ лѣтъ, мужественный, красивый, въ отставномъ морскомъ мундирѣ, говорилъ въ одной изъ залъ, и около него столпились. Пьеръ подошелъ къ образовавшемуся кружку около говоруна и сталъ прислушиваться. Графъ Илья Андреичъ въ своемъ Екатерининскомъ, вое-

водскомъ кафтанѣ, ходившій съ пріятной улыбкой между толпой, со всѣми знакомый, подошелъ тоже къ этой группѣ, и сталъ слушать съ своей доброй улыбкой, какъ онъ всегда слушалъ, въ знакъ согласія съ говорившимъ одобрительно кивая головой. Отставной морякъ говорилъ очень смѣло (это видно было по выраженію лицъ его слушавшихъ) и по тому, что извѣстные Пьеру за самыхъ покорныхъ и тихихъ людей неодобрительно отходили отъ него или противурѣчили. Пьеръ протолкался въ середину кружка, прислушался и убѣдился, что говорившій дѣйствительно былъ либералъ, но совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, чѣмъ думалъ Пьеръ. Морякъ говорилъ тѣмъ особенно звучнымъ, нѣвучимъ, дворянскимъ баритономъ, съ пріятнымъ граснированіемъ и сокращеніемъ согласныхъ, тѣмъ голосомъ, которымъ покрикиваютъ: «чеаскъ, трубку!» и тому подобное. Онъ говорилъ съ привычкой разгула и власти въ голосѣ.

— Чтожъ, что Смоляне предложили ополченцевъ госуаю. Развѣ намъ Смоляне указъ? Ежели буародное дворянство Московской губерніи найдетъ нужнымъ, оно можетъ выказать свою преданность государю императору другими средствами. Развѣ мы забыли ополченье въ седьмомъ году! Только что нажились кутейники да воры-грабители...

Графъ Илья Андреичъ, сладко улыбаясь, одобрительно кивалъ головой.

— И что же, развѣ наши ополченцы составили пользу для государства? Никакой! только разорили наши хозяйства. Лучше еще наборъ... а то вернется къ намъ ни солдатъ, ни мужикъ, и только одинъ развратъ. Дворяне не жалѣютъ своего живота, мы сами поголовно пойдемъ, возьмемъ еще рекрутъ и всѣмъ намъ только кличъ кликни гусай (онъ такъ выговаривалъ государь) мы всѣ умремъ за него, — прибавилъ ораторъ, одушевляясь.

Илья Андреичъ проглатывалъ слюни отъ удовольствія и

толкалъ Пьера, но Пьеру захотѣлось также говорить. Онъ выдвинулся впередъ, чувствуя себя одушевленнымъ, самъ не зная еще чѣмъ и самъ незная еще, что̀ онъ скажетъ. Онъ только что открылъ ротъ, чтобы говорить, какъ одинъ сенаторъ, совершенно безъ зубовъ, съ умнымъ и сердитымъ лицомъ, стоявшій близко отъ оратора, перебилъ Пьера. Съ видимой привычкой вести пренія и держать вопросы, онъ сказалъ тихо, но слышно:

— Я полагаю, милостивый государь, шамкая беззубымъ ртомъ, сказалъ сенаторъ, что мы призваны сюда не для того, чтобы обсуждать, что̀ удобнѣе для государства въ настоящую минуту — наборъ или ополченіе. Мы призваны для того, чтобы отвѣчать на то воззваніе, которымъ насъ удостоилъ государь императоръ. А судить о томъ, что̀ удобнѣе—наборъ или ополченіе, мы предоставимъ судить высшей власти.... Пьеръ вдругъ нашелъ исходъ своему одушевленію. Онъ ожесточился противъ сенатора, вносящаго эту правильность и узкость воззрѣній въ предстоящія занятія дворянства. Пьеръ выступилъ впередъ и остановилъ его. Онъ самъ не зналъ, что̀ онъ будетъ говорить, но началъ оживленно, изрѣдка прорываясь французскими словами и книжно выражаясь по русски.

— Извините меня, ваше превосходительство, началъ онъ (Пьеръ былъ хорошо знакомъ съ этимъ сенаторомъ, но считалъ здѣсь необходимымъ обращаться къ нему офиціально), хотя я несогласенъ съ господиномъ... (Пьеръ запнулся. Ему хотѣлось сказать mon très honorable préopinant) съ господиномъ... que je n'ai pas l'honneur de connaître; но я полагаю, что сословіе дворянства, кромѣ выраженія своего сочувствія и восторга призвано также для того, чтобы и обсудить тѣ мѣры, которыми мы можемъ помочь отечеству. Я полагаю, говорилъ онъ воодушевляясь, что государь былъ бы самъ недоволенъ, ежели бы онъ нашелъ въ насъ только владѣльцевъ мужиковъ, которыхъ

мы отдаемъ ему и бр.... chaire à canon, которую мы изъ себя дѣлаемъ, но не нашелъ бы въ насъ со...со...совѣта.

Многіе поотошли отъ кружка, замѣтивъ презрительную улыбку сенатора, и то, что Пьеръ говоритъ вольно; только Илья Андреичъ былъ доволенъ рѣчью Пьера, какъ онъ былъ доволенъ рѣчью моряка, сенатора и вообще всегда тѣмъ, который говорилъ.

— Я полагаю, что прежде чѣмъ обсуждать эти вопросы, продолжалъ Пьеръ, мы должны спросить у государя, почтительнѣйше просить его величество комюникировать намъ, сколько у насъ войска, въ какомъ положеніи находятся наши войска и арміи, и тогда....

Но Пьеръ не успѣлъ договорить этихъ словъ, какъ съ трехъ сторонъ вдругъ напали на него. Сильнѣе всѣхъ напалъ на него давно знакомый ему, всегда хорошо расположенный къ нему игрокъ въ бостонъ, Степанъ Степановичъ Адраксинъ. Степанъ Степановичъ былъ въ мундирѣ, и отъ мундира ли или отъ другихъ причинъ, Пьеръ увидалъ передъ собой совсѣмъ другаго человѣка. Степанъ Степановичъ, съ вдругъ проявившейся старческой злобой на лицѣ, закричалъ на Пьера:

— Во первыхъ доложу вамъ, что мы не имѣемъ права спрашивать объ этомъ государя, а во вторыхъ ежели бы было такое право у Россійскаго дворянства, то государь не можетъ намъ отвѣтить. Войска движутся сообразно съ движеніями непріятеля—войска убываютъ и прибываютъ....

Другой голосъ человѣка средняго роста, лѣтъ 40-ка, котораго Пьеръ въ прежнія времена видалъ у Цыганъ и зналъ за нехорошаго игрока въ карты, и который тоже измѣненный въ мундирѣ придвинулся къ Пьеру, перебилъ Адраксина.

— Да, и не время разсуждать, говорилъ голосъ этого дворянина, а нужно дѣйствовать: война въ Россіи. Врагъ нашъ идетъ, чтобы погубить Россію, чтобы поругать мо-

гилы нашихъ отцевъ, чтобы увезти женъ, дѣтей. Дворянинъ ударилъ себя въ грудь. — Мы всѣ встанемъ, всѣ поголовно пойдемъ, всѣ за царя батюшку! кричалъ онъ, выкатывая кровью налившіеся глаза. Нѣсколько одобряющихъ голосовъ послышалось изъ толпы. — Мы Русскіе и не пожалѣемъ крови своей для защиты вѣры, престола и отечества. А бредни надо оставить, ежели мы сыны отечества. Мы покажемъ Европѣ, какъ Россія возстаетъ за Россію, кричалъ дворянинъ.

Пьеръ хотѣлъ возражать, но не могъ сказать ни слова. Онъ чувствовалъ, что звукъ его словъ, независимо отъ того, какую онѣ заключали мысль, былъ менѣе слышенъ, чѣмъ звукъ словъ оживленнаго дворянина.

Илья Андреичъ одобривалъ сзади кружка; нѣкоторые бойко поворачивались плечомъ къ оратору, при концѣ фразы, и говорили:

— Вотъ такъ, такъ! Это такъ!

Пьеръ хотѣлъ сказать, что онъ не прочь ни отъ пожертвованій, ни деньгами, ни мужиками, ни собой, но что надо бы знать состояніе дѣлъ, чтобы помогать ему, но онъ не могъ говорить. Много голосовъ кричало и говорило вмѣстѣ, такъ что Илья Андреичъ не успѣвалъ кивать всѣмъ, и группа увеличивалась, распадалась, опять сходилась и двинулась вся, гудя говоромъ, въ большую залу, къ большому столу. Пьеру не только не удавалось говорить, но его грубо перебивали, отталкивали, отворачивались отъ него, какъ отъ общаго врага. Это не отъ того происходило, что не довольны были смысломъ его рѣчи, ее и забыли послѣ большаго количества рѣчей послѣдовавшихъ за ней, —но для одушевленія толпы нужно было имѣть ощутительный предметъ любви и ощутительный предметъ ненависти. Пьеръ сдѣлался этимъ послѣднимъ. Много ораторовъ говорило послѣ оживленнаго дворянина, и всѣ говорили въ томъ же тонѣ. Многіе говорили прекрасно и оригинально.

Издатель Русскаго Вѣстника Глинка, котораго узнали («писатель, писатель!» послышалось въ толпѣ) сказалъ, что адъ должно отражать адомъ, что онъ видѣлъ ребенка, улыбающагося при блескѣ молніи и при раскатахъ грома, но что мы не будемъ этимъ ребенкомъ.

— Да, да, при раскатахъ грома! повторяли одобрительно въ заднихъ рядахъ.

Толпа подошла къ большому столу, у котораго въ мундирахъ, въ лентахъ, сѣдые, плѣшивые, сидѣли 70-ти лѣтніе вельможи-старики, которыхъ всѣхъ почти, по домамъ съ шутами или въ клубахъ за бостономъ, видалъ Пьеръ. Толпа подошла къ столу, не переставая гудѣть. Одинъ за другимъ, и иногда два вмѣстѣ, прижатые сзади къ высокимъ спинкамъ стульевъ, налегающею толпой, говорили ораторы. Стоявшіе сзади замѣчали, чего не досказалъ говорившій ораторъ и торопились сказать это пропущенное. Другіе, въ этомъ жарѣ и тѣснотѣ, шарили въ своей головѣ, не найдется ли какая мысль и торопились говорить ее. Знакомые Пьеру, старички-вельможи сидѣли и оглядывались то на того, то на другаго, и выраженіе большей части изъ нихъ говорило только, что имъ очень жарко. Пьеръ однако чувствовалъ себя взволнованнымъ, и общее чувство желанія показать, что намъ все ни по чемъ, выражавшееся больше въ звукахъ и въ выраженіяхъ лицъ, чѣмъ въ смыслѣ рѣчей, сообщалось и ему. Онъ не отрекся отъ своихъ мыслей, но чувствовалъ себя въ чемъ-то виноватымъ и желалъ оправдаться.

— Я сказалъ только, что намъ удобнѣе было бы дѣлать пожертвованія, когда мы будемъ знать въ чемъ нужда, стараясь перекричать другіе голоса, проговорилъ онъ.

Одинъ ближайшій старичекъ оглянулся на него, но тотчасъ былъ отвлеченъ крикомъ, начавшимся на другой сторонѣ стола.

— Да, Москва будетъ сдана! Она будетъ искупительницей! кричалъ одинъ.

— Онъ врагъ человѣчества! кричалъ другой.—Позвольте мнѣ говорить.... Господа, вы меня давите!...

XXII.

Въ это время быстрыми шагами передъ разступившейся толпой дворянъ, въ генеральскомъ мундирѣ, съ лентой черезъ плечо, съ своимъ высунутымъ подбородкомъ и быстрыми глазами, вошелъ графъ Ростопчинъ.

— Государь императоръ сейчасъ будетъ, сказалъ Ростопчинъ,—я только что оттуда. Я полагаю, что въ томъ положеніи, въ которомъ мы находимся, судить много нечего. Государь удостоилъ собрать насъ и купечество, сказалъ графъ Ростопчинъ. Оттуда польются милліоны (онъ указалъ на залу купцевъ), а наше дѣло выставить ополченіе и не щадить себя... Это меньшее, что мы можемъ сдѣлать! — Начались совѣщанія, между одними вельможами, сидѣвшими за столомъ. Все совѣщаніе прошло больше чѣмъ тихо. Оно даже казалось грустно, когда, послѣ всего прежняго шума, по одиночкѣ были слышны старые голоса, говорившіе одинъ: «согласенъ», другой для разнообразія: «и я того же мнѣнія,» и т. д.

Было велѣно секретарю писать постановленіе Московскаго дворянства о томъ, что Москвичи, подобно Смолянамъ, жертвуютъ по 10 человѣкъ съ 1000 и полное обмундированіе. Господа засѣдавшіе встали, какъ бы облегченные, загремѣли стульями, и пошли по залѣ разминать ноги, забирая кое-кого подъ руку и разговаривая.

— Государь! Государь! вдругъ разнеслось по заламъ, и вся толпа бросилась къ выходу.

По широкому ходу, между стѣной дворянъ, государь прошелъ въ залу. На всѣхъ лицахъ выражалось почтительное и испуганное любопытство. Пьеръ стоялъ довольно далеко и не могъ вполнѣ разслышать рѣчи государя. Онъ понялъ только по тому, что онъ слышалъ, что государь говорилъ объ опасности, въ которой находилось государство и о надеждахъ, которыя онъ возлагалъ на Московское дворянство. Государю отвѣчалъ другой голосъ, сообщавшій о только что состоявшемся постановленіи дворянства.

— Господа! сказалъ дрогнувшій голосъ государя; толпа зашелестила и опять затихла, и Пьеръ ясно услыхалъ столь пріятно-человѣческій и тронутый голосъ государя, который говорилъ:

«Никогда я не сомнѣвался въ усердіи Русскаго дворян-«ства. Но въ этотъ день оно превзошло мои ожиданія. «Благодарю васъ отъ лица Отечества. Господа, будемъ «дѣйствовать—время всего дороже»....

Государь замолчалъ, толпа стала тѣсниться вокругъ него, и со всѣхъ сторонъ слышались восторженныя восклицанія.

— Да, всего дороже.... царское слово, рыдая говорилъ сзади голосъ Ильи Андреича, ничего не слышавшаго, но все понимавшаго по своему.

Изъ залы дворянства государь прошелъ въ залу купечества. Онъ пробылъ тамъ около 10-ти минутъ. Пьеръ въ числѣ другихъ увидалъ государя, выходящаго изъ залы купечества со слезами умиленія на глазахъ. Какъ потомъ узнали, государь только что началъ рѣчь купцамъ, какъ слезы брызнули изъ его глазъ, и онъ дрожащимъ голосомъ договорилъ ее. Когда Пьеръ увидалъ государя, онъ выходилъ, сопутствуемый двумя купцами. Одинъ былъ знакомъ Пьеру, толстый откупщикъ, другой—голова съ худымъ, узкобородымъ желтымъ лицомъ. Оба они плакали. У худаго стояли слезы, но толстый откупщикъ рыдалъ какъ ребенокъ и все твердилъ:

— И жизнь, и имущество возьми, ваше величество!

Пьеръ не чувствовалъ въ эту минуту уже ничего кромѣ желанія показать, что все ему ни по чемъ, и что онъ всѣмъ готовъ жертвовать. Какъ упрекъ ему представлялась его рѣчь съ конституціоннымъ направленіемъ; онъ искалъ случая загладить это. Узнавъ, что графъ Мамоновъ жертвуетъ полкъ, Безухій тутъ же объявилъ графу Ростопчину, что онъ отдаетъ 1000 человѣкъ и ихъ содержаніе.

Старикъ Ростовъ безъ слезъ не могъ разсказать женѣ того, что̀ было, и тутъ же согласился на просьбу Пети и самъ поѣхалъ записывать его.

На другой день государь уѣхалъ. Всѣ собранные дворяне сняли мундиры, опять размѣстились по домамъ и клубамъ, и покряхтывая отдавали приказанія управляющимъ объ ополченіи, и удивлялись тому, что̀ они сдѣлали.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Наполеонъ началъ войну съ Россіей потому, что онъ не могъ не пріѣхать въ Дрезденъ, не могъ не отуманиться почестями, не могъ не надѣть польскаго мундира, не поддаться предпріимчивому впечатлѣнію іюньскаго утра, не могъ воздержаться отъ вспышки гнѣва въ присутствіи Куракина и потомъ Балашева.

Александръ отказывался отъ всѣхъ переговоровъ потому, что онъ лично чувствовалъ себя оскорбленнымъ. Барклай-де-Толли старался наилучшимъ образомъ управлять арміей, для того, чтобы исполнить свой долгъ и заслужить славу великаго полководца. Ростовъ поскакалъ въ атаку на Французовъ потому, что онъ не могъ удержаться отъ желанія проскакаться по ровному полю. И такъ точно, вслѣдствіе своихъ личныхъ свойствъ, привычекъ, условій и цѣлей, дѣйствовали всѣ тѣ неперечислимыя лица, участники этой войны. Они боялись, тщеславились, радовались, негодовали, разсуждали, полагая, что они знаютъ то, что̀ они дѣлаютъ, и что дѣлаютъ для себя, а всѣ были непроизвольными орудіями исторіи и производили скрытую отъ нихъ, но понятную для насъ работу. Такова неизмѣнная судьба всѣхъ практическихъ дѣятелей, и тѣмъ не свободнѣе, чѣмъ выше они стоятъ въ людской іерархіи.

Теперь дѣятели 1812-го года давно сошли съ своихъ мѣстъ, ихъ личные интересы исчезли безслѣдно, и одни историческіе результаты того времени передъ нами.

Но допустимъ, что *должны* были люди Европы, подъ предводительствомъ Наполеона, зайти въ глубь Россіи и погибнуть, и вся противурѣчащая сама себѣ, безсмысленная, жестокая дѣятельность людей-участниковъ этой войны, становится для насъ понятною.

Провидѣніе заставляло всѣхъ этихъ людей, стремясь къ достиженію своихъ личныхъ цѣлей, содѣйствовать исполненію одного огромнаго результата, о которомъ ни одинъ человѣкъ (ни Наполеонъ, ни Александръ, ни еще менѣе кто-либо изъ участниковъ войны) не имѣлъ ни малѣйшаго чаянія.

Теперь намъ ясно, что̀ было въ 1812-мъ году причиной погибели французской арміи. Никто не станетъ спорить, что причиной погибели французскихъ войскъ Наполеона было с одной стороны вступленіе ихъ въ позднее время безъ приготовленія къ зимнему походу въ глубь Россіи, а съ другой стороны характеръ, который приняла война отъ сожженія русскихъ городовъ и возбужденія ненависти къ врагу въ Русскомъ народѣ. Но тогда не только никто не предвидѣлъ того (что̀ теперь кажется очевиднымъ) что только этимъ путемъ могла погибнуть 800 тысячная, лучшая въ мірѣ и предводимая лучшимъ полководцемъ, армія въ столкновеніи съ вдвое слабѣйшей, неопытной и предводимой неопытными полководцами русской арміей; *нетолько никто не предвидѣлъ* этого, но всѣ усилія *со стороны Русскихъ* были постоянно устремляемы на то, чтобы помѣшать тому, что̀ одно могло спасти Россію, и *со стороны Французовъ*, несмотря на опытность и такъ называемый военный геній Наполеона, были устремлены всѣ усилія къ тому, чтобы растянуться въ концѣ лѣта до Москвы, т. е. сдѣлать то самое, что̀ должно было погубить ихъ.

Въ историческихъ сочиненіяхъ о 1812-мъ г. авторы-Французы очень любятъ говорить о томъ, какъ Наполеонъ чувствовалъ опасность растяженія своей линіи, какъ онъ искалъ сраженія, какъ маршалы его совѣтовали ему остановиться въ Смоленскѣ, и тому подобные доводы, доказывающіе, что тогда уже понятна была опасность кампаніи; а авторы-Русскіе еще болѣе любятъ говорить о томъ, какъ съ начала кампаніи существовалъ планъ Скиѳской войны заманиванья Наполеона въ глубь Россіи и приписываютъ этотъ планъ кто Пфулю, кто какому то Французу, кто Толю, кто самому императору Александру, указывая на записки, на проэкты и письма, въ которыхъ дѣйствительно находятся намеки на этотъ образъ дѣйствій. Но всѣ эти намеки на предвидѣнье того, что случилось, какъ со стороны Французовъ, такъ и со стороны Русскихъ, выставляются теперь только потому, что событіе оправдало ихъ. Ежели бы событіе не совершилось, то намеки эти были бы забыты, какъ забыты теперь тысячи и милліоны противуположныхъ намековъ и предположеній, бывшихъ въ ходу тогда, но оказавшихся несправедливыми и потому забытыхъ. Объ исходѣ каждаго совершающагося событія всегда бываетъ столько предположеній, что, чѣмъ бы оно ни кончилось, всегда найдутся люди, которые скажутъ: «Я тогда еще сказалъ, что это такъ будетъ,» забывая совсѣмъ, что въ числѣ безчисленныхъ предположеній были дѣлаемы и совершенно противуположныя.

Предположенія о сознаніи Наполеономъ опасности растяженія линіи и со стороны Русскихъ о завлеченіи непріятеля въ глубь Россіи принадлежатъ очевидно къ этому разряду, и историки только съ большой натяжкой могутъ приписывать такія соображенія Наполеону и такіе планы русскимъ военноначальникамъ. Всѣ факты совершенно противурѣчатъ такимъ предположеніямъ. Нетолько во все время войны, со стороны Русскихъ не было желанія зама-

нить Французовъ въ глубь Россіи, но все было дѣлаемо для того, чтобы остановить ихъ съ перваго вступленія ихъ въ Россію, и нетолько Наполеонъ не боялся растяженія своей линіи, но онъ радовался, какъ торжеству, каждому своему шагу впередъ, и очень лѣниво, не такъ какъ въ прежнія свои кампаніи, искалъ сраженія.

При самомъ началѣ кампаніи, арміи наши разрѣзаны, и единственная цѣль, къ которой мы стремимся, состоитъ въ томъ, чтобы соединить ихъ, хотя для того, чтобы отступать и завлекать непріятеля въ глубь страны, въ соединеніи армій не представляется выгодъ. Императоръ находится при арміи для воодушевленія ея въ отстаиваньи каждаго шага Русской земли, а не для отступленія. Устроивается громадный Дрисскій лагерь по плану Пфуля, и не предполагается отступать далѣе. Государь дѣлаетъ упреки главнокомандующимъ за каждый шагъ отступленія. Нетолько сожженіе Москвы, но и допущеніе непріятеля до Смоленска не можетъ даже представиться воображенію императора, и когда арміи соединяются, то государь негодуетъ за то, что Смоленскъ взятъ и сожженъ, и не дано передъ стѣнами его генеральнаго сраженія.

Такъ думаетъ государь, но русскіе военноначальники и всѣ русскіе люди еще болѣе негодуютъ при мысли о томъ, что наши отступаютъ въ глубь страны.

Наполеонъ, разрѣзавъ арміи, движется въ глубь страны и упускаетъ нѣсколько случаевъ сраженія. Въ августѣ мѣсяцѣ онъ въ Смоленскѣ и думаетъ только о томъ, какъ бы ему идти дальше, хотя, какъ мы теперь видимъ, это движеніе впередъ для него очевидно пагубно.

Факты говорятъ очевидно, что ни Наполеонъ не предвидѣлъ опасности въ движеніи на Москву, ни Александръ и русскіе военноначальники не думали тогда о заманиваньи Наполеона, а думали о противномъ. Завлеченіе Наполеона въ глубь страны произошло не по чьему нибудь плану (ни-

кто и не вѣрилъ въ возможность этого), а произошло отъ сложнѣйшей игры интригъ, цѣлей, желаній людей-участниковъ войны, не угадывавшихъ того, что̀ должно быть, и того, что̀ было единственнымъ спасеніемъ Россіи. Все происходитъ нечаянно. Арміи разрѣзаны при началѣ кампаніи. Мы стараемся соединить ихъ съ очевидной цѣлью дать сраженіе и удержать наступленіе непріятеля, но въ этотъ стремленіи къ соединенію, избѣгая сраженій съ сильнѣйшимъ непріятелемъ, и невольно отходя, подъ острымъ угломъ, мы заводимъ Французовъ до Смоленска. Но мало того сказать, что мы отходимъ подъ острымъ угломъ, потому что Французы двигаются между обѣими арміями — уголъ этотъ дѣлается еще острѣе, и мы дальше уходимъ, потому что Барклай де Толли, непопулярный Нѣмецъ, ненавистенъ Багратіону (имѣющему стать подъ его начальство) и Багратіонъ, командуя 2-й арміей, старается какъ можно дольше не присоединяться къ Барклаю, чтобы не стать подъ его команду. Багратіонъ долго не присоединяется (хотя въ этомъ главная цѣль всѣхъ начальствующихъ лицъ) потому, что ему кажется, что онъ на этомъ маршѣ ставитъ въ опасность свою армію, и что выгоднѣе всего для него отступить лѣвѣе и южнѣе, безпокоя съ фланга и тыла непріятеля и комплектуя свою армію въ Украйнѣ. А кажется это и придумано имъ потому, что ему не хочется подчиниться ненавистному и младшему чиномъ, Нѣмцу-Барклаю.

Императоръ находится при арміи, чтобы воодушевлять ее, а присутствіе его, и незнаніе на что рѣшиться, и огромное количество совѣтниковъ и плановъ уничтожаютъ энергію дѣйствій 1-ой арміи, и армія отступаетъ.

Въ Дрисскомъ лагерѣ предположено остановиться; но неожиданно Паулучи, мѣтящій въ главнокомандующіе, своей энергіей дѣйствуетъ на Александра, и весь планъ Пфуля бросается, и все дѣло поручается Барклаю. Но такъ какъ Барклай не внушаетъ довѣрія, власть его ограничиваютъ.

Арміи раздроблены, нѣтъ единства, начальства, Барклай не популяренъ; но изъ этой путаницы, раздробленія и непопулярности Нѣмца-главнокомандующаго съ одной стороны вытекаетъ нерѣшительность и избѣжаніе сраженія (отъ котораго нельзя было бы удержаться, ежели бы арміи были вмѣстѣ и не Барклай былъ бы начальникомъ) съ другой стороны все бо́льшее и бо́льшее негодованіе противъ Нѣмцевъ и возбужденіе патріотическаго духа.

Наконецъ государь уѣзжаетъ изъ арміи, и какъ единственный и удобнѣйшій предлогъ для его отъѣзда избирается мысль, что ему надо воодушевить народъ въ столицахъ для возбужденія народной войны. И эта поѣздка государя въ Москву утрояетъ силы Русскаго войска.

Государь уѣзжаетъ изъ арміи для того, чтобы не стѣснять единство власти главнокомандующаго и надѣется, что будутъ приняты болѣе рѣшительныя мѣры; но положеніе начальства армій еще болѣе путается и ослабѣваетъ. Бенигсенъ, великій князь и рой генералъ-адъютантовъ остаются при арміи съ тѣмъ, чтобы слѣдить за дѣйствіями главнокомандующаго и возбуждать его къ энергіи, и Барклай, еще менѣе чувствуя себя свободнымъ подъ глазами всѣхъ этихъ *глазъ государевыхъ*, дѣлается еще осторожнѣе для рѣшительныхъ дѣйствій и избѣгаетъ сраженія.

Барклай стоитъ за осторожность. Цесаревичъ намекаетъ на измѣну и требуетъ генеральнаго сраженія. Любомирскій, Бронницкій, Влоцкій и тому подобные такъ раздуваютъ весь этотъ шумъ, что Барклай, подъ предлогомъ доставленія бумагъ государю, отсылаетъ Поляковъ генералъ-адъютантовъ въ Петербургъ и входитъ въ открытую борьбу съ Бенигсеномъ и великимъ княземъ.

Въ Смоленскѣ наконецъ, какъ ни не желалъ того Багратіонъ, соединяются арміи.

Багратіонъ въ каретѣ подъѣзжаетъ къ дому, занимаемому Барклаемъ. Барклай надѣваетъ шарфъ, выходитъ на встрѣчу и рапортуетъ старшему чиномъ Багратіону. Багратіонъ, въ борьбѣ великодушія, не смотря на старшинство чина, подчиняется Барклаю; но подчинившись, еще меньше соглашается съ нимъ. Багратіонъ лично, по приказанію государя, доноситъ ему. Онъ пишетъ Аракчееву: «Воля государя, моего я никакъ вмѣстѣ съ *Министромъ* (Барклаемъ) не могу. Ради Бога, пошлите меня куда нибудь хотя полкомъ командовать, а здѣсь быть не могу; и вся главная квартира Нѣмцами наполнена, такъ что Русскому жить невозможно, и толку никакого нѣтъ. Я думалъ, истинно служу государю и отечеству, а на повѣрку выходитъ, что я служу Барклаю. Признаюсь, не хочу». Рой Бронницкихъ, Вингенгероде и тому подобныхъ еще больше отравляетъ сношенія главнокомандующихъ, и выходитъ еще меньше единства. Сбираются атаковать Французовъ передъ Смоленскомъ. Посылается генералъ для осмотра позиціи. Генералъ этотъ, ненавидя Барклая, ѣдетъ къ пріятелю, корпусному командиру, и, просидѣвъ у него день, возвращается къ Барклаю и осуждаетъ по всѣмъ пунктамъ поле сраженія, котораго онъ не видалъ.

Пока происходятъ споры и интриги о будущемъ полѣ сраженія, пока мы отъискиваемъ Французовъ, ошибившись въ ихъ мѣстѣ нахожденія, Французы натыкаются на дивизію Невѣровскаго и подходятъ къ самымъ стѣнамъ Смоленска.

Надо принять неожиданное сраженіе въ Смоленскѣ, чтобы спасти свой сообщенія. Сраженіе дается. Убиваются тысячи съ той и съ другой стороны.

Смоленскъ оставляется вопреки волѣ государя и всего народа. Но Смоленскъ сожженъ самими жителями, обманутыми своимъ губернаторомъ, и разоренные жители, показывая примѣръ другимъ Русскимъ, ѣдутъ въ Москву, думая

только о своихъ потеряхъ и разжигая ненависть къ врагу. Наполеонъ идетъ дальше, мы отступаемъ, и достигается то самое, что должно было побѣдить Наполеона.

II.

На другой день послѣ отъѣзда сына, князь Николай Андреичъ позвалъ къ себѣ княжну Марью.

— Ну что, довольна теперь? сказалъ онъ ей,—поссорила съ сыномъ! Довольна? Тебѣ только и нужно было! Довольна?... Мнѣ это больно, больно. Я старъ и слабъ, и тебѣ этого хотѣлось. Ну радуйся, радуйся.... И послѣ этого княжна Марья впродолженіи недѣли не видала своего отца. Онъ былъ боленъ и не выходилъ изъ кабинета.

Къ удивленію своему, княжна Марья замѣтила, что за это время болѣзни старый князь также не допускалъ къ себѣ и M-lle Bourienne. Одинъ Тихонъ ходилъ за нимъ.

Черезъ недѣлю князь вышелъ и началъ опять прежнюю жизнь, съ особенной дѣятельностью занимаясь постройками и садами и прекративъ всѣ прежнія отношенія съ M-lle Bourienne. Видъ его и холодный тонъ съ княжной Марьей какъ будто говорили ей: «вотъ видишь, ты выдумала на меня, налгала князю Андрею про отношенія мои къ этой Француженкѣ и поссорила меня съ нимъ; а ты видишь, что мнѣ не нужны ни ты, ни Француженка.»

Одну половину дня княжна Марья проводила у Николушки, слѣдя за его уроками, сама давала ему уроки русскаго языка и музыки, и разговаривая съ Десалемъ; другую часть дня она проводила съ книгами, старухой-няней и съ Божьими-людьми, которые иногда съ задняго крыльца приходили къ ней.

О войнѣ княжна Марья думала такъ, какъ думаютъ о войнѣ женщины. Она боялась за брата, который былъ тамъ, ужасалась, не понимая ея, передъ людской жестокостью,

заставлявшей ихъ убивать другъ друга; но не понимала значенія этой войны, казавшейся ей такою же какъ и всѣ прежнія войны. Она не понимала значенія этой войны, несмотря на то, что Десаль, ея постоянный собесѣдникъ, страстно интересовавшійся ходомъ войны, старался ей растолковать свои соображенія и, несмотря на то, что приходившіе къ ней Божьи-люди всѣ по своему съ ужасомъ говорили о народныхъ слухахъ про нашествіе антихриста и несмотря на то, что Жюли, теперь княгиня Друбецкая, опять вступившая съ ней въ переписку, писала ей изъ Москвы патріотическія письма.

«Я вамъ пишу по-русски, мой добрый другъ, — писала «Жюли,—потому что я имѣю ненависть ко всѣмъ Французамъ, равно и къ языку ихъ, который я не могу слы«шать говорить.... Мы въ Москвѣ всѣ восторжены черезъ «энтузіазмъ къ нашему обожаемому императору.

«Бѣдный мужъ мой переноситъ труды и голодъ въ жи«довскихъ корчмахъ; но новости, которыя я имѣю, еще «болѣе воодушевляютъ меня.

«Вы слышали вѣрно о героическомъ подвигѣ Раевскаго, «обнявшаго двухъ сыновей и сказавшаго: «Погибну съ ними, «но не поколеблемся!» И дѣйствительно, хотя непріятель «былъ вдвое сильнѣе насъ, мы не колебнулись. Мы про«водимъ время какъ можемъ; но на войнѣ, какъ на войнѣ. «Княжна Алина и Sophie сидятъ со мною цѣлые дни, и мы, «несчастныя вдовы живыхъ мужей, за корпіей дѣлаемъ «прекрасные разговоры; только васъ, мой другъ, не до«стаетъ...» и т. д.

Преимущественно не понимала княжна Марья всего значенія этой войны потому, что старый князь никогда не говорилъ про нее, не признавалъ ея и смѣялся за обѣдомъ надъ Десалемъ, говорившимъ объ этой войнѣ. Тонъ князя былъ такъ спокоенъ и увѣренъ, что княжна Марья не разсуждая вѣрила ему.

Весь іюль мѣсяцъ старый князь былъ чрезвычайно дѣятеленъ и даже оживленъ. Онъ заложилъ еще новый садъ и новый корпусъ, строеніе для дворовыхъ. Одно, что̀ безпокоило княжну Марью, было то, что онъ мало спалъ, и измѣнивъ свою привычку спать въ кабинетѣ, каждый день мѣнялъ мѣсто своихъ ночлеговъ. То онъ приказывалъ разбить свою походную кровать въ галлереѣ, то онъ оставался на диванѣ или въ вольтеровскомъ креслѣ въ гостинной и дремалъ не раздѣваясь, между тѣмъ какъ не M-lle Bourienne, а мальчикъ-Петруша читалъ ему; то онъ ночевалъ въ столовой.

Перваго августа было получено второе письмо отъ князя Андрея. Въ первомъ письмѣ, полученномъ вскорѣ послѣ его отъѣзда, князь Андрей просилъ съ покорностью прощенія у своего отца за то, что̀ онъ позволилъ себѣ сказать ему, и просилъ его возвратить ему свою милость. На это письмо старый князь отвѣчалъ ему ласковымъ письмомъ, и послѣ этого письма отдалилъ отъ себя Француженку. Второе письмо князя Андрея, писанное изъ подъ Витебска послѣ того, какъ Французы заняли его, состояло изъ краткаго описанія всей кампаніи съ планомъ нарисованнымъ въ письмѣ, и изъ соображеній о дальнѣйшемъ ходѣ кампаніи. Въ письмѣ этомъ князь Андрей представлялъ отцу неудобства его положенія вблизи отъ театра войны, на самой линіи движенія войскъ, и совѣтовалъ ѣхать въ Москву.

За обѣдомъ въ этотъ день на слова Десаля, говорившаго о томъ, что, какъ слышно, Французы уже вступили въ Витебскъ, старый князь вспомнилъ о письмѣ князя Андрея.

— Получилъ отъ князя Андрея нынче, сказалъ онъ княжнѣ Марьѣ;—не читала?

— Нѣтъ, mon père, испуганно отвѣчала княжна. Она не могла читать письма̀, про полученіе котораго она даже не слышала.

— Онъ пишетъ про войну про эту, сказалъ князь съ той сдѣлавшейся ему привычной, презрительной улыбкой, съ которой онъ говорилъ всегда про настоящую войну.

— Должно быть очень интересно, сказалъ Десаль.—Князь въ состояніи знать....

— Ахъ, очень интересно! сказала M-lle Bourienne.

— Подите принесите мнѣ, обратился старый князь къ M-lle Bourienne.—Вы знаете, на маленькомъ столѣ подъ преспапье.

M-lle Bourienne радостно вскочила.

— Ахъ нѣтъ, нахмурившись крикнулъ онъ.—Поди ты, Михаилъ Иванычъ!

Михаилъ Иванычъ всталъ и пошелъ въ кабинетъ. Но только что онъ вышелъ, старый князь, безпокойно оглядываясь, бросилъ салфетку и пошелъ самъ.

— Ничего не умѣютъ, все перепутаютъ.

Пока онъ ходилъ, княжна Марья, Десаль, M-lle Bourienne и даже Николушка молча переглядывались. Старый князь вернулся поспѣшнымъ шагомъ, сопутствуемый Михайломъ Иванычемъ, съ письмомъ и планомъ, которые онъ, никому не давая читать во время обѣда, положилъ подлѣ себя.

Перейдя въ гостиную, онъ передалъ письмо княжнѣ Марьѣ и, разложивъ передъ собою планъ новой постройки, на который онъ устремилъ глаза, приказалъ ей читать вслухъ. Прочтя письмо, княжна Марья вопросительно взглянула на отца. Онъ смотрѣлъ на планъ, очевидно погруженный въ свои мысли.

— Что вы объ этомъ думаете, князь? позволилъ себѣ Десаль обратиться съ вопросомъ.

— Я? я?.... какъ бы непріятно пробуждаясь, сказалъ князь, не спуская глазъ съ плана постройки.

— Весьма можетъ быть, что театръ войны такъ приблизится къ намъ....

— Ха-ха-ха! Театръ войны! сказалъ князь.—Я говорилъ и говорю, что театръ войны есть Польша, и дальше Нѣмана никогда не проникнетъ непріятель.

Десаль съ удивленіемъ посмотрѣлъ на князя, говорившаго о Нѣманѣ, когда непріятель былъ уже у Днѣпра; но княжна Марья, забывшая географическое положеніе Нѣмана, думала, что то, что̀ ея отецъ говоритъ, правда.

— При ростепели снѣговъ потонутъ въ болотахъ Польши. Они только могутъ не видѣть, проговорилъ князь, видимо думая о кампаніи 1807-го года, бывшей, какъ ему казалось, такъ недавно.—Бенигсенъ долженъ былъ раньше вступить въ Пруссію, дѣло приняло бы другой оборотъ....

— Но, князь, робко сказалъ Десаль,—въ письмѣ говорится о Витебскѣ....

— А, въ письмѣ? Да.... недовольно проговорилъ князь. Да... да... Лицо его приняло вдругъ мрачное выраженіе. Онъ помолчалъ.—Да, онъ пишетъ, Французы разбиты, при какой это рѣкѣ?

Десаль опустилъ глаза.—Князь ничего про это не пишетъ, тихо сказалъ онъ.

— А развѣ не пишетъ? Ну я самъ не выдумалъ же.—Всѣ долго молчали.

— Да.... да.... Ну, Михайла Иванычъ, вдругъ сказалъ онъ, приподнявъ голову и указывая на планъ постройки,—разскажи, какъ ты это хочешь передѣлать...

Михаилъ Иванычъ подошелъ къ плану, и князь, поговоривъ съ нимъ о планѣ новой постройки, сердито взглянувъ на княжну Марью и Десаля, ушелъ къ себѣ.

Княжна Марья видѣла смущенный и удивленный взглядъ Десаля, устремленный на ея отца, замѣтила его молчаніе

и была поражена тѣмъ, что ея отецъ забылъ письмо сына на столѣ въ гостиной; но она боялась не только говорить и распрашивать Десаля о причинѣ его смущенія и молчанія, но боялась и думать объ этомъ.

Ввечеру Михаилъ Иванычъ, присланный отъ князя, пришелъ къ княжнѣ Марьѣ за письмомъ князя Андрея, которое забыто было въ гостиной. Княжна Марья подала письмо. Хотя ей это и непріятно было, она позволила себѣ спросить у Михаила Иваныча, что̀ дѣлаетъ ея отецъ.

— Все хлопочутъ, съ почтительно-насмѣшливой улыбкой, которая заставила поблѣднѣть княжну Марью, сказалъ Михаилъ Иванычъ. Очень безпокоятся насчетъ новаго корпуса. Читали немножко, а теперь — понизивъ голосъ, сказалъ Михаилъ Иванычъ — у бюра, должно, завѣщаніемъ занялись. (Въ послѣднее время одно изъ любимыхъ занятій князя было занятіе надъ бумагами, которыя должны были остаться послѣ его смерти, и которыя онъ называлъ завѣщаніемъ).

— А Алпатыча посылаютъ въ Смоленскъ? спросила княжна Марья.

— Какже-съ, онъ уже давно ждетъ.

III.

Когда Михаилъ Иванычъ вернулся съ письмомъ въ кабинетъ, князь въ очкахъ, съ абажуромъ на глазахъ и на свѣчахъ, сидѣлъ у открытаго бюро, съ бумагами въ далеко отставленной рукѣ и въ нѣсколько торжественной позѣ, читалъ свои бумаги (ремарки, какъ онъ называлъ), которыя должны были быть доставлены государю послѣ его смерти.

Когда Михаилъ Иванычъ вошелъ, у него въ глазахъ стояли слезы воспоминаній о томъ времени, когда онъ пи-

салъ то, что̀ читалъ теперь. Онъ взялъ изъ рукъ Михаила Иваныча письмо, положилъ въ карманъ, уложилъ бумаги и позвалъ уже давно дожидавшагося Алпатыча.

На листочкѣ бумаги у него было записано то, что̀ нужно было въ Смоленскѣ, и онъ, ходя по комнатѣ мимо дожидавшагося у двери Алпатыча, сталъ отдавать приказанія.

— Первое, бумаги, почтовой, слышишь, восемь дестей, вотъ по образцу; золото-обрѣзной.... образчикъ, чтобы непремѣнно по немъ было; лаку, сургучу—по запискѣ Михаила Иваныча.

Онъ походилъ по комнатѣ и заглянулъ въ памятную записку.

— Потомъ губернатору лично письмо отдать о записи.

Потомъ были нужны задвижки къ дверямъ новой постройки, непремѣнно такого фасона, которыя выдумалъ самъ князь. Потомъ ящикъ переплетный надо было заказать для укладки завѣщанія.

Отдача приказаній Алпатычу продолжалась болѣе двухъ часовъ. Князь все не отпускалъ его. Онъ сѣлъ, задумался и, закрывъ глаза, задремалъ. Алпатычъ пошевелился.

— Ну, ступай, ступай; ежели что нужно, я пришлю.

Алпатычъ вышелъ. Князь подошелъ опять къ бюро, заглянувъ въ него, потрогалъ рукою свои бумаги, опять заперъ и сѣлъ къ столу писать письмо губернатору.

Уже было поздно, когда онъ всталъ, запечатавъ письмо. Ему хотѣлось спать, но онъ зналъ, что не заснетъ, и что самыя дурныя мысли приходятъ ему въ постелѣ. Онъ кликнулъ Тихона, пошелъ по комнатамъ, чтобы сказать ему гдѣ стлать постель на нынѣшнюю ночь. Онъ ходилъ, примѣривая каждый уголокъ.

Вездѣ ему казалось не хорошо, но хуже всего былъ привычный диванъ въ кабинетѣ. Диванъ этотъ былъ страшенъ ему, вѣроятно по тяжелымъ мыслямъ, которыя онъ передумалъ, лежа на немъ. Нигдѣ не было хорошо, но все-таки лучше всѣхъ былъ уголокъ въ диванной за фортепіано: онъ никогда еще не спалъ тутъ.

Тихонъ принесъ съ официантомъ постель и сталъ уставлять.

— Не такъ, не такъ! закричалъ князь и самъ подвинулъ на четверть подальше отъ угла, и потомъ опять поближе.

«Ну, наконецъ все передѣлалъ, теперь отдохну», подумалъ князь, и предоставилъ Тихону раздѣвать себя.

Досадливо морщась отъ усилій, которыя нужно было дѣлать, чтобы снять кафтанъ и пантолоны, князь раздѣлся, тяжело опустился на кровать и какъ будто задумался, презрительно глядя на свои желтыя изсохшія ноги. Онъ не задумался, а онъ медлилъ передъ предстоявшимъ ему трудомъ поднять эти ноги и передвинуться на кровати. «Охъ, какъ тяжело! Охъ, хоть бы поскорѣе кончились эти труды, и *вы* бы отпустили меня!» думалъ онъ. Онъ сдѣлалъ, поджавъ губы, въ двадцати-тысячный разъ, это усиліе, и легъ. Но едва онъ легъ, какъ вдругъ вся постель равномѣрно заходила подъ нимъ впередъ и назадъ, какъ будто тяжело дыша и толкаясь. Это бывало съ нимъ почти каждую ночь. Онъ открылъ закрывшіеся было глаза.

— Нѣтъ спокоя, проклятые! проворчалъ онъ съ гнѣвомъ на кого-то. Да, да, еще что-то важное было, очень что-то важное я приберегъ себѣ на ночь въ постели. Задвижки? Нѣтъ, про это сказалъ. Нѣтъ, что-то такое, что-то въ гостиной было. Княжна Марья что-то врала. Десаль что-то— дуракъ этотъ—говорилъ. Въ карманѣ что-то—не вспомню.

— Тишка! о чемъ за обѣдомъ говорили?

— О князѣ Михайлѣ....

— Молчи, молчи.—Князь захлопалъ рукой по столу.— Да, знаю, письмо князя Андрея. Княжна Марья читала. Десаль что-то про Витебскъ говорилъ. Теперь прочту.

Онъ велѣлъ достать письмо изъ кармана и придвинуть къ кровати столикъ съ лимонадомъ и витушкой-восковой свѣчкой и, надѣвъ очки, сталъ читать. Тутъ только въ тишинѣ ночи, при слабомъ свѣтѣ изъ подъ зеленаго колпака, онъ, прочтя письмо, въ первый разъ на мгновеніе понялъ его значеніе.

— Французы въ Витебскѣ, черезъ четыре перехода они могутъ быть у Смоленска; можетъ, они уже тамъ. Тишка! —Тихонъ вскочилъ.—Нѣтъ не надо, не надо! прокричалъ онъ.

Онъ спряталъ письмо подъ подсвѣчникъ и закрылъ глаза. И ему представился Дунай, свѣтлый полдень, камыши, русскій лагерь, и онъ входитъ, онъ молодой генералъ, безъ одной морщины на лицѣ, бодрый, веселый, румяный, въ росписной шатеръ Потемкина, и жгучее чувство зависти къ любимцу, столь же сильное какъ и тогда, волнуетъ его. И онъ вспоминаетъ всѣ тѣ слова, которыя сказаны были тогда при первомъ свиданіи съ Потемкинымъ. И ему представляется полная, съ желтизною въ жирномъ лицѣ, не высокая, толстая женщина — матушка-императрица, ея улыбки, слова, когда она въ первый разъ обласкавъ приняла его, и вспоминается ея же лицо на катафалкѣ, и то столкновеніе съ Зубовымъ, которое было тогда при ея гробѣ за право подходить къ ея рукѣ.

«Ахъ, скорѣе, скорѣе вернуться къ тому времени, и чтобы теперешнее все кончилось поскорѣе, поскорѣе, чтобы оставили они меня въ покоѣ!»

IV.

Лысыя Горы, имѣнье князя Николая Андреича Болконскаго, находились въ 60-ти верстахъ отъ Смоленска, позади его, и въ трехъ верстахъ отъ Московской дороги.

Въ тотъ же вечеръ, какъ князь отдавалъ приказанія Алпатычу, Десаль, потребовавъ у княжны Марьи свиданія, сообщилъ ей, что такъ какъ князь несовсѣмъ здоровъ и не принимаетъ никакихъ мѣръ для своей безопасности, а по письму князя Андрея видно, что пребываніе въ Лысыхъ Горахъ не безопасно, то онъ почтительно совѣтуетъ ей самой написать съ Алпатычемъ письмо къ начальнику губерніи въ Смоленскъ съ просьбой увѣдомить ее о положеніи дѣлъ и о мѣрѣ опасности, которой подвергаются Лысыя Горы. Десаль написалъ для княжны Марьи письмо къ губернатору, которое она подписала, и письмо это было отдано Алпатычу съ приказаніемъ подать его губернатору, и въ случаѣ опасности, возвратиться какъ можно скорѣе.

Получивъ всѣ приказанія, Алпатычъ, провожаемый домашними, въ бѣлой, пуховой шляпѣ (княжескій подарокъ) съ палкой, также какъ князь, вышелъ садиться въ кожанную кибиточку, заложенную тройкой сытыхъ саврасыхъ.

Колокольчикъ былъ подвязанъ, и бубенчики заложены бумажками. Князь никому не позволялъ въ Лысыхъ Горахъ ѣздить съ колокольчикомъ. Но Алпатычъ любилъ колокольчики и бубенчики въ дальней дорогѣ. Придворные Алпатыча, земскій, конторщикъ, кухарка — черная, бѣлая, двѣ старухи, мальчикъ-казачокъ, кучера и разные дворовые провожали его.

Дочь укладывала за спину и подъ него ситцевыя и пуховыя подушки. Свояченица-старушка тайкомъ сунула узелокъ. Одинъ изъ кучеровъ подсадилъ его подъ руку.

— Ну, ну, бабьи сборы! Бабы, бабы! пыхтя проговорилъ скороговоркой Алпатычъ точно такъ, какъ говорилъ князь, и сѣлъ въ кибитку. Отдавъ послѣднія приказанія о работахъ земскому и въ этомъ ужъ не подражая князю, Алпатычъ снялъ съ лысой головы шляпу и перекрестился троекратно.

— Вы, ежели что... вы вернитесь, Яковъ Алпатычъ; ради Христа, насъ пожалѣй, прокричала ему жена, намекавшая на слухи о войнѣ и непріятелѣ.

— Бабы, бабы, бабьи сборы! проговорилъ Алпатычъ про себя, и поѣхалъ, оглядывая вокругъ себя поля, гдѣ съ пожелтѣвшей рожью, гдѣ съ густымъ еще зеленымъ овсомъ, гдѣ еще черныя, которыя только начинали двоить. Алпатычъ ѣхалъ, любясь на рѣткостный урожай яроваго въ нынѣшнемъ году, приглядываясь къ полоскамъ ржаныхъ полей, на которыхъ кое гдѣ начинали зажинать, и дѣлалъ свои хозяйственныя соображенія о посѣвѣ и уборкѣ, и о томъ, не забыто ли какое княжеское приказаніе.

Два раза покормивъ дорогой, къ вечеру, 4-го августа, Алпатычъ пріѣхалъ въ городъ.

По дорогѣ Алпатычъ встрѣчалъ и обгонялъ обозы и войска. Подъѣзжая къ Смоленску, онъ слышалъ дальніе выстрѣлы, но звуки эти не поразили его. Сильнѣе всего поразило его то, что, приближаясь къ Смоленску, онъ видѣлъ прекрасное поле овса, которое какіе-то солдаты косили очевидно на кормъ и по которому стояли лагеремъ: это обстоятельство поразило Алпатыча, но онъ скоро забылъ его, думая о своемъ дѣлѣ.

Всѣ интересы жизни Алпатыча уже болѣе тридцати лѣтъ были ограничены одной волей князя, и онъ никогда не выходилъ изъ этого круга. Все, что̀ не касалось до исполненія приказаній князя, нетолько не интересовало его, но не существовало для Алпатыча.

Алпатычъ, пріѣхавъ вечеромъ 4-го августа въ Смоленскъ, остановился за Днѣпромъ въ Гаченскомъ предмѣстьи на постояломъ дворѣ, у дворника Ѳерапонтова, у котораго онъ уже тридцать лѣтъ имѣлъ привычку останавливаться. Ѳерапонтовъ тридцать лѣтъ тому назадъ, съ легкой руки Алпатыча, купивъ рощу у князя, началъ торговать, и теперь имѣлъ домъ, постоялый дворъ и мучную лавку въ губер-

ніи. Ѳерапонтовъ былъ толстый, черный, красный, сорокалѣтній мужикъ, съ толстыми губами, съ толстой шишкой-носомъ, такими же шишками надъ черными, нахмуренными бровями и толстымъ брюхомъ.

Ѳерапонтовъ, въ жилетѣ, въ ситцевой рубахѣ, стоялъ у лавки, выходившей на улицу. Увидавъ Алпатыча, онъ подошелъ къ нему.

— Добро пожаловать, Яковъ Алпатычъ. Народъ изъ города, а ты въ городъ, сказалъ хозяинъ.

— Чтожъ такъ, изъ города? сказалъ Алпатычъ.

— И я говорю народъ глупъ. Все Француза боятся.

— Бабьи толки, бабьи толки! проговорилъ Алпатычъ.

— Такъ-то и я сужу, Яковъ Алпатычъ. Я говорю, приказъ есть, что не пустятъ его, значитъ вѣрно. Да и мужики по три рубля съ подводы просятъ — креста на нихъ нѣтъ! — Яковъ Алпатычъ невнимательно слушалъ. Онъ потребовалъ самоваръ и сѣна лошадямъ и напившись чаю легъ спать.

Всю ночь мимо постоялаго двора двигались на улицѣ войска. На другой день Алпатычъ надѣлъ камзолъ, который онъ надѣвалъ только въ городѣ, и пошелъ по дѣламъ. Утро было солнечное, и съ восьми часовъ было уже жарко. Дорогой день для уборки хлѣба, какъ думалъ Алпатычъ. За городомъ съ ранняго утра слышались выстрѣлы.

Съ восьми часовъ къ ружейнымъ выстрѣламъ присоединилась пушечная пальба. На улицахъ было много народу, куда то спѣшащаго, много солдатъ, но также какъ и всегда ѣздили извощики, купцы стояли у лавокъ, и въ церквахъ шла служба. Алпатычъ прошелъ въ лавки, въ присутственныя мѣста, на почту и къ губернатору. Въ присутственныхъ мѣстахъ, въ лавкахъ, на почтѣ, всѣ говорили о войскѣ, о непріятелѣ, который уже напалъ на городъ; всѣ спрашивали другъ друга, что̀ дѣлать, и всѣ старались успокоивать другъ друга.

У дома губернатора, Алпатычъ нашелъ большое количество народа, казаковъ и дорожный экипажъ, принадлежавшій губернатору. На крыльцѣ Яковъ Алпатычъ встрѣтилъ двухъ господъ-дворянъ, изъ которыхъ однаго онъ зналъ. Знакомый ему дворянинъ, бывшій исправникъ, говорилъ съ жаромъ:

— Вѣдь это не шутки шутить, говорилъ онъ. Хорошо кто одинъ. Одна голова и бѣдна такъ одна, а то вѣдь 13-ть человѣкъ семьи, да все имущество... Довели что пропадать всѣмъ, чтожъ это за начальство послѣ этаго?.. Эхъ, перевѣшалъ бы разбойниковъ...

— Да ну, будетъ, говорилъ другой.

— А мнѣ что за дѣло, пускай слышитъ! Чтожъ, мы не собаки, сказалъ бывшій исправникъ, и оглянувшись, увидалъ Алпатыча.

— А, Яковъ Алпатычъ, ты зачѣмъ?

— По приказанію его сіятельства, къ господину губернатору, отвѣчалъ Алпатычъ, гордо поднимая голову и закладывая руку за пазуху, — что̀ онъ дѣлалъ всегда, когда упоминалъ о князѣ... Изволили приказать освѣдомиться о положеніи дѣлъ, сказалъ онъ.

— Да вотъ и узнавай, прокричалъ помѣщикъ, довели что ни подводъ, нечего!.. Вотъ она, слышишь? сказалъ онъ, указывая на ту сторону, откуда слышались выстрѣлы.

— Довели, что погибать всѣмъ... разбойники! опять проговорилъ онъ и сошелъ съ крыльца.

Алпатычъ покачалъ головой и пошелъ на лѣстницу. Въ пріемной были купцы, женщины, чиновники, молча переглядывавшіеся между собой. Дверь кабинета отворилась, всѣ встали съ мѣстъ и подвинулись впередъ. Изъ двери выбѣжалъ чиновникъ, поговорилъ что-то съ купцомъ, кликнулъ за собой толстаго чиновника съ крестомъ на шеѣ и скрылся опять въ дверь, видимо избѣгая всѣхъ обращен-

ныхъ къ нему взглядовъ и вопросовъ. Алпатычъ продвинулся впередъ и при слѣдующемъ выходѣ чиновника, заложивъ руку за застегнутый сюртукъ, обратился къ чиновнику, подавая ему два письма.

— Господину барону Ашу отъ генерала аншефа князя Болконскаго, провозгласилъ онъ такъ торжественно и значительно, что чиновникъ обратился къ нему и взялъ его письмо. Черезъ нѣсколько минутъ губернаторъ принялъ Алпатыча и поспѣшно сказалъ ему:

— Доложи князю и княжнѣ, что мнѣ ничего неизвѣстно было: я поступалъ по высшимъ приказаніямъ—вотъ....

Онъ далъ бумагу Алпатычу. — А впрочемъ такъ какъ князь нездоровъ, мой совѣтъ имъ ѣхать въ Москву. Я самъ сейчасъ ѣду. Доложи... Но губернаторъ не договорилъ; въ дверь вбѣжалъ запыленный и запотѣлый офицеръ, и началъ что-то говорить по французски. На лицѣ губернатора изобразился ужасъ.

— Иди, сказалъ онъ, кивнувъ головой Алпатычу, и сталъ что-то спрашивать у офицера. Жадные, испуганные, безпомощные взгляды обратились на Алпатыча, когда онъ вышелъ изъ кабинета губернатора. Невольно прислушиваясь теперь къ близкимъ и все усиливавшимся выстрѣламъ, Алпатычъ поспѣшилъ на постоялый дворъ. — Бумага, которую далъ губернаторъ Алпатычу, была слѣдующая:

«Увѣряю васъ, что городу Смоленску не предстоитъ еще «ни малѣйшей опасности, и невѣроятно, чтобы оный ею «угрожаемъ былъ. Я съ одной, а князь Багратіонъ съ дру«гой стороны, идемъ на соединеніе передъ Смоленскомъ, «которое совершится 22-го числа, и обѣ арміи совокупны«ми силами станутъ оборонять соотечественниковъ своихъ, «ввѣренной вамъ губерніи, пока усилія ихъ удалятъ отъ «нихъ враговъ Отечества, или пока не истребится въ храб«рыхъ ихъ рядахъ до послѣдняго воина. Вы видите изъ «сего, что вы имѣете совершенное право успокоить жите-

«лей Смоленска, ибо кто защищаемъ двумя столь храбры-«ми войсками, тотъ можетъ быть увѣренъ въ побѣдѣ ихъ.» (Предписаніе Барклая-де-Толли Смоленскому гражданскому губернатору, барону Ашу, 1812-го года).

Народъ безпокойно сновалъ по улицамъ.

Наложенные верхомъ воза съ домашней посудой, стульями, шкапчиками, то и дѣло выѣзжали изъ воротъ домовъ и ѣхали по улицамъ. Въ сосѣднемъ домѣ Ѳерапонтова стояли повозки и прощаясь выли и приговаривали бабы. Дворняшка-собака лая вертѣлась передъ заложенными лошадьми.

Алпатычъ болѣе поспѣшнымъ шагомъ, чѣмъ онъ ходилъ обыкновенно, вошелъ во дворъ и прямо пошелъ подъ сарай къ своимъ лошадямъ и повозкѣ. Кучеръ спалъ; онъ разбудилъ его, велѣлъ закладывать и вошелъ въ сѣни. Въ хозяйской горницѣ слышался дѣтскій плачъ, надрывающіяся рыданія женщины и гнѣвный, хриплый крикъ Ѳерапонтова. Кухарка, какъ испуганная курица, встрепыхалась въ сѣняхъ, какъ только вошелъ Алпатычъ.

— До смерти убилъ—хозяйку убилъ!.. Такъ билъ, такъ волочилъ!...

— За что? спросилъ Алпатычъ.

— Ѣхать просилась. Дѣло женское! Увези ты, говоритъ, меня, не погуби ты меня съ малыми дѣтьми; народъ, говоритъ, весь уѣхалъ, что, говоритъ мы-то? Какъ зачалъ бить. Такъ билъ, такъ волочилъ!

Алпатычъ какъ бы одобрительно кивнулъ головой на эти слова, и не желая болѣе ничего знать, подошелъ къ противуположной хозяйской — двери горницы, въ которой оставалась его покупки.

— Злодѣй ты, губитель, прокричала въ это время худая, блѣдная женщина съ ребенкомъ на рукахъ и съ сорваннымъ съ головы платкомъ, вырываясь изъ дверей и сбѣгая по лѣстницѣ на дворъ. Ѳерапонтовъ вышелъ за ней, и

увидавъ Алпатыча, оправилъ жилетъ, волосы, зѣвнулъ и вошелъ въ горницу за Алпатычемъ.

— Аль ужъ ѣхать хочешь? спросилъ онъ.

Не отвѣчая на вопросъ и не оглядываясь на хозяина, перебирая свои покупки, Алпатычъ спросилъ, сколько за постой слѣдовало хозяину.

— Сочтемъ! Чтожъ у губернатора былъ? спросилъ Ѳерапонтовъ. Какое рѣшеніе вышло?

Алпатычъ отвѣчалъ, что губернаторъ ничего рѣшительно не сказалъ ему. По нашему дѣлу развѣ увеземся? сказалъ Ѳерапонтовъ. Дай до Дорогобужа по 7 рубля за подводу. И я говорю: креста на нихъ нѣтъ! сказалъ онъ.

— Селивановъ, тотъ угодилъ въ четвергъ, продалъ муку въ армію по девяти рублей за куль. Чтоже, чай пить будете? прибавилъ онъ. Пока закладывали лошадей, Алпатычъ съ Ѳерапонтовымъ напились чаю и разговорились о цѣнѣ хлѣбовъ, объ урожаѣ и благопріятной погодѣ для уборки.

— Однако затихать стала, сказалъ Ѳерапонтовъ, выпивъ три чашки чая и поднимаясь, — должно, наша взяла.— Сказано, не пустятъ. Значитъ сила..... А намѣсь, сказывали, Матвѣй Иванычъ Платовъ ихъ въ рѣку Марину загналъ, тысячь осьмнадцать что ли въ одинъ день потопилъ.

Алпатычъ собралъ свои покупки, передалъ ихъ вошедшему кучеру, разсчелся съ хозяиномъ. Въ воротахъ прозвучалъ звукъ колесъ, копытъ и бубенчиковъ выѣзжавшей кибиточки.

Было уже далеко за полдень; половина улицы была въ тѣни, другая была ярко освѣщена солнцемъ. Алпатычъ взглянулъ въ окно и пошелъ къ двери. Вдругъ — послышался странный звукъ дальняго свиста и удара, и вслѣдъ за тѣмъ раздался сливающійся гулъ пушечной пальбы, отъ которой задрожали стекла.

Алпатычъ вышелъ на улицу; по улицѣ пробѣжали два человѣка къ мосту. Съ разныхъ сторонъ слышались свис-

ты, удары ядеръ и лопанье гранатъ, падавшихъ въ городѣ. Но звуки эти почти не слышны были и не обращали вниманія жителей въ сравненіи съ звуками пальбы, слышными за городомъ. Это было бомбардированіе, которое въ 5-мъ часу приказалъ открыть Наполеонъ по городу, изъ 130-ти орудій. Народъ первое время не понималъ значенія этаго бомбардированія.

Звуки падавшихъ гранатъ и ядеръ возбуждали сначала только любопытство. Жена Ѳерапонтова, не переставшая до этаго выть подъ сараемъ, умолкла, и съ ребенкомъ на рукахъ вышла къ воротамъ, молча приглядываясь къ народу и прислушиваясь къ звукамъ.

Къ воротамъ вышли кухарка и лавочникъ. Всѣ съ веселымъ любопытствомъ старались увидать проносившіеся надъ ихъ головами снаряды. Изъ-за угла вышло нѣсколько человѣкъ людей, оживленно разговаривая.—То то сила! говорилъ одинъ, и крышку и потолокъ такъ въ щепки и разбило.—Какъ свинья и землю то взрыло, сказалъ другой.

— Вотъ такъ важно, вотъ такъ подбодрилъ! смѣясь сказалъ онъ.

— Спасибо отскочилъ, а то бы она тебя смазала.—Народъ обратился къ этимъ людямъ. Они пріостановились и разсказывали, какъ подлѣ самихъ ихъ ядра попали въ домъ. Между тѣмъ другіе снаряды, то съ быстрымъ, мрачнымъ свистомъ—ядра, то съ пріятнымъ посвистываніемъ—гранаты, не переставали перелетать черезъ головы народа; но ни одинъ снарядъ не падалъ близко, всѣ переносило. Алпатычъ садился въ кибиточку. Хозяинъ стоялъ въ воротахъ.

— Чего не видали! крикнулъ онъ на кухарку, которая съ засученными рукавами въ красной юбкѣ, раскачиваясь голыми локтями, подошла къ углу послушать то что разсказывали.

— Вотъ чуда-то, приговаривала она—но услыхавъ голосъ хозяина, она вернулась, обдергивая подогнутую юбку.

Опять, но очень близко этотъ разъ, засвистѣло что-то, какъ сверху внизъ летящая птичка, блеснулъ огонь по серединѣ улицы, выстрѣлило что-то, и застлало дымомъ улицу.

— Злодѣй, чтожъ ты это дѣлаешь? прокричалъ хозяинъ, подбѣгая къ кухаркѣ.

Въ тоже мгновеніе съ разныхъ сторонъ жалобно завыли женщины, испуганно заплакалъ ребенокъ, и молча столпился народъ съ блѣдными лицами около кухарки. Изъ этой толпы слышнѣе всѣхъ слышались стоны и приговоры кухарки.

— Ой-о-охъ, голубчики мои! Голубчики мои бѣлые! Не дайте умереть! Голубчики мои бѣлые!...

Черезъ пять минутъ никого не оставалось на улицѣ. Кухарку съ бедромъ, разбитымъ гранатнымъ осколкомъ, снесли въ кухню. Алпатычъ, его кучеръ, Ѳерапонтова жена съ дѣтьми, дворникъ, сидѣли въ подвалѣ, прислушиваясь. Гулъ орудій, свистъ снарядовъ и жалостный стонъ кухарки, преобладавшій надъ всѣми звуками, не умолкали ни на мгновеніе. Хозяйка то укачивала и уговаривала ребенка, то жалостнымъ шопотомъ спрашивала у всѣхъ входившихъ въ подвалъ, гдѣ былъ ея хозяинъ, оставшійся на улицѣ. Вошедшій въ подвалъ лавочникъ сказалъ ей, что хозяинъ пошелъ съ народомъ въ соборъ, гдѣ поднимали Смоленскую чудотворную икону.

— Къ сумеркамъ канонада стала стихать. Алпатычъ вышелъ изъ подвала и остановился въ дверяхъ.

Прежде ясное вечернее небо все было застлано дымомъ. И сквозь этотъ дымъ странно свѣтилъ, молодой высоко стоящій серпъ мѣсяца. Послѣ замолкшаго прежняго страшнаго гула орудій, надъ городомъ казалась тишина, прерываемая только какъ бы распространеннымъ по всему городу шелестомъ шаговъ, стоновъ, дальнихъ криковъ и треска пожаровъ. Стоны кухарки теперь затихли. Съ двухъ сторонъ поднимались и расходились черные клубы дыма отъ

пожаровъ. На улицѣ не рядами, а какъ муравьи изъ разоренной кочки, въ разныхъ мундирахъ и въ разныхъ направленіяхъ, проходили и пробѣгали солдаты. Въ глазахъ Алпатыча нѣсколько изъ нихъ забѣжали на дворъ Ѳерапонтова. Алпатычъ вышелъ къ воротамъ. Какой-то полкъ, тѣснясь и спѣша, запрудилъ улицу, идя назадъ.

— Сдаютъ городъ, уѣзжайте, уѣзжайте, сказалъ ему замѣтившій его фигуру офицеръ и тутъ же обратился съ крикомъ къ солдатамъ:

— Я вамъ дамъ, по дворамъ бѣгать! крикнулъ онъ.

Алпатычъ вернулся въ избу и, кликнувъ кучера, велѣлъ ему выѣзжать. Вслѣдъ за Алпатычемъ и за кучеромъ вышли и всѣ домочадцы Ѳерапонтова. Увидавъ дымъ и даже огни пожаровъ, виднѣвшіеся теперь въ начинавшихся сумеркахъ, бабы, до тѣхъ поръ молчавшія, вдругъ заголосили глядя на пожары. Какъ бы вторя имъ, послышались такіе же плачи на другихъ концахъ улицы. Алпатычъ съ кучеромъ трясущимися руками расправлялъ запутавшіеся возжи и постромки лошадей, подъ навѣсомъ.

Когда Алпатычъ выѣзжалъ изъ воротъ, онъ увидалъ, какъ въ отпертой лавкѣ Ѳерапонтова человѣкъ десять солдатъ, съ громкимъ говоромъ, насыпáли мѣшки и ранцы пшеничной мукой и подсолнухами. Въ то же время, возвращаясь съ улицы въ лавку, вошелъ Ѳерапонтовъ. Увидавъ солдатъ, онъ хотѣлъ крикнуть что-то, но вдругъ остановился, и, схватившись за волоса, захохоталъ рыдающимъ хохотомъ.

— Тащи все ребята! Не доставайся дьяволамъ, закричалъ онъ, самъ хватая мѣшки и выкидывая ихъ на улицу. Нѣкоторые солдаты испугавшись выбѣжали, нѣкоторые продолжали насыпать. Увидавъ Алпатыча, Ѳерапонтовъ обратился къ нему.

— Рѣшилась! Россія! крикнулъ онъ.—Алпатычъ! рѣшилась! Самъ запалю. Рѣшилась.... Ѳерапонтовъ побѣжалъ на дворъ.

По улицѣ, запружая ее всю, непрерывно шли солдаты, такъ что Алпатычъ не могъ проѣхать, и долженъ былъ дожидаться. Хозяйка Ѳерапонтова съ дѣтьми сидѣла также на телѣгѣ, ожидая того, чтобы можно было выѣхать.

Была уже совсѣмъ ночь. На небѣ были звѣзды и свѣтился изрѣдка застилаемый дымомъ молодой мѣсяцъ. На спускѣ къ Днѣпру, повозки Алпатыча и хозяйки, медленно двигавшіяся въ рядахъ солдатъ и другихъ экипажей, должны были остановиться. Недалеко отъ перекрестка, у котораго остановились повозки, въ переулкѣ горѣли домъ и лавки. Пожаръ уже догоралъ. Пламя то замирало и терялось въ черномъ дымѣ, то вдругъ вспыхивало ярко, до странности отчетливо освѣщая лица столпившихся людей, стоявшихъ на перекресткѣ. Передъ пожаромъ мелькали черныя фигуры людей, и, изъ-за неумолкаемаго треска огня, слышались говоръ и крики. Алпатычъ, слѣзшій съ повозки, видя, что повозку его еще не скоро пропустятъ, повернулся въ переулокъ посмотрѣть пожаръ. Солдаты шныряли безпрестанно взадъ и впередъ мимо пожара, и Алпатычъ видѣлъ, какъ два солдата и съ ними какой-то человѣкъ во фризовой шинели тащили изъ пожара черезъ улицу на сосѣдній дворъ горѣвшія бревна; другіе несли охапки сѣна.

Алпатычъ подошелъ къ большой толпѣ людей, стоявшихъ противъ горѣвшаго полнымъ огнемъ, высокаго амбара. Стѣны были всѣ въ огнѣ, задняя завалилась, крыша тесовая обрушилась, балки пылали. Очевидно, толпа ожидала той минуты, когда завалится крыша. Этого же ожидалъ Алпатычъ.

— Алпатычъ! вдругъ окликнулъ старика чей-то знакомый голосъ.

— Батюшка, ваше сіятельство, отвѣчалъ Алпатычъ, мгновенно узнавъ голосъ своего молодаго князя.

Князь Андрей, въ плащѣ, верхомъ на вороной лошади стоялъ за толпой и смотрѣлъ на Алпатыча.

— Ты какъ здѣсь? спросилъ онъ.

— Ваше.... ваше сіятельство, проговорилъ Алпатычь, и зарыдалъ...—Ваше, ваше... или ужъ пропали мы? Отецъ..

— Какъ ты здѣсь! повторилъ князь Андрей.

Пламя ярко вспыхнуло въ эту минуту и освѣтило Алпатычу блѣдное и изнуренное лицо его молодаго барина. Алпатычъ разсказалъ, какъ онъ былъ посланъ и какъ насилу могъ уѣхать.—Чтоже, ваше сіятельство, или мы пропали? спросилъ онъ опять.

Князь Андрей не отвѣчая досталъ записную книжку, и приподнявъ колѣно сталъ писать карандашомъ, на вырванномъ листѣ. Онъ писалъ сестрѣ:

«Смоленскъ сдаютъ,—писалъ онъ,—Лысыя Горы будутъ «заняты непріятелемъ, черезъ недѣлю. Уѣзжайте сейчасъ «въ Москву. Отвѣчай мнѣ тотчасъ, когда вы выѣдете, «приславъ нарочнаго, въ Усвяжъ.»

Написавъ и передавъ листокъ Алпатычу, онъ на словахъ передалъ ему, какъ распорядиться отъѣздомъ князя, княжны и сына съ учителемъ, и какъ и куда отвѣтить ему, тотчасъ же. Еще не успѣлъ онъ окончить эти приказанія, какъ верховой штабный начальникъ, сопутствуемый свитой, подскакалъ къ нему.

— Вы полковникъ? кричалъ штабный начальникъ, съ нѣмецкимъ акцентомъ, знакомымъ князю Андрею голосомъ. —Въ вашемъ присутствіи зажигаютъ дома, а вы стоите? Что это значитъ такое? Вы отвѣтите, кричалъ Бергъ, который былъ теперь помощникомъ начальникомъ штаба, помощника начальника штаба начальника лѣваго фланга, пѣхотныхъ войскъ первой арміи,—мѣсто весьма пріятное и на виду, какъ говорилъ Бергъ.

Князь Андрей посмотрѣлъ на него и не отвѣчая продолжалъ, обращаясь къ Алпатычу:

— Такъ скажи, что до десятаго часу жду отвѣта, а ежели десятаго не получу извѣстія, что всѣ уѣхали, я самъ долженъ буду все бросить и ѣхать въ Лысыя Горы.

— Я, князь, только потому говорю, сказалъ Бергъ, узнавъ князя Андрея, что я долженъ исполнять приказанія, потому что я всегда точно исполняю.... Вы меня пожалуйста извините, въ чемъ-то оправдывался Бергъ.

Что-то затрещало въ огнѣ. Огонь притихъ на мгновенье; черные клубы дыма повалили изъ-подъ крыши. Еще страшно затрещало что-то въ огнѣ, и завалилось что-то огромное.

— Урруру! вторя завалившемуся потолку амбара, изъ котораго несло запахомъ лепешекъ отъ сгорѣвшаго хлѣба, заревѣла толпа. Пламя вспыхнуло и освѣтило оживленно-радостныя и измученныя лица людей, стоявшихъ вокругъ пожара.

Человѣкъ во фризовой шинели, поднявъ кверху руки, кричалъ:

— Важно! пошла драть! Ребята, важно!...

— Это самъ хозяинъ, послышались голоса.

— Такъ, такъ, сказалъ князь Андрей, обращаясь къ Алпатычу, все передай, какъ я тебѣ говорилъ, и, ни слова не отвѣчая Бергу, замолкшему подлѣ него, тронулъ лошадь и поѣхалъ въ переулокъ.

V.

Отъ Смоленска, войска продолжали отступать. Непріятель шелъ вслѣдъ за ними. 10-го августа, полкъ, которымъ командовалъ князь Андрей, проходилъ по большой дорогѣ, мимо проспекта, ведущаго въ Лысыя Горы. Жара и засуха стояли болѣе трехъ недѣль. Каждый день по небу ходили курчавыя облака, изрѣдко заслоняя солнце; но къ вечеру

опять расчищало, и солнце садилось въ буровато-красную мглу. Только сильная роса ночью освѣжала землю. Оставшіеся на корню хлѣба́ сгорали и высыпались. Болота пересохли. Скотина ревѣла отъ голода, не находя корма по сожженнымъ солнцемъ лугамъ. Только по ночамъ и въ лѣсахъ, пока еще держалась роса, была прохлада. Но по дорогѣ, по большой дорогѣ, по которой шли войска, даже и ночью, даже и по лѣсамъ, не было этой прохлады. Роса не замѣтна была по песочной пыли дороги, встолченной больше чѣмъ на четверть аршина. Какъ только разсвѣтало, начиналось движеніе. Обозы, артиллерія беззвучно шли по ступицу, а пѣхота по щиколку въ мягкой, душной, неостывшей за ночь, жаркой пыли. Одна часть этой песочной пыли мѣсилась ногами и колесами, другая— поднималась и стояла облакомъ надъ войскомъ, влипая въ глаза, въ волоса, въ уши, въ ноздри, и главное въ легкія людямъ и животнымъ, двигавшимся по этой дорогѣ. Чѣмъ выше поднималось солнце, тѣмъ выше поднималось облако пыли, и сквозь эту тонкую, жаркую пыль, на солнце, не закрытое облаками, можно было смотрѣть простымъ глазомъ. Солнце представлялось большимъ багровымъ шаромъ. Вѣтра не было, и люди задыхались въ этой неподвижной атмосферѣ. Люди шли, обвязавши носы и рты платками. Приходя къ деревнѣ, все бросалось къ колодцамъ. Дрались за воду, и вышивали ее до грязи.

Князь Андрей командовалъ полкомъ, и устройство полка, благосостояніе его людей, необходимость полученія и отдачи приказаній занимали его. Пожаръ Смоленска и оставленіе его были эпохой для князя Андрея. Новое чувство озлобленія противъ врага заставляло его забывать свое горе. Онъ весь былъ преданъ дѣламъ своего полка, онъ былъ заботливъ о своихъ людяхъ и офицерахъ и ласковъ съ ними. Въ полку, его называли *нашъ князь*, имъ гордились и его любили. Но добръ и кротокъ онъ былъ только

съ своими полковыми, съ Тимохинымъ и т. п. съ людьми совершенно новыми и въ чужой средѣ, съ людьми, которые не могли знать и понимать его прошедшаго; но какъ только онъ сталкивался съ кѣмъ нибудь изъ своихъ прежнихъ, изъ штабныхъ, онъ тотчасъ опять ощетинивался: дѣлался злобенъ, насмѣшливъ и презрителенъ. Все что связывало его воспоминаніе съ прошедшимъ, отталкивало его, и потому онъ старался въ отношеніяхъ этого прежняго міра только не быть несправедливымъ, и исполнять свой долгъ.

Правда, все въ темномъ, въ мрачномъ свѣтѣ представлялось князю Андрею — особенно послѣ того, какъ оставили Смоленскъ (который по его понятіямъ можно и должно было защищать) 6-го августа, и послѣ того какъ отецъ больной долженъ былъ бѣжать въ Москву и бросить на расхищеніе столь любимыя, обстроенныя и имъ населенныя Лысыя Горы; но не смотря на то, благодаря полку, князь Андрей могъ думать о другомъ, совершенно-независимомъ отъ общихъ вопросовъ, предметѣ — о своемъ полку. 10-го августа колонна, въ которой былъ его полкъ, поровнялась съ Лысыми Горами. Князь Андрей два дня тому назадъ получилъ извѣстіе, что его отецъ, сынъ и сестра уѣхали въ Москву. Хотя князю Андрею и нечего было дѣлать въ Лысыхъ Горахъ, онъ, съ свойственнымъ ему желаніемъ растравить свое горе, рѣшилъ, что онъ долженъ заѣхать въ Лысыя Горы.

Онъ велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь и съ перехода поѣхалъ верхомъ въ отцовскую деревню, въ которой онъ родился и провелъ свое дѣтство. Проѣзжая мимо пруда, на которомъ всегда десятки бабъ переговариваясь били вальками и полоскали свое бѣлье, князь Андрей замѣтилъ, что на прудѣ никого не было, и оторванный плотикъ, до половины залитый водой, бокомъ плавалъ по серединѣ пруда. Князь Андрей подъѣхалъ къ сторожкѣ. У каменныхъ воротъ въѣзда никого не было, и дверь была отперта. Дорожки сада

уже заросли, и телята и лошади ходили по Англійскому парку. Князь Андрей подъѣхалъ къ оранжереѣ: стекла были разбиты, и деревья въ кадкахъ нѣкоторыя повалены, нѣкоторыя засохли. Онъ окликнулъ Тараса садовника. Никто не откликнулся. Обогнувъ оранжерею на выставку, онъ увидалъ, что тесовый рѣзной заборъ весь изломанъ, и фрукты сливы обдерганы съ вѣтками. Старый мужикъ (Андрей видалъ его у воротъ въ дѣтствѣ), сидѣлъ и плелъ лапоть на зеленой скамейкѣ.

Онъ былъ глухъ и не услыхалъ подъѣзда князя Андрея. Онъ сидѣлъ на лавкѣ, на которой любилъ сиживать старый князь, и около него было развѣшано лычко на сучкахъ обломанной и засохшей магноліи.

Князь Андрей подъѣхалъ къ дому. Нѣсколько липъ въ старомъ саду были срублены, одна пѣгая съ жеребенкомъ лошадь ходила передъ самымъ домомъ между розанами. Домъ былъ заколоченъ ставнями. Одно окно внизу было открыто. Дворовый мальчикъ, увидавъ князя Андрея, вбѣжалъ въ домъ. Алпатычь, уславъ семью, одинъ оставался въ Лысыхъ Горахъ; онъ сидѣлъ дома и читалъ Житія. Узнавъ о пріѣздѣ князя Андрея, онъ, съ очками на носу, застегиваясь вышелъ изъ дома, поспѣшно подошелъ къ князю и ничего не говоря заплакалъ, цѣлуя князя Андрея въ колѣнку.

Потомъ онъ отвернулся съ сердцемъ на свою слабость и сталъ докладывать ему о положеніи дѣлъ. Все цѣнное и дорогое было отвезено въ Богучарово. Хлѣбъ, до 100 четвертей, тоже былъ вывезенъ, сѣно и яровой, необыкновенный, какъ говорилъ Алпатычъ, урожай нынѣшняго года зеленымъ взятъ и скошенъ—войсками. Мужики раззорены, нѣкоторые ушли тоже въ Богучарово, малая часть остается.

Князь Андрей, не дослушавъ его, спросилъ:

— Когда уѣхали отецъ и сестра? разумѣя, когда уѣхали въ Москву. Алпатычь отвѣчалъ, полагая, что спрашиваютъ

объ отъѣздѣ въ Богучарово, что уѣхали 7-го, и опять распространился о дѣлахъ хозяйства, спрашивая распоряженій.

— Прикажете ли отпускать подъ росписку командамъ овесъ? У насъ еще 600 четвертей осталось, спрашивалъ Алпатычъ.

«Что отвѣчать ему?» думалъ князь Андрей, глядя на лоснѣющуюся на солнцѣ плѣшивую голову старика, и въ выраженіи лица его читая сознаніе того, что онъ самъ понимаетъ несвоевременность этихъ вопросовъ, но спрашиваетъ только такъ, чтобы заглушить и свое горе.

— Да, отпускай, сказалъ онъ.

— Ежели изволили замѣтить безпорядки въ саду, говорилъ Алпатычъ, то невозможно было предотвратить: три полка проходили и ночевали, въ особенности драгуны. Я выписалъ чинъ и званіе для подачи прошенія.

— Ну чтожь ты будешь дѣлать? Останешься, ежели непріятель займетъ? спросилъ его князь Андрей.

Алпатычъ, повернувъ свое лицо къ князю Андрею, посмотрѣлъ на него. И вдругъ, торжественнымъ жестомъ, поднялъ руку кверху.—Онъ мой покровитель, да будетъ воля Его! проговорилъ онъ.—Толпа мужиковъ и дворовыхъ шла по лугу, съ открытыми головами, приближаясь къ князю Андрею.

— Ну прощай! сказалъ князь Андрей, нагибаясь къ Алпатычу. Уѣзжай самъ, увози что̀ можешь, и народу вели уходить въ Рязанскую или въ Подмосковную. — Алпатычъ прижался къ его ногѣ и зарыдалъ. Князь Андрей осторожно отодвинулъ его, и, тронувъ лошадь, галопомъ поѣхалъ внизъ по аллеѣ.

На выставкѣ все также сидѣлъ старикъ и стукалъ по колодкѣ лаптѣ, и двѣ дѣвочки со сливами въ подолахъ, которыя онѣ нарвали съ оранжерейныхъ деревьевъ, бѣжали оттуда, и наткнулись на князя Андрея. Увидавъ молодаго барина, старшая дѣвочка, съ выразившимся на лицѣ испугомъ, схватила за руку свою меньшую товарку, и съ ней

вмѣстѣ спряталась за березу, не успѣвъ подобрать разсыпавшіяся зеленыя сливы.

Князь Андрей испуганно-поспѣшно отвернулся отъ нихъ, боясь дать замѣтить имъ, что онъ ихъ видѣлъ. Ему жалко стало эту хорошенькую испуганную дѣвочку. Онъ боялся взглянуть на нее, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему этаго непреодолимо хотѣлось. Новое, отрадное и успокоительное чувство охватило его, когда онъ, глядя на этихъ дѣвочекъ, понялъ существованіе другихъ, совершенно чуждыхъ ему и столь же законныхъ человѣческихъ интересовъ, какъ и тѣ, которые занимали его. Эти дѣвочки очевидно страстно желали одного—унести и доѣсть эти зеленыя сливы, и не быть пойманными, и князь Андрей желалъ съ ними вмѣстѣ успѣха ихъ предпріятію. Онъ не могъ удержаться, чтобы не взглянуть на нихъ еще разъ. Полагая себѣ уже въ безопасности, онѣ выскочили изъ засады, и что-то пища тоненькими голосками, придерживая подолы, весело и быстро бѣжали по травѣ луга своими загорѣлыми босыми ноженками.

Князь Андрей освѣжился немного, выѣхавъ изъ района пыли большой дороги, по которой двигались войска. Но недалеко за Лысыми Горами, онъ въѣхалъ опять на дорогу и догналъ свой полкъ на привалѣ, у плотины небольшаго пруда. Былъ 2-й часъ послѣ полдня. Солнце, красный шаръ въ пыли, невыносимо пекло и жгло спину сквозь черный сюртукъ. Пыль, все такая же, неподвижно стояла надъ говоромъ гудѣвшими, остановившимися войсками. Вѣтру не было. Въ проѣздъ по плотинѣ на князя Андрея пахнуло тиной и свѣжестью пруда. Ему захотѣлось въ воду — какая бы грязная она ни была. Онъ оглянулся на прудъ, съ котораго неслись крики и хохотъ. Небольшой мутный съ зеленью прудъ, видимо, поднялся четверти на двѣ, заливая плотину, потому что онъ былъ полонъ человѣческими, солдатскими, голыми, барахтающимися въ немъ бѣлыми тѣлами, съ кирпично-красными руками, лицами

и шеями. Все это голое, бѣлое, человѣческое мясо, съ хохотомъ и гикомъ, барахталось въ этой грязной лужѣ, какъ караси набитые въ лейку. Весельемъ отзывалось это барахтанье, и отъ того оно особенно было грустно.

Одинъ молодой, бѣлокурый солдатъ—еще князь Андрей зналъ его—3-й роты, съ ремешкомъ подъ икрой, крестясь, отступалъ назадъ, чтобы хорошенько разбѣжаться и бултыхнуться въ воду; другой черный, всегда лохматый унтеръ-офицеръ, по поясъ въ водѣ, подергивая счастливо-мускулистымъ станомъ, радостно фыркалъ, поливая себѣ голову черными по кисти руками. Слышалось шлепанье другъ по другу, и визгъ, и уханье.

На берегахъ, на плотинѣ, въ прудѣ, вездѣ было бѣлое, здоровое, мускулистое мясо. Офицеръ Тимохинъ, съ краснымъ носикомъ, обтирался полотенцемъ на плотинѣ, и застыдился, увидавъ князя, однако рѣшился обратиться къ нему:

— То-то хорошо, ваше сіятельство, вы бы изволили! сказалъ онъ.

— Грязно, сказалъ князь Андрей, поморщившись.

— Мы сейчасъ очистимъ вамъ. И Тимохинъ, еще неодѣтый, побѣжалъ очищать.

— Князь хочетъ.

— Какой? Нашъ князь, заговорили голоса, и всѣ заторопились такъ, что насилу князь Андрей успѣлъ ихъ успокоить. Онъ придумалъ лучше облиться въ сараѣ.

«Мясо, тѣло, chair à canon!» думалъ онъ, глядя и на свое голое тѣло, и вздрагивалъ не столько отъ холода, сколько отъ самому ему непонятняго отвращенія и ужаса при видѣ этаго огромнаго количества тѣлъ, полоскавшихся въ грязномъ прудѣ.

7-го августа, князь Багратіонъ въ своей стоянкѣ Михайловкѣ на Смоленской дорогѣ писалъ слѣдующее:

«Милостивый государь графъ Алексѣй Андреевичъ.

(Онъ писалъ Аракчееву, но зналъ, что письмо его будетъ прочтено государемъ, и потому, на сколько онъ былъ къ тому способенъ, обдумывалъ каждое свое слово).

«Я думаю, что министръ уже рапортовалъ объ оставле-«ніи непріятелю Смоленска. Больно, грустно, и вся армія «въ отчаяніи, что самое важное мѣсто по напрасну бро-«сили. Я, съ моей стороны, просилъ лично его, убѣди-«тельнѣйшимъ образомъ, наконецъ и писалъ; но ничто его «не согласило. Я клянусь вамъ моею честью, что Наполе-«онъ былъ въ такомъ мѣшкѣ, какъ никогда, и онъ бы «могъ потерять половину арміи, но не взять Смоленска. «Войски наши такъ дрались и такъ дерутся, какъ никогда. «Я удержалъ съ 15-го тысячами болѣе 35-ти часовъ и «билъ ихъ; но онъ не хотѣлъ остаться и 14-ти часовъ. «Это стыдно, и пятно арміи нашей; а ему самому, мнѣ «кажется, и жить на свѣтѣ не должно. Ежели онъ доно-«ситъ, что потеря велика,—неправда; можетъ быть около «4-хъ тысячъ, не болѣе, но и того нѣтъ; хотя бы и де-«сять, какъ быть, война! Но, за то, непріятель потерялъ «бездну....

«Что стоило еще оставаться два дня? По крайней мѣрѣ, «они бы сами ушли; ибо не имѣли воды напоить людей «и лошадей. Онъ далъ слово мнѣ, что не отступитъ, но «вдругъ прислалъ диспозицію, что онъ въ ночь уходитъ. «Такимъ образомъ воевать не можно и мы можемъ непрія-«теля скоро привести въ Москву....

«Слухъ носится, что вы думаете о мирѣ. Чтобы поми-«риться, Боже сохрани! Послѣ всѣхъ пожертвованій и по-«слѣ такихъ сумасбродныхъ отступленій — мириться: вы «поставите всю Россію противъ себя, и всякой изъ насъ

«за стыдъ поставитъ носить мундиръ. Ежели ужъ такъ «пошло—надо драться, пока Россія можетъ и пока люди на «ногахъ....

«Надо командовать одному, а не двумъ. Вашъ министръ, «можетъ, хорошій по министерству; но генералъ не то, что «плохой, но дрянной, и ему отдали судьбу всего нашего «Отечества... Я, право, съ ума схожу отъ досады; простите «мнѣ, что дерзко пишу. Видно, тотъ не любитъ государя «и желаетъ гибели намъ всѣмъ, кто совѣтуетъ заключить «миръ и командовать арміею министру. И такъ я пишу «вамъ правду: готовьте ополченіе. Ибо министръ самымъ «мастерскимъ образомъ ведетъ въ столицу за собою гостя. «Большое подозрѣніе подаетъ всей арміи господинъ флигель-«адъютантъ Вольцогенъ. Онъ, говорятъ, болѣе Наполеона, «нежели нашъ, и онъ совѣтуетъ все министру. Я не токмо «учтивъ противъ него, но повинуюсь какъ капралъ, хотя «и старѣе его. Это больно; но, любя моего благодѣтеля и «государя—повинуюсь. Только жаль государя, что ввѣряетъ «такимъ славную армію. Вообразите, что нашею ретирадою «мы потеряли людей отъ усталости и въ госпиталяхъ бо-«лѣе 15-ти тысячъ; а ежели бы наступали, того бы не «было. Скажите ради Бога, что̀ наша Россія—мать наша—«скажетъ, что такъ страшимся, и за что такое доброе и «усердное Отечество отдаемъ сволочамъ и вселяемъ въ каж-«даго подданнаго ненависть и посрамленіе. Чего трусить и «кого бояться? Я не виноватъ, что министръ нерѣшимъ, «трусъ, безтолковъ, медлителенъ и всѣ имѣетъ худыя ка-«чества. Вся армія плачетъ совершенно, и ругаютъ его на «смерть»....

VI.

Въ числѣ безчисленныхъ подраздѣленій, которыя можно сдѣлать въ явленіяхъ жизни, можно подраздѣлить ихъ всѣ

на такія, въ которыхъ преобладаетъ содержаніе, другія—въ которыхъ преобладаетъ форма. Къ числу таковыхъ, въ противуположность деревенской, земской, губернской, даже Московской жизни, можно отнести жизнь Петербургскую, въ особенности салонную. Эта жизнь неизмѣнна. Съ 1805 г. мы мирились и ссорились съ Бонапартомъ, мы дѣлали конституціи и раздѣлывали ихъ, а салонъ Анны Павловны и салонъ Эленъ были точно такіе же, какіе они были одинъ 7 лѣтъ, другой 5 лѣтъ тому назадъ. Точно также у Анны Павловны говорили съ недоумѣніемъ о успѣхахъ Бонапарта и видѣли, какъ въ его успѣхахъ, такъ и въ потаканіи ему Европейскихъ государей, злостный заговоръ, имѣющій единственной цѣлью непріятность и безпокойство того придворнаго кружка, котораго представительницей была Анна Павловна. Точно также у Эленъ, которую самъ Румянцевъ удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ и считалъ замѣчательно-умной женщиной, точно также какъ въ 1808, такъ и въ 1812 году, съ восторгомъ говорили о великой націи и великомъ человѣкѣ, и съ сожалѣніемъ смотрѣли на разрывъ съ Франціей, который, по мнѣнію людей собиравшихся въ салонѣ Эленъ, долженъ былъ кончиться миромъ.

Въ послѣднее время, послѣ пріѣзда государя изъ арміи, произошло нѣкоторое волненіе въ этихъ противуположныхъ кружкахъ-салонахъ и произведены были нѣкоторыя демонстраціи другъ противъ друга, но направленіе кружковъ осталось тоже. Въ кружокъ Анны Павловны принимались изъ Французовъ только закоренѣлые легитимисты, и выражалась патріотическая мысль о томъ, что не надо ѣздить во французскій театръ, и что содержаніе труппы стоитъ столько же, сколько содержаніе цѣлаго корпуса. За военными событіями слѣдилось жадно, и распускались самые выгодные для нашей арміи слухи. Въ кружкѣ Эленъ, Румянцевскомъ, французскомъ, опровергались слухи о жестокости врага и войны, и обсуживались всѣ попытки Нано-

леона къ примиренію. Въ этомъ кружкѣ упрекали тѣхъ, кто присовѣтывалъ слишкомъ поспѣшные распоряженія о томъ, чтобы приготавливаться къ отъѣзду въ Казань придворнымъ и женскимъ учебнымъ заведеніямъ, находящимся подъ покровительствомъ императрицы-матери. Вообще все дѣло войны представлялось въ салонѣ Эленъ пустыми демонстраціями, которыя весьма скоро кончатся миромъ, и царствовало мнѣніе Билибина, бывшаго теперь въ Петербургѣ домашнимъ у Эленъ (всякій умный человѣкъ долженъ былъ быть у нея) что не порохъ, а тѣ, кто его выдумали, рѣшаетъ дѣло. Въ этомъ кружкѣ иронически и весьма умно, хотя весьма осторожно, осмѣивали Московскій восторгъ, извѣстіе о которомъ прибыло вмѣстѣ съ государемъ въ Петербургъ.

Въ кружкѣ Анны Павловны напротивъ восхищались этими восторгами и говорили о нихъ, какъ говоритъ Плутархъ о древнихъ. Князь Василій, занимавшій все тѣже важныя должности, составлялъ звѣно соединенія между двумя кружками. Онъ ѣздилъ къ ma bonne amie Аннѣ Павловнѣ и ѣздилъ dans le salon diplomatique de ma fille и часто, при безпрестанныхъ переѣздахъ изъ одного лагеря въ другой, путался и говорилъ у Эленъ то, что надо было говорить у Анны Павловны, и наоборотъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда государя, князь Василій разговорился у Анны Павловны о дѣлахъ войны, жестоко осуждая Барклая де Толли и находясь въ нерѣшительности, кого бы назначить главнокомандующимъ. Одинъ изъ гостей, извѣстный подъ именемъ un homme de beaucoup de mérite, разсказавъ о томъ, что онъ видѣлъ нынче выбраннаго начальникомъ Петербургскаго ополченія Кутузова, засѣдающаго въ казенной палатѣ для пріема ратниковъ, позволилъ себѣ осторожно выразить предположеніе о томъ, что Кутузовъ былъ бы тотъ человѣкъ, который удовлетворилъ бы всѣмъ требованіямъ.

Анна Павловна грустно улыбнулась и замѣтила, что Кутузовъ кромѣ непріятностей ничего не дѣлалъ государю.

— Я говорилъ и говорилъ въ дворянскомъ собраніи, перебилъ князь Василій, но меня не послушали. Я говорилъ, что избраніе его въ начальники ополченія не понравится государю. Они меня не послушали.

— Все какая-то манія фрондировать, продолжалъ онъ. И передъ кѣмъ? И все отъ того, что мы хотимъ обезьянничать глупымъ Московскимъ восторгамъ, сказалъ князь Василій, спутавшись на минуту, и забывъ то, что у Эленъ надо было подсмѣиваться надъ Московскими восторгами, а у Анны Павловны восхищаться ими. Но онъ тотчасъ же поправился.—Ну прилично ли графу Кутузову, самому старому генералу въ Россіи, засѣдать въ палатѣ, et il en restera pour sa peine! Развѣ возможно назначить главнокомандующимъ человѣка, который не можетъ верхомъ сѣсть, засыпаетъ на совѣтѣ, человѣка самыхъ дурныхъ нравовъ! Хорошо онъ себѣ рекомендовалъ въ Букарештѣ! Я уже не говорю о его качествахъ какъ генерала, но развѣ можно въ такую минуту назначать человѣка дряхлаго и слѣпаго, просто слѣпаго? Хорошъ будетъ генералъ слѣпой! Онъ ничего не видитъ. Въ жмурки играть... ровно ничего не видитъ!

Никто не возражалъ на это.

24-го іюля, это было совершенно справедливо. Но 29 іюля Кутузову пожаловано княжеское достоинство. Княжеское достоинство могло означать и то, что отъ него хотѣли отдѣлаться, и потому сужденіе князя Василія продолжало быть справедливо, хотя онъ и не торопился его высказывать теперь. Но 8 августа былъ собранъ комитетъ изъ генералъ-фельдмаршала Салтыкова, Аракчеева, Вязьмитинова, Лопухина и Кочубея для обсужденія дѣлъ войны. Комитетъ рѣшилъ, что неудачи происходили отъ разноначалій и, несмотря на то, что лица, составлявшія комитетъ, знали нерасположеніе государя къ Кутузову, комитетъ, послѣ ко-

роткаго совѣщанія, предложилъ назначить Кутузова главнокомандующимъ. И въ тотъ же день Кутузовъ былъ назначенъ полномочнымъ главнокомандующимъ армій и всего края, занимаемаго войсками.

9 августа князь Василій встрѣтился опять у Анны Павловны съ l'homme de beaucoup de mérite. L'homme de beaucoup de mérite ухаживалъ за Анной Павловной по случаю желанія назначенія попечителемъ женскаго учебнаго заведенія. Князь Василій вошелъ въ комнату съ видомъ счастливаго побѣдителя, человѣка, достигшаго цѣли своихъ желаній. Eh bien, vous savez la grande nouvelle. Le prince Koutouzoff est maréchal. Всѣ разногласія кончены. Я такъ счастливъ, такъ радъ! говорилъ князь Василій. Enfin voilà un homme, проговорилъ онъ значительно и строго оглядывая всѣхъ находившихся въ гостиной. L'homme de beaucoup de mérite, не смотря на свое желаніе получить мѣсто, не могъ удержаться, чтобы не напомнить князю Василію его прежнее сужденіе. (Это было неучтиво и передъ княземъ Василіемъ въ гостиной Анны Павловны и передъ Анной Павловной, которая также радостно приняла эту вѣсть; но онъ не могъ удержаться).

— Mais on dit qu'il est aveugle, mon prince? сказалъ онъ, напоминая князю Василію его же слова.

— Allez donc, il y voit assez, сказалъ князь Василій своимъ басистымъ, быстрымъ голосомъ съ покашливаніемъ, тѣмъ голосомъ и съ покашливаніемъ, которымъ онъ разрѣшалъ всѣ трудности. Allez, il y voit assez, повторилъ онъ. И чему я радъ, продолжалъ онъ, это то, что государь далъ ему полную власть надъ всѣми арміями, надъ всѣмъ краемъ — власть, которой никогда не было ни у какого главнокомандующаго. Это другой самодержецъ, заключилъ онъ съ побѣдоносной улыбкой.

— Дай Богъ, дай Богъ, сказала Анна Павловна. L'homme de beaucoup mérite, еще новичокъ въ придворномъ обществѣ,

желая польстить Аннѣ Павловнѣ, выгораживая ея прежнее мнѣніе изъ этаго сужденія, сказалъ:

— Говорятъ, что государь неохотно передалъ эту власть Кутузову. On dit qu'il rougit comme une demoiselle à la quelle on lirait Joconde, en lui disant: le souverain et la patrie vous decernent cet honneur.

— Peut-être que le coeur n'était pas de la partie, сказала Анна Павловна.

— О нѣтъ, нѣтъ, горячо заступился князь Василій. Теперь уже онъ не могъ никому уступить Кутузова. По мнѣнію князя Василья, не только Кутузовъ былъ самъ хорошъ, но и всѣ обожали его.—Нѣтъ, это не можетъ быть, потому что государь такъ умѣлъ прежде цѣнить его, сказалъ онъ.

— Дай Богъ только, чтобы князь Кутузовъ, сказала Анна Павловна, взялъ дѣйствительную власть и не позволялъ бы *никому* вставлять себѣ палки въ колёса, des batons dans les roues.

Князь Василій тотчасъ понялъ, кто былъ этотъ *никому*. Онъ шопотомъ сказалъ:

— Я вѣрно знаю, что Кутузовъ, какъ непремѣнное условіе, выговорилъ, чтобъ наслѣдникъ-цесаревичъ не былъ при арміи. Vous savez ce qu'il a dit à l'Empereur? И князь Василій повторилъ слова, будто бы сказанныя Кутузовымъ государю: «Я не могу наказать его, ежели онъ сдѣлаетъ дурно и наградить, ежели онъ сдѣлаетъ хорошо.» О! это умнѣйшій человѣкъ, князь Кутузовъ, je le connais de longue date.

— Говорятъ даже, сказалъ l'homme de beaucoup de mérite, не имѣвшій еще придворнаго такта, что свѣтлѣйшій непремѣннымъ условіемъ поставилъ, чтобы самъ государь не пріѣзжалъ къ арміи.

Какъ только онъ сказалъ это, въ одно мгновеніе князь Василій и Анна Павловна отвернулись отъ него, и грустно, со вздохомъ о его наивности, посмотрѣли другъ на друга.

VII.

Въ то время, какъ это происходило въ Петербургѣ, Французы уже прошли Смоленскъ и все ближе и ближе приближались къ Москвѣ. Историкъ Наполеона Тьеръ, также какъ и другіе историки Наполеона, говоритъ, стараясь оправдать своего героя, что Наполеонъ былъ привлеченъ къ стѣнамъ Москвы невольно. Онъ правъ, какъ и правы всѣ историки, ищущіе объясненія событій историческихъ въ волѣ одного человѣка; онъ правъ также какъ и русскіе историки, утверждающіе, что Наполеонъ былъ привлеченъ къ Москвѣ искусствомъ русскихъ полководцевъ. Здѣсь кромѣ закона ретроспективности (возвратности) представляющаго все прошедшее приготовленіемъ къ совершившемуся факту, есть еще взаимность, путающая все дѣло. Хорошій игрокъ, проигравшій въ шахматы, искренно убѣжденъ, что его проигрышъ произошелъ отъ его ошибки, и онъ отыскиваетъ эту ошибку въ началѣ своей игры, но забываетъ, что въ каждомъ его шагѣ, въ продолженіе всей игры, были такія же ошибки, что ни одинъ его ходъ не былъ совершенъ. Ошибка, на которую онъ обращаетъ вниманіе, замѣтна ему только потому, что противникъ воспользовался ею. На сколько же сложнѣе этого игра войны, происходящая въ извѣстныхъ условіяхъ времени, и гдѣ не одна воля руководитъ безжизненными машинами, а гдѣ все вытекаетъ изъ безчисленнаго столкновенія различныхъ произволовъ.

Послѣ Смоленска Наполеонъ искалъ сраженія за Дорогобужемъ у Вязьмы, потомъ у Царева-Займища; но выходило, что по безчисленному столкновенію обстоятельствъ до Бородина, въ 112 верстахъ отъ Москвы, Русскіе не могли принять сраженія. Отъ Вязьмы было сдѣлано распоряженіе Наполеономъ для движенія прямо на Москву. Moscou, la capitale asiatique de ce grand empire, la ville sacrée des peuples

d'Alexandre, Moscou avec ses innombrables églises en forme de pagodes chinoises!

Эта Moscou не давала покоя воображенію Наполеона. На переходѣ изъ Вязьмы къ Цареву-Займищу Наполеонъ верхомъ ѣхалъ на своемъ соловомъ англизированномъ иноходчикѣ, сопутствуемый гвардіей, карауломъ, пажами и адъютантами. Начальникъ штаба Бертье отсталъ для того, чтобы допросить взятаго кавалеріей русскаго плѣннаго. Онъ, галопомъ, сопутствуемый переводчикомъ Lelorme d'Ideville, догналъ Наполеона и съ веселымъ лицомъ остановилъ лошадь.

— Eh bien? сказалъ Наполеонъ.

— Un cosaque de Platow говоритъ, что корпусъ Платова соединяется съ большой арміей, что Кутузовъ назначенъ главнокомандующимъ. Très intelligent et bavard!

Наполеонъ улыбнулся, велѣлъ дать этому казаку лошадь и привести его къ себѣ. Онъ самъ желалъ поговорить съ нимъ. Нѣсколько адъютантовъ поскакало, и черезъ часъ крѣпостной человѣкъ Денисова, уступленный имъ Ростову, Лаврушка, въ деньщицкой курткѣ, на французскомъ кавалерійскомъ сѣдлѣ, съ плутовскимъ и пьянымъ, веселымъ лицомъ, подъѣхалъ къ Наполеону. Наполеонъ велѣлъ ему ѣхать рядомъ съ собой и началъ спрашивать:

— Вы казакъ?

— Казакъ-съ, ваше благородіе.

Le cosaque ignorant la compagnie dans laquelle il se trouvait, car la simplicité de Napoléon n'avait rien qui put révéler à une imagination orientale la présence d'un souverain, s'entretint avec la plus extrême familiarité des affaires de la guerre actuelle, говоритъ Тьеръ, разсказывая этотъ эпизодъ. Дѣйствительно, Лаврушка, напившійся наканунѣ пьянъ и оставившій барина безъ обѣда, былъ высѣченъ наканунѣ и отправленъ въ деревню за курами, гдѣ онъ увлекся мародерствомъ и былъ взятъ въ плѣнъ Французами. Лаврушка былъ

одинъ изъ тѣхъ грубыхъ, наглыхъ лакеевъ, видавшихъ всякіе виды, которые считаютъ долгомъ все дѣлать съ подлостью и хитростью, которые готовы служить всякую службу своему барину, и которые хитро угадываютъ барскія дурныя мысли, въ особенности тщеславіе и мелочность.

Попавъ въ общество Наполеона, котораго личность онъ очень хорошо и легко призналъ, Лаврушка нисколько не смутился и только старался отъ всей души заслужить новымъ господамъ.

Онъ очень хорошо зналъ, что это самъ Наполеонъ, и присутствіе Наполеона не могло смутить его больше, чѣмъ присутствіе Ростова, или вахмистра съ розгами, потому что не было ничего у него, чего бы не могъ лишить его, ни вахмистръ, ни Наполеонъ.

Онъ вралъ все, что̀ толковалась между деньщиками. Многое изъ этого была правда. Но когда Наполеонъ спросилъ его, какъ же думаютъ Русскіе, побѣдятъ они Бонапарта, или нѣтъ, Лаврушка прищурился и задумался.

Онъ увидалъ тутъ тонкую хитрость, какъ всегда во всемъ видятъ хитрость люди подобные Лаврушкѣ, насупился и помолчалъ.

— Оно значитъ: коль быть сраженью, сказалъ онъ задумчиво и въ скорости, то ваша возьметъ. Это такъ точно. Ну а коли пройдетъ три дня, а послѣ того самаго числа, ну тогда значитъ власть Божія.

Наполеону перевели это такъ: Si la bataille est donnée avant trois jours, les Français la gagneraient, mais que si elle serait donnée plus tard, Dieu sait ce qui en arriverait, улыбаясь передалъ Lelorme d'Ideville. Наполеонъ не улыбнулся, хотя онъ видимо былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа и велѣлъ повторить себѣ эти слова.

Лаврушка замѣтилъ это, и, чтобы развеселить его, сказалъ, притворяясь, что не знаетъ, кто онъ.

— Знаемъ, у васъ есть Бонапартъ, онъ всѣхъ въ мірѣ побилъ, ну да объ насъ другая статья... сказалъ онъ, самъ не зная, какъ и отчего подъ конецъ проскочилъ въ его словахъ хвастливый патріотизмъ. Переводчикъ передалъ эти слова Наполеону безъ окончанія, и Бонапартъ улыбнулся. Le jeune Cosaque fit sourire son puissant interlocuteur, говоритъ Тьеръ. Проѣхавъ нѣсколько шаговъ молча, Наполеонъ обратился къ Бертье и сказалъ, что онъ хочетъ испытать дѣйствіе, которое произведетъ sur cet enfant du Don извѣстіе о томъ, что тотъ человѣкъ, съ которымъ говоритъ этотъ enfant du Don, есть самъ императоръ, тотъ самый императоръ, который написалъ на пирамидахъ безсмертно-побѣдоносное имя.

Извѣстіе было передано.

Лаврушка (понявъ, что это дѣлалось, чтобы озадачить его, и что Наполеонъ думаетъ, что онъ испугается), чтобы угодить новымъ господамъ, тотчасъ же притворился изумленнымъ, ошеломленнымъ, выпучилъ глаза и сдѣлалъ такое же лицо, которое ему привычно было, когда его водили сѣчь. A peine l'interprête de Napoléon, говоритъ Тьеръ, avait-il parlé, que le Cosaque, saisi d'une sorte d'ébahissement ne proféra plus une parole et marcha les yeux costamment attachés sur ce conquérant, dont le nom avait pénétré jusqu'à lui, à travers les steppes de l'Orient. Toute sa loquacité s'était subitement arrêtée, pour faire place à un sentiment d'admiration naive et silencieuse. Napoléon, après l'avoir récompensé, lui fit donner la liberté, comme à un oiseau qu'on rend aux champs qui l'ont vu naître.

Наполеонъ поѣхалъ дальше, мечтая о той Moscou, которая такъ занимала его воображеніе, а L'oiseau qu' on rendit aux champs qui l'on vu naître поскакалъ на аванпосты, придумывая впередъ все то, чего не было и что онъ не будетъ разсказывать у своихъ того что́ дѣйствительно съ нимъ было, именно потому, что это казалось ему недостой-

нымъ разсказа. Онъ выѣхалъ къ казакамъ, распросилъ, гдѣ былъ полкъ, состоявшій въ отрядѣ Платова, и къ вечеру же нашелъ своего барина Николая Ростова, стоявшаго въ Янковѣ, и только что сѣвшаго верхомъ, чтобы съ Ильинымъ сдѣлать прогулку по окрестнымъ деревнямъ. Онъ далъ другую лошадь Лаврушкѣ и взялъ его съ собой.

VIII.

Княжна Марья не была въ Москвѣ и внѣ опасности, какъ думалъ князь Андрей.

Послѣ возвращенія Алпатыча изъ Смоленска, старый князь какъ бы вдругъ опомнился отъ сна. Онъ велѣлъ собрать изъ деревень ополченцевъ, вооружить ихъ, и написалъ главнокомандующему письмо, въ которомъ извѣщалъ его о принятомъ имъ намѣреніи оставаться въ Лысыхъ Горахъ до послѣдней крайности и защищаться, предоставляя на его разсмотрѣніе принять или не принять мѣры для защиты Лысыхъ Горъ, въ которыхъ будетъ взятъ въ плѣнъ или убитъ одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ генераловъ, и объявилъ дамашнимъ, что онъ остается въ Лысыхъ Горахъ.

Но, оставаясь самъ въ Лысыхъ Горахъ, князь распорядился объ отправкѣ княжны и Десаля съ маленькимъ княземъ въ Богучарово, а оттуда въ Москву. Княжна Марья, испуганная лихорадочной, безсонной дѣятельностью отца, замѣнившей его прежнюю опущенность, не могла рѣшиться оставить его однаго, и въ первый разъ въ жизни позволила себѣ не повиноваться ему. Она отказалась ѣхать, и на нее обрушилась страшная гроза гнѣва князя. Онъ напоминалъ ей все, въ чемъ онъ былъ несправедливъ противъ нея. Стараясь обвинить ее, онъ сказалъ ей, что она измучила его, что она поссорила его съ сыномъ, имѣла противъ него гадкія подозрѣнія, что она задачей своей жизни поставила отравлять его жизнь, и выгналъ ее изъ своего ка-

бинета, сказавъ ей, что, ежели она не уѣдетъ, ему все равно. Онъ сказалъ, что знать не хочетъ о ея существованіи, но впередъ предупреждаетъ ее, чтобы она не смѣла попадаться ему на глаза. То, что онъ, вопреки опасеній княжны Марьи, не велѣлъ насильно увезти ее, а только не приказалъ ей показываться на глаза, обрадовало княжну Марью. Она знала, что это доказывало то, что въ самой тайнѣ души своей онъ былъ радъ, что она оставалась дома и не уѣхала.

На другой день послѣ отъѣзда Николушки, старый князь утромъ одѣлся въ полный мундиръ и собрался ѣхать къ главнокомандующему. Коляска уже была подана. Княжна Марья видѣла, какъ онъ, въ мундирѣ и всѣхъ орденахъ, вышелъ изъ дома и пошелъ въ садъ сдѣлать смотръ вооруженнымъ мужикамъ и дворовымъ. Княжна Марья сидѣла у окна, прислушиваясь къ его голосу, слышавшемуся изъ сада. Вдругъ изъ аллеи выбѣжало нѣсколько людей съ испуганными лицами.

Княжна Марья выбѣжала на крыльцо, на цвѣточную дорожку и въ аллею. На встрѣчу ей подвигалась большая толпа ополченцевъ и дворовыхъ, и въ серединѣ этой толпы нѣсколько людей подъ руки волокли маленькаго старичка въ мундирѣ и орденахъ. Княжна Марья подбѣжала къ нему, и въ игрѣ мелкими кругами падавшаго свѣта, сквозь тѣнь липовой аллеи, не могла дать себѣ отчета въ томъ, какая перемѣна произошла въ его лицѣ. Одно, что̀ она увидала было то, что прежнее строгое и рѣшительное выраженіе его лица замѣнилось выраженіемъ робости и покорности. Увидавъ дочь, онъ зашевелился безсильными губами, и захрипѣлъ. Нельзя было понять, чего онъ хотѣлъ. Его подняли на руки, отнесли въ кабинетъ и положили на тотъ диванъ, котораго онъ такъ боялся послѣднее время.

Привезенный докторъ въ ту же ночь пустилъ кровь и объявилъ, что у князя ударъ правой стороны.

Въ Лысыхъ Горахъ оставаться становилось болѣе и болѣе опаснымъ, и на другой день послѣ удара князя повезли въ Богучарово. Докторъ поѣхалъ съ нимъ.

Когда они пріѣхали въ Богучарово, Десалъ съ маленькимъ княземъ уже уѣхали въ Москву.

Все въ томъ же положеніи, не хуже и не лучше, разбитый параличемъ, старый князь три недѣли лежалъ въ Богучаровѣ въ новомъ, построенномъ княземъ Андреемъ, домѣ. Старый князь былъ въ безпамятствѣ; онъ лежалъ какъ изуродованный трупъ. Онъ не переставая бормоталъ что-то, дергаясь бровями и губами, и нельзя было знать, понималъ онъ или нѣтъ то, что́ его окружало. Одно можно было знать навѣрное—это то, что онъ страдалъ и чувствовалъ потребность еще выразить что-то. Но что̀ это было,это никто не могъ понять: былъ ли это какой нибудь капризъ больнаго и полусумасшедшаго, относилось ли это до общаго хода дѣлъ, или относилось это до семейныхъ обстоятельствъ.

Докторъ говорилъ, что выражаемое имъ безпокойство ничего не значило, что оно имѣло физическія причины; но княжна Марья думала (и то, что ея присутствіе всегда усиливало его безпокойство, подтверждало ея предположеніе), думала, что онъ что-то хотѣлъ сказать ей.

Онъ очевидно страдалъ и физически и нравственно. Надежды на изцѣленіе не было. Везти его было нельзя. И что бы было, ежели бы онъ умеръ дорогой? «Не лучше ли бы было конецъ, совсѣмъ конецъ!» иногда думала княжна Марья. Она день и ночь, почти безъ сна, слѣдила за нимъ и, страшно сказать, она часто слѣдила за нимъ не съ надеждой найти признаки облегченія, но слѣдила, часто *желая* найти признаки приближенія къ концу.

Какъ ни странно было княжнѣ сознавать въ себѣ это чувство, но оно было въ ней. И что было еще ужаснѣе для княжны Марьи, это было то, что со времени болѣзни ея

отца (даже едва ли не раньше, не тогда ли, когда она, ожидая чего-то, осталась съ нимъ) въ ней проснулись всѣ засунувшія въ ней, забытыя личныя желанія и надежды. То, что годами не приходило ей въ голову — мысли о свободной жизни безъ страха отца, даже мысли о возможности любви и семейнаго счастія, какъ искушенія дьявола, безбезпрестанно носились въ ея воображеніи. Какъ ни отстраняла она отъ себя, безпрестанно ей приходили въ голову вопросы о томъ, какъ она теперь, послѣ *того,* устроитъ свою жизнь. Это были искушенія дьявола, и княжна Марья знала это. Она знала, что единственное орудіе противъ *него* были молитвы, и она пыталась молиться. Она становилась въ положеніе молитвы, смотрѣла на образа, читала слова молитвы, но не могла молиться. Она чувствовала, что теперь ее охватилъ другой міръ житейской, трудной и свободной дѣятельности, совершенно противуположный тому нравственному міру, въ который она была заключена прежде и въ которомъ лучшее утѣшеніе была — молитва. Она не могла молиться и не могла плакать, и житейская забота охватила ее.

Оставаться въ Богучаровѣ становилось опаснымъ. Со всѣхъ сторонъ слышно было о приближающихся Французахъ, и въ одной деревнѣ, въ 15-ти верстахъ отъ Богучарова, была разграблена усадьба французскими мародерами.

Докторъ настаивалъ на томъ, что надо везти князя дальше; предводитель прислалъ чиновника къ княжнѣ Марьѣ, уговаривая ее уѣзжать какъ можно скорѣе; исправникъ, пріѣхавъ въ Богучарово, настаивалъ на томъ же, говоря, что въ сорока верстахъ Французы, что по деревнямъ ходятъ французскія прокламаціи, и что ежели княжна не уѣдетъ съ отцомъ до 15-го, то онъ ни за что не отвѣчаетъ.

Княжна 15-го рѣшилась ѣхать. Заботы приготовленій, отдача приказаній, за которыми всѣ обращались къ ней, цѣлый день занимали ее. Ночь съ 14 на 15 она провела,

какъ обыкновенно, не раздѣваясь, въ сосѣдней отъ той комнаты, въ которой лежалъ князь. Нѣсколько разъ, просыпаясь, она слышала его кряхтѣнье, бормотанье, скрипъ кровати, и шаги Тихона и доктора, ворочавшихъ его. Нѣсколько разъ она прислушивалась у двери, и ей казалось, что онъ нынче бормоталъ громче обыкновеннаго и чаще ворочался. Она не могла спать, и нѣсколько разъ подходила къ двери, прислушиваясь, желая войти и не рѣшаясь этаго сдѣлать. Хотя онъ и не говорилъ, но княжна Марья видѣла, знала, какъ непріятно было ему всякое выраженіе страха за него. Она замѣчала, какъ недовольно онъ отвертывался отъ ея взгляда, иногда невольно и упорно на него устремленнаго. Она знала, что ея приходъ ночью, въ необычное время, раздражитъ его.

Но никогда ей такъ жалко не было, такъ страшно не было потерять его. Она вспоминала всю свою жизнь съ нимъ, и въ каждомъ словѣ, поступкѣ его она находила выраженіе его любви къ ней. Изрѣдка между этими воспоминаніями врывались въ ея воображеніе искушенія дьявола, мысли о томъ, что̀ будетъ послѣ его смерти и какъ устроится ея новая, свободная жизнь. Но съ отвращеніемъ отгоняла она эти мысли. Къ утру онъ затихъ, и она заснула.

Она проснулась поздно. Та искренность, которая бываетъ при пробужденіи, показала ей ясно то̀, что̀ болѣе всего въ болѣзни отца занимало ее. Она проснулась, прислушалась къ тому, что̀ было за дверью, и, услыхавъ его кряхтѣнье, со вздохомъ сказала себѣ, что было все то же.

— Да чему же быть? Чего же я хотѣла? Я хочу его смерти, вскрикнула она съ отвращеніемъ къ себѣ самой.

Она одѣлась, умылась, прочла молитвы и вышла на крыльцо. Къ крыльцу поданы были безъ лошадей экипажи, въ которые укладывали вещи.

Утро было теплое и сѣрое. Княжна Марья остановилась на крыльцѣ, не переставая ужасаться передъ своей душев-

ной мерзостью и стараясь привести въ порядокъ свои мысли, прежде чѣмъ войти къ нему.

Докторъ сошелъ съ лѣстницы и подошелъ къ ней.

— Ему получше нынче, сказалъ докторъ. — Я васъ искалъ. Можно кое-что понять изъ того, что́ онъ говоритъ, голова посвѣжѣе. Пойдемте. Онъ зоветъ васъ...

Сердце княжны Марьи такъ сильно забилось при этомъ извѣстіи, что она, поблѣднѣвъ, прислонилась къ двери, чтобы не упасть. Увидать его, говорить съ нимъ, подпасть подъ его взглядъ теперь, когда вся душа княжны Марьи была переполнена этихъ страшныхъ преступныхъ искушеній—было мучительно-радостно и ужасно.

— Пойдемте, сказалъ докторъ.

Княжна Марья вошла къ отцу и подошла къ кровати. Онъ лежалъ высоко на спинѣ съ своими маленькими, костлявыми, покрытыми лиловыми узловатыми жилками руками, на одѣялѣ, съ уставленнымъ прямо лѣвымъ глазомъ и съ скосившимся правымъ глазомъ, съ неподвижными бровями и губами. Онъ весь былъ такой худенькій, маленькій и жалкій. Лицо его, казалось, ссохлось или растаяло, измельчало чертами. Княжна Марья подошла и поцѣловала его руку. Лѣвая рука сжала ея руку такъ, что видно было, что онъ уже давно ждалъ ея. Онъ задергалъ ея руку, и брови и губы его сердито зашевелились.

Она испуганно глядѣла на него, стараясь угадать, чего онъ хотѣлъ отъ нея. Когда она, перемѣня положеніе, подвинулась, такъ что лѣвый глазъ видѣлъ ея лицо, онъ успокоился, на нѣсколько секундъ не спуская съ нея глаза. Потомъ губы и языкъ его зашевелились, послышались звуки, и онъ сталъ говорить, робко и умоляюще глядя на нее, видимо боясь, что она не пойметъ его.

Княжна Марья, напрягая всѣ силы вниманія, смотрѣла на него. Комическій трудъ, съ которымъ онъ ворочалъ

языкомъ, заставлялъ княжну Марью опускать глаза и съ трудомъ подавлять поднимавшіяся въ ея горлѣ рыданія. Онъ сказалъ что-то, по нѣскольку разъ повторяя свои слова. Княжна Марья не могла понять ихъ; но она старалась угадать то, что̀ онъ говорилъ и повторяла вопросительно сказанныя имъ слова.

— Гага—бои... бои... повторилъ онъ нѣсколько разъ.... Никакъ нельзя было понять этихъ словъ. Докторъ думалъ, что онъ угадалъ и, повторяя его слова, спросилъ: *княжна боится?* Онъ отрицательно покачалъ головой и опять повторилъ тоже....

— *Душа, душа болитъ*, разгадала и сказала княжна Марья. Онъ утвердительно замычалъ, взялъ ея руку и сталъ прижимать ее къ различнымъ частямъ своей груди, какъ будто отъискивая настоящее для нея мѣсто.

— Все мысли! объ тебѣ.... мысли.... потомъ выговорилъ онъ гораздо лучше и понятнѣе чѣмъ прежде, теперь, когда онъ былъ увѣренъ, что его понимаютъ. Княжна Марья прижалась головою къ его рукѣ, стараясь скрыть свои рыданія и слезы.

Онъ рукой двигалъ по ея волосамъ.

— Я тебя звалъ всю ночь.... выговорилъ онъ.

— Ежели бы я знала.... сквозь слезы сказала она.— Я боялась войдти.

Онъ пожалъ ея руку. — Не спала ты?

— Нѣтъ я не спала, сказала княжна Марья, отрицательно покачавъ головой. Невольно подчиняясь отцу, она теперь также какъ онъ говорилъ, старалась говорить больше знаками, и какъ будто тоже съ трудомъ ворочая языкъ.

— Душенька.... или дружокъ.... княжна Марья не могла разобрать; но навѣрное, по выраженію его взгляда, сказано было нѣжное, ласкающее слово, котораго онъ никогда не говорилъ.—Зачѣмъ не пришла?

«А я желала, желала его смерти!» думала княжна Марья.

Онъ помолчалъ.

— Спасибо тебѣ.... дочь, дружокъ.... за все, за все.... прости.... спасибо.... прости.... спасибо! ..—И слезы потекли изъ его глазъ.—Позовите Андрюшу, вдругъ сказалъ онъ, и что-то дѣтски-робкое и недовѣрчивое выразилось въ его лицѣ, при этомъ спросѣ. Онъ какъ будто самъ зналъ, что спросъ его не имѣетъ смысла. Такъ, по крайней мѣрѣ, показалось княжнѣ Марьѣ.

— Я отъ него получила письмо, отвѣчала княжна Марья.

Онъ, съ удивленіемъ и робостью, смотрѣлъ на нее.

— Гдѣ же онъ?

— Онъ въ арміи, mon père, въ Смоленскѣ.

Онъ долго молчалъ, закрывъ глаза; потомъ утвердительно, какъ бы въ отвѣтъ на свои сомнѣнія и въ подвержденіе того, что онъ теперь все понялъ и вспомнилъ, кивнулъ головой и открылъ глаза.

— Да, сказалъ онъ явственно и тихо. Погибла Россія! Погубили! И онъ опять зарыдалъ, и слезы потекли у него изъ глазъ. Княжна Марья не могла болѣе удерживаться и плакала тоже, глядя на его лицо.

Онъ опять закрылъ глаза. Рыданія его прекратились. Онъ сдѣлалъ знакъ рукой къ глазамъ; и Тихонъ, понявъ его, отеръ ему слезы.

Потомъ онъ открылъ глаза и сказалъ что-то, чего долго никто не могъ понять, и наконецъ понялъ и передалъ одинъ Тихонъ. Княжна Марья отъискивала смыслъ его словъ въ томъ настроеніи, въ которомъ онъ говорилъ за минуту передъ этимъ. То она думала, что онъ говоритъ о Россіи, то о князѣ Андреѣ, то о ней, о внукѣ, то о своей смерти. И отъ этаго она не могла угадать его словъ:

—Надѣнь твое бѣлое платье, я люблю его, говорилъ онъ.

Понявъ эти слова, княжна Марья зарыдала еще громче, и докторъ, взявъ ее подъ руку, вывелъ ее изъ комнаты на

терасу, уговаривая ее успокоиться и заняться приготовленіями къ отъѣзду. Послѣ того какъ княжна Марья вышла отъ князя, онъ опять заговорилъ о сынѣ, о войнѣ, о государѣ, задергалъ сердито бровями, сталъ возвышать хриплый голосъ, и съ нимъ сдѣлался второй и послѣдній ударъ.

Княжна Марья остановилась на терасѣ. День разгулялся; было солнечно и жарко. Она не могла ничего понимать, ни о чемъ думать и ничего чувствовать, кромѣ своей страстной любви къ отцу, любви, которой, ей казалось, она не знала до этой минуты. Она выбѣжала въ садъ, и рыдая побѣжала внизъ къ пруду, по молодымъ, засаженнымъ княземъ Андреемъ, липовымъ дорожкамъ.

— Да.... я.... я.... я желала его смерти! Да, я желала, чтобы скорѣе кончилось.... Я хотѣла успокоиться.... А чтожъ будетъ со мной? На что мое спокойствіе, когда его не будетъ! бормотала вслухъ княжна Марья, быстрыми шагами ходя по саду и руками давя грудь, изъ которой судорожно вырывались рыданія. Обойдя кругъ по саду, который привелъ ее опять къ дому, она увидала идущихъ къ ней на встрѣчу M-lle Bourienne (которая оставалась въ Богучаровѣ, и оттуда не хотѣла уѣхать) и незнакомаго мущину. Это былъ предводитель уѣзда, самъ пріѣхавшій къ княжнѣ съ тѣмъ, чтобы представить ей всю необходимость скораго отъѣзда. Княжна Марья слушала и не понимала его; она ввела его въ домъ, предложила ему завтракать и сѣла съ нимъ. Потомъ, извинившись передъ предводителемъ, она подошла къ двери стараго князя. Докторъ съ встревоженнымъ лицомъ вышелъ къ ней и сказалъ, что нельзя. — Идите, княжна, идите, идите!

Княжна Марья пошла опять въ садъ и подъ горой у пруда, въ томъ мѣстѣ, гдѣ никто не могъ видѣть, сѣла на траву. Она не знала, какъ долго она пробыла тамъ. Чьи-то бѣгущіе женскіе шаги по дорожкѣ заставили ея очнуть-

ся. Она поднялась и увидала, что Дуняша, ея горничная, очевидно бѣжавшая за нею, вдругъ какъ бы испугавшись вида своей барышни, остановилась.

— Пожалуйте, княжна.... князь.... сказала Дуняша сорвавшимся голосомъ.

— Сейчасъ, иду, иду, поспѣшно заговорила княжна, не давая времени Дуняшѣ договорить ей то, что̀ она имѣла сказать, и, стараясь не видѣть Дуняши, побѣжала къ дому.

— Княжна, воля Божья совершается, вы должны быть на все готовы, сказалъ предводитель, встрѣчая ее у входной двери.

— Оставьте меня; это не правда, злобно крикнула она на него. Докторъ хотѣлъ остановить ее. Она оттолкнула его и подбѣжала къ двери. «И къ чему эти люди съ испуганными лицами останавливаютъ меня? Мнѣ никого не нужно! И что они тутъ дѣлаютъ!» Она отворила дверь, и яркой дневной свѣтъ въ этой прежде полутемной комнатѣ ужаснулъ ее. Въ комнатѣ были женщины и няня. Они всѣ отстранились отъ кровати, давая ей дорогу. Онъ лежалъ все также на кровати; но строгій видъ его спокойнаго лица остановилъ княжну Марью, на порогѣ комнаты.

«Нѣтъ, онъ не умеръ, это не можетъ быть!» сказала себѣ княжна Марья, подошла къ нему и, преодолѣвая ужасъ, охватившій ее, прижала къ щекѣ его свои губы. Но она тотчасъ же отстранилась отъ него. Мгновенно вся сила нѣжности къ нему, которую она чувствовала въ себѣ, исчезла, и замѣнилась чувствомъ ужаса къ тому, что̀ было передъ нею. «Нѣтъ, нѣтъ его больше! Его нѣтъ, а есть тутъ же, на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ былъ, что-то чуждое и враждебное, какая то страшная, ужасающая и отталкивающая тайна!» — И закрывъ лицо руками, княжна Марья упала на руки доктора, поддержавшаго ее.

Въ присутствіи Тихона и доктора женщины обмыли то, что былъ онъ, повязали платкомъ голову, чтобы не закостенѣлъ открытый ротъ и связали другимъ платкомъ расходившіяся ноги. Потомъ они одѣли въ мундиръ съ орденами и положили на столъ маленькое ссохшееся тѣло. Богъ знаетъ, кто и когда позаботился объ этомъ, но все сдѣлалось какъ бы само собой. Къ ночи кругомъ гроба горѣли свѣчи, на гробу былъ покровъ, на полу былъ посыпанъ ельникъ, подъ мертвую ссохшуюся голову была положена печатная молитва, а въ углу сидѣлъ дьячокъ, читая псалтырь.

Какъ лошади шарахаются, толпятся и фыркаютъ надъ мертвой лошадью, такъ въ гостиной вокругъ гроба толпился народъ чужой и свой—предводитель, и староста, и бабы, и всѣ съ остановившимися глазами, испуганные, крестились, и кланялись, и цѣловали холодную и закоченѣвшую руку стараго князя.

IX.

Богучарово было всегда, до поселенія въ немъ князя Андрея, заглазное имѣнье, и мужики Богучаровскіе имѣли совсѣмъ другой характеръ отъ Лысо-Горскихъ. Они отличались отъ нихъ и говоромъ, и одеждой, и нравами. Они назывались степными. Старый князь хвалилъ ихъ за ихъ сносливость къ работѣ, когда они пріѣзжали въ Лысыя Горы подсоблять уборкѣ или копать пруды и канавы, но не любилъ ихъ за ихъ дикость.

Послѣднее пребываніе въ Богучаровѣ князя Андрея, съ его нововведеніями — больницами, школами и облегченіемъ оброка, не смягчило ихъ нравовъ, а напротивъ усилило въ нихъ тѣ черты характера, которыя старый князь называлъ дикостью. Между ними всегда ходили какіе-нибудь неясные толки, то о перечисленіи ихъ всѣхъ въ казаки, то о новой

вѣрѣ, въ которую ихъ обратятъ, то о царскихъ листахъ какихъ-то, то о присягѣ Павлу Петровичу въ 1797-мъ году (про которую говорили, что тогда еще воля выходила, да господа отняли) то объ имѣющемъ черезъ 7 лѣтъ воцариться Петрѣ Ѳеодоровичѣ, при которомъ все будетъ вольно и такъ будетъ просто, что ничего не будетъ. Слухи о войнѣ и Бонапарте и его нашествіи соединились для нихъ съ такими же неясными представленіями объ антихристѣ, концѣ свѣта и чистой волѣ.

Въ окрестности Богучарова были все большія села, казенныя и оброчныя помѣщичьи. Живущихъ въ этой мѣстности помѣщиковъ было очень мало; очень мало было также дворовыхъ и грамотныхъ, и въ жизни крестьянъ этой мѣстности были замѣтнѣе и сильнѣе чѣмъ въ другихъ тѣ таинственныя струи народной, русской жизни, причины и значеніе которыхъ бываютъ необъяснимы для современниковъ. Одно изъ такихъ явленій было проявившееся лѣтъ 20 тому назадъ движеніе между крестьянами этой мѣстности къ переселенію на какія-то теплыя рѣки. Сотни крестьянъ, въ томъ числѣ и Богучаровскіе, стали вдругъ распродавать свой скотъ и уѣзжать съ семействами куда-то на Юговостокъ. Какъ птицы летятъ куда-то за моря, стремились эти люди съ женами и дѣтьми туда, на Юговостокъ, гдѣ никто изъ нихъ не былъ. Они поднимались караванами, поодиначкѣ выкупа́лись, бѣжали и ѣхали, и шли туда, на теплыя рѣки. Многіе были наказаны, сосланы въ Сибирь, многіе съ холода и голода умерли на дорогѣ, многіе вернулись сами, и движеніе затихло само собой также, какъ оно и началось безъ очевидной причины. Но подводныя струи не переставали течь въ этомъ народѣ, и собирались для какой-то новой силы, имѣющей проявиться также странно, неожиданно и вмѣстѣ съ тѣмъ просто, естественно и сильно. Теперь, въ 1812-мъ году, для человѣка, близко жившаго съ народомъ, замѣтно было, что эти подводныя струи

производили сильную работу и были близки къ проявленію.

Алпатычъ, пріѣхавъ въ Богучарово нѣсколько времени передъ кончиной стараго князя, замѣтилъ, что между народомъ происходило волненіе, и что противно тому, что̀ происходило въ полосѣ Лысыхъ Горъ на шестидесяти-верстномъ радіусѣ гдѣ всѣ крестьяне уходили (предоставляя казакамъ разорять свои деревни) въ полосѣ степной, въ Богучаровской, крестьяне, какъ слышно было, имѣли сношенія съ Французами, получали какія-то бумаги, ходившія между ними и оставались на мѣстахъ. Онъ зналъ черезъ преданныхъ ему дворовыхъ людей, что ѣздившій на дняхъ съ казенной подводой мужикъ Карпъ, имѣвшій большое вліяніе на міръ, возвратился съ извѣстіемъ, что казаки разоряютъ деревни, изъ которыхъ выходятъ жители, но что Французы ихъ не трогаютъ. Онъ зналъ, что другой мужикъ вчера привезъ даже изъ села Вислоухова—гдѣ стояли Французы—бумагу отъ генерала французскаго, въ которой жителямъ объявлялось, что имъ не будетъ сдѣлано никакого вреда, и за все что̀ у нихъ возьмутъ заплатятъ, если они останутся. Въ доказательство того, мужикъ привезъ изъ Вислоухова сто рублей ассигнаціями (онъ не зналъ, что они были фальшивыя), выданные ему впередъ за сѣно.

Наконецъ, важнѣе всего, Алпатычъ зналъ, что въ тотъ самый день, какъ онъ приказалъ старостѣ собрать подводы для вывоза обоза княжны изъ Богучарова, поутру была на деревнѣ сходка, на которой положено было не вывозиться и ждать. А между тѣмъ время не терпѣло. Предводитель, въ день смерти князя, 15-го августа, настаивалъ у княжны Марьи на томъ, чтобы она уѣхала въ тотъ же день, такъ какъ становилось опасно. Онъ говорилъ, что послѣ 16-го онъ не отвѣчаетъ ни за что. Въ день же смерти князя онъ уѣхалъ вечеромъ, но обѣщалъ пріѣхать на похороны на другой день. Но на другой день онъ не

могъ пріѣхать, такъ какъ, по полученнымъ имъ самимъ извѣстіямъ, Французы неожиданно подвинулись, и онъ только успѣлъ увезти изъ своего имѣнія свое семейство и все цѣнное.

Лѣтъ тридцать, Богучаровымъ управлялъ староста Дронъ, котораго старый князь звалъ Дронушкой.

Дронъ былъ одинъ изъ тѣхъ крѣпкихъ физически и нравственно мужиковъ, которые, какъ только войдутъ въ года, обростутъ бородой, такъ не измѣняясь живутъ до 60-ти — 70-ти лѣтъ, безъ одного сѣдаго волоса или недостатка зуба, такіе же прямые и сильные въ 60-ть лѣтъ, какъ и въ 30-ть.

Дронъ, вскорѣ послѣ переселенія на теплыя рѣки, въ которомъ онъ участвовалъ какъ и другіе, былъ сдѣланъ старостой-бурмистромъ въ Богучаровѣ, и съ тѣхъ поръ 23 года безупречно пробылъ въ этой должности. Мужики боялись его больше чѣмъ барина. Господа, и старый князь, и молодой, и управляющій уважали его и въ шутку называли министромъ. Во все время своей службы, Дронъ ни разу не былъ ни пьянъ, ни боленъ; никогда, ни послѣ безсонныхъ ночей, ни послѣ какихъ бы то ни было трудовъ, не выказывалъ ни малѣйшей усталости, и, не зная грамотѣ, никогда не забывалъ ни однаго счета денегъ и пудовъ муки по огромнымъ обозамъ, которые онъ продавалъ и ни одной копны ужина хлѣба на каждой десятинѣ Богучаровскихъ полей.

Этого-то Дрона Алпатычъ, пріѣхавшій изъ разоренныхъ Лысыхъ Горъ, призвалъ къ себѣ въ день похоронъ князя и приказалъ ему приготовить 12 лошадей подъ экипажи княжны, и 18 подводъ подъ обозъ, который долженъ былъ быть поднятъ изъ Богучарова. Хотя мужики и были оброчные, исполненіе приказанія этого не могло встрѣтить затрудненія, по мнѣнію Алпатыча, такъ какъ въ Богучаровѣ было 230 тяголъ, и мужики были зажиточные. Но староста

Дронъ, выслушавъ приказаніе, молча опустилъ глаза. Алпатычъ назвалъ ему мужиковъ, которыхъ онъ зналъ и съ которыхъ онъ приказывалъ взять подводы.

Дронъ отвѣчалъ, что лошади у этихъ мужиковъ въ извозѣ. Алпатычъ назвалъ другихъ мужиковъ. И у этихъ, по словамъ Дрона, лошадей не было: одни были подъ казенными подводами, другіе безсильны, у третьихъ подохли лошади отъ безкормицы. Лошадей, по мнѣнію Дрона, нельзя было собрать не только подъ обозъ, но и подъ экипажи.

Алпатычъ внимательно посмотрѣлъ на Дрона и нахмурился. Какъ Дронъ былъ образцовымъ старостой-мужикомъ, такъ и Алпатычъ не даромъ управлялъ 20 лѣтъ имѣніями князя и былъ образцовымъ управляющимъ. Онъ въ высшей степени способенъ былъ понимать чутьемъ потребности и инстинкты народа, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло, и потому онъ былъ превосходнымъ управляющимъ. Взглянувъ на Дрона, онъ тотчасъ понялъ, что отвѣты Дрона не были выраженіемъ мысли Дрона, но выраженіемъ того общаго настроенія Богучаровскаго міра, которымъ староста уже былъ захваченъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ зналъ, что нажившійся и ненавидимый міромъ Дронъ долженъ былъ колебаться между двумя лагерями — господскимъ и крестьянскимъ. Это колебаніе онъ замѣтилъ въ его взглядѣ, и потому Алпатычъ нахмурившись придвинулся къ Дрону.

— Ты, Дронушка, слушай! сказалъ онъ. Ты мнѣ пустаго не говори. Его сіятельство князь Андрей Николаичъ сами мнѣ приказали, чтобы весь народъ отправить и съ непріятелемъ не оставаться, и царскій на то приказъ есть. А кто остается, тотъ царю измѣнникъ. Слышишь?

— Слушаю, отвѣчалъ Дронъ, не поднимая глазъ.

Алпатычъ не удовлетворился этимъ отвѣтомъ.

— Эй, Дронъ, худо будетъ! сказалъ Алпатычъ, покачавъ головой.

— Власть ваша! сказалъ Дронъ печально.

— Эй, Дронъ, оставь! повторилъ Алпатычъ, вынимая руку изъ-за пазухи и торжественнымъ жестомъ указывая ею на полъ подъ ноги Дрона.—Я не то что тебя насквозь, я подъ тобой на три аршина все насквозь вижу, сказалъ онъ, оглядываясь въ полъ подъ ноги Дрона.

Дронъ смутился, бѣгло взглянулъ на Алпатыча и опять опустилъ глаза.

— Ты вздоръ-то оставь, и народу скажи, чтобы собирались изъ домовъ идти въ Москву и подводы завтра къ утру подъ княжнинъ обозъ, да самъ на сходку не ходи. Слышишь?

Дронъ вдругъ упалъ въ ноги.

— Яковъ Алпатычъ, уволь! Возьми отъ меня ключи, уволь ради Христа.

— Оставь! сказалъ Алпатычъ строго. Подъ тобой насквозь на три аршина вижу, повторилъ онъ, зная, что его мастерство ходить за пчелами, знаніе того когда сѣять овесъ, и то, что онъ 20 лѣтъ умѣлъ угодить старому князю, давно пріобрѣли ему славу колдуна, и что способность видѣть на три аршина подъ человѣкомъ приписывается колдунамъ.

Дронъ всталъ и хотѣлъ что-то сказать, но Алпатычъ перебилъ его.

— Что вы это вздумали? А?.... Чтожъ вы думаете? А?

— Что мнѣ съ народомъ дѣлать? сказалъ Дронъ.— Взбуровило совсѣмъ. Я и то имъ говорю....

— То-то говорю, сказалъ Алпатычъ.—Пьютъ? коротко спросилъ онъ.

— Весь взбуровился, Яковъ Алпатычъ: другую бочку привезли.

— Такъ, ты слушай. Я къ исправнику поѣду, и ты народу повѣсти и чтобъ они это бросили и чтобъ подводы были.

Слушаю, отвѣчалъ Дронъ.

Больше Яковъ Алпатычъ не настаивалъ. Онъ долго управлялъ народомъ, и зналъ, что главное средство для того, чтобы люди повиновались, состоитъ въ томъ, чтобы не показывать имъ сомнѣнія въ томъ, что они могутъ не повиноваться. Добившись отъ Дрона покорнаго: «слушаю-съ», Яковъ Алпатычъ удовлетворился этимъ, хотя онъ нетолько сомнѣвался, но почти былъ увѣренъ въ томъ, что подводы безъ помощи воинской команды не будутъ доставлены.

И дѣйствительно, квечеру подводы не были собраны. На деревнѣ у кабака была опять сходка, и на сходкѣ положено было угнать лошадей въ лѣсъ и не выдавать подводъ. Ничего не говоря объ этомъ княжнѣ, Алпатычъ велѣлъ сложить съ пришедшихъ изъ Лысыхъ Горъ свою собственную кладь и приготовить этихъ лошадей подъ кареты княжны, а самъ поѣхалъ къ начальству.

X.

Послѣ похоронъ отца, княжна Марья заперлась въ своей комнатѣ и никого не впускала къ себѣ. Къ двери подошла дѣвушка сказать, что Алпатычъ пришелъ спросить приказанія объ отъѣздѣ. (Это было еще до разговора Алпатыча съ Дрономъ). Княжна Марья приподнялась съ дивана, на которомъ она лежала и сквозь затворенную дверь проговорила, что она никуда и никогда не поѣдетъ, и проситъ, чтобы ее оставили въ покоѣ.

Окна комнаты, въ которой лежала княжна Марья, были на Западъ. Она лежала на диванѣ лицомъ къ стѣнѣ и, перебирая пальцами пуговицы на кожанной подушкѣ, видѣла только эту подушку, и неясныя мысли ея были сосредоточены на одномъ: она думала о невозвратимости смерти и о той своей душевной мерзости, которой она не знала до сихъ поръ, и которая выказалась во время болѣзни ея от-

ца. Она хотѣла, но не смѣла молиться, не смѣла въ томъ душевномъ состояніи, въ которомъ она находилась обращаться къ Богу. Она долго лежала въ этомъ положеніи.

Солнце зашло на другую сторону дома и косыми, вечерними лучами, въ открытыя окна, освѣтило комнату и часть сафьянной подушки, на которую смотрѣла княжна Марья. Ходъ мыслей ея вдругъ пріостановился. Она безсознательно приподнялась, оправила волоса, встала и подошла къ окну, невольно вдыхая въ себя прохладу яснаго, но вѣтренняго вечера.

«Да, теперь тебѣ удобно любоваться вечеромъ! Его ужъ нѣтъ, и никто тебѣ не помѣшаетъ,» сказала она себѣ, и опустившись на стулъ, она упала головой на подоконникъ.

Кто-то нѣжнымъ и тихимъ голосомъ назвалъ ее со стороны сада и поцѣловалъ въ голову. Она оглянулась. Это была M-lle Bourienne, въ черномъ платьѣ и плёрезахъ. Она тихо подошла къ княжнѣ Марьѣ, со вздохомъ поцѣловала ее и тотчасъ же заплакала. Княжна Марья оглянулась на нее. Всѣ прежнія столкновенія съ нею, ревность къ ней, вспомнились княжнѣ Марьѣ; вспомнилось и то, какъ *онъ* послѣднее время измѣнился къ M-lle Bourienne, не могъ ея видѣть, и стало быть, какъ несправедливы были тѣ упреки, которые княжна Марья въ душѣ своей дѣлала ей. «Да и мнѣ ли, мнѣ ли, желавшей его смерти, осуждать кого нибудь!» подумала она.

Княжнѣ Марьѣ живо представилось положеніе M-lle Bourienne, въ послѣднее время отдаленной отъ ея общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ зависящей отъ нея и живущей въ чужомъ домѣ. И ей стало жалко ея. Она кротко вопросительно-посмотрѣла на нее и протянула ей руку. M-lle Bourienne тотчасъ заплакала, стала цѣловать руку княжны и говорить о горѣ, постигшемъ княжну, дѣлая себя участницей этаго горя. Она говорила о томъ, что единственное утѣшеніе въ

ея горѣ есть то, что княжна позволила ей раздѣлить его съ нею. Она говорила, что всѣ бывшія недоразумѣнія должны уничтожиться передъ великимъ горемъ, что она чувствуетъ себя чистой передъ всѣми, и что *онъ* оттуда видитъ ея любовь и благодарность. Княжна слушала ее, не понимая ея словъ, но изрѣдка взглядывая на нее и вслушиваясь въ звуки ея голоса.

— Ваше положеніе вдвойнѣ ужасно, милая княжна, помолчавъ немного сказала M-lle Bourienne.—Я понимаю, что вы не могли и не можете думать о себѣ; но я моей любовью къ вамъ обязана это сдѣлать.... Алпатычъ былъ у васъ? Говорилъ онъ съ вами объ отъѣздѣ? спросила она.

Княжна Марья не отвѣчала. Она не понимала, куда и кто долженъ былъ ѣхать. «Развѣ можно было что нибудь предпринимать теперь, думать о чемъ нибудь? Развѣ не все равно?» Она не отвѣчала.

— Вы знаете ли, chère Marie, сказала M-lle Bourienne, —знаете ли, что мы въ опасности, что мы окружены Французами; ѣхать теперь опасно. Ежели мы поѣдемъ, мы почти навѣрное попадемся въ плѣнъ, и Богъ знаетъ....

Княжна Марья смотрѣла на свою подругу, не понимая того, что̀ она говорила.

— Ахъ, ежели бы кто зналъ, какъ мнѣ все, все равно теперь, сказала она.—Разумѣется, я ни за что не желала бы уѣхать отъ *него*.... Алпатычъ мнѣ говорилъ что-то объ отъѣздѣ.... Поговорите съ нимъ, я ничего, ничего не могу и не хочу....

— Я говорила съ нимъ. Онъ надѣется, что мы успѣемъ уѣхать завтра; но я думаю, что теперь лучше бы было остаться здѣсь, сказала M-lle Bourienne. Потому что, согласитесь, chère Marie, попасть въ руки солдатъ или бунтующихъ мужиковъ на дорогѣ — было бы ужасно. M-lle Bourienne достала изъ ридикюля объявленіе (не на русской

обыкновенной бумагѣ) французскаго генерала Рамо о томъ, чтобы жители не покидали своихъ домовъ, что имъ оказано будетъ должное покровительство французскими властями, и подала ее княжнѣ.

— Я думаю, что лучше обратиться къ этому генералу, сказала M-lle Bourienne, и я увѣрена, что вамъ будетъ оказано должное уваженіе.

Княжна Марья читала бумагу, и сухія рыданія задергали ея лицо.

— Черезъ кого вы получили это? сказала она.

— Вѣроятно узнали, что я Француженка по имени, краснѣя сказала M-lle Bourienne.

Княжна Марья съ бумагой въ рукѣ встала отъ окна, и съ блѣднымъ лицомъ, вышла изъ комнаты и пошла въ бывшій кабинетъ князя Андрея.

— Дуняша, позовите ко мнѣ Алпатыча, Дронушку, кого нибудь! сказала княжна Марья, и скажите Амальѣ Карловнѣ, чтобы она не входила ко мнѣ, прибавила она, услыхавъ голосъ M-lle Bourienne. Поскорѣе ѣхать! Ѣхать скорѣе! говорила княжна Марья, ужасаясь мысли о томъ, что она могла остаться во власти Французовъ.

«Чтобъ князь Андрей зналъ, что она во власти Французовъ! Чтобъ она, дочь князя Николая Андреича Болконскаго, просила господина генерала Рамо оказать ей покровительство и пользовалась его благодѣяніями!» Эта мысль приводила ее въ ужасъ, заставляла ее содрогаться, краснѣть и чувствовать еще неиспытанныя ею припадки злобы и гордости. Все, что было только тяжелаго и, главное, оскорбительнаго въ ея положеніи, живо представлялось ей. «Они, Французы, поселятся въ этомъ домѣ; господинъ генералъ Рамо займетъ кабинетъ князя Андрея; будутъ для забавы перебирать и читать его письма и бумаги. M-lle Bourienne lui fera les honneurs de Богучарово. Мнѣ дадутъ комнатку изъ

милости; солдаты разорятъ свѣжую могилу отца, чтобы снять съ него кресты и звѣзды; они мнѣ будутъ разсказывать о побѣдахъ надъ Русскими, будутъ притворно выражать сочувствіе моему горю...», думала княжна Марья не своими мыслями, но чувствуя себя обязанной думать за себя мыслями своего отца и брата.—Для нея лично было все равно, гдѣ бы ни оставаться и что̀ бы съ ней ни было; но она чувствовала себя вмѣстѣ съ тѣмъ представительницей своего покойнаго отца и князя Андрея. Она невольно думала ихъ мыслями и чувствовала ихъ чувствами. Что̀ бы они сказали, что̀ бы они сдѣлали теперь, то самое она чувствовала необходимымъ сдѣлать. Она пошла въ кабинетъ князя Андрея и, стараясь проникнуться его мыслями, обдумывала свое положеніе.

Требованія жизни, которыя она считала уничтоженными со смертью отца, вдругъ съ новой, еще неизвѣстной силой возникли передъ княжной Марьей и охватили ее.

Взволнованная, красная, она ходила по комнатѣ, требуя къ себѣ то Алпатыча, то Михаила Ивановича, то Тихона, то Дрона. Дуняша, няня и всѣ дѣвушки ничего не могли сказать о томъ, въ какой мѣрѣ справедливо было то, что̀ объявила M-lle Bourienne. Алпатыча не было дома: онъ уѣхалъ къ начальству. Призванный Михаилъ Иванычъ-архитекторъ, явившійся къ княжнѣ Марьѣ съ заспанными глазами, ничего не могъ сказать ей. Онъ точно съ той же улыбкой согласія, съ которой онъ привыкъ впродолженіе пятнадцати лѣтъ отвѣчать, не выражая своего мнѣнія, на обращенія стараго князя, отвѣчалъ на вопросы княжны Марьи, такъ что ничего опредѣленнаго нельзя было вывести изъ его отвѣтовъ. Призванный старый камердинеръ Тихонъ, съ опавшимъ и осунувшимся лицомъ, носившимъ на себѣ отпечатокъ неизлечимаго горя, отвѣчалъ: «слушаю-съ» на всѣ вопросы княжны Марьи и едва удерживался отъ рыданій, глядя на нее.

Наконецъ вошелъ въ комнату староста Дронъ, и низко поклонившись княжнѣ, остановился у притолки.

Княжна Марья прошлась по комнатѣ и остановилась противъ него.

— Дронушка, сказала княжна Марья, видѣвшая въ немъ несомнѣннаго друга, того самаго Дронушку, который изъ своей ежегодной поѣздки на ярмарку въ Вязьму привозилъ ей всякій разъ и съ улыбкой подавалъ свои особенные пряники. Дронушка, теперь послѣ нашего несчастія, начала она, и замолчала, не въ силахъ говорить дальше.

— Всѣ подъ Богомъ ходимъ, со вздохомъ сказалъ онъ. Они помолчали.

— Дронушка, Алпатычъ куда-то уѣхалъ, мнѣ не къ кому обратиться, правду ли мнѣ говорятъ, что мнѣ и уѣхать нельзя?

— Отчего же тебѣ не ѣхать, ваше сіятельство, ѣхать можно, сказалъ Дронъ.

— Мнѣ сказали, что опасно отъ непріятеля. Голубчикъ, я ничего не могу, ничего не понимаю, со мной никого нѣтъ. Я непремѣнно хочу ѣхать ночью или завтра рано утромъ.—Дронъ молчалъ. Онъ изъ подлобья взглянулъ на княжну Марью.

— Лошадей нѣтъ, сказалъ онъ, я и Яковъ Алпатычу говорилъ.

— Отчего же нѣтъ? сказала княжна.

— Все отъ Божьяго наказанія, сказалъ Дронъ.—Какія лошади были, подъ войски разобрали, а какія подохли, нынче годъ такой. Не то лошадей кормить, а какъ бы самимъ съ голоду не помереть! И такъ по три дня не ѣмши сидятъ. Нѣтъ ничего, разорили въ конецъ.

Княжна Марья, внимательно слушала то, что онъ говорилъ ей.

— Мужики разорены? У нихъ хлѣба нѣтъ? спросила она.

— Голодною смертью помираютъ, сказалъ Дронъ, не то что подводы...

— Да отчего же ты не сказалъ, Дронушка? Развѣ нельзя помочь? Я все сдѣлаю что могу... Княжнѣ Марьѣ странно было думать, что теперь, въ такую минуту, когда такое горе наполняло ея душу, могли быть люди богатые и бѣдные и что могли богатые не помочь бѣднымъ. Она смутно знала и слышала, что бываетъ господскій хлѣбъ и что его даютъ мужикамъ. Она знала тоже, что ни братъ ни отецъ ея не отказали бы въ нуждѣ мужикамъ; она только боялась ошибиться какъ нибудь въ словахъ насчетъ этой раздачи мужикамъ хлѣба, которымъ она хотѣла распорядиться. Она была рада тому, что ей представился предлогъ заботы, такой, для которой ей не совѣстно было забыть свое горе. Она стала распрашивать Дронушку подробности о нуждахъ мужиковъ, и о томъ что̀ есть господскаго въ Богучаровѣ.

— Вѣдь у насъ есть хлѣбъ господскій, братнинъ? спросила она.

— Господскій хлѣбъ весь цѣлъ, сказалъ Дронъ, —нашъ князь не приказывалъ продавать.

— Выдай его мужикамъ, выдай все что̀ имъ нужно: я тебѣ именемъ брата разрѣшаю, сказала княжна Марья.

Дронъ ничего не отвѣтилъ и глубоко вздохнулъ.

— Ты раздай имъ этотъ хлѣбъ, ежели его довольно будетъ для нихъ. Все раздай. Я тебѣ приказываю именемъ брата, и скажи имъ: что наше, то и ихнее. Мы ничего не пожалѣемъ для нихъ. Такъ имъ скажи.

Дронъ пристально смотрѣлъ на княжну въ то время, какъ она говорила.

— Уволь ты меня, матушка, ради Бога, вели отъ меня ключи принять, сказалъ онъ. Служилъ 23 года, худаго не дѣлалъ, уволь, ради Бога.

Княжна Марья не понимала, чего онъ хотѣлъ отъ нея и отчего онъ просилъ уволить себя. Она отвѣчала ему, что она никогда не сомнѣвалась въ его преданности, и что она все готова сдѣлать для него и для мужиковъ.

XI.

Черезъ часъ послѣ этаго Дуняша пришла къ княжнѣ съ извѣстіемъ, что пришелъ Дронъ и всѣ мужики по приказанію княжны собрались у амбара, желая переговорить съ госпожею.

— Да я никогда не звала ихъ, сказала кнажна Марья; я только сказала Дронушкѣ, чтобы раздать имъ хлѣба.

— Только ради Бога, княжна-матушка, прикажите ихъ прогнать и не ходите къ нимъ. Все обманъ одинъ, говорила Дуняша, а Яковъ Алпатычъ пріѣдутъ и поѣдемъ.... а вы не извольте....

— Какой же обманъ? удивленно спросила княжна.

— Да ужъ я знаю, только послушайте меня, ради Бога. Вотъ и няню хоть спросите. Говорятъ, несогласны уѣзжать по вашему приказанію.

— Ты что нибудь не то говоришь. Да я никогда не приказывала уѣзжать... сказала княжна Марья. Позови Дронушку.

Пришедшій Дронъ подтвердилъ слова Дуняши: мужики пришли по приказанію княжны.

— Да я никогда не звала ихъ, сказала княжна. — Ты вѣрно не такъ передалъ имъ. Я только сказала, чтобы ты имъ отдалъ хлѣбъ.

Дронъ, не отвѣчая, вздохнулъ.

— Если прикажите—они уйдутъ, сказалъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я пойду къ нимъ, сказала княжна Марья.

Она опять остановилась. Никто не прерывалъ ея молчанья.—Она вышла къ выборнымъ мужикамъ.

— Горе наше общее и будемъ дѣлить все пополамъ. Все что мое, то ваше, сказала она, оглядывая лица, стоявшія передъ нею.

Всѣ глаза смотрѣли на нее, съ одинаковымъ выраженіемъ, значенія котораго она не могла понять. Было ли это любопытство, преданность, благодарность или испугъ и недовѣріе, но выраженіе на всѣхъ лицахъ было одинаковое.

— Много довольны вашими милостями, только намъ брать господскій хлѣбъ не приходится, сказалъ голосъ сзади.

— Да отчего же? сказала княжна.—Никто не отвѣтилъ, и княжна Марья, оглядываясь по толпѣ, замѣчала, что теперь всѣ глаза, съ которыми она встрѣчалась, тотчасъ же опускались.

— Да отчего же вы не хотите? спросила она опять. — Никто не отвѣчалъ.

Княжнѣ Марьѣ становилось тяжело отъ этого молчанья; она старалась уловить чей нибудь взглядъ.

— Отчего вы не говорите? обратилась княжна къ старому старику, который, облокотившись на палку, стоялъ передъ ней. Скажи, ежели ты думаешь, что еще что нибудь нужно. Я все сдѣлаю, сказала она, уловивъ его взглядъ. Но онъ, какъ будто разсердившись за это, опустилъ совсѣмъ голову и проговорилъ:

— Чего соглашаться-то, не нужно намъ хлѣба.

— Чтожъ, намъ все бросить-то? Несогласны. Не согласны... Нѣтъ нашего согласія. Мы тебя жалѣемъ, и нашего согласія нѣтъ. Поѣзжай сама, одна... раздалось въ толпѣ съ разныхъ сторонъ. И опять на всѣхъ лицахъ этой толпы показалось одно и тоже выраженіе, и теперь это было уже навѣрное не выраженіе любопытства и благодарности, а выраженіе озлобленной рѣшительности.

— Да вы не поняли вѣрно, съ грустной улыбкой сказала княжна Марья.—Отчего вы не хотите ѣхать? Я обѣ-

щаю поселить васъ, кормить. А здѣсь непріятель разоритъ васъ... Но голосъ ея заглушали голоса толпы.

— Нѣтъ нашего согласія, пускай разоряетъ! Не беремъ твоего хлѣба, нѣтъ согласія нашего!

Княжна Марья старалась уловить опять чей нибудь взглядъ изъ толпы, но ни одинъ взглядъ не былъ устремленъ на нее; глаза очевидно избѣгали ея. Ей стало странно и неловко.

Не смотря на отговариванье Дуняши и няни, княжна Марья вышла на крыльцо. Дронушка, Дуняша, няня и Михаилъ Иванычъ шли за нею.

«Они вѣроятно думаютъ, что я предлагаю имъ хлѣбъ съ тѣмъ, чтобы они остались на своихъ мѣстахъ и сама уѣду, бросивъ ихъ на произволъ Французовъ,» думала княжна Марья. «Я имъ буду обѣщать мѣсячину въ подмосковной, квартиры; я увѣрена, что André еще больше бы сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ», думала она, подходя въ сумеркахъ къ толпѣ, стоявшей на выгонѣ у амбара.

Толпа скучиваясь зашевилилась, и быстро снялись шляпы. Княжна Марья, опустивъ глаза и путаясь ногами въ платьѣ, близко подошла къ нимъ. Столько разнообразныхъ старыхъ и молодыхъ глазъ было устремлено на нее и столько было разныхъ лицъ, что княжна Марья не видала ни однаго лица и, чувствуя необходимость говорить вдругъ со всѣми, не знала какъ быть. Но опять сознаніе того, что она — представительница отца и брата, придало ей силы, и она смѣло начала свою рѣчь,

— Я очень рада, что вы пришли, начала княжна Марья, не поднимая глазъ и чувствуя, какъ быстро и сильно билось ея сердце. — Мнѣ Дронушка сказалъ, что васъ разорила война. Это наше общее горе, и я ничего не пожалѣю, чтобы помочь вамъ. Я сама ѣду, потому что опасно здѣсь... и непріятель близко.... потому что.... Я вамъ от-

даю все, мои друзья, и прошу васъ взять все, весь хлѣбъ нашъ, чтобы у васъ не было нужды. А ежели вамъ сказали, что я отдаю вамъ хлѣбъ съ тѣмъ, чтобы вы остались здѣсь, то это неправда. Я напротивъ прошу васъ уѣзжать со всѣмъ вашимъ имуществомъ въ нашу подмосковную, и тамъ я беру на себя и обѣщаю вамъ, что вы не будете нуждаться. Вамъ дадутъ и домы и хлѣба.—Княжна остановилась. Въ толпѣ только слышались вздохи.

— Я не отъ себя дѣлаю это, продолжала княжна, я это дѣлаю именемъ покойнаго отца, который былъ вамъ хорошимъ бариномъ, и за брата, и за его сына.

— Вишь научила ловко, за ней въ крѣпость поди! Домà разори, да въ кабалу и ступай. Какже? Я хлѣбъ, молъ, отдамъ! слышались голоса въ толпѣ.

Княжна Марья, опустивъ голову, вышла изъ круга и пошла въ домъ. Повторивъ Дрону приказаніе о томъ, чтобы завтра были лошади для отъѣзда, она ушла въ свою комнату и осталась одна съ своими мыслями.

XII.

Долго эту ночь княжна Марья сидѣла у открытаго окна въ своей комнатѣ, прислушиваясь къ звукамъ говора мужиковъ, доносившагося съ деревни, но она не думала о нихъ. Она чувствовала, что, сколько бы она ни думала о нихъ, она не могла бы понять ихъ. Она думала все объ одномъ — о своемъ горѣ, которое теперь, послѣ перерыва, произведеннаго заботами о настоящемъ, уже сдѣлалось для нея прошедшимъ. Она теперь уже могла вспоминать, могла плакать и могла молиться. Съ заходомъ солнца вѣтеръ затихъ. Ночь была тихая и свѣжая. Въ 12-мъ часу голоса стали затихать, пропѣлъ пѣтухъ, изъ-за липъ стала выходить полная луна, поднялся свѣжій, бѣлый туманъ-роса, и надъ деревней и надъ домомъ воцарилась тишина.

Одна за другой представлялись ей картины близкаго прошедшаго—болѣзни и послѣднихъ минутъ отца. И съ грустной радостью она теперь останавливалась на этихъ образахъ, отгоняя отъ себя съ ужасомъ только одно послѣднее представленіе его смерти, которое—она чувствовала—она была не въ силахъ созерцать даже въ своемъ воображеніи въ этотъ тихій и таинственный часъ ночи. И картины эти представлялись ей съ такой ясностью и съ такими подробностями, что они казались ей то дѣйствительностью, то прошедшимъ, то будущимъ.

То ей живо представлялась та минута, когда съ нимъ сдѣлался ударъ, и его изъ сада въ Лысыхъ Горахъ волокли подъ руки, и онъ бормоталъ что-то безсильнымъ языкомъ, дергалъ сѣдыми бровями, и безпокойно и робко смотрѣлъ на нее.

«Онъ и тогда хотѣлъ сказать мнѣ то, что̀ онъ сказалъ мнѣ въ день своей смерти,» думала она.—«Онъ всегда думалъ то, что̀ онъ сказалъ мнѣ.» И вотъ ей со всѣми подробностями вспомнилась та ночь въ Лысыхъ Горахъ, наканунѣ сдѣлавшагося съ нимъ удара, когда княжна Марья, предчувствуя бѣду, противъ его воли осталась съ нимъ. Она не спала, и ночью на цыпочкахъ сошла внизъ и, подойдя къ двери въ цвѣточную, въ которой въ эту ночь ночевалъ ея отецъ, прислушалась къ его голосу. Онъ измученнымъ, усталымъ голосомъ говорилъ съ Тихономъ. Онъ говорилъ что-то про Крымъ, про теплыя ночи, про императрицу. Ему видно хотѣлось поговорить. «И отчего онъ не позвалъ меня? Отчего онъ не позволилъ быть мнѣ тутъ на мѣстѣ Тихона?» думала тогда и теперь княжна Марья. «Ужъ онъ не выскажетъ никогда никому теперь всего того, что̀ было въ его душѣ. Ужъ никогда не вернется для него и для меня эта минута, когда бы онъ говорилъ все, что̀ ему хотѣлось высказать, а я, а не Тихонъ, слушала бы и понимала его. Отчего я не вошла тогда въ комнату?» думала

она. «Можетъ быть, онъ тогда же бы сказалъ мнѣ то, что̀ онъ сказалъ въ день смерти. Онъ и тогда въ разговорѣ съ Тихономъ два раза спросилъ про меня. Ему хотѣлось меня видѣть, а я стояла тутъ, за дверью. Ему было грустно, тяжело говорить съ Тихономъ, который не понималъ его. Помню, какъ онъ заговорилъ съ нимъ про Лизу какъ живую,—онъ забылъ, что она умерла, и Тихонъ напомнилъ ему, что ея ужъ нѣтъ, и онъ закричалъ: «дуракъ.» Ему тяжело было. Я слышала изъ-за двери, какъ онъ кряхтя легъ на кровать и громко прокричалъ: «Богъ мой!» Отчего я не взошла тогда? Чтожъ бы онъ сдѣлалъ мнѣ? Чтобы я потеряла? А можетъ быть, тогда же онъ утѣшился бы, онъ сказалъ бы мнѣ это слово.»—И княжна Марья вслухъ произнесла то ласкательное слово, которые онъ сказалъ ей въ день смерти. «Ду-ше-нь-ка!» повторила княжна Марья это слово и зарыдала облегчающими душу слезами. Онъ видѣла теперь передъ собою его лицо. И не то лицо, которое она знала съ тѣхъ поръ какъ себя помнила и которое она всегда видѣла изъ далека; а то лицо робкое и слабое, которое она въ послѣдній, пригибаясь къ его рту, чтобы слышать то, что̀ онъ говорилъ вблизи, въ первый разъ разсмотрѣла со всѣми его морщинами и подробностями.

«Душенька, повторила она.»

«Что онъ думалъ, когда сказалъ это слово? Что онъ думаетъ теперь?» вдругъ пришелъ ей вопросъ, и въ отвѣтъ на это, она увидала его передъ собой съ тѣмъ выраженіемъ лица, которое у него было въ гробу на обвязанномъ бѣлымъ платкомъ лицѣ. И тотъ ужасъ, который охватилъ ее тогда, когда она прикоснулась къ нему и убѣдилась, что это не только не былъ онъ, но что-то таинственное и отталкивающее, охватилъ ее и теперь. Она хотѣла думать о другомъ, хотѣла молиться и ничего не могла сдѣлать. Она большими, открытыми глазами смотрѣла на лунный свѣтъ и тѣни, всякую секунду ждала увидать его мертвое

лицо, и чувствовала, что тишина, стоявшая надъ домомъ и въ домѣ, заковывала ее.

— Дуняша! прошептала она. Дуняша! вскрикнула она дикимъ голосомъ, и вырвавшись изъ тишины, побѣжала къ дѣвичьей навстрѣчу бѣгущимъ къ ней нянѣ и дѣвушкамъ.

XIII.

17-го августа Ростовъ и Ильинъ, сопутствуемые только что вернувшимся изъ плѣна Лаврушкой и вѣстовымъ гусаромъ, изъ своей стоянки Янково, въ 15-ти верстахъ отъ Богучарова, поѣхали кататься верхами—попробовать новую купленную Ильинымъ лошадь и разузнать, нѣтъ ли въ деревняхъ сѣна.

Богучарово находилось послѣдніе три дня между двумя непріятельскими арміями, такъ что также легко могъ зайти туда русскій арьергардъ, какъ и французскій авангардъ, и потому Ростовъ, какъ заботливый эскадронный командиръ, желалъ прежде Французовъ воспользоваться тѣмъ провіантомъ, который оставался въ Богучаровѣ.

Ростовъ и Ильинъ были въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Дорогой въ Богучарово, въ княжеское имѣнье съ усадьбой, гдѣ они надѣялись найти большую дворню и хорошенькихъ дѣвушекъ, они то разспрашивали Лаврушку о Наполеонѣ и смѣялись его разсказамъ, то перегонялись, пробуя лошадь Ильина.

Ростовъ и не зналъ и не думалъ, что эта деревня, въ которую онъ ѣхалъ, была имѣнье того самаго Болконскаго, который былъ женихомъ его сестры.

Ростовъ съ Ильинымъ въ послѣдній разъ выпустили на перегонку лошадей въ изволокъ передъ Богучаровымъ, и Ростовъ, перегнавшій Ильина, первый вскакалъ въ улицу деревни Богучарова.

— Ты впередъ взялъ, говорилъ раскраснѣвшійся Ильинъ.

— Да, все впередъ, и на лугу впередъ, и тутъ, отвѣчалъ Ростовъ, поглаживая рукой своего взмылившагося донца.

— А я на французской, ваше сіятельство, сзади говорилъ Лаврушка, называя французской свою упряжную клячу, перегналъ бы, да только срамить не хотѣлъ.

Они шагомъ подъѣхали къ амбару, у котораго стояла большая толпа мужиковъ.

Нѣкоторые мужики сняли шапки, нѣкоторые, не снимая шапокъ, смотрѣли на подъѣхавшихъ. Два старые, длинные мужика, съ сморщенными лицами и рѣдкими бородами, вышли изъ кабака, и съ улыбками, качаясь и распѣвая какую-то нескладную пѣснь, подошли къ офицерамъ.

— Молодцы! сказалъ смѣясь Ростовъ. Что сѣно есть?

— И одинакіе какіе.... сказалъ Ильинъ.

— Развесс...о...оо...олая бѣ...се...бѣ...е...се... распѣвалъ мужикъ съ счастливою улыбкой.

Одинъ мужикъ вышелъ изъ толпы и подошелъ къ Ростову.

— Вы изъ какихъ будете? спросилъ онъ.

— Французы, отвѣчалъ смѣючись Ильинъ.—Вотъ и Наполеонъ самъ, сказалъ онъ, указывая на Лаврушку.

— Стало быть, Русскіе будете? переспросилъ мужикъ.

— А много вашей силы тутъ? спросилъ другой небольшой мужикъ, подходя къ нимъ.

— Много, много, отвѣчалъ Ростовъ. Да вы, чтожъ собрались тутъ? прибавилъ онъ, праздникъ чтоль?

— Старички собрались, по мірскому дѣлу, отвѣчалъ мужикъ, отходя отъ него.

Въ это время по дорогѣ отъ барскаго дома показались двѣ женщины и человѣкъ въ бѣлой шляпѣ, шедшіе къ офицерамъ.

— Въ розовомъ моя, чуръ не отбивать! сказалъ Ильинъ, замѣтивъ рѣшительно подбѣгавшую къ нему Дуняшу.

— Наша будетъ! подмигнувъ сказалъ Ильину Лаврушка.

— Что, моя красавица, нужно? сказалъ Ильинъ улыбаясь.

— Княжна приказала спросить, какого вы полка и какъ ваша фамилія?

— Это графъ Ростовъ, эскадронный командиръ, а я вашъ покорный слуга.

— Бѣ...сѣ...ѣ...ду...шка!.. распѣвалъ пьяный мужикъ, счастливо улыбаясь и глядя на Ильина, разговаривающаго съ дѣвушкой. Вслѣдъ за Дуняшей подошелъ къ Ростову Алпатычъ, еще издали снявъ свою шляпу.

— Осмѣлюсь безпокоить, ваше благородіе, сказалъ онъ съ почтительностью, но съ относительнымъ пренебреженіемъ къ юности этого офицера, и заложивъ руку за пазуху.— Моя госпожа, дочь скончавшагося сего 15-го числа, генералъ-аншефа князя Николая Андреевича Болконскаго, находясь въ затрудненіи по случаю невѣжества этихъ лицъ— онъ указалъ на мужиковъ—проситъ васъ пожаловать... не угодно-ли будетъ, съ грустной улыбкой сказалъ Алпатычъ, отъѣхать нѣсколько, а то не такъ удобно при.... Алпатычъ указалъ на двухъ мужиковъ, которые сзади такъ и носились около него, какъ слѣпни около лошади.

— А!.. Алпатычъ... А Яковъ Алпатычъ... Важно! прости ради Христа. Важно! А?.. говорили мужики, радостно улыбаясь ему. Ростовъ посмотрѣлъ на пьяныхъ мужиковъ и улыбнулся.

— Или можетъ это утѣшаетъ ваше сіятельство? сказалъ Яковъ Алпатычъ съ степеннымъ видомъ, не заложенной за пазуху рукою указывая на стариковъ.

— Нѣтъ, тутъ утѣшенья мало, сказалъ Ростовъ и отъѣхалъ. Въ чемъ дѣло? спросилъ онъ.

— Осмѣлюсь доложить вашему сіятельству, что грубый народъ здѣшній не желаетъ выпустить госпожу изъ имѣнья и угрожаетъ отпрячь лошадей, такъ что съ утра все уложено, и ея сіятельство не могутъ выѣхать.

— Не можетъ быть! вскрикнулъ Ростовъ.

— Имѣю честь докладывать вамъ сущую правду, повторилъ Алпатычъ.

Ростовъ слѣзъ съ лошади и, передавъ ее вѣстовому, пошелъ съ Алпатычемъ къ дому, распрашивая его о подробностяхъ дѣла. Дѣйствительно, вчерашнее предложеніе княжны мужикамъ хлѣба, ея объясненіе съ Дрономъ и съ сходкою, такъ испортили дѣло, что Дронъ окончательно сдалъ ключи, присоединился къ мужикамъ и не являлся по требованью Алпатыча, и что поутру, когда княжна велѣла закладывать, чтобы ѣхать, мужики вышли большой толпой къ амбару, и выслали сказать, что они не выпустятъ княжны изъ деревни, что есть приказъ, чтобы не вывозиться, и они выпрягутъ лошадей. Алпатычъ выходилъ къ нимъ, усовѣщевая ихъ, но ему отвѣчали (больше всѣхъ говорилъ Карпъ, Дронъ не показывался изъ толпы), что княжну нельзя выпустить, что на то приказъ есть; а что пускай княжна остается, и они по старому будутъ служить ей и во всемъ повиноваться.

Въ ту минуту, когда Ростовъ и Ильинъ проскакали по дорогѣ, княжна Марья, несмотря на отговариванье Алпатыча, няни и дѣвушекъ, велѣла закладывать и хотѣла ѣхать; но увидавъ проскакавшихъ кавалеристовъ, ихъ приняли за Французовъ, кучера разбѣжались, и въ домѣ поднялся плачъ женщинъ.

— Батюшка! отецъ родной! Богъ тебя послалъ, говорили умиленные голоса въ то время, какъ Ростовъ проходилъ черезъ переднюю.

Княжна Марья, потерянная и безсильная, сидѣла въ залѣ въ то время, какъ къ ней ввели Ростова. Она не понимала,

кто онъ, и зачѣмъ онъ, и что съ нею будетъ. Увидавъ его русское лицо и по входу его и первымъ сказаннымъ словамъ признавъ его за человѣка своего круга, она взглянула на него своимъ глубокимъ и лучистымъ взглядомъ и начала говорить обрывавшимся и дрожавшимъ отъ волненія голосомъ. Ростову тотчасъ же представилось что-то романическое въ этой встрѣчѣ. «Беззащитная, убитая горемъ дѣвушка, одна, оставленная на произволъ грубыхъ, бунтующихъ мужиковъ! И какая-то странная судьба натолкнула меня сюда!» думалъ Ростовъ, слушая ее и глядя на нее.— «И какая кротость, благородство въ ея чертахъ и въ выраженіи!» думалъ онъ, слушая ея робкій разсказъ.

Когда она заговорила о томъ, что все это случилось на другой день послѣ похоронъ отца, ея голосъ задрожалъ. Она отвернулась и потомъ, какъ бы боясь, чтобы Ростовъ не принялъ ея слова за желаніе разжалобить его, вопросительно-испуганно взглянула на него. У Ростова слезы стояли въ глазахъ. Княжна Марья замѣтила это и благодарно посмотрѣла на Ростова тѣмъ своимъ лучистымъ взглядомъ, который заставлялъ забывать некрасивость ея лица.

— Не могу выразить, княжна, какъ я счастливъ тѣмъ, что я случайно заѣхалъ сюда и буду въ состояніи показать вамъ свою готовность, сказалъ Ростовъ, вставая. Извольте ѣхать, и я отвѣчаю вамъ своею честью, что ни одинъ человѣкъ не посмѣетъ сдѣлать вамъ непріятность, ежели вы мнѣ только позволите конвоировать васъ, и, почтительно поклонившись, какъ кланяются дамамъ царской крови, онъ направился къ двери.

Почтительностью своего тона, Ростовъ какъ будто показывалъ, что, несмотря на то, что онъ за счастье бы счелъ свое знакомство съ нею, онъ не хотѣлъ пользоваться случаемъ ея несчастія для сближенія съ нею.

Княжна Марья поняла и оцѣнила этотъ тонъ.

— Я очень, очень благодарна вамъ, сказала ему княжна по французски, — но надѣюсь, что все это было только недоразумѣнье, и что никто не виноватъ въ томъ.—Княжна вдругъ заплакала.—Извините меня, сказала она.

Ростовъ, нахмурившись, еще разъ низко поклонился и вышелъ изъ комнаты.

XIV.

— Ну, что мила̀? Нѣтъ, братъ, розовая моя прелесть, и Дуняшей зовутъ... Но, взглянувъ на лицо Ростова, Ильинъ, замолкъ. Онъ видѣлъ, что его герой и командиръ находился совсѣмъ въ другомъ строѣ мыслей.

Ростовъ злобно оглянулся на Ильина и, не отвѣчая ему, быстрыми шагами направился къ деревнѣ.

— Я имъ покажу, я имъ задамъ, разбойникамъ, говорилъ онъ про себя.

Алпатычъ плывущимъ шагомъ, чтобы только не бѣжать, рысью едва догналъ Ростова.

— Какое рѣшеніе изволили принять? сказалъ онъ, догнавъ его.—Ростовъ остановился и, сжавъ кулаки, вдругъ грозно подвинулся на Алпатыча.

— Рѣшенье? Какое рѣшенье? Старый хрычъ! крикнулъ онъ на него.—Ты чего смотрѣлъ? А? Мужики бунтуютъ, а ты не умѣешь справиться? Ты самъ измѣнникъ. Знаю я васъ, шкуру спущу со всѣхъ... и какъ будто боясь растратить понапрасну запасъ своей горячности, онъ оставилъ Алпатыча и быстро пошелъ впередъ. Алпатычъ, подавивъ чувство оскорбленія, плывущимъ шагомъ поспѣвалъ за Ростовымъ, и продолжалъ сообщить ему свои соображенія. Онъ говорилъ, что мужики находились въ закоснѣлости, что въ настоящую минуту было неблагоразумно *противуборствовать* имъ, не имѣя военной команды, что не лучше ли бы было послать прежде за командой.

— Я имъ дамъ воинскую команду... Я ихъ попротиво-борствую,—безсмысленно приговаривалъ Николай, задыхаясь отъ неразумной, животной злобы и потребности излить эту злобу. Не соображая того, что̀ будетъ дѣлать, безсознательно, быстрымъ, рѣшительнымъ шагомъ онъ подвигался къ толпѣ. И чѣмъ ближе онъ подвигался къ ней, тѣмъ больше чувствовалъ Алпатычъ, что неблагоразумный поступокъ его можетъ привести хорошіе результаты. Тоже чувствовали и мужики толпы, глядя на его быструю и твердую походку и рѣшительное, нахмуренное лицо.

Послѣ того какъ гусары въѣхали въ деревню, и Ростовъ прошелъ къ княжнѣ, въ толпѣ произошло замѣшательство и раздоръ. Нѣкоторые мужики стали говорить, что эти пріѣхавшіе были Русскіе, и какъ бы они не обидѣлись тѣмъ, что не выпускаютъ барышню. Дронъ былъ того же мнѣнія; но какъ только онъ выразилъ его, такъ Карпъ и другіе мужики напали на бывшаго старосту.

— Ты міръ-то поѣдомъ ѣлъ сколько годовъ? кричалъ на него Карпъ, тебѣ все одно. Ты кубышку выроешь, увезешь, тебѣ что, разори наши дома̀, али нѣтъ?

— Сказано, порядокъ чтобъ былъ, не ѣзди никто изъ домовъ, чтобъ ни синь пороха не вывозить—вотъ она и вся! кричалъ другой.

— Очередь на твоего сына была, а ты небось гладуха своего пожалѣлъ, вдругъ быстро заговорилъ маленькій старичокъ, нападая на Дрона, а моего Ваньку забрилъ. Эхъ, умирать будемъ!

— То-то умирать будемъ!

— Я отъ міру не отказчикъ, говорилъ Дронъ.

— То-то не отказчикъ, брюхо отростилъ!...

Два длинные мужика говорили свое. Какъ только Ростовъ, сопутствуемый Ильинымъ, Лаврушкой и Алпатычемъ, подошелъ къ толпѣ, Карпъ, заложивъ пальцы за кушакъ, слегка

улыбаясь, вышелъ впередъ. Дронъ напротивъ зашелъ въ задніе ряды, и толпа сдвинулась плотнѣе.

— Эй! кто у васъ староста тутъ? крикнулъ Ростовъ, быстрымъ шагомъ подойдя къ толпѣ.

— Староста-то? На что вамъ?... спросилъ Карпъ.

Но не успѣлъ онъ договорить, какъ шапка слетѣла съ него и голова мотнулась на бокъ отъ сильнаго удара.

— Шапки долой, измѣнники! крикнулъ полнокровный голосъ Ростова.—Гдѣ староста? неистовымъ голосомъ кричалъ онъ.

— Старосту, старосту кличетъ... Дронъ Захарычъ, васъ, послышались кое гдѣ торопливо-покорные голоса, и шапки стали сниматься съ головъ.

— Намъ бунтовать нельзя, мы порядки блюдемъ, проговорилъ Карпъ, и нѣсколько голосовъ сзади въ тоже мгновенье заговорили вдругъ:

— Какъ старички порѣшили, много васъ начальства....

— Разговаривать?.... Бунтъ!... Разбойники! Измѣнники! безсмысленно, не своимъ голосомъ завопилъ Ростовъ, хватая за воротъ Карпа. — Вяжи его, вяжи! кричалъ онъ, хотя некому было вязать его кромѣ Лаврушки и Алпатыча.

Лаврушка однако подбѣжалъ къ Карпу и схватилъ его сзади за руки.

— Прикажете нашихъ изъ подъ горы кликнуть? крикнулъ онъ.

Алпатычъ обратился къ мужикамъ, вызывая двоихъ по именамъ, чтобы вязать Карпа. Мужики покорно вышли изъ толпы и стали распоясываться.

— Староста гдѣ? кричалъ Ростовъ.

Дронъ, съ нахмуреннымъ и блѣднымъ лицомъ, вышелъ изъ толпы.

— Ты староста? Вязать, Лаврушка, кричалъ Ростовъ, какъ будто и это приказаніе не могло встрѣтить препят-

ствій. И дѣйствительно еще два мужика стали вязать Дрона, который, какъ бы помогая имъ, снялъ съ себя кушакъ и подалъ имъ.

— А вы всѣ, слушайте меня.—Ростовъ обратился къ мужикамъ:—Сейчасъ маршъ по домамъ, и чтобы голоса вашего я не слыхалъ.

— Чтожъ, мы никакой обиды не сдѣлали. Мы только, значитъ, по глупости. Только вздоръ надѣлали.... Я же сказывалъ, что не порядки, послышались голоса, упрекавшіе другъ друга.

— Вотъ я же вамъ говорилъ, сказалъ Алпатычъ, вступая въ свои права.—Не хорошо, ребята!

— Глупость наша, Яковъ Алпатычъ, отвѣчали голоса, и толпа тотчасъ же стала расходиться и разсыпаться по деревнѣ.

Связанныхъ двухъ мужиковъ повели на барскій дворъ. Два пьяные мужика шли за ними.

— Эхъ, посмотрю я на тебя! говорилъ одинъ изъ нихъ, обращаясь къ Карпу.

— Развѣ можно такъ съ господами говорить? Ты думалъ что? Дуракъ,—подтверждалъ другой,—право дуракъ!

Черезъ два часа подводы стояли на дворѣ Богучаровскаго дома. Мужики оживленно выносили и укладывали на подводы господскія вещи, и Дронъ, по желанію княжны Марьи выпущенный изъ рундука, куда его заперли, стоя на дворѣ, распоряжался мужиками.

— Ты ее такъ дурно не клади, говорилъ одинъ изъ мужиковъ, высокій человѣкъ съ круглымъ, улыбающимся лицомъ, принимая изъ рукъ горничной шкатулку.—Она вѣдь тоже денегъ стоитъ. Что же ты ее такъ-то вотъ бросишь или подъ веревку—а она и потрется. Я такъ не люблю. А чтобы все честно, по закону было. Вотъ такъ-то, подъ рогожку, да сѣнцомъ прикрой, вотъ и важно.

— Ишь книгъ-то, книгъ, сказалъ другой мужикъ, выносившій библіотечные шкапы князя Андрея. Ты не цѣпляй! А грузно, ребята, книги здоровыя!

— Да, писали-не гуляли! значительно подмигнувъ, сказалъ высокій, круглолицый мужикъ, указывая на лексиконы, лежавшіе сверху.

Ростовъ, не желая навязывать свое знакомство княжнѣ, не пошелъ къ ней, а остался на деревнѣ, ожидая ея выѣзда. Дождавшись выѣзда экипажей княжны Марьи изъ дома, Ростовъ сѣлъ верхомъ, и до пути, занятаго нашими войсками, въ двѣнадцати верстахъ отъ Богучарова, верхомъ провожалъ ее. Въ Янковѣ, на постояломъ дворѣ, онъ простился съ нею почтительно, въ первый разъ позволивъ себѣ поцѣловать ея руку.

— Какъ вамъ не совѣстно, краснѣя отвѣчалъ онъ княжнѣ Марьѣ на выраженіе благодарности за ея спасенье (какъ она называла его поступокъ), — каждый становой сдѣлалъ бы тоже. Если бы намъ только приходилось воевать съ мужиками, мы бы не допустили такъ далеко непріятеля, говорилъ онъ, стыдясь чего-то и стараясь перемѣнить разговоръ. — Я счастливъ только, что имѣлъ случай познакомиться съ вами. Прощайте, княжна, желаю вамъ счастія и утѣшенія, и желаю встрѣтиться съ вами въ болѣе счастливыхъ условіяхъ. Ежели вы не хотите заставить краснѣть меня, пожалуйста не благодарите.

Но княжна, если не благодарила болѣе словами, благодарила его всѣмъ выраженіемъ своего сіявшаго благодарностью и нѣжностью лица. Она не могла вѣрить ему, что ей не за что благодарить его. Напротивъ, для нея несомнѣнно было то, что, ежели бы его не было, то она навѣрное должна была бы погибнуть и отъ бунтовщиковъ и отъ Французовъ; что *онъ* для того, чтобы спасти ее, подвергалъ

себя самымъ очевиднымъ и страшнымъ опасностямъ; и еще несомнѣннѣе было то, что онъ былъ человѣкъ съ высокой и благородной душой, который умѣлъ понять ея положеніе и горе. Его добрые, честные глаза съ выступившими на нихъ слезами въ то время, какъ она сама заплакавъ говорила съ нимъ о своей потерѣ, не выходили изъ ея воображенія.

Когда она простилась съ нимъ и осталась одна, княжна Марья вдругъ почувствовала въ глазахъ слезы, и тутъ ужъ не въ первый разъ ей представился странный вопросъ, любитъ ли она его?

По дорогѣ дальше къ Москвѣ, несмотря на то, что положеніе княжны было не радостно, Дуняша, ѣхавшая съ ней въ каретѣ, не разъ замѣчала, что княжна, высунувшись въ окно кареты, чему-то радостно и грустно улыбалась.

«Ну чтоже, ежели бы я и полюбила его?» думала княжна Марья.

Какъ ни стыдно ей было признаться себѣ, что она первая полюбила человѣка, который, можетъ быть, никогда не полюбитъ ея, она утѣшала себя мыслью, что никто никогда не узнаетъ этого и что она не будетъ виновата, ежели будетъ до конца жизни, никому не говоря о томъ, любить того, котораго она любила въ первый и въ послѣдній разъ.

Иногда она вспоминала его взгляды, его участіе, его слова, и ей казалось счастье не невозможнымъ. И тогда-то Дуняша замѣчала, что она улыбаясь глядѣла въ окно кареты.

«И надо было ему пріѣхать въ Богучарово, и въ эту самую минуту!» думала княжна Марья.—«И надо было его сестрѣ отказать князю Андрею!» И во всемъ этомъ княжна Марья видѣла волю Провидѣнья.

Впечатлѣніе, произведенное на Ростова княжной Марьей, было очень пріятное. Когда онъ вспоминалъ про нее, ему становилось весело, и когда товарищи, узнавъ о бывшемъ

съ нимъ приключеніи въ Богучаровѣ, шутили ему, что онъ, поѣхавъ за сѣномъ, подцѣпилъ одну изъ самыхъ богатыхъ невѣстъ въ Россіи, Ростовъ сердился. Онъ сердился именно потому, что мысль о женитьбѣ на пріятной для него, кроткой княжнѣ Марьѣ съ огромнымъ состояніемъ, не разъ противъ его воли приходила ему въ голову. Для себя лично Николай не могъ желать жены лучше княжны Марьи: женитьба на ней сдѣлала бы счастье графини, его матери, и поправила бы дѣла его отца; и даже—Николай чувствовалъ это — сдѣлала бы счастье княжны Марьи.

Но Соня? И данное слово? И отъ этого-то Ростовъ сердился, когда ему шутили о княжнѣ Болконской.

XV.

Принявъ командованье надъ арміями, Кутузовъ вспомнилъ о князѣ Андреѣ и послалъ ему приказаніе прибыть въ главную квартиру.

Князь Андрей пріѣхалъ въ Царево-Займище въ тотъ самый день и въ то самое время дня, когда Кутузовъ дѣлалъ первый смотръ войскамъ. Князь Андрей остановился въ деревнѣ у дома священника, у котораго стоялъ экипажъ главнокомандующаго, и сѣлъ на лавочкѣ у воротъ, ожидая Свѣтлѣйшаго, какъ всѣ называли теперь Кутузова. На полѣ за деревней слышны были то звуки полковой музыки, то ревъ огромнаго количества голосовъ кричавшихъ: «ура!» новому главнокомандующему. Тутъ же у воротъ, шагахъ въ 10-ти отъ князя Андрея, пользуясь отсутствіемъ князя и прекрасной погодой, стояли два деньщика, курьеръ и дворецкій. Черноватый, обросшій усами и бакенбардами, маленькій гусарскій подполковникъ подъѣхалъ къ воротамъ и, взглянувъ на князя Андрея, спросилъ: здѣсь ли стоитъ Свѣтлѣйшій и скоро ли онъ будетъ?

Князь Андрей сказалъ, что онъ не принадлежитъ къ штабу Свѣтлѣйшаго и тоже пріѣзжій. Гусарскій подполковникъ обратился къ нарядному деньщику, и деньщикъ главнокомандующаго сказалъ ему съ той особенной презрительностью, съ которой говорятъ деньщики главнокомандующихъ съ офицерами:

— Что? Свѣтлѣйшій? Должно быть сейчасъ будетъ. Вамъ что?

Гусарскій подполковникъ усмѣхнулся въ усы на тонъ деньщика, слѣзъ съ лошади, отдалъ ее вѣстовому и подошелъ къ Болконскому, слегка поклонившись ему. Болконскій посторонился на лавкѣ. Гусарскій подполковникъ сѣлъ подлѣ него.

— Тоже дожидаетесь главнокомандующаго? заговорилъ гусарскій подполковникъ.—Гово'ятъ всѣмъ доступенъ, слава Богу. А то съ колбасниками бѣда! Не даг'омъ Ермоловъ въ Нѣмцы пг'осился. Тепег'ъ авось и Г'усскимъ говог'ить можно будетъ. А то чог'тъ знаетъ, что дѣлали. Все отступали—все отступали. Вы дѣлали походъ? спросилъ онъ.

— Имѣлъ удовольствіе, отвѣчалъ князь Андрей, не только участвовать въ отступленіи, но и потерять въ этомъ отступленіи все, что̀ имѣлъ дорогаго, не говоря объ имѣньяхъ и родномъ домѣ.... отца, который умеръ съ горя. Я Смоленскій.

— А?... Вы князь Болконскій? Очень г'адъ познакомиться: подполковникъ Денисовъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Васьки, сказалъ Денисовъ, пожимая руку князя Андрея и съ особенно-добрымъ вниманіемъ вглядываясь въ лицо Болконскаго.—Да я слышалъ, сказалъ онъ съ сочувствіемъ, и помолчавъ немного, продолжалъ:—Вотъ и скифская война. Это все хог'ошо, только не для тѣхъ, кто своими боками отдувается. А вы князь Андг'ей Болконскій?—Онъ покачалъ головой.—Очень г'адъ, князь, очень г'адъ познакомиться,

прибавилъ онъ опять съ грустной улыбкой, пожимая ему руку.

Князь Андрей зналъ Денисова по разсказамъ Наташи о ея первомъ женихѣ. Это воспоминанье и сладко и больно перенесло его теперь къ тѣмъ болѣзненнымъ ощущеніямъ, о которыхъ онъ послѣднее время давно уже не думалъ, но которыя все таки были въ его душѣ. Въ послѣднее время столько другихъ и такихъ серьезныхъ впечатлѣній, какъ оставленіе Смоленска, его пріѣздъ въ Лысыя Горы, недавнее извѣстіе о смерти отца, столько ощущеній было испытано имъ, что эти воспоминанія уже давно не приходили ему и, когда пришли, далеко не подѣйствовали на него съ прежней силой. И для Денисова тотъ рядъ воспоминаній, которыя вызвало имя Болконскаго, было далекое, поэтическое прошедшее, когда онъ, послѣ ужина и пѣнія Наташи, самъ не зная какъ, сдѣлалъ предложеніе пятнадцати-лѣтней дѣвочкѣ. Онъ улыбнулся воспоминаніямъ того времени и своей любви къ Наташѣ, и тотчасъ же перешелъ къ тому, что̀ страстно и исключительно теперь занимало его. Это былъ планъ кампаніи, который онъ придумалъ, служа во время отступленія на аванпостахъ. Онъ представлялъ этотъ планъ Барклаю-де-Толли, и теперь намѣренъ былъ представить его Кутузову. Планъ основывался на томъ, что операціонная линія Французовъ слишкомъ растянута и что вмѣсто того или вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать съ фронта, загораживая дорогу Французамъ, нужно было дѣйствовать на ихъ сообщенія. Онъ началъ разъяснять свой планъ князю Андрею.

— Они не могутъ удег'жать всей этой линіи. Это невозможно, я отвѣчаю, что пг'ог'ву ихъ; дайте мнѣ 500 человѣкъ, я г'азог'ву ихъ, это вѣг'но! Одна система паг'тизанская.

Денисовъ всталъ и, дѣлая жесты, излагалъ свой планъ Болконскому. Въ срединѣ его изложенія крики арміи, бо-

лѣе нескладные, болѣе распространенные и сливающіеся съ музыкой и пѣснями, послышались на мѣстѣ смотра. На деревнѣ послышался топотъ и крики.

— Самъ ѣдетъ, крикнулъ казакъ, стоявшій у воротъ,— ѣдетъ! Болконскій и Денисовъ подвинулись къ воротамъ, у которыхъ стояла кучка солдатъ (почетный караулъ) и увидали подвигавшагося по улицѣ Кутузова, верхомъ на невысокой гнѣдой лошадкѣ. Огромная свита генераловъ ѣхала за нимъ. Барклай ѣхалъ почти рядомъ; толпа офицеровъ бѣжала за ними и вокругъ нихъ и кричала: «ура!»

Впередъ его во дворъ проскакали адъютанты. Кутузовъ, нетерпѣливо подталкивая свою лошадь, плывшую иноходью подъ его тяжестью, и безпрестанно кивая головой, прикладывалъ руку къ бѣлой кавалергардской (съ краснымъ околышемъ и безъ козырька) фуражкѣ, которая была на немъ. Подъѣхавъ къ почетному караулу молодцевъ-гренадеровъ, большой частью кавалеровъ, отдававшихъ ему честь, онъ съ минуту молча-внимательно посмотрѣлъ на нихъ начальническимъ упорнымъ взглядомъ и обернулся къ толпѣ генераловъ и офицеровъ, стоявшихъ вокругъ него. Лицо его вдругъ приняло тонкое выраженіе; онъ вздернулъ плечами съ жестомъ недоумѣнія.

— И съ такими молодцами все отступать и отступать! сказалъ онъ.—Ну до свиданья, генералъ, прибавилъ онъ и тронулъ лошадь въ ворота мимо князя Андрея и Денисова.

Ура! ура! ура! кричали сзади его.

Съ тѣхъ поръ, какъ не видалъ его князь Андрей, Кутузовъ еще потолстѣлъ, обрюзгъ и оплылъ жиромъ. Но знакомые ему бѣлый глазъ, и рана, и выраженіе усталости въ его лицѣ и фигурѣ были тѣже. Онъ былъ одѣтъ въ мундирный сюртукъ (плеть на тонкомъ ремнѣ висѣла черезъ плечо) и въ бѣлой кавалергардской фуражкѣ. Онъ, тяжело расплываясь и раскачиваясь, сидѣлъ на своей бодрой лошадкѣ. Фю.... фю.... фю.... засвисталъ онъ чуть

слышно, въѣзжая на дворъ. На лицѣ его выражалась радость успокоенія человѣка, намѣревающагося отдохнуть послѣ представительства. Онъ вынулъ лѣвую ногу изъ стремени, поваливши́сь всѣмъ тѣломъ и поморщившись отъ усилія, съ трудомъ занесъ ее на сѣдло, облокотился колѣнкой, крякнулъ и спустился на руки къ казакамъ и адъютантамъ, поддерживавшимъ его.

Онъ оправился, оглянулся своими сощуренными глазами и, взглянувъ на князя Андрея, видимо не узнавъ его, зашагалъ своей ныряющей походкой къ крыльцу. Фю.... фю.... фю, просвисталъ онъ, и опять оглянулся на князя Андрея. Впечатлѣніе лица князя Андрея, только послѣ нѣсколькихъ секундъ, (какъ это часто бываетъ у стариковъ), связалось съ воспоминаніемъ о его личности.

— А здравствуй, князь, здравствуй, голубчикъ, пойдемъ... устало проговорилъ онъ, оглядываясь, и тяжело вошелъ на скрипящее подъ его тяжестью крыльцо. Онъ растегнулся и сѣлъ на лавочку, стоявшую на крыльцѣ.

— Ну что отецъ?

— Вчера получилъ извѣстіе о его кончинѣ, коротко сказалъ князь Андрей.

Кутузовъ испуганно-открытыми глазами посмотрѣлъ на князя Андрея, потомъ снялъ фуражку и перекрестился: «Царство ему небесное! Да будетъ воля Божія надъ всѣми нами!» Онъ тяжело, всей грудью, вздохнулъ и помолчалъ. «Я его глубоко любилъ и уважалъ и сочувствую тебѣ всей душой». Онъ обнялъ князя Андрея, прижалъ его къ своей жирной груди и долго не отпускалъ отъ себя. Когда онъ отпустилъ его, князь Андрей увидалъ, что расплывшія губы Кутузова дрожали, и на глазахъ были слезы. Онъ вздохнулъ и взялся обѣими руками за лавку, чтобы встать.

— Пойдемъ, пойдемъ ко мнѣ, поговоримъ, сказалъ онъ; но въ это время Денисовъ, такие мало робѣвшій передъ

начальствомъ, какъ и передъ непріятелемъ, несмотря на то, что адъютанты у крыльца сердитымъ шопотомъ останавливали его, смѣло, стуча шпорами по ступенькамъ, вошелъ на крыльцо. Кутузовъ, оставивъ руки упертыми на лавку, недовольно смотрѣлъ на Денисова. Денисовъ, назвавъ себя, объявилъ, что имѣетъ сообщить его свѣтлости дѣло большой важности для блага отечества. Кутузовъ усталымъ взглядомъ сталъ смотрѣть на Денисова и досадливымъ жестомъ, принявъ руки и сложивъ ихъ на животѣ, повторилъ: «Для блага отечества? Ну что такое? Говори». Денисовъ покраснѣлъ какъ дѣвушка (такъ странно было видѣть краску на этомъ усатомъ, старомъ и пьяномъ лицѣ) и смѣло началъ излагать свой планъ разрѣзанія операціонной линіи непріятеля между Смоленскомъ и Вязьмой. Денисовъ жилъ въ этихъ краяхъ и зналъ хорошо мѣстность. Планъ его казался-несомнѣнно хорошимъ въ особенности по той силѣ убѣжденія, которая была въ его словахъ. Кутузовъ смотрѣлъ себѣ на ноги и изрѣдка оглядывался на дворъ сосѣдней избы, какъ будто онъ ждалъ чего-то непріятнаго оттуда. Изъ избы, на которую онъ смотрѣлъ, дѣйствительно во время рѣчи Денисова, показался генералъ съ портфелемъ подъ мышкой.

— Что? въ серединѣ изложенія Денисова проговорилъ Кутузовъ, уже готовы?

— Готовъ, ваша свѣтлость, сказалъ генералъ. Кутузовъ покачалъ головой, какъ бы говоря: «какъ это все успѣть одному человѣку», и продолжалъ слушать Денисова.

— Даю честное благо'о'дное слово 'усскаго офице'а, говорилъ Денисовъ, что я 'азо'ву сообщенія Наполеона.

— Тебѣ Кириллъ Андреевичъ Денисовъ, оберъ-интендантъ, какъ приходится? перебилъ его Кутузовъ.

— Дядя 'одной, ваша свѣтлость.

— О! пріятели были, весело сказалъ Кутузовъ. Хорошо, хо-

рошо, голубчикъ, оставайся тутъ при штабѣ, завтра поговоримъ. Кивнувъ головой Денисову, онъ отвернулся и протянулъ руку къ бумагамъ, которыя принесъ ему Коновницынъ.

— Не угодно ли вашей свѣтлости пожаловать въ комнаты, недовольнымъ голосомъ сказалъ дежурный генералъ: необходимо разсмотрѣть планы и подписать нѣкоторыя бумаги.—Вышедшій изъ двери адъютантъ доложилъ, что въ квартирѣ все было готово. Но Кутузову видимо хотѣлось войти въ комнаты уже свободнымъ. Онъ поморщился....

— Нѣтъ вели подать, голубчикъ, сюда столикъ, я тутъ посмотрю, сказалъ онъ. Ты не уходи, прибавилъ онъ, обращаясь къ князю Андрею. Князь Андрей остался на крыльцѣ, слушая дежурнаго генерала.

Во время доклада, за входной дверью князь Андрей слышалъ женское шептанье и хрустѣніе женскаго шелковаго платья. Нѣсколько разъ, взглянувъ по тому направленію, онъ замѣчалъ за дверью, въ розовомъ платьѣ и лиловомъ шелковомъ платкѣ на головѣ, полную, румяную и красивую женщину съ блюдомъ, которая очевидно ожидала входа главнокомандующаго. Адъютантъ Кутузова шопотомъ объяснилъ князю Андрею, что это была хозяйка дома, попадья, которая намѣревалась подать хлѣбъ-соль его свѣтлости. Мужъ ея встрѣтилъ свѣтлѣйшаго съ крестомъ въ церкви, и она дома... «Очень хорошенькая», прибавилъ адъютантъ съ улыбкой. Кутузовъ оглянулся на эти слова. Кутузовъ слушалъ докладъ дежурнаго генерала (главнымъ предметомъ котораго была критика позиціи при Царевѣ-Займищѣ), также какъ онъ слушалъ Денисова, также какъ онъ слушалъ семь лѣтъ тому назадъ пренія Аустерлицкаго военнаго совѣта. Онъ очевидно слушалъ только отъ того, что у него были уши, которыя, не смотря на то что въ одномъ изъ нихъ былъ морской канатъ, не могли не слышать; но очевидно было, что ничто изъ того что̀ могъ сказать ему дежур-

ный генералъ, не могло не только удивить, или заинтересовать его, но что онъ зналъ впередъ все, что̀ ему скажутъ и слушалъ все это только потому, что надо прослушать, какъ надо прослушать поющійся молебенъ. Все, что̀ говорилъ Денисовъ, было дѣльно и умно. То что̀ говорилъ дежурный генералъ было еще дѣльнѣе и умнѣе, но очевидно было, что Кутузовъ презиралъ и знаніе и умъ, и зналъ что-то другое, что̀ должно было рѣшить дѣло, —что-то другое, независимое отъ ума и знанія. Князь Андрей внимательно слѣдилъ за выраженіемъ лица главнокомандующаго, и единственное выраженіе, которое онъ могъ замѣтить въ немъ, было выраженіе скуки, любопытства къ тому, что̀ такое означалъ женскій шопотъ за дверью и желанія соблюсти приличіе. Очевидно было, что Кутузовъ презиралъ умъ и знаніе и даже патріотическое чувство, которое выказывалъ Денисовъ, но презиралъ не умомъ, не чувствомъ, не знаніемъ, (потому что онъ и не старался выказывать ихъ), а онъ презиралъ ихъ чѣмъ-то другимъ. Онъ презиралъ ихъ своей старостью, своей опытностью жизни. Одно распоряженіе, которое отъ себя въ этотъ докладъ сдѣлалъ Кутузовъ, относилось до мародерства русскихъ войскъ. Дежурный генералъ въ концѣ доклада представилъ свѣтлѣйшему къ подписи бумагу о взысканіи съ армейскихъ начальниковъ по прошенію помѣщика за скошеный зеленый овесъ.

Кутузовъ зачмокалъ губами, и закачалъ головой, выслушавъ это дѣло.

— Въ печку... въ огонь. И разъ навсегда тебѣ говорю, голубчикъ, сказалъ онъ, всѣ эти дѣла въ огонь. Пускай косятъ хлѣба и жгутъ дрова на здоровье. Я этого не приказываю и не позволяю, но и взыскивать не могу. Безъ этаго нельзя. Дрова рубятъ — щепки летятъ. Онъ взглянулъ еще разъ на бумагу. О акуратность нѣмецкая, проговорилъ онъ, качая головой.

XVI.

Ну теперь все, сказалъ Кутузовъ, подписывая послѣднюю бумагу и, тяжело поднявшись и расправляя складки своей бѣлой, пухлой шеи, съ повеселѣвшимъ лицомъ направился къ двери.

Попадья, съ бросившеюся кровью въ лицо, схватилась за блюдо, которое, не смотря на то, что она такъ долго приготовлялась, она все таки не успѣла подать во́-время. И съ низкимъ поклономъ она поднесла его Кутузову.

Глаза Кутузова прищурились; онъ улыбнулся, взялъ рукой ее за подбородокъ и сказалъ:

— И красавица какая! Спасибо, голубушка.

Онъ досталъ изъ кармана шароваръ нѣсколько золотыхъ и положилъ ей на блюдо. «Ну что, какъ живешь?» сказалъ Кутузовъ, направляясь къ отведенной для него комнатѣ. Попадья, улыбаясь ямочками на румяномъ лицѣ, прошла за нимъ въ горницу. Адъютантъ вышелъ къ князю Андрею на крыльцо и приглашалъ его завтракать; черезъ полчаса князя Андрея позвали опять къ Кутузову. Кутузовъ лежалъ на креслѣ въ томъ же растегнутомъ сюртукѣ. Онъ держалъ въ рукѣ французскую книгу и при входѣ князя Андрея, заложивъ ее ножомъ, свернулъ. Это были Les chevaliers du Cygne, сочиненіе madame de Genlis, какъ увидалъ князь Андрей по оберткѣ.

— Ну садись, садись тутъ, поговоримъ, сказалъ Кутузовъ. Грустно, очень грустно. Но помни, дружокъ, что я тебѣ отецъ, другой отецъ.... Князь Андрей разсказалъ Кутузову все, что̀ онъ зналъ о кончинѣ своего отца, и о томъ, что̀ онъ видѣлъ въ Лысыхъ Горахъ, проѣзжая черезъ нихъ.

— До чего... до чего довели! проговорилъ вдругъ Кутузовъ взволнованнымъ голосомъ, очевидно ясно предста-

вивъ себѣ, изъ разсказа князя Андрея, положеніе, въ которомъ находилась Россія.

— Дай срокъ, дай срокъ, прибавилъ онъ съ злобнымъ выраженіемъ лица и, очевидно не желая продолжать этаго волновавшаго его разговора, сказалъ: — Я тебя вызвалъ, чтобы оставить при себѣ.

— Благодарю вашу свѣтлость, отвѣчалъ князь Андрей, но я боюсь, что не гожусь больше для штабовъ, сказалъ онъ съ улыбкой, которую Кутузовъ замѣтилъ. Кутузовъ вопросительно посмотрѣлъ на него.—А главное, прибавилъ князь Андрей, я привыкъ къ полку, полюбилъ офицеровъ, и люди меня, кажется, полюбили. Мнѣ бы жалко было оставить полкъ. Ежели я отказываюсь отъ чести быть при васъ, то повѣрьте....

Умное, доброе и вмѣстѣ съ тѣмъ тонко-насмѣшливое выраженіе свѣтилось на пухломъ лицѣ Кутузова. Онъ перебилъ Болконскаго.

— Жалѣю, ты бы мнѣ нуженъ былъ; но ты правъ, ты правъ. Намъ не сюда люди нужны. Совѣтчиковъ всегда много, а людей нѣтъ. Не такіе бы полки были, еслибы всѣ совѣтчики служили тамъ въ полкахъ, какъ ты. Я тебя съ Аустерлица помню.

— Помню, помню, съ знаменемъ помню, сказалъ Кутузовъ, и радостная краска бросилась въ лицо князя Андрея при этомъ воспоминаніи. Кутузовъ притянулъ его за руку, подставляя ему щеку, и опять князь Андрей на глазахъ старика увидалъ слезы. Хотя князь Андрей и зналъ, что Кутузовъ былъ слабъ на слезы, и что онъ особенно ласкаетъ его и жалѣетъ вслѣдствіе желанія выказать сочувствіе къ его потерѣ, но князю Андрею и радостно и лестно было это воспоминаніе объ Аустерлицѣ.

— Иди съ Богомъ своей дорогой. Я знаю, твоя дорога— это дорога чести. Онъ помолчалъ. Я жалѣлъ объ тебѣ въ Букарештѣ: мнѣ послать надо было. И, перемѣнивъ разго-

воръ, Кутузовъ началъ говорить о Турецкой войнѣ и о заключенномъ мирѣ. — Да, не мало упрекали меня, сказалъ Кутузовъ, и за войну и за миръ.... а все пришло вò-время. Tout vient à point à celui qui sait attendre. А и тамъ совѣтчиковъ не меньше было, чѣмъ здѣсь... продолжалъ онъ, возвращаясь къ совѣтчикамъ, которые видимо занимали его.—Охъ совѣтчики, совѣтчики! сказалъ онъ, если бы всѣхъ слушать, мы бы тамъ въ Турціи и мира не заключили, да и войны бы не кончили. Все поскорѣе, а скорое на долгое выходитъ. Еслибы Каменскій не умеръ, онъ бы пропалъ. Онъ съ тридцатью тысячами штурмовалъ крѣпости. Взять крѣпость не трудно, трудно кампанію выиграть. А для этаго не нужно штурмовать и атаковать, а нужно *терпѣніе и время*. Каменскій на Рущукъ солдатъ послалъ, а я ихъ однихъ (терпѣніе и время) посылалъ и взялъ больше крѣпостей, и лошадиное мясо Турокъ ѣсть заставилъ. Онъ покачалъ головой. И Французы тоже будутъ. Вѣрь моему слову, воодушевляясь проговорилъ Кутузовъ, ударяя себя въ грудь: будутъ у меня лошадиное мясо ѣсть. И опять глаза его залоснились слезами.

— Однако должно же будетъ принять сраженіе? сказалъ князь Андрей.

— Должно будетъ, если всѣ этаго захотятъ, нечего дѣлать.... А вѣрь, голубчикъ. Нѣтъ сильнѣе тѣхъ двухъ воиновъ, *терпѣніе и время:* тѣ все сдѣлаютъ, да совѣтчики n'entendent pas de cette oreille, voilà le mal. Одни хотятъ, другіе не хотятъ. Чтожъ дѣлать? спросилъ онъ, видимо ожидая отвѣта. Да, что ты велишь дѣлать? повторилъ онъ, и глаза его блестѣли глубокимъ, умнымъ выраженіемъ.

— Я тебѣ скажу что дѣлать, проговорилъ онъ, такъ какъ князь Андрей все-таки не отвѣчалъ. Я тебѣ скажу что дѣлать, и что я дѣлаю. Dans le doute, mon cher,—онъ помолчалъ — abstiens toi, выговорилъ онъ съ разстановкой.

— Ну прощай, дружокъ; помни, что я всей душой несу съ тобой твою потерю, и что я тебѣ не свѣтлѣйшій, не князь и не главнокомандующій, а я тебѣ отецъ. Ежели что нужно, прямо ко мнѣ. Прощай, голубчикъ. Онъ опять обнялъ и поцѣловалъ его. И еще князь Андрей не успѣлъ выдти въ дверь, какъ Кутузовъ успокоительно вздохнулъ и взялся опять за неконченный романъ мадамъ Жанлисъ: Les chevaliers du Cygne.

Какъ и отъ чего это случилось, князь Андрей не могъ бы никакъ объяснить; но послѣ этаго свиданія съ Кутузовымъ онъ вернулся къ своему полку успокоенный на счетъ общаго хода дѣлъ и на счетъ того, кому оно ввѣрено было. Чѣмъ больше онъ видѣлъ отсутствіе всего личнаго въ этомъ старикѣ, въ которомъ оставались какъ будто одни привычки страстей и вмѣсто ума (группирующаго событія и дѣлающаго выводы) одна способность спокойнаго созерцанія хода событій, тѣмъ болѣе онъ былъ спокоенъ за то, что все будетъ такъ, какъ должно быть. «У него не будетъ ничего своего. Онъ ничего не придумаетъ, ничего не предприметъ, думалъ князь Андрей, но онъ все выслушаетъ, все запомнитъ, все поставитъ на свое мѣсто, ничему полезному не помѣшаетъ и ничего вреднаго не позволитъ. Онъ понимаетъ, что есть что-то сильнѣе и значительнѣе его воли, — это неизбѣжный ходъ событій, и онъ умѣетъ видѣть ихъ, умѣетъ понимать ихъ значеніе, и въ виду этаго значенія умѣетъ отрекаться отъ участія въ этихъ событіяхъ, отъ своей личной воли, направленной на другое. А главное, думалъ князь Андрей, почему вѣришь ему, это то, что онъ Русскій, несмотря на романъ Жанлисъ и французскія поговорки; это то, что голосъ его задрожалъ, когда онъ сказалъ: «до чего довели!» и, что онъ захлипалъ, говоря о томъ, что онъ «заставитъ ихъ ѣсть лошадиное мясо.» На этомъ же чувствѣ, которое болѣе или менѣе смутно испытывали всѣ, и основано было то единомысліе и

общее одобреніе, которое сопутствовало народному, противному придворнымъ соображеніямъ, избранію Кутузова въ главнокомандующіе.

XVII.

Послѣ отъѣзда Государя изъ Москвы, Московская жизнь потекла прежнимъ обычнымъ порядкомъ, и теченіе этой жизни было такъ обычно, что трудно было вспомнить о бывшихъ дняхъ патріотическаго восторга и увлеченія, и трудно было вѣрить, что дѣйствительно Россія въ опасности и что члены Англійскаго клуба суть вмѣстѣ съ тѣмъ и сыны отечества, готовые для него на всякую жертву. Одно что̀ напоминало о бывшемъ во время пребыванія Государя въ Москвѣ общемъ восторженно-патріотическомъ настроеніи, было требованіе пожертвованій людьми и деньгами, которыя, какъ скоро онѣ были сдѣланы, облеклись въ законную, офиціальную форму и казались неизбѣжны.

Съ приближеніемъ непріятеля къ Москвѣ, взглядъ Москвичей на свое положеніе не только не дѣлался серьезнѣе, но напротивъ еще легкомысленнѣе, какъ это всегда бываетъ съ людьми, которые видятъ приближающуюся большую опасность. При приближеніи опасности, всегда два голоса одинаково сильно говорятъ въ душѣ человѣка: одинъ весьма разумно говоритъ о томъ, чтобы человѣкъ обдумалъ самое свойство опасности и средства для избавленія отъ нея; другой еще разумнѣе говоритъ, что слишкомъ тяжело и мучительно думать объ опасности, тогда какъ предвидѣть все и спастись отъ общаго хода дѣла не во власти человѣка, и потому лучше отвернуться отъ тяжелаго, до тѣхъ поръ, пока оно не наступило, и думать о пріятномъ. Въ одиночествѣ человѣкъ большею частью отдается первому голосу, въ обществѣ напротивъ—второму. Такъ было и теперь съ жителями Москвы. Давно такъ не веселились въ Москвѣ, какъ этотъ годъ.

Ростопчинскія афишки съ изображеніемъ вверху питейнаго дома, цѣловальника и московскаго мѣщанина Карпушки Чигирина, *который, бывъ въ ратникахъ и выпивъ лишній крючокъ на тычкѣ, услыхалъ, будто Бонапартъ хочетъ идти на Москву, разсердился, разругалъ скверными словами всѣхъ Французовъ, вышелъ изъ питейнаго дома и заговорилъ подъ орломъ собравшемуся народу*, читались и обсуживались наравнѣ съ послѣднимъ буриме Василія Львовича Пушкина.

Въ клубѣ, въ угловой комнатѣ, собирались читать эти афиши, и нѣкоторымъ нравилось, какъ Карпушка подтрунивалъ надъ Французами, говоря, что они *отъ капусты раздуются, отъ каши перелопаются, отъ щей задохнутся, что они все карлики, и что ихъ троихъ одна баба вилами закинетъ*. Нѣкоторые не одобряли этого тона и говорили, что это пошло и глупо. Разсказывали о томъ, что Французовъ и даже всѣхъ иностранцевъ Ростопчинъ выслалъ изъ Москвы, что между ними шпіоны и агенты Наполеона; но разсказывали это преимущественно для того, чтобы при этомъ случаѣ передать остроумныя слова, сказанныя Ростопчинымъ при ихъ отправленіи. Иностранцевъ отправляли на баркѣ въ Нижній, и Ростопчинъ сказалъ имъ: «Rentrez en vous même, entrez dans la barque et n 'en faites pas une barque de Charron. Разсказывали, что уже выслали изъ Москвы всѣ присутственныя мѣста и тутъ же прибавляли шутку Шишкина, что за это одно Москва должна быть благодарна Наполеону. Разсказывали, что Мамонову его полкъ будетъ стоить 800 тысячъ, что Безухій еще больше затратилъ на своихъ ратниковъ, но что лучше всего въ поступкѣ Безухова это то, что онъ самъ одѣнется въ мундиръ и поѣдетъ верхомъ передъ полкомъ, и ничего не будетъ брать за мѣста съ тѣхъ, которые будутъ смотрѣть на него.

— Вы никому не дѣлаете милости, сказала Жюли Друбецкая, собирая и прижимая кучку нащипанной корпіи тонкими пальцами, покрытыми кольцами.

Жюли собиралась на другой день уѣзжать изъ Москвы и дѣлала прощальный вечеръ.

— Безуховъ est ridicule, но онъ такъ добръ, такъ милъ. Что за удовольствіе быть такъ caustique?

— Штрафъ! сказалъ молодой человѣкъ въ ополченскомъ мундирѣ, котораго Жюли называла: «mon chevalier,» и который съ нею вмѣстѣ ѣхалъ въ Нижній.

Въ обществѣ Жюли, какъ и во многихъ обществахъ Москвы, было положено говорить только по русски, и тѣ, которые ошибались, говоря французскія слова, платили штрафъ въ пользу комитета пожертвованій.

— Другой штрафъ за галлицизмъ, сказалъ русскій писатель, бывшій въ гостиной. — «Удовольствіе быть» не по русски.

— Вы никому не дѣлаете милости, продолжала Жюли къ ополченцу, не обращая вниманія на замѣчаніе сочинителя.

— За caustique виновата, сказала она, и плачу, но за удовольствіе сказать вамъ правду я готова еще заплатить; за галлицизмы не отвѣчаю, обратилась она къ сочинителю: у меня нѣтъ ни денегъ ни времени, какъ у князя Голицына, взять учителя и учиться по русски.

— А, вотъ и онъ, сказала Жюли. Quand on... Нѣтъ, нѣтъ, обратилась она къ ополченцу, не поймаете. Когда говорятъ про солнце — видятъ его лучи, сказала хозяйка, любезно улыбаясь Пьеру. Мы только говорили о васъ, съ свойственной свѣтскимъ женщинамъ свободой лжи, сказала Жюли.—Мы говорили, что вашъ полкъ вѣрно будетъ лучше Мамоновскаго.

— Ахъ, не говорите мнѣ про мой полкъ, отвѣчалъ Пьеръ, цѣлуя руку хозяйки и садясь подлѣ нея. Онъ мнѣ такъ надоѣлъ!

— Вы вѣдь вѣрно сами будете командовать имъ? сказала Жюли, хитро и насмѣшливо переглянувшись съ ополченцемъ.

Ополченецъ въ присутствіи Пьера не былъ уже такъ caustique, и въ лицѣ его выразилось недоумѣнье къ тому, что означала улыбка Жюли. Несмотря на свою разсѣянность и добродушіе, личность Пьера прекращала тотчасъ же всякія попытки на насмѣшку въ его присутствіи.

— Нѣтъ, смѣясь отвѣчалъ Пьеръ, оглядывая свое большое, толстое тѣло. Въ меня слишкомъ легко попасть Французамъ, да и я боюсь, что не влѣзу на лошадь.

Въ числѣ перебираемыхъ лицъ для предмета разговора, общество Жюли попало на Ростовыхъ.

— Очень, говорятъ, плохи дѣла ихъ, сказала Жюли. И онъ такъ безтолковъ — самъ графъ. Разумовскіе хотѣли купить его домъ и подмосковную, и все это тянется. Онъ дорожится.

— Нѣтъ, кажется на дняхъ состоится продажа, сказалъ кто-то. — Хотя теперь и безумно покупать что нибудь въ Москвѣ.

— Отчего? сказала Жюли. — Неужели вы думаете, что есть опасность для Москвы.

— Отчего же вы ѣдете?

— Я?. Вотъ странно. Я ѣду, потому, ну потому, что всѣ ѣдутъ, и потомъ я не Іоанна д'Аркъ и не Амазонка.

— Ну, да, да, дайте мнѣ еще тряпочекъ.

— Ежели онъ съумѣетъ повести дѣла, онъ можетъ заплатить всѣ долги, продолжалъ ополченецъ про Ростова.

— Добрый старикъ, но очень pauvre sire. И за чѣмъ они живутъ тутъ такъ долго? Они давно хотѣли ѣхать въ деревню. Натали, кажется здорова, теперь? хитро улыбаясь спросила Жюли у Пьера.

— Они ждутъ меньшаго сына, сказалъ Пьеръ. Онъ поступилъ въ казаки Оболенскаго и поѣхалъ въ Бѣлую Цер-

ковъ. Тамъ формируется полкъ. А теперь они перевели его въ мой полкъ и ждутъ каждый день. Графъ давно хотѣлъ ѣхать, но графиня ни за что не согласна выѣхать изъ Москвы, пока не пріѣдетъ сынъ.

— Я ихъ третьяго дня видѣла у Архаровыхъ. Натали опять похорошѣла и повеселѣла. Она пѣла одинъ романсъ. Какъ все легко проходитъ у нѣкоторыхъ людей!

— Что проходитъ? недовольно спросилъ Пьеръ.— Жюли улыбнулась.

— Вы знаете, графъ, что такіе рыцари, какъ вы, бываютъ только въ романахъ Madame Suza.

— Какой рыцарь? Отчего? краснѣя спросилъ Пьеръ.

— Ну, полноте, милый, графъ, c'est la fable de tout Moscou. Je vous admire, ma parole d'honneur.

— Штрафъ! Штрафъ! сказалъ ополченецъ.

— Ну, хорошо. Нельзя говорить, какъ скучно!

— Qu'est ce qui est la fable de tout Moscou? вставая сказалъ сердито Пьеръ.

— Полноте графъ. Вы знаете!

— Ничего не знаю, сказалъ Пьеръ.

— Я знаю, что вы дружны были съ Натали, и потому.... Нѣтъ, я всегда дружнѣе съ Вѣрой. Cette chère Véra.

— Non, madame, продолжалъ Пьеръ недовольнымъ тономъ. Я вовсе не взялъ на себя роль рыцаря Ростовой, и я уже почти мѣсяцъ не былъ у нихъ. Но я не понимаю жестокость....

— Qui s'excuse — s'accuse, улыбаясь и махая корпіей, говорила Жюли, и, чтобъ за ней осталось послѣднее слово, сейчасъ же перемѣнила разговоръ.—Каково, я нынче узнала: бѣдная Мари Болконская пріѣхала вчера въ Москву. Вы слышали, она потеряла отца.

— Неужели! Гдѣ она? Я бы очень желалъ увидать ее, сказалъ Пьеръ.

— Я вчера провела съ ней вечеръ. Она нынче или завтра утромъ ѣдетъ въ подмосковную съ племянникомъ.

— Ну что она, какъ? сказалъ Пьеръ.

— Ничего, грустна. Но знаете, кто ее спасъ? Это цѣлый романъ. Nicolas Ростовъ. Ее окружили, хотѣли убить, ранили ея людей. Онъ бросился и спасъ ее....

— Еще романъ, сказалъ ополченецъ.—Рѣшительно, это общее бѣгство сдѣлано, чтобы всѣ старыя невѣсты шли замужъ. Catiche одна, княжна Болконская другая.

— Вы знаете, что я въ самомъ дѣлѣ думаю, что она un petit peu amoureuse du jeune homme.

— Штрафъ! Штрафъ! Штрафъ!

— Но какже это по русски сказать?...

XVIII.

Когда Пьеръ вернулся домой, ему подали двѣ принесенныя въ этотъ день афиши Ростопчина.

Въ первой говорилось о томъ, что слухъ, будто графомъ Ростопчинымъ запрещенъ выѣздъ изъ Москвы—несправедливъ, и что напротивъ графъ Ростопчинъ радъ, что изъ Москвы уѣзжаютъ барыни и купеческія жены. «Меньше страху, меньше новостей», говорилось въ афишѣ, «но я жизнью отвѣчаю, что злодѣй въ Москвѣ не будетъ». Эти слова въ первый разъ ясно показали Пьеру, что Французы будутъ въ Москвѣ. Во второй афишѣ говорилось, что главная квартира наша въ Вязьмѣ, что графъ Витгенштейнъ побѣдилъ Французовъ, но что такъ какъ многіе жители желаютъ вооружиться, то для нихъ есть приготовленное въ арсеналѣ оружіе: сабли, пистолеты, ружья, которые жители могутъ получать по дешевой цѣнѣ. Тонъ афишъ былъ уже не такой шутливый, какъ въ прежнихъ Чигиринскихъ разговорахъ. Пьеръ задумался надъ этими афишами. Очевидно, та страшная, грозовая туча, которую онъ призывалъ

всѣми силами своей души, и которая вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждала въ немъ невольный ужасъ, очевидно туча эта приближалась.

«Поступить въ военную службу и ѣхать въ армію, или дождаться?» въ сотый разъ задавалъ себѣ Пьеръ этотъ вопросъ. Онъ взялъ колоду картъ, лежавшихъ у него на столѣ и сталъ дѣлать пасьянсъ.

— Ежели выйдетъ этотъ пасьянсъ, говорилъ онъ самъ себѣ, смѣшавъ колоду, держа ее въ рукѣ и глядя вверхъ,— ежели выйдетъ, то значитъ.... что̀ значитъ?... Онъ не успѣлъ рѣшить, что̀ значитъ, какъ за дверью кабинета послышался голосъ старшей княжны, спрашивающей, можно-ли войти.

— Тогда будетъ значить, что я долженъ ѣхать въ армію, договорилъ себѣ Пьеръ. — Войдите, войдите, прибавилъ онъ, обращаясь къ княжнѣ.

(Одна старшая княжна, съ длинной таліей и окаменѣлымъ лицомъ, продолжала жить въ домѣ Пьера; двѣ меньшія вышли замужъ).

— Простите, mon cousin, что я пришла къ вамъ, сказала она укоризненно-взволнованнымъ голосомъ.—Вѣдь надо наконецъ на что нибудь рѣшиться. Чтожъ это будетъ такое? Всѣ выѣхали изъ Москвы, и народъ бунтуетъ. Чтожъ, мы остаемся?

— Напротивъ, все кажется благополучно, ma cousine, сказалъ Пьеръ съ той привычкой шутливости, которую Пьеръ, всегда конфузно переносившій свою роль благодѣтеля передъ княжною, усвоилъ себѣ въ отношеніи къ ней.

— Да, это благополучно... хорошо благополучіе! Мнѣ нынче Варвара Ивановна поразсказала, какъ войска наши отличаются. Ужъ точно можно чести приписать. Да и народъ совсѣмъ взбунтовался, слушать перестаютъ; дѣвка моя, и та грубить стала. Этакъ скоро и насъ бить станутъ.

По улицамъ ходить нельзя. А главное, нынче-завтра Французы будутъ, чтожъ намъ ждать! Я объ одномъ прошу, mon cousin, сказала княжна, — прикажите свезти меня въ Петербургъ: какая я ни есть, а я подъ Бонапартовской властью жить не могу.

— Да полноте, ma cousine, откуда вы почерпаете ваши свѣдѣнія? Напротивъ....

— Я вашему Наполеону не покорюсь. Другіе какъ хотятъ... Ежели вы не хотите этого сдѣлать...

— Да я сдѣлаю, я сейчасъ прикажу.

Княжнѣ видимо досадно было, что не на кого было сердиться. Она что-то шепча присѣла на стулъ.

— Но вамъ это неправильно доносятъ, сказалъ Пьеръ. Въ городѣ все тихо, и опасности никакой нѣтъ. Вотъ я сейчасъ читалъ... Пьеръ показалъ княжнѣ афишки.—Графъ пишетъ, что онъ жизнью отвѣчаетъ, что непріятель не будетъ въ Москвѣ.

— Ахъ, этотъ вашъ графъ, съ злобой заговорила княжна, — это лицемѣръ, злодѣй, который самъ настроилъ народъ бунтовать. Развѣ не онъ писалъ въ этихъ дурацкихъ афишахъ, что какой бы тамъ ни былъ, тащи его за хохолъ на съѣзжую (и какъ глупо!) Кто возьметъ, говоритъ, тому и честь и слава. Вотъ и долюбезничался. Варвара Ивановна говорила, что чуть не убилъ народъ ее за то, что она по французски заговорила....

— Да вѣдь это такъ... Вы все къ сердцу очень принимаете, сказалъ Пьеръ, и сталъ раскладывать пасьянсъ.

Несмотря на то, что пасьянсъ сошелся, Пьеръ не поѣхалъ въ армію, а остался въ опустѣвшей Москвѣ все въ той же тревогѣ, нерѣшимости, въ страхѣ и вмѣстѣ въ радости ожидая чего-то ужаснаго.

На другой день княжна къ вечеру уѣхала, и къ Пьеру пріѣхалъ его главноуправляющій съ извѣстіемъ, что тре-

буемыхъ имъ денегъ для обмундированія полка нельзя достать, ежели не продать одно имѣніе. Главноуправляющій вообще представлялъ Пьеру, что всѣ эти затѣи полка должны были разорить его. Пьеръ съ трудомъ скрывалъ улыбку, слушая слова управляющаго.

— Ну, продайте, говорилъ онъ. — Чтожъ дѣлать, я не могу отказаться теперь!

Чѣмъ хуже было положеніе всякихъ дѣлъ, и въ особенности его дѣлъ, тѣмъ Пьеру было пріятнѣе, тѣмъ очевиднѣе было, что катастрофа, которой онъ ждалъ, приближается. Уже никого почти изъ знакомыхъ Пьера не было въ городѣ. Жюли уѣхала, княжна Марья уѣхала. Изъ близкихъ знакомыхъ одни Ростовы оставались; но къ нимъ Пьеръ не ѣздилъ.

Въ этотъ день Пьеръ, для того чтобъ развлечься, поѣхалъ въ село Воронцово смотрѣть большой воздушный шаръ, который строился Лепихомъ для погибели врага, и пробный шаръ, который долженъ былъ быть пущенъ завтра. Шаръ этотъ былъ еще не готовъ; но, какъ узналъ Пьеръ, онъ строился по желанію Государя. Государь писалъ графу Ростопчину объ этомъ шарѣ слѣдующее:

«Aussitôt que Leppich sera prêt, composez lui un équi-«page pour sa nacelle d'hommes sûrs et intelligents et dé-«pêchez un courrier au général Koutousoff pour l'en préve-«nir. Je l'ai instruit de la chose.»

«Recommandez, je vous prie, à Leppich d'être bien attentif «sur l'endroit où il descendra la première fois, pour ne pas «se tromper et ne pas tomber dans les mains de l'ennemi. «Il est indispensable qu'il combine ses mouvements avec le «général-en-chef.» [1])

---

[1]) «Только что Леппихъ будетъ готовъ, составьте экипажъ для «его лодки, изъ вѣрныхъ и умныхъ людей, и пошлите курьера къ ке-

Возвращаясь домой изъ Воронцова и проѣзжая по болотной площади, Пьеръ увидалъ толпу у Лобнаго Мѣста, остановился и слѣзъ съ дрожекъ. Это была экзекуція французскаго повара, обвиненнаго въ шпіонствѣ. Экзекуція только что кончилась, и палачъ отвязывалъ отъ кобылы жалостно стонавшаго толстаго человѣка съ рыжими бакенбардами, въ синихъ чулкахъ и зеленомъ камзолѣ. Другой преступникъ, худенькій и блѣдный, стоялъ тутъ же. Оба, судя по лицамъ, были Французы. Съ испуганно-болѣзненнымъ видомъ, подобнымъ тому, который имѣлъ худой Французъ, Пьеръ протолкался сквозь толпу.

— Что это? Кто? За что? спрашивалъ онъ. Но вниманье толпы,—чиновниковъ, мѣщанъ, купцовъ, мужиковъ, женщинъ въ салопахъ и шубкахъ,—такъ было жадно сосредоточено на то, что̀ происходило на Лобномъ Мѣстѣ, что никто не отвѣчалъ ему. Толстый человѣкъ поднялся, нахмурившись пожалъ плечами, и очевидно желая выразить твердость, сталъ, не глядя вокругъ себя, надѣвать камзолъ; но вдругъ губы его задрожали, и онъ заплакалъ, самъ сердясь на себя, какъ плачутъ взрослые сангвиническіе люди. Толпа громко заговорила, какъ показалось Пьеру для того, чтобы заглушить въ самой себѣ чувство жалости.

— Поваръ чей-то княжескій...

— Что, мусью, видно русскій соусъ киселъ Французу пришелся... оскомину набилъ, сказалъ сморщенный приказный, стоявшій подлѣ Пьера, въ то время какъ Французъ заплакалъ. Приказный оглянулся вокругъ себя, видимо ожидая оцѣнки своей шутки. Нѣкоторые засмѣялись, нѣкото-

---

«нералу Кутузову, чтобы предупредить его. Я сообщилъ ему объ «этомъ. Внушите, пожалуста, Леппиху, чтобы онъ обратилъ хоро«шенько вниманіе на то мѣсто, гдѣ онъ спустится въ первый разъ, «чтобы не ошибиться и не попасть въ руки врага. Необходимо, что«бы онъ соображалъ свои движенія съ движеніями главнокомандую«щаго».

рые испуганно продолжали смотрѣть на палача, который раздѣвалъ другаго.

Пьеръ засопѣлъ носомъ, сморщился и быстро повернувшись пошелъ назадъ къ дрожкамъ, не переставая что-то бормотать про себя въ то время, какъ онъ шелъ и садился. Впродолженіе дороги онъ нѣсколько разъ вздрагивалъ и вскрикивалъ такъ громко, что кучеръ спрашивалъ его:

— Что прикажете?

— Куда жъ ты ѣдешь? крикнулъ Пьеръ на кучера, выѣзжавшаго на Лубянку.

— Къ главнокомандующему приказали, отвѣчалъ кучеръ.

— Дуракъ! скотина! закричалъ Пьеръ, что рѣдко съ нимъ случалось, ругая своего кучера. — Домой я велѣлъ; и скорѣе ступай, болванъ. Еще нынче надо выѣхать, про себя проговорилъ Пьеръ.

Пьеръ, при видѣ наказаннаго Француза и толпы, окружавшей Лобное Мѣсто, такъ окончательно рѣшилъ, что не можетъ долѣе оставаться въ Москвѣ и ѣдетъ нынче же въ армію, что ему казалось, что онъ или сказалъ объ этомъ кучеру, или что кучеръ самъ долженъ былъ знать это.

Пріѣхавъ домой, Пьеръ отдалъ приказаніе своему всезнающему, все умѣющему, извѣстному всей Москвѣ, кучеру Евстафьевичу о томъ, что онъ въ ночь ѣдетъ въ Можайскъ къ войску, и чтобы туда были высланы его верховыя лошади. Все это не могло быть сдѣлано въ тотъ же день, и потому, по представленію Евстафьевича, Пьеръ долженъ былъ отложить свой отъѣздъ до другаго дня, съ тѣмъ, чтобы дать время подставамъ выѣхать на дорогу.

24-го числа прояснѣло послѣ дурной погоды, и въ этотъ день послѣ обѣда Пьеръ выѣхалъ изъ Москвы. Ночью, перемѣня лошадей въ Перхушковѣ, Пьеръ узналъ, что въ этотъ вечеръ было большое сраженіе. Разсказывали, что здѣсь, въ Перхушковѣ земля дрожала отъ выстрѣловъ. На вопросы Пьера о томъ, кто побѣдилъ, никто не могъ дать ему от-

вѣта. (Это было сраженіе 24-го числа при Шевардинѣ). На разсвѣтѣ Пьеръ подъѣзжалъ къ Можайску.

Всѣ дома Можайска были заняты постоемъ войскъ, и на постояломъ дворѣ, на которомъ Пьера встрѣтили его берейторъ и кучеръ, въ горницахъ не было мѣста: все было полно офицерами.

Въ Можайскѣ и за Можайскомъ вездѣ стояли и шли войска. Казаки, пѣшіе, конные солдаты, фуры, ящики, пушки виднѣлись со всѣхъ сторонъ. Пьеръ торопился скорѣе ѣхать впередъ, и чѣмъ дальше онъ отъѣзжалъ отъ Москвы, и чѣмъ глубже погружался въ это море войскъ, тѣмъ больше имъ овладѣвала тревога безпокойства и неиспытанное еще имъ новое радостное чувство. Это было чувство подобное тому, которое онъ испытывалъ и въ Слободскомъ дворцѣ во время пріѣзда Государя, чувство необходимости предпринять что-то и пожертвовать чѣмъ-то. Онъ испытывалъ теперь пріятное чувство сознанія того, что все то, что составляетъ счастье людей, удобства жизни, богатство, даже самая жизнь, есть вздоръ, который пріятно откинуть въ сравненіи съ чѣмъ-то.... Съ чѣмъ, Пьеръ не могъ себѣ дать отчета, да и не старался уяснить себѣ, для кого и для чего онъ находитъ особенную прелесть пожертвовать всѣмъ. Его не занимало то, для чего онъ хочетъ жертвовать, но самое жертвованіе составляло для него новое радостное чувство.

XIX.

24-го было сраженіе при Шевардинскомъ редутѣ, 25-го не было пущено ни однаго выстрѣла ни съ той, ни съ другой стороны, 26-го произошло Бородинское сраженіе.

Для чего и какъ были даны и приняты сраженія при Шевардинѣ и при Бородинѣ? Для чего было дано Бородинское сраженіе? Ни для Французовъ, ни для Русскихъ оно ни имѣло ни малѣйшаго смысла. Результатомъ ближайшимъ

было и должно было быть, для Русскихъ то, что мы приблизились къ погибели Москвы (чего мы боялись больше всего въ мірѣ), а для Французовъ то, что они приблизились къ погибели всей арміи (чего они тоже боялись больше всего въ мірѣ). Результатъ этотъ былъ тогда же совершенно очевиденъ, а между тѣмъ Наполеонъ далъ, а Кутузовъ принялъ это сраженіе.

Ежели бы полководцы руководились разумными причинами, казалось, какъ ясно должно было быть для Наполеона, что, зайдя за двѣ тысячи верстъ и принимая сраженіе съ вѣроятной случайностью потери $^1/_3$ арміи, онъ шелъ на вѣрную погибель; и столь же ясно бы должно было казаться Кутузову, что, принимая сраженіе и тоже рискуя потерять четверть арміи, онъ навѣрное теряетъ Москву. Для Кутузова это было математически ясно, какъ ясно то, что ежели въ шашкахъ у меня меньше одной шашкой и я буду мѣняться, я навѣрное проиграю, и потому не долженъ мѣняться.

Когда у противника 16 шашекъ, а у меня 14, то я только на одну восьмую слабѣе его; а когда я промѣняюсь 13-ю шашками, то онъ будетъ втрое сильнѣе меня.

До Бородинскаго сраженія наши силы приблизительно относились къ французскимъ какъ пять къ шести, а послѣ сраженія какъ одинъ къ двумъ, то-есть до сраженія 100 тысячъ къ 120-ти, а послѣ сраженія 50 къ 100. А вмѣстѣ съ тѣмъ умный и опытный Кутузовъ принялъ сраженіе. Наполеонъ же, геніальный полководецъ, какъ его называютъ, далъ сраженіе, теряя четверть арміи и еще болѣе растягивая свою линію. Ежели скажутъ, что, занявъ Москву, онъ думалъ какъ занятіемъ Вѣны кончить кампанію, то противъ этаго есть много доказательствъ. Сами историки Наполеона разсказываютъ, что еще отъ Смоленска онъ хотѣлъ остановиться, зналъ опасность своего растянутаго положенія, и зналъ, что занятіе Москвы не будетъ концемъ

кампаніи, потому что отъ Смоленска онъ видѣлъ, въ какомъ положеніи оставлялись ему Русскіе города, и не получалъ ни одного отвѣта на свои неоднократныя заявленія о желаніи вести переговоры.

Давая и принимая Бородинское сраженіе, Кутузовъ и Наполеонъ поступили непроизвольно и безсмысленно. А историки подъ совершившіеся факты уже потомъ подвели хитро-сплетенныя доказательства, предвидѣнія и геніальности полководцевъ, которые изъ всѣхъ непроизвольныхъ орудій міровыхъ событій были самыми рабскими и непроизвольными дѣятелями.

Древніе оставили намъ образцы героическихъ поэмъ, въ которыхъ герои составляютъ весь интересъ исторіи, и мы все еще не можемъ привыкнуть къ тому, что для нашего человѣческаго времени исторія такого рода не имѣетъ смысла.

На другой вопросъ: какъ даны были Бородинское и предшествующее ему Шевардинское сраженія? существуетъ точно также весьма опредѣленное и всѣмъ извѣстное, совершенно ложное представленіе. Всѣ историки описываютъ дѣло слѣдующимъ образомъ:

Русская армія, будто бы, въ отступленіи своемъ отъ Смоленска, отъискивала себѣ наилучшую позицію для генеральнаго сраженія, и таковая позиція была найдена будто бы у Бородина.

Русскіе будто бы укрѣпили впередъ эту позицію, влѣво отъ дороги (изъ Москвы въ Смоленскъ), подъ прямымъ почти угломъ къ ней, отъ Бородина къ Утицѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ произошло сраженіе.

Впереди этой позиціи будто бы былъ выставленъ для наблюденія за непріятелемъ укрѣпленный передовой постъ на Шевардинскомъ курганѣ. 24-го, будто бы, Наполеонъ атаковалъ передовой постъ и взялъ его: 26-го же атаковалъ всю русскую армію, стоявшую на позиціи на Бородинскомъ полѣ.

Такъ говорится въ исторіяхъ, и все это совершенно несправедливо, въ чемъ легко убѣдится всякій, кто захочетъ вникнуть въ сущность дѣла.

Русскіе не отъискивали лучшей позиціи; а напротивъ въ отступленіи своемъ прошли много позицій, которыя были лучше Бородинской. Они не остановились ни на одной изъ этихъ позицій; и потому что Кутузовъ не хотѣлъ принять позицію избранную не имъ, и потому что требованье народнаго сраженія еще не достаточно сильно высказалось, и потому что не подошелъ еще Милорадовичъ съ ополченіемъ, и еще по другимъ причинамъ, которыя неисчислимы. Фактъ тотъ,—что прежнія позиціи были сильнѣе, и что Бородинская позиція (та, на которой дано сраженіе) не только не сильна, но вовсе не есть почему нибудь позиція болѣе чѣмъ всякое другое мѣсто въ Россійской имперіи, на которое, гадая, указать бы булавкой на картѣ.

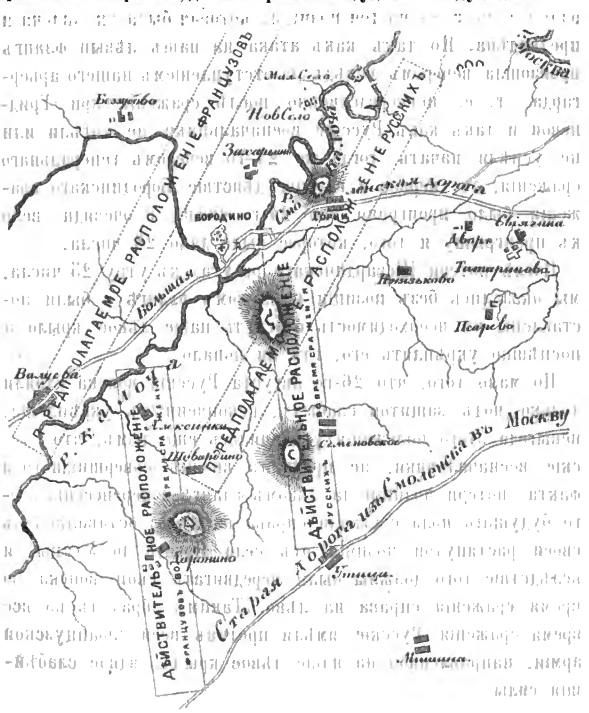
Русскіе нетолько не укрѣпляли позицію Бородинскаго поля влѣво подъ прямымъ угломъ отъ дороги (то есть, мѣсто, на которомъ произошло сраженіе) но и никогда до 25-го августа 1812 года не думали о томъ, чтобы сраженіе могло произойти на этомъ мѣстѣ. Этому служитъ доказательствомъ вопервыхъ то, что нетолько 25-го не были на этомъ мѣстѣ укрѣпленія, но что, начатыя 25-го числа, и 26-го они не были кончены; вовторыхъ положеніе Шевардинскаго редута: Шевардинскій редутъ, впереди той позиціи, на которой принято сраженіе, не имѣетъ никакого смысла. Для чего былъ сильнѣе всѣхъ другихъ пунктовъ укрѣпленъ этотъ редутъ? И для чего, защищая его 24-го числа до поздней ночи, были истощены всѣ усилія и потеряно шесть тысячъ человѣкъ? Для наблюденія за непріятелемъ достаточно было казачьяго разъѣзда. Въ третьихъ, доказательствомъ того, что позиція, на которой произошло сраженіе, не была предвидѣна, и что Шевардинскій редутъ не былъ передовымъ пунктомъ этой позиціи, служитъ то, что Барклай-де-Толли

и Багратіонъ, до 25-го числа, находились въ убѣжденіи, что Шевардинскій редутъ есть *лѣвый* флангъ позиціи, и что самъ Кутузовъ въ донесеніи своемъ, писанномъ съ горяча послѣ сраженія, называетъ Шевардинскій редутъ *лѣвымъ* флангомъ позиціи. Уже гораздо послѣ, когда писались на просторѣ донесенія о Бородинскомъ сраженіи, было (вѣроятно для оправданія ошибокъ главнокомандующаго, имѣющаго быть непогрѣшимымъ) выдумано то несправедливое и странное показаніе, будто Шевардинскій редутъ служилъ *передовымъ* постомъ (тогда какъ это былъ только укрѣпленный пунктъ лѣваго фланга), и будто Бородинское сраженіе было принято нами на укрѣпленной и впередъ избранной позиціи, тогда какъ оно произошло на совершенно-неожиданномъ и почти неукрѣпленномъ мѣстѣ.

Дѣло же очевидно было такъ: позиція была избрана по рѣкѣ Колочѣ, пересѣкающей большую дорогу не подъ прямымъ, а подъ острымъ угломъ, такъ что лѣвый флангъ былъ въ Шевардинѣ, правый около селенія Новаго и центръ въ Бородинѣ, при сліяніи рѣкъ Колочи и Воицы. Позиція эта, подъ прикрытіемъ рѣки Колочи, для арміи, имѣющей цѣлью остановить непріятеля, движущагося по Смоленской дорогѣ къ Москвѣ, очевидна для всякаго, кто посмотритъ на Бородинское поле, забывъ о томъ, какъ произошло сраженіе.

Наполеонъ, выѣхавъ 24-го къ Валуеву, не увидалъ (какъ говорится въ исторіяхъ) позицію Русскихъ отъ Утицы къ Бородину (онъ не могъ увидать эту позицію, потому что ея не было), и не увидалъ передовой постъ Русской арміи, а натакнулся въ преслѣдованіи Русскаго арьергарда на лѣвый флангъ позиціи Русскихъ, на Шевардинской редутъ, и неожиданно для Русскихъ перевелъ войска черезъ Колочу. И Русскіе, не успѣвъ вступить въ генеральное сраженіе, отступили своимъ лѣвымъ крыломъ изъ позиціи, которую они намѣревались занять и заняли новую позицію,

которая была не предвидѣна и не укрѣплена. Перейди на лѣвую сторону Колочи, влѣво отъ дороги, Наполеонъ передвинулъ все будущее сраженіе съ права на лѣво (со стороны Русскихъ), и перенесъ его въ поле между Утицей, Семеновскимъ и Бородинымъ (въ это поле, не имѣющее въ себѣ ничего болѣе выгоднаго для позиціи, чѣмъ всякое другое поле въ Россіи) и на этомъ полѣ произошло все сраженіе 26 числа. Въ грубой формѣ планъ предполагаемаго сраженія и происшедшаго сраженія будетъ слѣдующій:



Ежели бы Наполеонъ не выѣхалъ вечеромъ 24-го числа на Колочу, и не велѣлъ бы тотчасъ же вечеромъ атаковать редутъ, а началъ бы атаку на другой день утромъ, то никто бы не усумнился въ томъ, что Шевардинскій редутъ былъ лѣвый флангъ нашей позиціи; и сраженіе произошло бы такъ, какъ мы его ожидали. Въ такомъ случаѣ, мы вѣроятно еще упорнѣе бы защищали Шевардинскій редутъ, нашъ лѣвый флангъ; атаковали бы Наполеона въ центрѣ или справа, и 24-го произошло бы генеральное сраженіе на той позиціи, которая была укрѣплена и предвидѣна. Но такъ какъ атака на нашъ лѣвый флангъ произошла вечеромъ вслѣдъ за отступленіемъ нашего арьергарда, т. е. непосредственно послѣ сраженія при Гридневой и такъ какъ Русскіе военачальники не хотѣли или не успѣли начать тогда же 24-го вечеромъ генеральнаго сраженія, то, первое и главное дѣйствіе Бородинскаго сраженія было проиграно еще 24-го числа, и очевидно вело къ проигрышу и того, которое было дано 26 числа.

Послѣ потери Шевардинскаго редута, къ утру 25 числа, мы оказались безъ позиціи на лѣвомъ флангѣ и были поставлены въ необходимость отогнуть наше лѣвое крыло и поспѣшно укрѣплять его, гдѣ ни попало.

Но мало того, что 26-го августа Русскія войска стояли только подъ защитой слабыхъ, неконченныхъ укрѣпленій, невыгода этого положенія увеличилась еще тѣмъ, что Русскіе военачальники, не признавъ вполнѣ совершившагося факта (потери позиціи на лѣвомъ флангѣ и перенесенія всего будущаго поля сраженія справа на лѣво) оставались въ своей растянутой позиціи отъ села Новаго до Утицы, и вслѣдствіе того должны были передвигать свои войска во время сраженія справа на лѣво. Такимъ образомъ во все время сраженія Русскіе имѣли противъ всей Французской арміи, направленной на наше лѣвое крыло, вдвое слабѣйшія силы.

(Дѣйствія Понятовскаго противъ Утицы и Уварова на правомъ флангѣ Французовъ составляли отдѣльныя отъ хода сраженія дѣйствія). И такъ Бородинское сраженіе произошло совсѣмъ не такъ, какъ (стараясь скрыть ошибки нашихъ военачальниковъ и вслѣдствіе того умаляя славу Русскаго войска и народа) описываютъ его. Бородинское сраженіе не произошло на избранной и укрѣпленной позиціи съ нѣсколько только слабѣйшими со стороны Русскихъ силами, а Бородинское сраженіе, вслѣдствіе потери Шевардинскаго редута, принято было Русскими на открытой, почти не укрѣпленной мѣстности съ вдвое слабѣйшими силами противъ Французовъ, т. е. въ такихъ условіяхъ, въ которыхъ нетолько немыслимо было драться десять часовъ и сдѣлать сраженіе нерѣшительнымъ, но немыслимо было удержать впродолженіи трехъ часовъ армію отъ совершеннаго разгрома и бѣгства.

XX.

25 утромъ Пьеръ выѣзжалъ изъ Можайска. На спускѣ съ огромной крутой и кривой горы, ведущей изъ города, мимо стоящаго на горѣ на право собора, въ которомъ шла служба и благовѣстили, Пьеръ вылѣзъ изъ экипажа и пошелъ пѣшкомъ. За нимъ спускался на горѣ какой-то конный полкъ съ пѣсельниками впереди. На встрѣчу ему поднимался поѣздъ телѣгъ съ ранеными во вчерашнемъ дѣлѣ. Возчики-мужики, крича на лошадей и хлеща ихъ кнутами, перебѣгали съ одной стороны на другую. Тѣлеги, на которыхъ лежали и сидѣли по три и по четыре солдата раненыхъ, прыгали по набросаннымъ въ видѣ мостовой камнямъ на крутомъ подъемѣ. Раненные, обвязанные тряпками, блѣдные, съ поджатыми губами и нахмуренными бровями, держась за грядки, прыгали и толкались въ телѣгахъ. Всѣ почти съ наивнымъ дѣт-

скимъ любопытствомъ смотрѣли на бѣлую шляпу и зеленый фракъ Пьера.

Кучеръ Пьера сердито кричалъ на обозъ раненныхъ, чтобы они держали къ одной. Кавалерійскій полкъ съ пѣснями, спускаясь съ горы, надвинулся на дрожки Пьера и стѣснилъ дорогу. Пьеръ остановился, прижавшись къ краю скопанной въ горѣ дороги. Изъ-за откоса горы солнце не доставало въ углубленіе дороги, тутъ было холодно, сыро; надъ головой Пьера было яркое августовское утро, и весело разносился трезвонъ. Одна подвода съ ранеными остановилась у края дороги подлѣ самаго Пьера. Возчикъ въ лаптяхъ, запыхавшись, подбѣжалъ къ своей телѣгѣ, подсунулъ камень подъ заднія, не шиненныя колеса и сталъ оправлять шлею на своей ставшей лошаденкѣ.

Одинъ раненный, старый солдатъ съ подвязанной рукой, шедшій за телѣгой, взялся за нее здоровой рукой и оглянулся на Пьера.

— Чтожъ, землячекъ, тутъ положатъ насъ чтоль? Али до Москвы? сказалъ онъ.

Пьеръ такъ задумался, что не разслышалъ вопроса. Онъ смотрѣлъ то на кавалерійскій, повстрѣчавшійся теперь съ поѣздомъ раненныхъ полкъ, то на ту телѣгу, у которой онъ стоялъ и на которой сидѣли двое раненныхъ и лежалъ одинъ, и ему казалось, что тутъ, въ нихъ, заключается разрѣшеніе занимавшаго его вопроса. Одинъ изъ сидѣвшихъ на телѣгѣ солдатъ былъ вѣроятно раненъ въ щеку. Вся голова его была обвязана тряпками, и одна щека раздулась съ дѣтскую голову. Ротъ и носъ у него были на сторону. Этотъ солдатъ глядѣлъ на соборъ и крестился. Другой, молодой мальчикъ, рекрутъ, бѣлокурый и бѣлый, какъ бы совершенно безъ крови въ тонкомъ лицѣ, съ остановившейся доброй улыбкой смотрѣлъ на Пьера; третій лежалъ

ничкомъ, и лица его не было видно. Кавалеристы-пѣсельники проходили надъ самой телѣгой.

— Ахъ запропала.... да ежова голова....

— Да на чужой сторонѣ живучи... выдѣлывали они плясовую солдатскую пѣсню. Какъ бы вторя имъ, но въ другомъ родѣ веселья, перебивались въ вышинѣ металическія звуки трезвона. И, еще въ другомъ родѣ веселья, обливали вершину противуположнаго откоса жаркіе лучи солнца. Но подъ откосомъ у телѣги съ раненными, подлѣ запыхавшейся лошаденки, у которой стоялъ Пьеръ, было сыро, пасмурно и грустно.

Солдатъ съ распухшей щекой сердито глядѣлъ на пѣсельниковъ-кавалеристовъ.

— Охъ щегольки! проговорилъ онъ укоризненно.

— Нынче не то, что солдатъ, а и мужичковъ видалъ! Мужичковъ, и тѣхъ гонятъ, сказалъ съ грустной улыбкой солдатъ, стоявшій за телѣгой и обращаясь къ Пьеру. Нынче не разбираютъ.... Всѣмъ народомъ навалиться хотятъ, одно слово Москва. Одинъ конецъ сдѣлать хотятъ. — Несмотря на неясность словъ солдата, Пьеръ понялъ все то что онъ хотѣлъ сказать, и одобрительно кивнулъ головой.

Дорога разчистилась, и Пьеръ сошелъ подъ гору и поѣхалъ дальше.

Пьеръ ѣхалъ, оглядываясь по обѣ стороны дороги, отъискивая знакомыя лица и вездѣ встрѣчая только незнакомыя, военныя лица разныхъ родовъ войскъ, одинаково съ удивленіемъ смотрѣвшія на его бѣлую шляпу и зеленый фракъ.

Проѣхавъ версты четыре, онъ встрѣтилъ перваго знакомаго и радостно обратился къ нему. Знакомый этотъ былъ одинъ изъ начальствующихъ докторовъ въ арміи. Онъ въ бричкѣ ѣхалъ на встрѣчу Пьеру, сидя рядомъ съ молодымъ докторомъ и, узнавъ Пьера, остановилъ своего казака, сидѣвшаго на козлахъ вмѣсто кучера.

— Графъ! Ваше сіятельство, вы какъ тутъ? спросилъ докторъ.

— Да вотъ хотѣлось посмотрѣть....

— Да, да, будетъ что посмотрѣть....

Пьеръ слѣзъ и остановившись разговорился съ докторомъ, объясняя ему свое намѣреніе участвовать въ сраженіи.

Докторъ посовѣтовалъ Безухому прямо обратиться къ Свѣтлѣйшему.

— Что же вамъ Богъ знаетъ гдѣ находиться во время сраженія, въ безъизвѣстности, сказалъ, онъ переглянувшись съ своимъ молодымъ товарищемъ, а Свѣтлѣйшій все таки знаетъ васъ, и приметъ милостиво. Такъ, батюшка, и сдѣлайте, сказалъ докторъ.

Докторъ казался усталымъ и спѣшащимъ.

— Такъ вы думаете... А я еще хотѣлъ спросить васъ, гдѣ же самая позиція? сказалъ Пьеръ.

— Позиція? сказалъ докторъ, ужъ это не по моей части. Проѣдете Татаринову, тамъ что-то много копаютъ. Тамъ на курганъ войдите: оттуда видно, сказалъ докторъ.

— И видно оттуда?.. Ежели бы вы....

Но докторъ перебилъ его и подвинулся къ бричкѣ.

— Я бы васъ проводилъ, да ей Богу—вотъ (докторъ показалъ на горло)—скачу къ корпусному командиру. Вѣдь у насъ какъ?... вы знаете, графъ, завтра сраженіе; на сто тысячъ войска, малымъ числомъ 20 тысячъ раненныхъ считать надо; а у насъ ни носилокъ, ни коекъ, ни фельдшеровъ, ни лекарей на 6-ть тысячъ нѣтъ. 10 тысячъ телѣгъ есть, да вѣдь нужно и другое; какъ хочешь, такъ и дѣлай....

Та странная мысль, что изъ числа тѣхъ тысячъ людей живыхъ, здоровыхъ, молодыхъ и старыхъ, которые съ веселымъ удивленіемъ смотрѣли на его шляпу, было навѣрное 20-ть тысячъ обреченныхъ на раны и смерть (можетъ быть тѣ самые, которыхъ онъ видѣлъ)—поразила Пьера.

«Они, можетъ быть, умрутъ завтра, зачѣмъ они думаютъ о чемъ нибудь другомъ кромѣ смерти?» И ему вдругъ по какой-то тайной связи мыслей живо представился спускъ съ Можайской, горы телѣги съ ранеными, трезвонъ, косые лучи солнца и пѣсня кавалеристовъ.

«Кавалеристы идутъ на сраженье и встрѣчаютъ раненныхъ, и ни на минуту не задумываются надъ тѣмъ, что̀ ихъ ждетъ, а идутъ мимо и подмигиваютъ раненнымъ. А изъ этихъ всѣхъ 20-ть тысячъ обречены на смерть, а они удивляются на мою шляпу! Странно!» думалъ Пьеръ, направляясь дальше къ Татариновой.

У помѣщичьяго дома, на лѣвой сторонѣ дороги, стояли экипажи, фургоны, толпы деньщиковъ и часовые. Тутъ стоялъ Свѣтлѣйшій. Но въ то время, какъ пріѣхалъ Пьеръ, его не было, и почти никого не было изъ штабныхъ. Всѣ были на молебствіи. Пьеръ поѣхалъ впередъ къ Горкамъ.

Въѣхавъ на гору и выѣхавъ въ небольшую улицу деревни, Пьеръ увидалъ въ первый разъ мужиковъ-ополченцевъ съ крестами на шапкахъ и въ бѣлыхъ рубашкахъ, которые, съ громкимъ говоромъ и хохотомъ, оживленные и потные, что-то работали на право отъ дороги, на огромномъ курганѣ, обросшемъ травою.

Одни изъ нихъ копали лопатами гору, другіе возили по доскамъ землю въ тачкахъ, третьи стояли, ничего не дѣлая.

Два офицера стояли на курганѣ, распоряжаясь ими. Увидавъ этихъ мужиковъ, очевидно забавляющихся еще своимъ новымъ военнымъ положеніемъ, Пьеръ опять вспомнилъ раненныхъ солдатъ въ Можайскѣ, и ему понятно стало то, что̀ хотѣлъ выразить солдатъ, говорившій о томъ, что *всѣмъ народомъ навалиться хотятъ*. Видъ этихъ работающихъ на полѣ сраженія, бородатыхъ мужиковъ съ ихъ странными неуклюжими сапогами, съ ихъ потными шеями и кое у кого разстегнутыми косыми воротами рубахъ, изъ подъ которыхъ виднѣлись загорѣлыя кости ключицъ, подѣй-

ствовалъ на Пьера сильнѣе всего того, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ до сихъ поръ о торжественности и значительности настоящей минуты.

XXI.

Пьеръ вышелъ изъ экипажа и мимо работающихъ ополченцевъ взошелъ на тотъ курганъ, съ котораго, какъ сказалъ ему докторъ, было видно поле сраженія.

Было часовъ 11-ть утра. Солнце стояло нѣсколько влѣво и сзади Пьера и ярко освѣщало, сквозь чистый, рѣдкій воздухъ, огромную амфитеатромъ по поднимающейся мѣстности открывшуюся передъ нимъ панораму.

Вверхъ и въ лѣво по этому амфитеатру, разрѣзывая его, вилась большая Смоленская дорога, шедшая черезъ село съ бѣлой церковью, лежавшее въ 500-хъ шагахъ впереди кургана и ниже его (это было Бородино). Дорога переходила подъ деревней черезъ мостъ и черезъ спуски и подъемы вилась все выше и выше къ виднѣвшемуся верстъ за шесть селенію Валуеву (въ немъ стоялъ теперь Наполеонъ). За Валуевымъ дорога скрывалась въ желтѣвшемъ лѣсу на горизонтѣ. Въ лѣсу этомъ, березовомъ и еловомъ, вправо отъ направленія дороги, блестѣлъ на солнцѣ дальній крестъ и колокольня Колоцкаго монастыря. По всей этой синей дали, вправо и влѣво отъ лѣса и дороги, въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись дымящіеся костры и неопредѣленныя массы войскъ нашихъ и непріятельскихъ. На право, по теченію рѣкъ Колочи и Москвы, мѣстность была ущелиста и гориста. Между ущельями ихъ вдали виднѣлись деревни Беззубово, Захарьино. На лѣво мѣстность была ровнѣе, были поля съ хлѣбомъ, и виднѣлась одна дымящаяся, сожженная деревня—Семеновская.

Все, что̀ видѣлъ Пьеръ на право и на лѣво, было такъ неопредѣленно, что ни лѣвая, ни правая сторона поля не удовлетворяла вполнѣ его представленію. Вездѣ было не по-

ле сраженія, которое онъ ожидалъ видѣть, а поля, поляны, войска, лѣса, дымы костровъ, деревни, курганы, ручьи, и сколько не разбиралъ Пьеръ, онъ въ этой живой мѣстности не могъ найти позиціи, и не могъ даже отличить нашихъ войскъ отъ непріятельскихъ.

«Надо спросить у знающаго», подумалъ онъ, и обратился къ офицеру, съ любопытствомъ смотрѣвшему на его невоенную, огромную фигуру.

— Позвольте спросить, обратился Пьеръ къ офицеру,— это какая деревня впереди?

— Бурдино или какъ? сказалъ офицеръ, съ вопросомъ обращаясь къ своему товарищу.

— Бородино, поправляя отвѣчалъ другой.

Офицеръ, видимо довольный случаемъ поговорить, подвинулся къ Пьеру.

— Тамъ наши? спросилъ Пьеръ.

— Да, а вонъ подальше и Французы, сказалъ офицеръ.— Вонъ они, вонъ, видны.

— Гдѣ? гдѣ? спросилъ Пьеръ.

— Простымъ глазомъ видно. Да, вотъ. — Офицеръ показалъ рукой на дымы, виднѣвшіеся влѣво за рѣкой, и на лицѣ его показалось то строгое и серьозное выраженіе, которое Пьеръ видѣлъ на многихъ лицахъ, встрѣчавшихся ему.

— Ахъ, это Французы! А тамъ?... Пьеръ показалъ влѣво на курганъ, около котораго виднѣлись войска.

— Это наши.

— Ахъ, наши! А тамъ?... Пьеръ показалъ на другой, далекій курганъ съ большимъ деревомъ подлѣ деревни, виднѣвшейся въ ущельѣ, у которой тоже дымились костры и чернѣлось что-то.

— Это опять *онъ*, сказалъ офицеръ. (Это былъ Шевардинскій редутъ). Вчера было наше, а теперь *его*.

— Такъ какже наша позиція?

— Позиція? сказалъ офицеръ съ улыбкой удовольствія,— я это могу разсказать вамъ ясно, потому что я почти всѣ укрѣпленія наши строилъ. Вотъ, видите ли, центръ нашъ въ Бородинѣ, вотъ тутъ. Онъ указалъ на деревню съ бѣлой церковью, бывшей впереди. Тутъ переправа черезъ Колочу. Вотъ тутъ, видите, гдѣ еще въ низочкѣ ряды скошеннаго сѣна лежатъ, вотъ тутъ и мостъ. Это нашъ центръ. Правый флангъ нашъ вотъ гдѣ (онъ указалъ круто на право, далеко въ ущелье,) тамъ Москва рѣка, и тамъ мы три редуты построили очень сильные. Лѣвый флангъ.... тутъ офицеръ остановился.—Видите ли это трудно вамъ объяснить.... Вчера лѣвый флангъ нашъ былъ вонъ тамъ, въ Шевардинѣ, вонъ, видите, гдѣ дубъ; а теперь мы отнесли назадъ лѣвое крыло, теперь вонъ, вонъ видите, деревню и дымъ, это Семеновское, да вотъ здѣсь,—онъ указалъ на курганъ Раевскаго. Только врядъ-ли будетъ тутъ сраженье. Что *онъ* перевелъ сюда войска, это обманъ; *онъ* вѣрно обойдетъ справа отъ Москвы. Ну да гдѣ бы ни было, многихъ завтра не досчитаемся! сказалъ офицеръ.

Старый унтеръ-офицеръ, подошедшій къ офицеру во время его разсказа, молча ожидалъ конца рѣчи своего начальника: но въ этомъ мѣстѣ онъ, очевидно недовольный словами офицера, перебилъ его.—За турами ѣхать надо, сказалъ онъ строго.

Офицеръ какъ будто смутился, какъ будто онъ понялъ, что можно думать о томъ, сколь многихъ не досчитаются завтра, но не слѣдуетъ говорить объ этомъ.

— Ну да, посылай третью роту опять, поспѣшно сказалъ офицеръ.

— А вы кто же, не изъ докторовъ?

— Нѣтъ, я такъ, отвѣчалъ Пьеръ.—И Пьеръ пошелъ подъ гору опять мимо ополченцевъ.

— Ахъ, проклятые! проговорилъ слѣдовавшій за нимъ офицеръ, зажимая носъ и пробѣгая мимо работающихъ.

— Вонъ они!... Несутъ, идутъ... Вонъ они... сейчасъ войдутъ... послышались вдругъ голоса, и офицеры, солдаты и ополченцы побѣжали впередъ по дорогѣ.

Изъ подъ горы отъ Бородина поднималось церковное шествіе. Впереди всѣхъ по пыльной дорогѣ стройно шла пѣхота съ снятыми киверами и ружьями, опущенными книзу. Позади пѣхоты слышалось церковное пѣніе.

Обгоняя Пьера, безъ шапокъ бѣжали на встрѣчу идущимъ солдаты и ополченцы.

— Матушку несутъ! Заступницу!... Иверскую!...

— Смоленскую матушку, поправилъ другой.

Ополченцы и тѣ, которые были въ деревнѣ, и тѣ, которые работали на батареѣ, побросавъ лопаты, побѣжали на встрѣчу церковному шествію. За баталіономъ, шедшимъ по пыльной дорогѣ, шли въ ризахъ священники, одинъ старичокъ въ клобукѣ съ причетомъ и пѣвчими. За ними солдаты и офицеры несли большую, съ чернымъ ликомъ въ окладѣ, икону. Это была икона, вывезенная изъ Смоленска и съ того времени возимая за арміей. За иконой, кругомъ ея, впереди ея, со всѣхъ сторонъ шли, бѣжали и кланялись въ землю съ обнаженными головами толпы военныхъ.

Взойдя на гору, икона остановилась; державшіе на полотенцахъ икону люди перемѣнились, дьячки зажгли вновь кадила, и начался молебенъ. Жаркіе лучи солнца били отвѣсно сверху; слабый, свѣжій вѣтерокъ игралъ волосами открытыхъ головъ и лентами, которыми были убрана икона; пѣніе не громко раздавалось подъ открытымъ небомъ. Огромная толпа съ открытыми головами, офицеровъ, солдатъ, ополченцевъ окружала икону. Позади священника и дьячка на очищенномъ мѣстѣ стояли чиновные люди. Одинъ плѣшивый генералъ съ Георгіемъ на шеѣ стоялъ прямо за спи-

ной священника и не крестясь (очевидно Нѣмецъ) терпѣливо дожидался конца молебна, который онъ считалъ нужнымъ выслушать вѣроятно для возбужденія патріотизма Русскаго народа. Другой генералъ стоялъ въ воинственной позѣ и потряхивалъ рукой передъ грудью, оглядываясь вокругъ себя. Между этимъ чиновнымъ кружкомъ Пьеръ, стоявшій въ толпѣ мужиковъ, узналъ нѣкоторыхъ знакомыхъ; но онъ не смотрѣлъ на нихъ: все вниманіе его было поглощено серьознымъ выраженіемъ лицъ въ этой толпѣ солдатъ и ополченцевъ, однообразно-жадно смотрѣвшихъ на икону. Какъ только уставшіе дьячки (пѣвшіе двадцатый молебенъ) начинали лѣниво и привычно пѣть: «спаси отъ бѣдъ рабы твоя, Богородице,» и священникъ и дьяконъ подхватывали: «яко вси по Бозѣ къ Тебѣ прибѣгаемъ, яко нерушимой стѣнѣ и предстательству», на всѣхъ лицахъ вспыхивало опять тоже выраженіе сознанія торжественности наступающей минуты, которое онъ видѣлъ подъ горой въ Можайскѣ и урывками на многихъ и многихъ лицахъ, встрѣченныхъ имъ въ это утро; и чаще опускались головы, встряхивались волоса, и слышались вздохи и удары крестовъ по грудямъ.

Толпа, окружавшая икону, вдругъ раскрылась и надавила Пьера. Кто-то, вѣроятно очень важное лицо, судя по поспѣшности, съ которой передъ нимъ сторонились, подходилъ къ иконѣ.

Это былъ Кутузовъ, объѣзжавшій позицію. Онъ, возвращаясь къ Татариновой, подошелъ къ молебну. Пьеръ тотчасъ же узналъ Кутузова по его особенной, отличавшейся отъ всѣхъ фигурѣ.

Въ длинномъ сюртукѣ на огромномъ толщиной тѣлѣ, съ сутуловатой спиной, съ открытой бѣлой головой, и съ вытекшимъ, бѣлымъ глазомъ на оплывшемъ лицѣ, Кутузовъ вошелъ своей ныряющей, раскачивающейся походкой въ кругъ, и остановился позади священника. Онъ перекрестился привычнымъ жестомъ, досталъ рукой до земли и, тяже-

ло вздохнувъ, опустилъ свою сѣдую голову. За Кутузовымъ былъ Бенигсенъ и свита. Несмотря на присутствіе главнокомандующаго, обратившаго на себя вниманіе всѣхъ высшихъ чиновъ, ополченцы и солдаты, не глядя на него, продолжали молиться.

Когда кончился молебенъ, Кутузовъ подошелъ къ иконѣ, тяжело опустился на колѣна, кланяясь въ землю и долго пытался и не могъ встать отъ тяжести и слабости. Сѣдая голова его подергивалась отъ усилій. Наконецъ онъ всталъ и съ дѣтски-наивнымъ вытягиваніемъ губъ приложился къ иконѣ и опять поклонился, дотронувшись рукой до земли. Генералитетъ послѣдовалъ его примѣру; потомъ офицеры, и за ними, давя другъ друга, топчась, пыхтя и толкаясь, съ взолнованными лицами, полѣзли солдаты и ополченцы.

XXII.

Покачиваясь отъ давки, охватившей его, Пьеръ оглядывался вокругъ себя.

— Графъ, Петръ Кирилычъ! Вы какъ здѣсь? сказалъ чей-то голосъ. Пьеръ оглянулся.

Борисъ Друбецкой, обчищая рукой колѣнки, которыя онъ запачкалъ (вѣроятно тоже прикладываясь къ иконѣ) улыбаясь подходилъ къ Пьеру. Борисъ былъ одѣтъ элегантно, съ оттѣнкомъ походной воинственности.—На немъ былъ длинный сюртукъ и плеть черезъ плечо, также какъ у Кутузова.

Кутузовъ между тѣмъ подошелъ къ деревнѣ и сѣлъ въ тѣни ближайшаго дома на лавку, которую бѣгомъ принесъ одинъ казакъ, а другой поспѣшно покрылъ коврикомъ. Огромная, блестящая свита окружила главнокомандующаго.

Икона тронулась дальше, сопутствуемая толпой. Пьеръ шагахъ въ тридцати отъ Кутузова остановился, разговаривая съ Борисомъ.

Пьеръ объяснилъ свое намѣреніе учавствовать въ сраженіи и осмотрѣть позицію.

— Вотъ какъ сдѣлайте, сказалъ Борисъ. Je vous ferai les honneurs du camp. Лучше всего вы увидите все оттуда, гдѣ будетъ графъ Бенигсенъ. Я вѣдь при немъ состою. Я ему доложу. А если хотите объѣхать позицію, то поѣдемте съ нами: мы сейчасъ ѣдемъ на лѣвый флангъ. А потомъ вернемся и милости прошу у меня ночевать и партію составимъ. Вы вѣдь знакомы съ Дмитріемъ Сергѣичемъ? Онъ вотъ тутъ стоитъ, — онъ указалъ третій домъ въ Горкахъ.

— Но мнѣ бы хотѣлось видѣть правый флангъ; говорятъ, онъ очень силенъ, сказалъ Пьеръ.—Я бы хотѣлъ проѣхать отъ Москвы рѣки и всю позицію.

— Ну, это послѣ можете, а главный лѣвый флангъ....

— Да, да А гдѣ полкъ князя Болконскаго, не можете вы указать мнѣ? спросилъ Пьеръ.

— Андрея Николаевича? мы мимо проѣдемъ, я васъ проведу къ нему.

— Чтожъ лѣвый флангъ? спросилъ Пьеръ.

— По правдѣ вамъ сказать, entre nous, лѣвый флангъ нашъ Богъ знаетъ въ какомъ положеніи, сказалъ Борисъ, довѣрчиво понижая голосъ; графъ Бенигсенъ совсѣмъ не то предполагалъ. Онъ предполагалъ укрѣпить вонъ тотъ курганъ, совсѣмъ не такъ.... но—Борисъ пожалъ плечами. Свѣтлѣйшій не захотѣлъ, или ему наговорили. Вѣдь... И Борисъ не договорилъ, потому что въ это время къ Пьеру подошелъ Кайсаровъ, адъютантъ Кутузова.—А Паисій Сергѣичъ, сказалъ Борисъ съ свободной улыбкой, обращаясь къ Кайсарову. А я вотъ стараюсь объяснить графу позицію.—Удивительно, какъ могъ Свѣтлѣйшій такъ вѣрно угадать замыслы Французовъ!

— Вы про лѣвый флангъ? сказалъ Кайсаровъ.

— Да, да, именно. Лѣвый флангъ нашъ теперь очень, очень силенъ.

Несмотря на то, что Кутузовъ выгонялъ всѣхъ лишнихъ изъ штаба, Борисъ, послѣ перемѣнъ, произведенныхъ Кутузовымъ, съумѣлъ удержаться при главной квартирѣ. Борисъ пристроился къ графу Бенигсену. Графъ Бенигсенъ, какъ и всѣ люди, при которыхъ находился Борисъ, считалъ молодаго князя Друбецкаго неоцѣненнымъ человѣкомъ.

Въ начальствованьи арміей, были двѣ рѣзкія, опредѣленныя партіи: партія Кутузова и партія Бенигсена, начальника штаба. Борисъ находился при этой послѣдней партіи, и никто, такъ какъ онъ, не умѣлъ, воздавая раболѣпное уваженіе Кутузову, давать чувствовать, что старикъ плохъ, и что все дѣло ведется Бенигсеномъ. Теперь наступила рѣшительная минута сраженія, которая должна была или уничтожить Кутузова и передать власть Бенигсену, или, ежели бы даже Кутузовъ выигралъ сраженіе, дать почувствовать, что все сдѣлано Бенигсеномъ. Во всякомъ случаѣ за завтрашній день должны были быть розданы большія награды и выдвинуты впередъ новые люди. И вслѣдствіи этаго, Борисъ находился въ раздраженномъ оживленіи весь этотъ день.

За Кайсаровымъ къ Пьеру еще подошли другіе изъ его знакомыхъ, и онъ не успѣвалъ отвѣчать на разспросы о Москвѣ, которыми они засыпали его, и не успѣвалъ выслушивать разсказовъ, которые ему дѣлали. На всѣхъ лицахъ выражались оживленіе и тревога. Но Пьеру казалось, что причина возбужденія, выражавшагося на нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, лежала больше въ вопросахъ личнаго успѣха, и у него не выходило изъ головы то другое выраженіе возбужденія, которое онъ видѣлъ на другихъ лицахъ и которое говорило о вопросахъ не личныхъ, а общихъ, вопросахъ жизни и смерти. Кутузовъ замѣтилъ фигуру Пьера и группу, собравшуюся около него.

зовъ обратитъ вниманіе на эти слова, и дѣйствительно Свѣтлѣйшій обратился къ нему:

— Ты что говоришь про ополченье? сказалъ онъ Борису.

— Они, ваша свѣтлость, готовясь къ завтрашнему дню, къ смерти, надѣли бѣлыя рубахи.

— А!.. Чудесный, безподобный народъ, сказалъ Кутузовъ и, закрывъ глаза, покачалъ головой. Безподобный народъ! повторилъ онъ со вздохомъ.

— Хотите пороху понюхать? сказалъ онъ Пьеру. Да, пріятный запахъ. Имѣю честь быть обожателемъ супруги вашей, здорова она? Мой привалъ къ вашимъ услугамъ. И, какъ это часто бываетъ съ старыми людьми, Кутузовъ сталъ разсѣянно оглядываться, какъ будто забывъ все, что̀ ему нужно было сказать или сдѣлать.

Очевидно вспомнивъ то, что̀ онъ искалъ, онъ подманилъ къ себѣ Андрея Сергѣича Кайсарова, брата своего адъютанта.

— Какъ, какъ, какъ стихи-то Марина, какъ стихи, какъ? Что на Геракова написалъ: «Будешь въ корпусѣ учитель...» Скажи, скажи, заговорилъ Кутузовъ, очевидно собираясь посмѣяться. Кайсаровъ прочелъ.... Кутузовъ улыбаясь кивалъ головой, въ тактъ стиховъ.

Когда Пьеръ отошелъ отъ Кутузова, Долоховъ, подвинувшись къ нему, взялъ его за руку.

— Очень радъ встрѣтить васъ здѣсь, графъ, сказалъ онъ ему громко и не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ, съ особенной рѣшительностью и торжественностью.— Наканунѣ дня, въ который Богъ знаетъ кому изъ насъ суждено остаться въ живыхъ. я радъ случаю сказать вамъ, что я жалѣю о тѣхъ недоразумѣніяхъ, которыя были между нами, и желалъ бы, чтобы вы не имѣли противъ меня ничего. Прошу васъ простить меня.

Пьеръ улыбаясь глядѣлъ на Долохова, не зная что сказать ему. Долоховъ со слезами, выступившими ему на глаза, обнялъ и поцѣловалъ Пьера.

Борисъ что-то сказалъ своему генералу, и графъ Бенигсенъ обратился къ Пьеру и предложилъ ѣхать съ собою вмѣстѣ по линіи.

— Вамъ это будетъ интересно, сказалъ онъ.

— Да, очень интересно, сказалъ Пьеръ.

Черезъ полчаса Кутузовъ уѣхалъ въ Татаринову, и Бенигсенъ, со свитой, въ числѣ которой былъ, и Пьеръ поѣхалъ по линіи.

XXIII.

Бенигсенъ отъ Горокъ спустился по большой дорогѣ къ мосту, на который Пьеру указывалъ офицеръ съ кургана, какъ на центръ позиціи и у котораго на берегу лежали ряды скошенной пахнувшей сѣномъ травы. Черезъ мостъ они проѣхали въ село Бородино, оттуда повернули влѣво, и мимо огромнаго количества войскъ и пушекъ выѣхали къ высокому кургану, на которомъ копали землю ополченцы. Это былъ редутъ, еще не имѣвшій названія, потомъ получившій названіе редута Раевскаго или курганной батареи.

Пьеръ не обратилъ особеннаго вниманія на этотъ редутъ. Онъ не зналъ, что это мѣсто будетъ для него памятнѣе всѣхъ мѣстъ Бородинскаго поля. Потомъ они поѣхали черезъ оврагъ къ Семеновскому, въ которомъ солдаты растаскивали послѣднія бревна избъ и овиновъ. Потомъ, подъ гору и на гору, они проѣхали впередъ черезъ поломанную, выбитую какъ градомъ рожь, по вновь проложенной артиллеріею по колчамъ пашни дорогѣ на флеши[1]), тоже тогда еще копаемыя.

---

[1]) Родъ укрѣпленія.

Бенигсенъ остановился на флешахъ и сталъ смотрѣть впередъ на (бывшій еще вчера нашимъ), Шевардинскій редутъ, на которомъ виднѣлось нѣсколько всадниковъ. Офицеры говорили, что тамъ былъ Наполеонъ или Мюратъ. И всѣ жадно смотрѣли на эту кучку всадниковъ. Пьеръ тоже смотрѣлъ туда, стараясь угадать, который изъ этихъ чуть виднѣвшихся людей былъ Наполеонъ. Наконецъ всадники съѣхали съ кургана и скрылись.

Бенигсенъ обратился къ подошедшему къ нему генералу и сталъ пояснять все положеніе нашихъ войскъ. Пьеръ слушалъ слова Бенигсена, напрягая всѣ свои умственныя силы къ тому, чтобъ понять сущность предстоящаго сраженія, но съ огорченіемъ чувствовалъ, что умственныя способности его для этаго были недостаточны. Онъ ничего не понималъ. Бенигсенъ пересталъ говорить и, замѣтивъ фигуру прислушивавшагося Пьера,

— Вамъ я думаю не интересно? сказалъ онъ, вдругъ обращаясь къ нему.

— Ахъ, напротивъ, очень интересно, повторилъ Пьеръ не совсѣмъ правдиво.

Съ флешъ они поѣхали еще лѣвѣе дорогою, вьющеюся по частому, невысокому, березовому лѣсу. Въ серединѣ этаго лѣса выскочилъ передъ ними на дорогу коричневый съ бѣлыми ногами заяцъ, и, испуганный топотомъ большаго количества лошадей, такъ растерялся, что долго прыгалъ по дорогѣ впереди ихъ, возбуждая общее вниманіе и смѣхъ, и только когда въ нѣсколько голосовъ крикнули на него, бросился въ сторону и скрылся въ чащѣ. Проѣхавъ версты двѣ по лѣсу, они выѣхали на поляну, на которой стояли войска корпуса Тучкова, долженствовавшаго защищать лѣвый флангъ.

Здѣсь, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, Бенигсенъ много и горячо говорилъ и сдѣлалъ, какъ казалось Пьеру, важное въ военномъ отношеніи распоряженіе. — Впереди расположенія

войскъ Тучкова находилось возвышеніе. Это возвышеніе не было занято войсками. Бенигсенъ громко критиковалъ эту ошибку, говоря, что было безумно оставить незанятою командующую мѣстностью высоту и поставить войска подъ нею. Нѣкоторые генералы выражали тоже мнѣніе. Одинъ въ особенности съ воинской горячностью говорилъ о томъ, что ихъ поставили тутъ на убой. Бенигсенъ приказалъ своимъ именемъ передвинуть войска на высоту.

Распоряженіе это на лѣвомъ флангѣ еще болѣе заставило Пьера усумниться въ его способности понять военное дѣло. Слушая Бенигсена и генераловъ, осуждавшихъ положеніе войскъ подъ горою, Пьеръ вполнѣ понималъ ихъ и раздѣлялъ ихъ мнѣніе; но именно вслѣдствіе этого онъ не могъ понять, какимъ образомъ могъ тотъ, кто поставилъ ихъ тутъ подъ горою, сдѣлать такую очевидную и грубую ошибку.

Пьеръ не зналъ того, что войска эти были поставлены не для защиты позиціи, какъ думалъ Бенигсенъ, а были поставлены въ скрытое мѣсто для засады, т. е. для того, чтобы быть незамѣченными и вдругъ ударить на подвигавшагося непріятеля. Бенигсенъ не зналъ этого и передвинулъ войска впередъ по особеннымъ соображеніямъ, не сказавъ объ этомъ главнокомандующему.

XXIV.

Князь Андрей въ этотъ ясный, августовскій вечеръ 25-го числа, лежалъ, облокотившись на руку, въ разломанномъ сараѣ деревни Князькова, на краю расположенія своего полка. Въ отверстіе сломанной стѣны онъ смотрѣлъ на шедшую вдоль по забору полосу тридцати-лѣтнихъ березъ съ обрубленными нижними сучьями, на пашню съ разбитыми на ней копнами овса и на кустарникъ, по которому виднѣлись дымы костровъ — солдатскихъ кухонь.

Какъ ни тѣсна, и никому не нужна, и ни тяжка теперь казалась князю Андрею его жизнь, онъ также какъ и семь лѣтъ тому назадъ въ Аустерлицѣ, на канунѣ сраженія, чувствовалъ себя взволнованнымъ и раздраженнымъ.

Приказанія на завтрашнее сраженіе были отданы и получены имъ. Дѣлать ему было больше нечего. Но мысли самыя простыя, ясныя и потому страшныя мысли не оставляли его въ покоѣ. Онъ зналъ, что завтрешнее сраженіе должно было быть самое страшное изо всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, и возможность смерти въ первый разъ въ его жизни, безъ всякаго отношеніи къ житейскому, безъ соображеній о томъ, какъ она подѣйствуетъ на другихъ, а только по отношенію къ нему самому, къ его душѣ, съ живостью, почти съ достовѣрностью, просто и ужасно, представилась ему. И съ высоты этаго представленія все, что прежде мучило и занимало его, вдругъ освѣтилось холоднымъ, бѣлымъ свѣтомъ, безъ тѣней, безъ перспективы, безъ различія очертаній. Вся жизнь представилась ему волшебнымъ фонаремъ, въ который онъ долго смотрѣлъ сквозь стекло и при искусственномъ освѣщеніи. Теперь онъ увидалъ вдругъ, безъ стекла, при яркомъ дневномъ свѣтѣ, эти дурно намалеванныя картины.—«Да, да, вотъ они тѣ волновавшіе и восхищавшіе и мучившіе меня ложные образы,» говорилъ онъ себѣ, перебирая въ своемъ воображеніи главныя картины своего волшебнаго фонаря жизни, глядя теперь на нихъ при этомъ холодномъ, бѣломъ свѣтѣ дня—ясной мысли о смерти. «Вотъ онѣ, эти грубо намалеванныя фигуры, которыя представлялись чѣмъ-то прекраснымъ и таинственнымъ. Слава, общественное благо, любовь къ женщинѣ, самое отечество, какъ велики казались мнѣ эти картины, какого глубокаго смысла казались они исполненными! И все это такъ просто, блѣдно и грубо при холодномъ бѣломъ свѣтѣ того утра, которое, я чувствую, подпимается для меня». Три главныя горя его жизни въ особенности останавли-

вали его вниманіе. Его любовь къ женщинѣ, смерть его отца и французское нашествіе, захватившее половину Россіи.—«Любовь!.... Эта дѣвочка, мнѣ казавшаяся преисполненною таинственныхъ силъ. Какже? я любилъ ее, я дѣлалъ поэтическіе планы о любви, о счастіи съ нею.—О милый мальчикъ! съ злостью въ слухъ проговорилъ онъ.—Какъ же! я вѣрилъ въ какую-то идеальную любовь, которая должна была мнѣ сохранить ея вѣрность за цѣлый годъ моего отсутствія. Какъ нѣжный голубокъ басни, она должна была зачахнуть въ разлукѣ со мной.—А все это гораздо проще..... Все это необыкновенно просто, гадко!»

«Отецъ тоже строилъ въ Лысыхъ Горахъ и думалъ, что это его мѣсто, его земля, его воздухъ, его мужики; а пришелъ Наполеонъ и незная объ его существованіи, какъ щепку съ дороги, столкнулъ его, и развалились его Лысыя Горы, и вся его жизнь. А княжна Марья говоритъ, что это испытаніе, посланное свыше. Для чего же испытаніе, когда его уже нѣтъ и не будетъ? никогда больше не будетъ! Его нѣтъ. Такъ кому же это испытаніе? Отечество, погибель Москвы! А завтра меня убьетъ—и не Французъ даже, а свой, какъ вчера разрядилъ солдатъ ружье около моего уха, и придутъ Французы, возьмутъ меня за ноги и за голову и швырнутъ въ яму, чтобъ я не вонялъ имъ подъ носомъ, и сложатся новыя условія жизни, которыя будутъ также привычны для другихъ, и я не буду знать про нихъ, и меня не будетъ.»

Онъ поглядѣлъ на полосу березъ съ ихъ неподвижной желтизной, зеленью и бѣлой корой, блестящихъ на солнцѣ? «Умереть, чтобы меня убили завтра, чтобы меня не было... чтобы все это было, а меня бы не было.» Онъ живо представилъ себѣ отсутствіе себя отъ этой жизни. И эти березы съ ихъ свѣтомъ и тѣнью, и эти курчавыя облака, и этотъ дымъ костровъ, все это вокругъ преобразилось для

него и показалось чѣмъ-то страшнымъ и угрожающимъ. Морозъ пробѣжалъ по его спинѣ. Быстро вставъ, онъ вышелъ изъ сарая и сталъ ходить.

За сараемъ послышались голоса.

— Кто тамъ? окликнулъ князь Андрей.

Красноносый капитанъ Тимохинъ, бывшій ротный командиръ Долохова, теперь, за убылью офицеровъ, баталіонный командиръ, робко вошелъ въ сарай. За нимъ вошли адъютантъ и казначей полка.

Князь Андрей поспѣшно всталъ, выслушалъ то, что̀ по службѣ имѣли передать ему офицеры, передалъ имъ еще нѣкоторыя приказанія и сбирался отпустить ихъ, когда изъ за сарая послышался знакомый, пришепетывающій голосъ.

— Que diable, сказалъ голосъ человѣка, стукнувшагося обо что-то.

Князь Андрей, выглянувъ изъ сарая, увидалъ подходящаго къ нему Пьера, который споткнулся на лежавшую жердь и чуть не упалъ. Князю Андрею вообще непріятно было видѣть людей изъ своего міра, въ особенности же Пьера, который напоминалъ ему всѣ тѣ тяжелыя минуты, которыя онъ пережилъ въ послѣдній пріѣздъ въ Москву.

— А, вотъ какъ! сказалъ онъ.—Какими судьбами? Вотъ не ждалъ.

Въ то время, какъ онъ говорилъ это, въ глазахъ его и выраженіи всего лица было больше чѣмъ сухость — была враждебность, которую тотчасъ же замѣтилъ Пьеръ. Онъ подходилъ къ сараю въ самомъ оживленномъ состояніи духа, но увидавъ выраженіе лица князя Андрея, онъ почувствовалъ себя стѣсненнымъ и неловкимъ.

— Я пріѣхалъ... такъ... знаете... пріѣхалъ... мнѣ интересно, сказалъ Пьеръ. Я хотѣлъ видѣть сраженіе.

— Да, да, а братья-масоны что говорятъ о войнѣ? Какъ предотвратить ее? сказалъ князь Андрей насмѣшливо. —Ну

что Москва? Что мои? Пріѣхали ли наконецъ въ Москву? спросилъ онъ серьезно.

— Пріѣхали. Жюли Друбецкая говорила мнѣ. Я поѣхалъ къ нимъ и не засталъ. Они уѣхали въ подмосковную.

XXV.

Офицеры хотѣли откланяться, но князь Андрей, какъ будто не желая оставаться съ глазу на глазъ съ своимъ другомъ, предложилъ имъ посидѣть и напиться чаю. Подали скамейки и чай. Офицеры не безъ удивленія смотрѣли на толстую, громадную фигуру Пьера и слушали его разсказы о Москвѣ и о расположеніи нашихъ войскъ, которыя ему удалось объѣздить. Князь Андрей молчалъ, и лицо его такъ было непріятно, что Пьеръ обращался болѣе къ добродушному батальонному командиру Тимохину, чѣмъ къ Болконскому.

— Такъ ты понялъ все расположеніе войскъ? перебилъ его князь Андрей.

— Да, т. е. какъ? сказалъ Пьеръ, какъ не военный человѣкъ я не могу сказать, чтобы вполнѣ, но все таки понялъ общее расположеніе.

— Eh bien, vous êtes plus avancé que qui cela soit, сказалъ князь Андрей.

— А! сказалъ Пьеръ съ недоумѣньемъ, черезъ очки глядя на князя Андрея. — Ну какъ вы скажете насчетъ назначенія Кутузова? сказалъ онъ.

— Я очень радъ былъ этому назначенію, вотъ все, что я знаю, сказалъ князь Андрей....

— Ну а скажите, какое ваше мнѣніе на счетъ Барклая-де-Толли? Въ Москвѣ Богъ знаетъ, что говорили про него. Какъ вы судите о немъ?

— Спроси вотъ у нихъ, сказалъ князь Андрей, указывая на офицеровъ.

Пьеръ съ снисходительно-вопросительной улыбкой, съ которой невольно всѣ обращались къ Тимохину, посмотрѣлъ на него. — Свѣтъ увидали, ваше сіятельство, какъ Свѣтлѣйшій поступилъ, робко и безпрестанно оглядываясь на своего полковаго командира, сказалъ Тимохинъ.

— Отчего же такъ? спросилъ Пьеръ.

— Да вотъ хоть бы насчетъ дровъ или кормовъ, доложу вамъ. Вѣдь мы отъ Свенціанъ отступали, не смѣй хворостины тронуть или сѣнца тамъ, или что. Вѣдь мы уходимъ, *ему* достается, не такъ ли, ваше сіятельство?—обратился онъ къ своему князю,—а ты не смѣй. Въ нашемъ полку подъ судъ двухъ офицеровъ отдали за этакія дѣла. Ну, какъ Свѣтлѣйшій поступилъ, такъ на счетъ этаго просто стало. Свѣтъ увидали....

— Такъ отчего же онъ запрещалъ?

Тимохинъ сконфуженно оглядывался, не понимая, какъ и что отвѣчать на такой вопросъ. Пьеръ съ тѣмъ же вопросомъ обратился къ князю Андрею.

— А чтобы не разорять край, который мы оставляли непріятелю, злобно-насмѣшливо сказалъ князь Андрей. Это очень основательно: нельзя позволять грабить край и пріучаться войскамъ къ мародерству. Ну и въ Смоленскѣ онъ тоже правильно разсудилъ, что Французы могутъ обойти насъ, и что у нихъ больше силъ. Но онъ не могъ понять того, вдругъ какъ бы вырвавшимся тонкимъ голосомъ закричалъ князь Андрей, но онъ не могъ понять, что мы въ первый разъ дрались тамъ за Русскую землю, что въ войскахъ былъ такой духъ, какого никогда я не видалъ, что мы два дня сряду отбивали Французовъ, и что этотъ успѣхъ удесетерялъ наши силы. Онъ велѣлъ отступать, и всѣ усилія и потери пропали даромъ. Онъ не думалъ объ измѣнѣ, онъ старался все сдѣлать какъ можно лучше, онъ все обдумалъ; но отъ этаго-то онъ и не годится. Онъ не годится теперь именно потому, что онъ все обдумываетъ очень ос-

новательно и акуратно, какъ и слѣдуетъ всякому Нѣмцу. Какъ бы тебѣ сказать.... Ну у отца твоего Нѣмецъ-лакей, и онъ прекрасный лакей, и удовлетворитъ всѣмъ его нуждамъ лучше тебя, и пускай онъ служитъ; но ежели отецъ при смерти боленъ, ты прогонишь лакея и своими непривычными, неловкими руками станешь ходить за отцомъ, и лучше успокоишь его, чѣмъ искусный, но чужой человѣкъ. Такъ и сдѣлали съ Барклаемъ. Пока Россія была здорова, ей могъ служить чужой, и былъ прекрасный министръ, но какъ только она въ опасности, нуженъ свой, родной человѣкъ. А у васъ въ клубѣ выдумали, что онъ измѣнникъ! Тѣмъ, что его оклеветали измѣнникомъ, сдѣлаютъ только то, что потомъ, устыдившись своего ложнаго нареканія, изъ измѣнниковъ сдѣлаютъ вдругъ героемъ или геніемъ, что̀ еще будетъ несправедливѣе. Онъ честный и очень акуратный Нѣмецъ....

— Однако, говорятъ, онъ искусный полководецъ, сказалъ Пьеръ.

— Я не понимаю, что̀ такое значитъ искусный полководецъ, съ насмѣшкой сказалъ князь Андрей.

— Искусный полководецъ, сказалъ Пьеръ, ну тотъ, который предвидѣлъ всѣ случайности.... ну, угадалъ мысли противника.

— Да это невозможно, сказалъ князь Андрей, какъ будто про давно рѣшенное дѣло.

Пьеръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Однако, сказалъ онъ, вѣдь говорятъ же, что война подобна шахматной игрѣ.

— Да, сказалъ князь Андрей, только съ тою маленькою разницею, что въ шахматахъ надъ каждымъ шагомъ ты можешь думать сколько угодно, что ты тамъ внѣ условій времени, и еще съ той разницей, что конь всегда сильнѣе пѣшки, и двѣ пѣшки всегда сильнѣе одной, а на войнѣ одинъ батальонъ иногда сильнѣе дивизіи, а иногда слабѣе роты.

Относительная сила войскъ никому не можетъ быть извѣстна. Повѣрь мнѣ, сказалъ онъ, что ежели бы что зависѣло отъ распоряженій штабовъ, то я бы былъ тамъ и дѣлалъ бы распоряженія, а вмѣсто того я имѣю честь служить здѣсь, въ полку, вотъ съ этими господами, и считаю, что отъ насъ дѣйствительно будетъ зависѣть завтрашній день, а не отъ нихъ.... Успѣхъ никогда не зависѣлъ и не будетъ зависѣть ни отъ позиціи, ни отъ вооруженія, ни даже отъ числа; а ужъ меньше всего отъ позиціи.

— А отъ чего же?

— Отъ того чувства, которое есть во мнѣ, въ немъ,— онъ указалъ на Тимохина—въ каждомъ солдатѣ.

Князь Андрей взглянулъ на Тимохина, который испуганно и недоумѣвая смотрѣлъ на своего командира. Въ противность своей прежней сдержанной молчаливости, князь Андрей казался теперь взволнованнымъ. Онъ видимо не могъ удержаться отъ высказыванія тѣхъ мыслей, которыя неожиданно приходили ему.

— Сраженіе выигрываетъ тотъ, кто твердо рѣшилъ его выиграть. Отчего мы подъ Аустерлицемъ проиграли сраженіе? У насъ потеря была почти равная съ Французами; но мы сказали себѣ очень рано, что мы проиграли сраженіе, и проиграли. А сказали мы это потому, что намъ тамъ не зачѣмъ было драться: поскорѣе хотѣлось уйти съ поля сраженія. «Проиграли — ну такъ бѣжать!» мы и побѣжали. Ежели бы до вечера мы не говорили этого, Богъ знаетъ что бы было. А завтра мы этого не скажемъ. Ты говоришь: наша позиція, лѣвый флангъ слабъ, правый флангъ растянутъ, продолжалъ онъ, все это вздоръ, ничего этого нѣтъ. А что намъ предстоитъ завтра? сто милліоновъ самыхъ разнообразныхъ случайностей, которыя будутъ рѣшаться мгновенно тѣмъ, что побѣжали или побѣгутъ они или наши, что убьютъ того, убьютъ другаго; а то, что дѣлается теперь — все это забава. Дѣло въ томъ, что нетолько тѣ,

съ кѣмъ ты ѣздилъ по позиціи, нетолько не содѣйствуютъ общему ходу дѣлъ, но мѣшаютъ сему. Они заняты только своими маленькими интересами.

— Въ такую минуту? укоризненно сказалъ Пьеръ.

— *Въ такую минуту*, повторилъ князь Андрей, для нихъ это только такая минута, въ которую можно подкопаться подъ врага и получить лишній крестикъ или ленточку. Для меня на завтра вотъ что. Стотысячное русское и стотысячное французское войска сошлись драться, и фактъ въ томъ, что эти 200 тысячъ дерутся, и кто будетъ злѣй драться и себя меньше жалѣть, тотъ побѣдитъ. И хочешь, я тебѣ скажу, что, что бы тамъ ни было, что бы ни путали тамъ вверху, мы выиграемъ сраженіе завтра. Завтра, что бы тамъ ни было, мы выиграемъ сраженіе!

— Вотъ, ваше сіятельство, правда, правда истинная, проговорилъ Тимохинъ,—что себя жалѣть теперь! Солдаты въ моемъ батальонѣ, повѣрите ли, не стали водку пить: нетакой день, говорятъ.—Всѣ помолчали.

Офицеры поднялись. Князь Андрей вышелъ съ ними за сарай, отдавая послѣднія приказанія адъютанту. — Когда офицеры ушли, Пьеръ подошелъ къ князю Андрею и только что хотѣлъ начать разговоръ, какъ по дорогѣ недалеко отъ сарая застучали копыта трехъ лошадей и, взглянувъ по этому направленію, князь Андрей узналъ Вольцогена съ Клаузевицомъ, сопутствуемыхъ казакомъ. Они близко проѣхали, продолжая разговаривать, и Пьеръ съ Андреемъ невольно услыхали слѣдующія фразы: «Der Krieg muss im Raum verlegt werden. Der Ansicht kann ich nicht genug Preis geben, говорилъ одинъ.

— O ja, сказалъ другой голосъ, der Zweck ist nur den Feind zu schwächen, so kann man gewiss nicht den Verlust der Privat-Personen in Achtung nehmen.

— O ja, подтвердилъ первый голосъ.

— Да, im Raum verlegen, повторилъ, злобно фыркая но-

сомъ, князь Андрей, когда они проѣхали. Im Raum-то у меня остался отецъ, и сынъ, и сестра въ Лысыхъ Горахъ. Ему это все равно. Вотъ оно то что̀ я тебѣ говорилъ— эти господа-Нѣмцы завтра не выиграютъ сраженія, а только нагадятъ, сколько ихъ силъ будетъ, потому что въ его нѣмецкой головѣ только разсужденія, не стоящія выѣденнаго яйца, а въ сердцѣ нѣтъ того, что̀ одно только и нужно на завтра, то что̀ есть въ Тимохинѣ. Они всю Европу отдали *ему* и пріѣхали насъ учить—славные учителя! опять взвизгнулъ его голосъ.

— Такъ вы думаете, что завтрашнее сраженіе будетъ выиграно? сказалъ Пьеръ.

— Да, да, разсѣянно сказалъ князь Андрей. Одно, что бы я сдѣлалъ, ежели бы имѣлъ власть, началъ онъ опять я не бралъ бы плѣнныхъ. Что такое плѣнные? Это рыцарство. Французы разорили мой домъ и идутъ разорить Москву, оскорбили и оскорбляютъ меня всякую секунду. Они враги мои, они преступники всѣ по моимъ понятіямъ. И также думаетъ Тимохинъ и вся армія. Надо ихъ казнить. Ежели они враги мои, то не могутъ быть друзьями, какъ бы они тамъ не разговаривали въ Тильзитѣ.

— Да, да, проговорилъ Пьеръ, блестящими глазами глядя на князя Андрея, я совершенно, совершенно согласенъ съ вами! Тотъ вопросъ, который съ Можайской горы и во весь этотъ день тревожилъ Пьера, теперь представился ему совершенно яснымъ и вполнѣ разрѣшеннымъ. Онъ понялъ теперь весь смыслъ и все значеніе этой войны и предстоящаго сраженія. Все что̀ онъ видѣлъ въ этотъ день, всѣ значительныя, строгія выраженія лицъ, которыя онъ мелькомъ видѣлъ, освѣтились для него новымъ свѣтомъ. Онъ понялъ ту скрытую (latente) какъ говорится въ физикѣ, теплоту патріотизма, которая была во всѣхъ тѣхъ людяхъ, которыхъ онъ видѣлъ и которая объясняла ему то, зачѣмъ всѣ эти люди спокойно и какъ будто легкомысленно готовились къ смерти.

«Не брать плѣнныхъ, продолжалъ князь Андрей. Это одно измѣнило бы всю войну и сдѣлало бы ее менѣе жестокой. А то мы играли въ войну,—вотъ что скверно, мы великодушничаемъ и т. п. Это великодушничанье и чувствительность—въ родѣ великодушія и чувствительности барыни, съ которой дѣлается дурнота, когда она видитъ убиваемаго теленка: она такъ добра, что не можетъ видѣть кровь, но она съ аппетитомъ кушаетъ этого теленка подъ соусомъ. Намъ толкуютъ о правахъ войны, о рыцарствѣ, о парламентерствѣ, щадить несчастныхъ и т. д. Все вздоръ, я видѣлъ въ 1805-мъ году рыцарство, парламентерство: насъ надули, мы надули. Грабятъ чужіе дома, пускаютъ фальшивыя ассигнаціи, да, хуже всего, убиваютъ моихъ дѣтей, моего отца и говорятъ о правилахъ войны и великодушіи къ врагамъ. Не брать плѣнныхъ, а убивать и идти на смерть! Кто дошелъ до этого, такъ какъ я, тѣми же страданіями»... Князь Андрей, думавшій, что ему было все равно, возьмутъ ли или не возьмутъ Москву такъ какъ взяли Смоленскъ, внезапно остановился въ своей рѣчи отъ неожиданной судороги, схватившей его за горло. Онъ прошелся нѣсколько разъ молча, но глаза его лихорадочно блестѣли, и губа дрожала, когда онъ опять сталъ говорить.

Ежели бы не было великодушничанья на войнѣ, то мы шли бы только тогда, когда стóитъ того идти на вѣрную смерть, какъ теперь. Тогда не было бы войны за то, что Павелъ Иванычъ обидѣлъ Михаила Иваныча. А ежели война какъ теперь, такъ война. И тогда интенсивность войскъ была бы не та, какъ теперь. Тогда бы всѣ эти Вестфальцы и Гессенцы, которыхъ ведетъ Наполеонъ, не пошли бы за нимъ въ Россію, и мы бы не ходили драться въ Австрію и въ Пруссію, сами не зная зачѣмъ. Война не любезность, а самое гадкое дѣло въ жизни, и надо понимать это, а не играть въ войну. Надо принимать строго и серьезно эту страшную необходимость. Все въ этомъ: откинуть

ложь, и война такъ война, а не игрушка. А то война—это любимая забава праздныхъ и легкомысленныхъ людей. Военное сословіе самое почетное».

«А что такое война, что нужно для успѣха въ военномъ дѣлѣ, какіе нравы военнаго общества? Цѣль войны—убійство, орудія войны—шпіонство, измѣна и поощреніе ея, разореніе жителей, ограбленіе ихъ или воровство для продовольствія арміи; обманъ и ложь, называемые военными хитростями; нравы военнаго сословія—отсутствіе свободы т. е. дисциплина, праздность, невѣжество, жестокость, развратъ, пьянство. И несмотря на то, это—высшее сословіе почитаемое всѣми. Всѣ цари, кромѣ китайскаго, носятъ военный мундиръ, и тому, кто больше убилъ народа, даютъ бо̀льшую награду.

«Сойдутся, какъ завтра, на убійство другъ друга, перебьютъ, переколѣчатъ десятки тысячъ людей, а потомъ будутъ служить благодарственные молебны за то, что побили много людей (которыхъ число еще прибавляютъ) и провозглашаютъ побѣду, полагая, что чѣмъ больше побито людей, тѣмъ больше заслуга. Какъ Богъ оттуда смотритъ и слушаетъ ихъ!» тонкимъ, писклывымъ голосомъ прокричалъ князь Андрей. «Ахъ, душа моя, послѣднее время мнѣ стало тяжело жить. Я вижу, что сталъ понимать слишкомъ много. А не годится человѣку вкушать отъ древа познанія добра и зла.... Ну да не надолго!» прибавилъ онъ.

«Однако ты спишь, да и мнѣ пора, поѣзжай въ Горки,» вдругъ сказалъ князь Андрей.

— О нѣтъ! отвѣчалъ Пьеръ, испуганно-соболѣзнующими глазами глядя на князя Андрея.

— Поѣзжай, поѣзжай: передъ сраженіемъ нужно выспаться, повторилъ князь Андрей. Онъ быстро подошелъ къ Пьеру, обнялъ его и поцѣловалъ. Прощай, ступай, прокричалъ онъ. Увидимся ли, нѣтъ... и онъ, поспѣшно повернувшись, ушелъ въ сарай.

Было уже темно, и Пьеръ не могъ разобрать того выраженія, которое было на лицѣ князя Андрея, было ли оно злобно или нѣжно.

Пьеръ постоялъ нѣсколько времени молча, раздумывая, пойти ли за нимъ или ѣхать домой. «Нѣтъ ему не нужно!» рѣшился самъ собой Пьеръ, «и я знаю, что это наше послѣднее свиданіе». Онъ тяжело вздохнулъ и поѣхалъ назадъ въ Горки.

Князь Андрей, вернувшись въ сарай, легъ на коверъ, но не могъ спать.

Онъ закрылъ глаза. Одни образы смѣнялись другими. На одномъ на чемъ-то онъ долго, радостно остановился. Онъ живо вспомнилъ одинъ вечеръ въ Петербургѣ. Наташа съ оживленнымъ, взволнованнымъ лицомъ разсказывала ему, какъ она въ прошлое лѣто, ходя за грибами, заблудилась въ большомъ лѣсу. Она несвязно описывала ему и глушь лѣса, и свои чувства, и разговоры съ пчельникомъ, котораго она встрѣтила, и всякую минуту перерываясь въ своемъ разсказѣ, говорила: «нѣтъ, не могу, я не такъ разсказываю; нѣтъ, вы не понимаете,» не смотря на то, что князь Андрей успокоивалъ ее, говоря, что онъ понимаетъ, и дѣйствительно понималъ все, что̀ она хотѣла сказать. Наташа была недовольна своими словами,—она чувствовала, что не выходило то страстно-поэтическое ощущеніе, которое она испытала въ этотъ день, и которое она хотѣла выворотить наружу. «Это такая прелесть былъ этотъ старикъ, и темно такъ въ лѣсу... и такіе добрые у него.... нѣтъ, я не умѣю разсказать,» говорила, она краснѣя и волнуясь.—Князь Андрей улыбнулся теперь той же радостной улыбкой, которой онъ улыбался тогда, глядя ей въ глаза. «Я понималъ ее, думалъ князь Андрей. Не только понималъ, но эту-то душевную силу, эту искренность, эту открытность душевную, эту-то душу ея, которую какъ будто связывало тѣло, эту-то душу я и любилъ въ ней... такъ

сильно, такъ счастливо любилъ».. — И вдругъ онъ вспомнилъ о томъ, чѣмъ кончилась его любовь. «*Ему* ничего этаго не нужно было. *Онъ* ничего этаго не видѣлъ и не понималъ. Онъ видѣлъ въ ней хорошенькую и *свѣженькую* дѣвочку, съ которой онъ не удостоилъ связать свою судьбу. А я?.... И до сихъ поръ онъ живъ и веселъ.»

Князь Андрей, какъ будто кто нибудь обжогъ его, вскочилъ и сталъ опять ходить передъ сараемъ.

XXVI.

25-го августа, наканунѣ Бородинскаго сраженія, префектъ дворца императора Французовъ, M-r de Beausset и полковникъ Fabvier пріѣхали первый изъ Парижа, второй изъ Мадрида, къ императору Наполеону въ его стоянку у Валуева.

Переодѣвшись въ придворный мундиръ, M. de Beausset приказалъ нести впереди себя привезенную имъ императору посылку и вошелъ въ первое отдѣленіе палатки Наполеона, гдѣ, переговариваясь съ окружившими его адъютантами, Наполеона, занялся раскупориваніемъ ящика.

Fabvier, не входя въ палатку, остановился, разговорясь съ знакомыми генералами, у входа въ нее.

Императоръ Наполеонъ еще не выходилъ изъ своей спальни и оканчивалъ свой туалетъ. Онъ, пофыркивая и покряхтывая, поворачивался то толстой спиной, то обросшей жирной грудью подъ щетку, которою камердинеръ растиралъ его тѣло. Другой камердинеръ, придерживая пальцомъ склянку, брызгалъ одеколономъ на выхоленное тѣло императора съ такимъ выраженіемъ, которое говорило, что онъ одинъ могъ знать, сколько и куда надо брызнуть одеколону. Короткіе волосы Наполеона были мокры и спутаны на лобъ. Но лицо его, хотя опухшее и желтое, выражало физическое удовольствіе: Allez ferme, allez toujours:.. приговаривалъ

онъ, пожимаясь и покряхтывая, растиравшему камердинеру. Адъютантъ, вошедшій въ спальню съ тѣмъ чтобы доложить императору о томъ, сколько было во вчерашнемъ дѣлѣ взято плѣнныхъ, передавъ то что̀ нужно было, стоялъ у двери, ожидая позволенія уйди. Наполеонъ сморщась взглянулъ изъ подлобья на адъютанта.

— Point de prisonniers, повторилъ онъ слова адъютанта. Ils se font demolir. Tant pis pour l'armée Russe, сказалъ онъ. Allez toujours, allez ferme, проговорилъ онъ, горбатясь и подставляя свои жирныя плечи.

— C'est bien! Faites entrer M-r de Bausset, ainsi que Fabvier, сказалъ онъ адъютанту, кивнувъ головой.

— Oui, Sire, и адъютантъ изчезъ въ дверь палатки.

Два камердинера быстро одѣли его величество, и онъ, въ гвардейскомъ синемъ мундирѣ, твердыми, быстрыми шагами вышелъ въ пріемную.

Боссе въ это время торопился руками, устанавливая привезенный имъ подарокъ отъ императрицы на двухъ стульяхъ, прямо передъ входомъ императора. Но императоръ такъ неожиданно скоро одѣлся и вышелъ, что онъ не успѣлъ вполнѣ приготовить сюрпризъ.

Наполеонъ тотчасъ замѣтилъ то, что̀ они дѣлали и догадался, что они были еще не готовы. Онъ не захотѣлъ лишить ихъ удовольствія сдѣлать ему сюрпризъ. Онъ притворился, что не видитъ господина Боссе, и подозвалъ къ себѣ Фабвье. Наполеонъ слушалъ, строго нахмурившись и молча то, что̀ говорилъ Фабвье о храбрости и преданности его войскъ, дравшихся при Саламанкѣ на другомъ концѣ Европы и имѣвшихъ только одну мысль—быть достойными своего императора, и одинъ страхъ—не угодить ему. Результатъ сраженія былъ печальный. Наполеонъ дѣлалъ ироническія замѣчанія во время разсказа Fabvier, какъ будто онъ и не предполагалъ, чтобы дѣло могло идти иначе въ его отсутствіи.

— Я долженъ поправить это въ Москвѣ, сказалъ Наполеонъ.—А tantôt, прибавилъ онъ и подозвалъ де Боссе, который въ это время уже успѣлъ приготовить сюрпризъ, уставивъ что-то на стульяхъ, и накрылъ что-то покрываломъ.

Де Боссе низко поклонился тѣмъ придворнымъ французскимъ поклономъ, которымъ умѣли кланяться только старые слуги Бурбоновъ и подошелъ, подавая конвертъ.

Наполеонъ весело обратился къ нему и подралъ его за ухо.

— Вы поспѣшили, очень радъ. Ну что говоритъ Парижъ? сказалъ онъ, вдругъ измѣняя свое прежде строгое на самое ласковое выраженіе.

— Sire, tout Paris regrette votre absence[1]), какъ и должно, отвѣтилъ де Боссе. Но хотя Наполеонъ зналъ, что Боссе долженъ сказать это или тому подобное, хотя онъ въ свои ясныя минуты зналъ, что это было не правда, ему пріятно было это слышать отъ де Боссе. Онъ опять удостоилъ его прикосновенія за ухо.

— Je suis fâché de vous avoir fait faire tant de chemin, сказалъ онъ.

— Sire! Je ne m'attendais pas à moins qu' à vous trouver aux portes de Moscou, [2]) сказалъ Боссе.

Наполеонъ улыбнулся и разсѣянно поднявъ голову оглянулся на право. Адъютантъ плывущимъ шагомъ подошелъ съ золотой табакеркой и подставилъ ее. Наполеонъ взялъ ее.

— Да, хорошо случилось для васъ, сказалъ онъ, приставляя раскрытую табакерку къ носу: вы любите путешествовать, черезъ три дня вы увидите Москву. Вы вѣр-

---

[1]) Весь Парижъ сожалѣетъ о вашемъ отсутствіи.

[2]) Я ожидалъ не менѣе того, какъ найти васъ, государь, у воротъ Москвы.

но не ждали увидать азіатскую столицу. Вы сдѣлаете пріятное путешествіе.

Боссе поклонился съ благодарностью за эту внимательность къ его (неизвѣстной ему до сей поры) склонности путешествовать.

— А! это что? сказалъ Наполеонъ, замѣтивъ, что всѣ придворные смотрѣли на что-то, покрытое покрываломъ. Боссе съ придворной ловкостью, не показывая спины, сдѣлалъ въ полуоборотъ два шага назадъ и въ одно и тоже время сдернулъ покрывало и проговорилъ: — Подарокъ вашему величеству отъ императрицы.

Это былъ яркими красками написанный Жераромъ портретъ мальчика рожденнаго отъ Наполеона и дочери Австрійскаго императора, котораго почему-то всѣ называли королемъ Рима.

Весьма красивый, курчавый мальчикъ со взглядомъ похожимъ на взглядъ Христа въ Сикстинской мадоннѣ, изображенъ былъ играющимъ въ бильбоке. Шаръ представлялъ земной шаръ, а палочка въ другой рукѣ — изображала скипетръ.

Хотя не совсѣмъ ясно было, что̀ именно хотѣлъ выразить живописецъ, представивъ такъ называемаго короля Рима протыкающимъ земной шаръ палочкой, но аллегорія эта, также какъ и всѣмъ видѣвшимъ картину въ Парижѣ, такъ и Наполеону очевидно показалась ясною и весьма понравилась.

— Roi de Rome, сказалъ онъ, граціознымъ жестомъ руки указывая на портретъ. Admirable! Съ свойственной Итальянцамъ способностью измѣнять произвольно выраженіе лица, онъ подошелъ къ портрету и сдѣлалъ видъ задумчивой нѣжности. Онъ чувствовалъ, что то, что̀ онъ скажетъ и сдѣлаетъ теперь — есть исторія. И ему казалось, что лучшее, что̀ онъ можетъ сдѣлать теперь—это то, чтобы онъ

съ своимъ величіемъ, вслѣдствіе котораго сынъ его въ бильбоке игралъ земнымъ шаромъ, чтобы онъ выказалъ въ противуположность этого величія, самую простую отеческую нѣжность. Глаза его отуманились, онъ подвинулся, оглянулся на стулъ (стулъ подскочилъ подъ него) и сѣлъ на него противъ портрета. Одинъ жестъ его, и всѣ на цыпочкахъ вышли, предоставляя самому себѣ и его чувству—великаго человѣка.

Посидѣвъ нѣсколько времени и дотронувшись самъ не зная для чего до шероховатости блика портрета, онъ всталъ и опять позвалъ Боссе и дежурнаго. Онъ приказалъ вынести портретъ передъ палатку, чтобы не лишить старую гвардію, стоявшую около его палатки, счастья видѣть Римскаго короля, сына и наслѣдника ихъ обожаемаго государя.

Какъ онъ и ожидалъ, въ то время, какъ онъ завтракалъ съ господиномъ Боссе, удостоившимся этой чести, передъ палаткой слышались восторженные клики сбѣжавшихся къ портрету офицеровъ и солдатъ старой гвардіи.

— Vive l'Empereur! Vive le Roi de Rome! Vive l'Empereur! слышались восторженные голоса.

Послѣ завтрака, Наполеонъ, въ присутствіи Боссе, продиктовалъ свой приказъ по арміи.

— Courte et energique! проговорилъ Наполеонъ, когда онъ прочелъ самъ, сразу безъ поправокъ, написанную прокламацію. Въ приказѣ было:

«Воины! Вотъ сраженіе, котораго вы столько желали. «Побѣда зависитъ отъ васъ. Она необходима для насъ; «она доставитъ намъ все нужное, удобныя квартиры и «скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ «вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и «Смоленскѣ. Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспо«минаетъ о вашихъ подвигахъ въ сей день. Да скажутъ

«о каждомъ изъ васъ: онъ былъ въ великой битвѣ подъ «Москвою!»

— De la Moskowa! повторилъ Наполеонъ и, пригласивъ къ своей прогулкѣ господина Боссе, любившаго путешествовать, онъ вышелъ изъ палатки къ осѣдланнымъ лошадямъ.

— Votre Majesté a trop de bonté, сказалъ Боссе на приглашеніе сопутствовать императору: ему хотѣлось спать, и онъ не умѣлъ и боялся ѣздить верхомъ.

Но Наполеонъ кивнулъ головой путешественнику, и Боссе долженъ былъ ѣхать. Когда Наполеонъ вышелъ изъ палатки, крики гвардейцевъ передъ портретомъ его сына еще болѣе усилились: Наполеонъ нахмурился.

— Снимите его, сказалъ онъ, граціозно-величественнымъ жестомъ указывая на портретъ. Ему еще рано видѣть поле сраженія.

Боссе, закрывъ глаза и склонивъ голову, глубоко вздохнулъ, этимъ жестомъ показывая, какъ онъ умѣлъ цѣнить и понимать слова императора.

XXVII.

Весь этотъ день 25-го Августа, какъ говорятъ его историки, Наполеонъ провелъ на конѣ, осматривая мѣстность, обсуживая планы, представляемые ему его маршалами, и отдавая лично приказанія своимъ генераламъ.

Первоначальная линія расположенія Русскихъ войскъ, по Колочѣ, была переломлена и часть этой линіи, именно лѣвый флангъ Русскихъ, вслѣдствіе взятія Шевардинскаго редута 24-го числа, была отнесена назадъ. Эта часть линіи была не укрѣплена, не защищена болѣе рѣкою, и передъ нею одною было болѣе открытое и ровное мѣсто. Очевидно было для всякаго военнаго, что эту часть линіи и должно было атаковать Французамъ. Каза-

лось, что для этого не нужно было много соображеній, не нужно было такой заботливости и хлопотливости императора и его маршаловъ, и вовсе не нужно той особенной высшей способности, называемой геніальностью, которую такъ любятъ приписывать Наполеону; но историки, впослѣдствіи описывавшіе это событіе, и люди, тогда окружавшіе Наполеона, и онъ самъ, думали иначе.

Наполеонъ ѣздилъ по полю, глубокомысленно вглядывался въ мѣстность, самъ съ собой одобрительно или недовѣрчиво качалъ головой и, не сообщая окружавшимъ его генераламъ того глубокомысленнаго хода, который руководилъ его рѣшеньями, передавалъ имъ только окончательные выводы въ формѣ приказаній. Выслушавъ предложеніе Даву, называемаго герцогомъ Экмюльскимъ, о томъ, чтобы обойти лѣвый флангъ Русскихъ, Наполеонъ сказалъ, что этого не нужно дѣлать, не объясняя, почему этаго не нужно было дѣлать. На предложеніе же генерала Компана (который долженъ былъ атаковать флеши), провести свою дивизію лѣсомъ, Наполеонъ изъявилъ свое согласіе, несмотря на то, что такъ называемый герцогъ Эльхингенскій, т. е. Ней, позволилъ себѣ замѣтить, что движеніе по лѣсу опасно и можетъ разстроить дивизію.

Осмотрѣвъ мѣстность противъ Шевардинскаго редута, Наполеонъ подумалъ нѣсколько времени молча, и указалъ на мѣста, на которыхъ должны были быть устроены къ завтрему двѣ батареи для дѣйствія противъ Русскихъ укрѣпленій, и мѣста, гдѣ рядомъ съ ними должна была выстроиться полевая артиллерія.

Отдавъ эти и другія приказанія, онъ вернулся въ свою ставку, и подъ его диктовку была написана диспозиція сраженія.

Диспозиція эта, про которую съ восторгомъ говорятъ французскіе историки, и съ глубокимъ уваженіемъ другіе историки, была слѣдующая:

«Съ разсвѣтомъ двѣ новыя батареи, устроенныя въ но-«чи, на равнинѣ, занимаемой принцемъ Экмюльскимъ от-«кроютъ огонь по двумъ противустоящимъ батареямъ непрі-«ятельскимъ.

«Въ это же время начальникъ артиллеріи 1-го корпуса, «генералъ Пернетти, съ 30-ю орудіями дивизіи Компана и «всѣми гаубицами дивизіи Дессѐ и Фріана, двинется впе-«редъ, откроетъ огонь и засыплетъ гранатами непріятель-«скую батарею, противъ которой будутъ дѣйствовать:

24 орудія гвардейской артиллеріи,
30 орудій дивизіи Компана
и 8 орудій дивизій Фріана и Дессѐ.

«всего. . . 62 орудія.

«Начальникъ артиллеріи 3-го корпуса, генералъ Фуше, «поставитъ всѣ гаубицы 3-го и 8-го корпусовъ, всего 16, «по флангамъ батареи, которая назначена обстрѣливать лѣ-«вое укрѣпленіе, что составитъ противъ него вообще 40 «орудій.

«Генералъ Сорбье долженъ быть готовъ, по первому при-«казанію, вынестись со всѣми гаубицами гвардейской ар-«тиллеріи противъ однаго, либо другаго укрѣпленія.

«Въ продолженіе канонады, князь Понятовскій напра-«вится на деревню, въ лѣсъ, и обойдетъ непріятельскую «позицію.

«Генералъ Компанъ двинется черезъ лѣсъ, чтобы овла-«дѣть первымъ укрѣпленіемъ.

«По вступленіи такимъ образомъ въ бой, будутъ даны «приказанія соотвѣтственно дѣйствіямъ непріятеля.

«Канонада на лѣвомъ флангѣ начнется, какъ только бу-«детъ услышана канонада праваго крыла. Стрѣлки дивизіи «Морана и дивизій вице-короля откроютъ сильный огонь, «увидя начало атаки праваго крыла.

«Вице-король завладѣетъ деревней[1]) и перейдетъ по «своимъ тремъ мостамъ, слѣдуя на одной высотѣ съ дивизіями Морана и Жерара, которыя, подъ его предводительствомъ, направятся къ редуту и войдутъ въ линію съ «прочими войсками арміи.

«Все это должно быть исполнено въ порядкѣ (le tout se «fera avec ordre et methode), сохраняя по возможности «войска въ резервѣ.

«Въ императорскомъ лагерѣ близъ Можайска, 6-го Сентября, 1812-го года».

Диспозиція эта, весьма неясно и спутанно написанная, ежели позволить себѣ безъ религіознаго ужаса къ геніальности Наполеона относиться къ распоряженіямъ его, заключала въ себѣ четыре пункта—четыре распоряженія. Ниодно изъ этихъ распоряженій не могло быть и не было исполнено.

Въ диспозиціи сказано, первое, *чтобы устроенныя на выбранномъ Наполеономъ мѣстѣ батареи съ имѣющими выравняться съ ними орудіями Пернетти и Фуше, всего 102 орудія, открыли огонь и засыпали Русскіе флеши и редутъ снарядами.* Это не могло быть сдѣлано, такъ какъ, съ назначенныхъ Наполеономъ мѣстъ, снаряды не долетали до Русскихъ работъ, и эти 102 орудія стрѣляли по пустому до тѣхъ поръ, пока ближайшій начальникъ, противно приказанію Наполеона, не выдвинулъ ихъ впередъ.

Второе распоряженіе состояло въ томъ, чтобы *Понятовскій, направясь на деревню въ лѣсъ, обошелъ лѣвое крыло Русскихъ.* Это не могло быть и не было сдѣлано, потому что Понятовскій, направясь на деревню въ лѣсъ, встрѣтилъ тамъ загораживающаго ему дорогу Тучкова, и не могъ обойти и не обошелъ Русскую позицію.

---

[1]) Бородинымъ.

Третье распоряженіе: *Генералъ Компанъ двинется въ лѣсъ, чтобы овладѣть первымъ укрѣпленіемъ.* Дивизія Компана не овладѣла первымъ укрѣпленіемъ, а была отбита, потому что, выходя изъ лѣса, она должна была строиться подъ картечнымъ огнемъ, чего не зналъ Наполеонъ.

Четвертое: *Вице-король овладѣетъ деревнею* (Бородинымъ) *и перейдетъ по своимъ тремъ мостамъ, слѣдуя на одной высотѣ съ дивизіями Морана и Фріана* (о которыхъ не сказано куда и когда они будутъ двигаться) *которыя подъ его предводительствомъ направятся къ редуту и войдутъ въ линію съ прочими войсками.*

Сколько можно понять если не изъ безтолковаго періода этого, то изъ тѣхъ попытокъ, которыя дѣланы были вице-королемъ исполнить данныя ему приказанія: онъ долженъ былъ двинуться черезъ Бородино слѣва на редутъ, дивизіи же Морана и Фріана должны были двинуться одновременно съ фронта.

Все это также какъ и другіе пункты диспозиціи не было и не могло быть исполнено. Пройдя Бородино, вице-король былъ отбитъ на Колочѣ и не могъ пройти дальше; дивизіи же Морана и Фріана не взяли редутъ, а были отбиты, и редутъ въ концѣ сраженія уже былъ захваченъ кавалеріей (вѣроятно непредвидѣнное дѣло для Наполеона и неслыханное). И такъ ни одно изъ распоряженій диспозиціи не было и не могло быть исполнено. Но въ диспозиціи сказано: что по вступленіи такимъ образомъ въ бой, будутъ даны приказанія, соотвѣтственныя дѣйствіямъ непріятеля, и потому могло бы казаться, что во время сраженія будутъ сдѣланы Наполеономъ всѣ нужныя распоряженія; но этого не было, и не могло быть: потому что во все время сраженія Наполеонъ находился такъ далеко отъ него, что (какъ это и оказалось впослѣдствіи) ходъ сраженія ему не могъ быть извѣстенъ, и ни одно распоряженіе его во время сраженія не могло быть исполнено.

XXVIII.

Многіе историки говорятъ, что Бородинское сраженіе не выиграно Французами, потому что у Наполеона былъ насморкъ, что ежели бы у него не было насморка, то распоряженія его до-и во время сраженія были бы еще геніальнѣе, и Россія бы погибла, et la face du monde eut été changée. Для историковъ, признающихъ то, что Россія образовалась по волѣ одного человѣка, Петра Великаго, и Франція изъ Республики сложилась въ Имперію, и Французскія войска пошли въ Россію по волѣ одного человѣка, Наполеона, такое разсужденіе, что Россія осталась могущественна, потому что у Наполеона былъ большой насморкъ 26-го числа, такое разсужденіе для такихъ историковъ неизбѣжно-послѣдовательно.

Ежели отъ воли Наполеона зависѣло дать или не дать Бородинское сраженіе и отъ его воли зависѣло сдѣлать такое или другое распоряженіе, то очевидно, что насморкъ, имѣвшій вліяніе на проявленіе его воли, могъ быть причиной спасенія Россіи, и что поэтому тотъ камердинеръ, который забылъ подать Наполеону 24 числа непромокаемые сапоги, былъ спасителемъ Россіи. На этомъ пути мысли выводъ этотъ несомнѣненъ; также несомнѣненъ, какъ тотъ выводъ, который, шутя, (самъ не зная надъ чѣмъ), дѣлалъ Вольтеръ, говоря, что Варѳоломеевская ночь произошла отъ разстройства желудка Карла IX. Но для людей, не допускающихъ того, чтобы Россія образовалась по волѣ одного человѣка Петра I и чтобы Французская Имперія сложилась и война съ Россіей началась по волѣ одного человѣка Наполеона, разсужденіе это нетолько представляется невѣрнымъ, неразумнымъ, но и противнымъ всему существу человѣческому. На вопросъ о томъ, что составляетъ причину историческихъ событій, представляется другой от-

вѣтъ, заключающійся въ томъ, что ходъ мировыхъ событій предопредѣленъ свыше, зависитъ отъ совпаденія всѣхъ произволовъ людей, участвующихъ въ этихъ событіяхъ и что вліяніе Наполеоновъ на ходъ этихъ событій есть только внѣшнее и фиктивное.

Какъ ни странно кажется съ перваго взгляда предположеніе того, что Варѳоломеевская ночь, приказанье на которую отдано Карломъ IX, произошла не по его волѣ, а что ему только казалось, что онъ велѣлъ это сдѣлать, и что Бородинское побоище 80-ти тысячъ человѣкъ произошло не по волѣ Наполеона (несмотря на то, что онъ отдавалъ приказанія о началѣ и ходѣ сраженія) а что ему казалось только, что онъ это велѣлъ, какъ ни странно кажется это предположеніе: но человѣческое достоинство, говорящее мнѣ, что всякій изъ насъ ежели не больше, то никакъ не меньше человѣкъ, чѣмъ всякій Наполеонъ, велитъ допустить это рѣшеніе вопроса, и историческія изслѣдованія обильно подтверждаютъ это предположеніе.

Въ Бородинскомъ сраженіи Наполеонъ ни въ кого не стрѣлялъ и никого не убилъ. Все это дѣлали солдаты. Стало быть, не онъ убивалъ людей.

Солдаты Французской арміи шли убивать другъ друга въ Бородинскомъ сраженіи не вслѣдствіе приказанія Наполеона, но по собственному желанію. Вся армія, Французы, Итальянцы, Нѣмцы, Поляки — голодные, оборванные и измученные походомъ, въ виду арміи, загораживавшей отъ нихъ Москву, чувствовали, что le vin est tiré et qu'il faut le boire. Ежели бы Наполеонъ запретилъ имъ теперь драться съ Русскими, они бы его убили и пошли бы драться съ Русскими, потому что это было имъ необходимо.

Когда они слушали приказъ Наполеона, представлявшаго имъ за ихъ увѣчья и смерть въ утѣшеніе слова потомства о томъ, что и они были въ битвѣ подъ Москвою, они кричали: «Vive l'Empereur!» точно также, какъ они кричали

«Vive l'Empereur», при видѣ изображенія мальчика, протыкающаго земной шаръ палочкой отъ бильбоке, точно также какъ бы они кричали «Vive l'Empereur» при всякой безсмыслицѣ, которую бы имъ сказали. Имъ ничего больше не оставалось дѣлать, какъ кричать: «Vive l'Empereur!» и идти драться, чтобы найти пищу и отдыхъ побѣдителей въ Москвѣ. Стало быть, не вслѣдствіе приказанія Наполеона они убивали себѣ подобныхъ.

И не Наполеонъ распоряжался ходомъ сраженья, потому что изъ диспозиціи его ничего не было исполнено, и во время сраженія онъ не зналъ про то, что̀ происходило впереди его. Стало быть и то, какимъ образомъ эти люди убивали другъ друга происходило не по волѣ Наполеона, а шло независимо отъ него, по волѣ сотенъ тысячъ людей, участвовавшихъ въ общемъ дѣлѣ. Наполеону *казалось только*, что все дѣло происходило по волѣ его. И потому вопросъ о томъ, былъ ли или не былъ у Наполеона насморкъ, не имѣетъ для исторіи бо̀льшаго интереса, чѣмъ вопросъ о насморкѣ послѣдняго фурштатскаго солдата.

Тѣмъ болѣе 26-го Августа насморкъ Наполеона не имѣлъ значенія, что показанія писателей о томъ, будто насморкъ Наполеона былъ причиной его (не такъ хорошо составленной какъ прежнія) диспозиціи и распоряженій во время сраженія, не столько хорошихъ какъ прежнія, — совершенно несправедливы.

Выписанная здѣсь диспозиція нисколько не была хуже, а даже лучше всѣхъ прежнихъ диспозицій, по которымъ выигрывались сраженія. Мнимыя распоряженія во время сраженія были тоже не хуже прежнихъ, а точно такія же какъ и всегда. Но диспозиція и распоряженія эти кажутся только хуже прежнихъ потому, что Бородинское сраженіе было первое, которое не выигралъ Наполеонъ. Всѣ самыя прекрасныя и глубокомысленныя диспозиціи и распоряженія кажутся очень дурными, и каждый ученый-военный съ зна-

чительнымъ видомъ критикуетъ ихъ, когда сраженіе по нимъ не выиграно, и самыя плохія диспозиціи и распоряженія кажутся очень хорошими, и серьезные люди въ цѣлыхъ томахъ доказываютъ достоинства плохихъ распоряженій, когда по нимъ выиграно сраженіе.

Диспозиція, составленная Вейротеромъ въ Аустерлицкомъ сраженіи, была образецъ совершенства въ сочиненіяхъ этого рода, но ее все таки осудили, осудили за ея совершенство, за слишкомъ большую подробность.

Наполеонъ въ Бородинскомъ сраженіи исполнялъ свое дѣло представителя власти также хорошо и еще лучше, чѣмъ въ другихъ сраженіяхъ. Онъ не сдѣлалъ ничего вреднаго для хода сраженія; онъ склонялся на мнѣнія болѣе благоразумныя; онъ не путалъ, не противурѣчилъ самъ себѣ, не испугался и не убѣжалъ съ поля сраженія, а съ своимъ большимъ тактомъ и опытомъ войны, спокойно и достойно исполнялъ свою роль кажущагося начальствованья.

XXIX.

Вернувшись послѣ второй озабоченной поѣздки по линіи, Наполеонъ сказалъ:

— Шахматы поставлены, игра начнется завтра.

Велѣвъ подать себѣ пуншу и призвавъ Боссе, онъ началъ съ нимъ разговоръ о Парижѣ, о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ, которыя онъ намѣренъ былъ сдѣлать въ maison de l'impératrice, удивляя префекта своего памятливостью ко всѣмъ мелкимъ подробностямъ придворныхъ отношеній.

Онъ интересовался пустяками, шутилъ о любви къ путешествіямъ Боссе и небрежно болталъ такъ, какъ это дѣлаетъ знаменитый, увѣренный и знающій свое дѣло операторъ, въ то время какъ онъ засучиваетъ рукава и надѣваетъ фартукъ, а больнаго привязываютъ къ койкѣ. — «Дѣло все въ моихъ рукахъ и въ головѣ, ясно и опредѣ-

ленно. Когда надо будетъ приступить къ дѣлу, я сдѣлаю его какъ никто другой, а теперь могу шутить, и чѣмъ больше я шучу и спокоенъ, тѣмъ больше вы должны быть увѣрены, спокойны и удивлены моему генію».

Окончивъ свой второй стаканъ пунша, Наполеонъ пошелъ отдохнуть передъ серьезнымъ дѣломъ, которое, какъ ему казалось, предстояло ему на завтра.

Онъ такъ интересовался этимъ предстоящимъ ему дѣломъ, что не могъ спать и, несмотря на усилившійся отъ вечерней сырости насморкъ, въ три часа ночи, громко сморкаясь, вышелъ въ большое отдѣленіе палатки. Онъ спросилъ о томъ, не ушли ли Русскіе? Ему отвѣчали, что непріятельскіе огни все на тѣхъ же мѣстахъ. Онъ одобрительно кивнулъ головой.

Дежурный адъютантъ вошелъ въ палатку.

— Eh bien, Rapp, croyez vous, que nous ferons de bonnes affaires aujourd'hui? обратился онъ къ нему.

— Sans aucun doute, Sire, отвѣчалъ Раппъ.

Наполеонъ посмотрѣлъ на него.

— Vous rappelez-vous, Sire, ce que vous m'avez fait l'honneur de dire à Smolensk, сказалъ Раппъ — le vin est tiré, il faut le boire.

Наполеонъ нахмурился и долго молча сидѣлъ, опустивъ голову на руку.

— Cette pauvre armée, сказалъ онъ вдругъ, elle a bien diminuée depuis Smolensk. La fortune est une franche courtisane, Rapp; je le disais toujours, et je commence à l'éprouver. Mais la garde, Rapp, la garde est intacte? вопросительно сказалъ онъ.

— Oui, Sire, отвѣчалъ Раппъ.

Наполеонъ взялъ пастильку, положилъ ее въ ротъ и посмотрѣлъ на часы. Спать ему не хотѣлось, до утра было еще далеко; а чтобы убить время, распоряженій никакихъ

нельзя уже было дѣлать, потому что всѣ были сдѣланы и приводились теперь въ исполненіе.

— A-t-on distribué les biscuits et le riz aux régiments de la garde? строго спросилъ Наполеонъ.

— Oui, Sire.

— Mais le riz?

Раппъ отвѣчалъ, что онъ передалъ приказанья государя о рисѣ, но Наполеонъ недовольно покачалъ головой, какъ будто онъ не вѣрилъ, чтобы приказаніе его было исполнено. Слуга вошелъ съ пуншемъ. Наполеонъ велѣлъ подать другой стаканъ Раппу и молча отпивалъ глотки изъ своей.

— У меня нѣтъ ни вкуса, ни обонянія, сказалъ онъ, принюхиваясь къ стакану. Этотъ насморкъ надоѣлъ мнѣ. Они толкуютъ про медицину. Какая медицина, когда они не могутъ вылечить насморка. Корвизаръ далъ мнѣ эти пастильки, но они ничего не помогаютъ. Что они могутъ лечить? Лечить нельзя. Notre corps est une machine à vivre. Il est organisé pour cela, c'est sa nature; laissez-y la vie à son aise, qu'elle s'y defende elle même: elle fera plus que si vous la paralysiez en l'encombrant de remédes. Notre corps est comme une montre parfaite qui doit aller un certain temps; l'horloger n'a pas la faculté de l'ouvrir, il ne peut la manier qu'à tâtons et les yeux bandés. Notre corps est une machine à vivre, voilà tout. И какъ будто вступивъ на путь опредѣленій, définitions, которыя любилъ Наполеонъ, онъ вдругъ неожиданно сдѣлалъ новое опредѣленіе.

— Вы знаете-ли Раппъ, что такое военное исскуство? спросилъ онъ.—Искусство быть сильнѣе непріятеля въ извѣстный моментъ. Voilà tout.

Раппъ ничего не отвѣтилъ.

— Demain nous allons avoir affaire à Koutouzoff! сказалъ Наполеонъ. Посмотримъ. Помните, въ Браунау онъ командовалъ арміей и ни разу въ три недѣли не сѣлъ на лошадь, чтобы осмотрѣть укрѣпленія. Посмотримъ!

Онъ поглядѣлъ на часы. Было еще только 4 часа. Спать не хотѣлось, пуншъ былъ допитъ, и дѣлать все таки было нечего. Онъ всталъ, прошелся взадъ и впередъ, надѣлъ теплый сюртукъ и шляпу, и вышелъ изъ палатки. Ночь была темная и сырая; чуть слышная сырость падала сверху. Костры не ярко горѣли вблизи, во Французской гвардіи, и далеко сквозь дыма блестѣли по Русской линіи. Вездѣ было тихо, и ясно слышались шорохъ и топотъ начавшагося уже движенія Французскихъ войскъ для занятія позиціи.

Наполеонъ прошелся передъ палаткой, посмотрѣлъ на огни, прислушался къ топоту, и проходя мимо высокаго гвардейца, въ мохнатой шапкѣ, стоявшаго часовымъ у его палатки, и какъ черный столбъ вытянувшагося при появленіи императора, остановился противъ него.

— Съ котораго года въ службѣ? спросилъ онъ съ той привычной афектаціей грубой и ласковой воинственности, съ которой онъ всегда обращался съ солдатами. Солдатъ отвѣчалъ ему.

— Ah! un des vieux! Получили рисъ въ полкъ?

— Получили, ваше величество.

Наполеонъ кивнулъ головой и отошелъ отъ него.

Въ половинѣ шестаго, Наполеонъ верхомъ ѣхалъ къ деревнѣ Шевардину.

Начинало свѣтать, небо разчистило, только одна туча лежала на востокѣ. Покинутые костры догорали въ слабомъ свѣтѣ утра.

Вправо раздался густой одинокій, пушечный выстрѣлъ, пронесся и замеръ среди общей тишины. Прошло нѣсколько минутъ. Раздался второй, третій выстрѣлъ, заколебался воздухъ; четвертый, пятый раздались близко и торжественно гдѣ-то справа.

Еще не отзвучали первые выстрѣлы, какъ раздались еще другіе, еще и еще, сливаясь и перебивая одинъ другой.

Наполеонъ подъѣхалъ со свитой къ Шевардинскому редуту и слѣзъ съ лошади. Игра началась.

XXX.

Вернувшись отъ князя Андрея въ Горки, Пьеръ, приказавъ берейтору приготовить лошадей и рано утромъ разбудить его, тотчасъ же заснулъ за перегородкой, въ уголкѣ, который Борисъ уступилъ ему.

Когда Пьеръ совсѣмъ очнулся на другое утро, въ избѣ уже никого не было. Стекла дребезжали въ маленькихъ окнахъ. Берейторъ стоялъ, расталкивая его.

— Ваше сіятельство, ваше сіятельство, ваше сіятельство... упорно, не глядя на Пьера и видимо потерявъ надежду разбудить его, раскачивая его за плечо, приговаривалъ берейторъ.

— Что? Началось? Пора? заговорилъ Пьеръ проснувшись.

— Изволите слышать пальбу, сказалъ берейторъ, отставной солдатъ;—уже всѣ господа повышли, сами свѣтлѣйшіе давно проѣхали.

Пьеръ поспѣшно одѣлся и выбѣжалъ на крыльцо. На дворѣ было ясно, свѣжо, росисто и весело. Солнце, только что вырвавшись изъ-за тучи, заслонявшей его, брызнуло до половины переломленными тучей лучами черезъ крыши противуположной улицы, на покрытую росой пыль дороги, на стѣны домовъ, на окна забора и на лошадей Пьера, стоявшихъ у избы. Гулъ пушекъ яснѣе слышался на дворѣ. По улицѣ прорысилъ адъютантъ съ козакомъ.

— Пора, графъ, пора! прокричалъ адъютантъ.

Приказавъ вести за собой лошадь, Пьеръ пошелъ по улицѣ къ кургану, съ котораго онъ вчера смотрѣлъ на поле сраженія. На курганѣ этомъ была толпа военныхъ и слышался Французскій говоръ штабныхъ, и виднѣлась сѣдая

голова Кутузова, съ его бѣлой съ краснымъ околышемъ фуражкой и сѣдымъ затылкомъ, утонувшимъ въ плечи. Кутузовъ смотрѣлъ въ трубу впередъ по большой дорогѣ.

Войдя по ступенькамъ входа на курганъ, Пьеръ взглянулъ впереди себя и замеръ отъ восхищенья передъ красотою зрѣлища. Это была та же панорама, которою онъ любовался вчера съ этого кургана; но теперь вся эта мѣстность была покрыта войсками и дымами выстрѣловъ, и косые лучи яркаго солнца, поднимавшагося сзади лѣвѣе Пьера, кидали на нее въ чистомъ утреннемъ воздухѣ прорѣзывающій съ золотымъ и розовымъ оттѣнкомъ свѣтъ и темныя, длинныя тѣни. Дальніе лѣса, заканчивающіе панораму, точно высѣченные изъ какого-то драгоцѣннаго желто-зеленаго камня, виднѣлись своей изогнутой чертой вершинъ на горизонтѣ, и между ними за Валуевымъ прорѣзывалась большая Смоленская дорога, вся покрытая войсками. Ближе блестѣли золотыя поля и перелѣски. Вездѣ, спереди, справа и слѣва, виднѣлись войска. Все это было оживленно, величественно и неожиданно; но то, что болѣе всего поразило Пьера — это былъ видъ самаго поля сраженія, Бородина и лощины надъ Колочею по обѣимъ сторонамъ ея.

Надъ Колочею, въ Бородинѣ и по обѣимъ сторонамъ его, особенно влѣво, тамъ гдѣ, въ болотистыхъ берегахъ, Война впадаетъ въ Колочу, стоялъ тотъ туманъ, который таетъ, расплывается и просвѣчиваетъ при выходѣ яркаго солнца, и волшебно окрашиваетъ и очерчиваетъ все виднѣющееся сквозь него. Къ этому туману присоединялся дымъ выстрѣловъ, и по этому туману и дыму вездѣ блестѣли молніи утренняго свѣта, то по водѣ, то по росѣ, то по штыкамъ войскъ, толпившихся по берегамъ и въ Бородинѣ. Сквозь туманъ этотъ виднѣлась бѣлая церковь, кое-гдѣ крыши избъ Бородина, кое-гдѣ сплошныя массы солдатъ, кое-гдѣ зеленые ящики, пушки. И все это двигалось или казалось дви-

жущимся, потому что туманъ и дымъ тянулись по всему этому пространству. Какъ въ этой мѣстности низовъ около Бородина, покрытыхъ туманомъ, такъ и внѣ его, выше и особенно лѣвѣе по всей линіи, по лѣсамъ, по полямъ, въ низахъ, на вершинахъ возвышеній, зарождались безпрестанно сами собой изъ ничего, пушечные, то одинокіе, то гуртовые, то рѣдкіе, то частые клубы дымовъ, которые, распухая, разростаясь, клубясь, сливаясь, виднѣлись по всему этому пространству.

Эти дымы выстрѣловъ, и, странно сказать, звуки ихъ производили главную красоту зрѣлища.

— *Пуффъ!* вдругъ виднѣлся круглый, плотный, играющій лиловымъ, сѣрымъ и молочно-бѣлымъ цвѣтами—дымъ, и *бумъ* раздавался черезъ секунду звукъ этого дыма.

Пуфъ, пуфъ, поднимались два дыма, толкаясь и сливаясь; и бумъ, бумъ подтверждали звуки то, что̀ видѣлъ глазъ.

Пьеръ оглядывался на первый дымъ, который онъ оставилъ округлымъ, плотнымъ мячикомъ, и уже на мѣстѣ его были шары дыма, тянущагося въ сторону и пуфъ — (съ остановкой) пуфъ, пуфъ зарождались еще три, еще четыре, и на каждый съ тѣми же разстановками бумъ... бумъ, бумъ, отвѣчали красивые, твердые, вѣрные звуки. Казалось то, что дымы эти бѣжали, то что они стояли, и мимо нихъ бѣжали лѣса, поля и блестящіе штыки. Съ лѣвой стороны по полямъ и кустамъ безпрестанно зарождались эти большіе дымы съ своими торжественными отголосками, и ближе еще по низамъ и лѣсамъ вспыхивали маленькіе, не успѣвавшіе округляться—дымки ружей, и точно также давали свои маленькіе отголоски. Трахъ-та-та-тахъ, трещали ружья хотя и часто, но неправильно и бѣдно въ сравненіи съ орудейными выстрѣлами.

Пьеру захотѣлось быть тамъ, гдѣ были эти дымы, эти блестящіе штыки, это движенье, эти звуки.—Онъ оглянул-

ся на Кутузова и на его свиту, чтобы свѣрить свое впечатлѣніе съ другими. Всѣ точно также какъ и онъ, и, какъ ему казалось, съ тѣмъ же чувствомъ смотрѣли впередъ на поле сраженія. На всѣхъ лицахъ свѣтилась теперь та скрытая теплота (chaleur latente) чувства, которое Пьеръ замѣчалъ вчера и которое онъ понялъ совершенно послѣ своего разговора съ княземъ Андреемъ.

— Поѣзжай, голубчикъ, поѣзжай, Христосъ съ тобой, говорилъ Кутузовъ, не спуская глазъ съ поля сраженія, генералу, стоявшему подлѣ него.

Выслушавъ приказаніе, генералъ этотъ прошелъ мимо Пьера, къ сходу съ кургана.

— Къ переправѣ! холодно и строго сказалъ генералъ въ отвѣтъ на вопросъ одного изъ штабныхъ, куда онъ ѣдетъ.

«И я, и я», подумалъ Пьеръ и пошелъ по направленію за генераломъ.

Генералъ садился на лошадь, которую подалъ ему казакъ. Пьеръ подошелъ къ своему берейтору, державшему лошадей. Спросивъ, которая посмирнѣе, Пьеръ влѣзъ на лошадь, схватился за гриву, прижалъ коблуки вывернутыхъ ногъ къ животу лошади, и чувствуя, что очки его спадаютъ и что онъ не въ силахъ отнять рукъ отъ гривы и поводьевъ, поскакалъ за генераломъ, возбуждая улыбки штабныхъ, съ кургана смотрѣвшихъ на него.

XXXI.

Генералъ, за которымъ скакалъ Пьеръ, спустившись подъ гору, круто повернулъ въ лѣво, и Пьеръ, потерявъ его изъ вида, вскакалъ въ ряды пѣхотныхъ солдатъ, шедшихъ впереди его. Онъ нытался выѣхать изъ нихъ то впередъ, то влѣво, то вправо; но вездѣ были солдаты, съ одинаково-озабоченными лицами, занятыми какимъ-то невиднымъ, но очевидно важнымъ дѣломъ. Всѣ съ одинаково-недоволь-

но-вопросительнымъ взглядомъ смотрѣли на этого толстаго человѣка въ бѣлой шляпѣ, неизвѣстно для чего топчащаго ихъ своею лошадью.

— Чего ѣздитъ посреди батальона! крикнулъ на него одинъ. Другой толкнулъ прикладомъ его лошадь, и Пьеръ, прижавшись къ лукѣ и едва удерживая шарахнувшуюся лошадь, выскакалъ впередъ солдатъ, гдѣ было просторно.

Впереди его былъ мостъ, а у моста, стрѣляя, стояли другіе солдаты. Пьеръ подъѣхалъ къ нимъ. Самъ того не зная, Пьеръ заѣхалъ къ мосту черезъ Колочу, который былъ между Горками и Бородинымъ, и который въ первомъ дѣйствіи сраженія (занявъ Бородино) атаковали Французы. Пьеръ видѣлъ, что впереди его былъ мостъ, и что съ обѣихъ сторонъ моста и на томъ лугу, въ рядахъ лежащаго сѣна, котораго онъ не замѣтилъ вчера въ дыму, что-то дѣлали солдаты; но, несмотря на неумолкающую стрѣльбу, происходившую въ этомъ мѣстѣ, онъ никакъ не думалъ, что тутъ-то и было поле сраженія. Онъ не слыхалъ звуковъ пуль, визжавшихъ со всѣхъ сторонъ, и снарядовъ, перелетавшихъ черезъ него, не видалъ непріятеля, бывшаго на той сторонѣ рѣки, и долго не видалъ убитыхъ и раненныхъ, хотя многіе падали недалеко отъ него. Съ улыбкой, не сходившей съ его лица, онъ оглядывался вокругъ себя.

— Что ѣздитъ этотъ передъ линіей? опять крикнулъ на него кто-то.

— Влѣво, вправо возьми... кричали ему.

Пьеръ взялъ въ право и неожиданно съѣхался съ знакомымъ ему адъютантомъ генерала Раевскаго. Адъютантъ этотъ сердито взглянулъ на Пьера, очевидно сбираясь тоже крикнуть на него, но, узнавъ его, кивнулъ ему головой.

— Вы какъ тутъ? проговорилъ онъ и поскакалъ дальше.

Пьеръ, чувствуя себя не на своемъ мѣстѣ и безъ дѣла, боясь опять помѣшать кому нибудь, поскакалъ за адъютантомъ.

— Это здѣсь, чтоже? Можно мнѣ съ вами? спрашивалъ онъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, отвѣчалъ адъютантъ и, подскакавъ къ толстому полковнику, стоявшему на лугу, что-то передалъ ему и тогда уже обратился къ Пьеру.

— Вы зачѣмъ сюда попали, графъ? сказалъ онъ ему съ улыбкой. Все любопытствуете?

— Да, да, сказалъ Пьеръ. Но адъютантъ, повернувъ лошадь, ѣхалъ дальше. Здѣсь-то слава Богу, сказалъ адъютантъ; но на лѣвомъ флангѣ у Багратіона ужасная жарня идетъ.

— Неужели? спросилъ Пьеръ. — Это гдѣ же?

— Да вотъ поѣдемте со мной на курганъ, отъ насъ видно. А у насъ на батареѣ еще сносно, сказалъ адъютантъ.

— Да я съ вами, сказалъ Пьеръ, глядя вокругъ себя и отъискивая глазами своего берейтора. Тутъ только въ первый разъ Пьеръ увидалъ раненныхъ, бредущихъ пѣшкомъ и несомыхъ на носилкахъ. На томъ самомъ лужкѣ съ пахучими рядами сѣна, по которымъ онъ проѣзжалъ вчера, поперекъ рядовъ, неловко подвернувъ голову, неподвижно лежалъ одинъ солдатъ съ свалившимся киверомъ. — А этаго отчего не подняли? началъ было Пьеръ; но, увидавъ строгое лицо адъютанта, оглянувшагося въ туже сторону, онъ остановился.

Пьеръ не нашелъ своего берейтора и вмѣстѣ съ адъютантомъ низомъ поѣхалъ по лощинѣ къ кургану Раевскаго. Лошадь Пьера отставала отъ адъютанта и равномѣрно встряхивала его.

— Вы видно не привыкли верхомъ ѣздить, графъ? спросилъ адъютантъ.

— Нѣтъ, ничего, но что-то она прыгаетъ очень, съ недоумѣньемъ сказалъ Пьеръ.

— Ээ!... да она ранена, сказалъ адъютантъ, правая, передняя, выше колѣна. Пуля должно быть. Поздравляю, графъ, сказалъ онъ, — le baptême du feu.

Проѣхавъ въ дыму по шестому корпусу, позади артиллеріи, которая, выдвинутая впередъ, стрѣляла, оглушая своими выстрѣлами, они пріѣхали къ небольшому лѣсу. Въ лѣсу было прохладно, тихо и пахло осенью. Пьеръ и адъютантъ слѣзли съ лошадей и пѣшкомъ вошли на гору.

— Здѣсь генералъ? спросилъ адъютантъ, подходя къ кургану.

— Сейчасъ были, поѣхали сюда, указывая вправо, отвѣчали ему.

Адъютантъ оглянулся на Пьера, какъ бы не зная, что ему теперь съ нимъ дѣлать.

— Не безпокойтесь, сказалъ Пьеръ.—Я пойду на курганъ, можно?

— Да пойдите, оттуда все видно и не такъ опасно. А я заѣду за вами.

Пьеръ пошелъ на батарею, и адъютантъ поѣхалъ дальше. Больше они не видались, и уже гораздо послѣ Пьеръ узналъ, что этому адъютанту въ этотъ день оторвало руку.

Курганъ, на который вошелъ Пьеръ, былъ то знаменитое, (потомъ извѣстное у Русскихъ подъ именемъ курганной батареи или батареи Раевскаго, а у Французовъ подъ именемъ la grande redoute, la fatale redoute, la redoute du centre), мѣсто, вокругъ котораго положены десятки тысячъ людей, и которую Французы считали важнѣйшимъ пунктомъ позиціи.

Редутъ этотъ состоялъ изъ кургана, на которомъ съ трехъ сторонъ были выкопаны канавы. Въ окопанномъ канавами мѣстѣ стояли десять стрѣлявшихъ пушекъ, высунутыхъ въ отверстіе валовъ.

Въ линію съ курганомъ стояли съ обѣихъ сторонъ пушки, тоже безпрестанно стрѣлявшія. Немного позади пушекъ стояли пѣхотныя войска. Входя на этотъ курганъ, Пьеръ никакъ не думалъ, что это окопанное небольшими канавами

мѣсто, на которомъ стояло и стрѣляло нѣсколько пушекъ, было самое важное мѣсто въ сраженіи.

Пьеру, напротивъ, казалось, что это мѣсто (именно потому, что онъ находился на немъ) было одно изъ самыхъ незначительныхъ мѣстъ сраженія.

Войдя на курганъ, Пьеръ сѣлъ въ концѣ канавы, окружающей батарею и съ безсознательно-радостной улыбкой смотрѣлъ на то, что̀ дѣлалось вокругъ него. Изрѣдка Пьеръ все съ той же улыбкой вставалъ и, стараясь не помѣшать солдатамъ, заряжавшимъ и накатывавшимъ орудія, безпрестанно пробѣгавшимъ мимо его съ сумками и зарядами, прохаживался по батареѣ. Пушки съ этой батареи безпрестанно одна за другой стрѣляли, оглушая своими звуками и застилая всю окрестность пороховымъ дымомъ.

Въ противуположность той жуткости, которая чувствовалась между пѣхотными солдатами прикрытія, здѣсь, на батареѣ, гдѣ небольшое количество людей занятыхъ дѣломъ было ограничено, отдѣлено отъ другихъ канавой, здѣсь чувствовалось одинаковое и общее всѣмъ, какъ бы семейное оживленіе.

Появленіе невоенной фигуры Пьера въ бѣлой шляпѣ сначала непріятно поразило этихъ людей. Солдаты, проходя мимо его, удивленно и даже испуганно косились на его фигуру. Старшій артиллерійскій офицеръ, высокій съ длинными ногами, рябой человѣкъ, какъ будто для того, чтобы посмотрѣть на дѣйствіе крайняго орудія, подошелъ къ Пьеру и любопытно посмотрѣлъ на него.

Молоденькій, круглолицый офицерикъ, еще совершенный ребенокъ, очевидно только что выпущенный изъ корпуса, распоряжаясь весьма старательно порученными ему двумя пушками, строго обратился къ Пьеру.

— Господинъ, позвольте васъ попросить съ дороги, сказалъ онъ ему,—здѣсь нельзя.

Солдаты неодобрительно покачивали головами, глядя на Пьера. Но когда всѣ убѣдились, что этотъ человѣкъ въ бѣлой шляпѣ не только не дѣлалъ ничего дурнаго, но или смирно сидѣлъ на откосѣ вала, или съ робкой улыбкой, учтиво сторонясь передъ солдатами, прохаживался по батареѣ подъ выстрѣлами, также спокойно какъ по бульвару, тогда понемногу чувство недоброжелательнаго недоумѣнья къ нему стало переходить въ ласковое и шутливое участіе, подобное тому, которое солдаты имѣютъ къ своимъ животнымъ, собакамъ, пѣтухамъ, козламъ, и вообще животнымъ, живущимъ при войнскихъ командирахъ. Солдаты эти сейчасъ же мысленно приняли Пьера въ свою семью, присвоили себѣ и дали ему прозвище. «Нашъ баринъ,» прозвали его и про него ласково смѣялись между собой.

Одно ядро взрыло землю въ двухъ шагахъ отъ Пьера. Онъ, обчищая взбрызнутую ядромъ землю съ платья, съ улыбкой оглянулся вокругъ себя.

— И какъ это вы не боитесь, баринъ, право! обратился къ Пьеру краснорожій широкій солдатъ, оскаливая крѣпкіе бѣлые зубы.

— А ты развѣ боишься? спросилъ Пьеръ.

— А то какже? отвѣчалъ солдатъ. Вѣдь она не помилуетъ. Она шмякнетъ, такъ кишки вонъ. Нельзя не бояться, сказалъ онъ смѣясь.

Нѣсколько солдатъ съ веселыми и ласковыми лицами остановились подлѣ Пьера. Они какъ будто не ожидали того, чтобы онъ говорилъ какъ всѣ, и это открытіе радовало ихъ.

— Наше дѣло солдатское. А вотъ баринъ, такъ удивительно. Вотъ такъ баринъ!

— По мѣстамъ! крикнулъ молоденькій офицеръ на собравшихся вокругъ Пьера солдатъ. Молоденькій офицеръ этотъ видимо исполнялъ свою должность въ первый или во

второй разъ, и потому съ особенной отчетливостью и форменностью обращался и съ солдатами.

Перекатная пальба пушекъ и ружей усиливалась по всему полю, въ особенности влѣво, тамъ, гдѣ были флеши Багратіона, но изъ-за дыма выстрѣловъ, съ того мѣста, гдѣ былъ Пьеръ, нельзя было почти ничего видѣть. Притомъ наблюденія за тѣмъ какъ бы семейнымъ (отдѣленнымъ отъ всѣхъ другихъ) кружкомъ людей, находившихся на батареѣ, поглощали все вниманіе Пьера. Первое его безсознательно-радостное возбужденіе, произведенное видомъ и звуками поля сраженія, замѣнилось теперь, въ особенности послѣ вида этаго одиноко-лежащаго солдата на лугу, другимъ чувствомъ. Сидя теперь на откосѣ канавы, онъ наблюдалъ окружавшія его лица.

Къ десяти часамъ уже человѣкъ двадцать унесли съ батареи; два орудія были разбиты, и чаще и чаще на батарею попадали снаряды, и залетали жужжа и свистя дальнія пули. Но люди, бывшіе на батареѣ, какъ будто не замѣтили этаго: со всѣхъ сторонъ слышался веселый говоръ и шутки.

— Чиненка! кричалъ солдатъ на приближающуюся, летѣвшую со свистомъ гранату — не сюда! Къ пѣхотнымъ! съ хохотомъ прибавлялъ другой, замѣтивъ, что граната перелетѣла и попала въ ряды прикрытія.

— Что знакомая? смѣялся другой солдатъ на присѣвшаго мужика подъ пролетѣвшимъ ядромъ.

Нѣсколько солдатъ собрались у вала, разглядывая то что дѣлалось впереди.

— И цѣпь сняли, видишь, назадъ прошли, говорили они, указывая черезъ валъ.

— Свое дѣло гляди, крикнулъ на нихъ старый унтеръ-офицеръ. Назадъ прошли, значитъ назади дѣло есть. — И унтеръ-офицеръ, взявъ за плечо одного изъ солдатъ, толкнулъ его колѣнкой. Послышался хохотъ.

— Къ пятому орудію, накатывай! кричали съ одной стороны.

— Разомъ, дружнѣе, побурлацки, слышались веселые крики перемѣнявшихъ пушку.

— Ай, нашему барину чуть шляпку не сбила, показывая зубы, смѣялся на Пьера краснорожій шутникъ.—Эхъ, нескладная, укоризненно прибавилъ онъ на ядро, попавшее въ колесо и ногу человѣка. «Ну вы лисицы!» смѣялся другой на изгибающихся ополченцовъ, входившихъ на батарею за раненнымъ. «Аль не вкусна каша? Ахъ вороны, заколянились!» кричали на ополченцовъ, замявшихся передъ солдатамъ съ оторванной ногой. «Тое кое малый», передразнивали мужиковъ. «Страсть не любятъ!»

Пьеръ замѣчалъ, какъ послѣ каждаго попавшаго ядра, послѣ каждой потери, все болѣе и болѣе разгоралось общее оживленіе.

Какъ изъ придвигающейся грозовой тучи, чаще и чаще, свѣтлѣе и свѣтлѣе вспыхивали на лицахъ всѣхъ этихъ людей (какъ бы въ отпоръ совершающагося) молніи скрытаго, разгорающагося огня.

Пьеръ не смотрѣлъ впередъ на поле сраженія и не интересовался знать о томъ, что̀ тамъ дѣлалось: онъ весь былъ поглощенъ въ созерцаніе этаго все болѣе и болѣе разгорающагося огня, который точно также (онъ чувствовалъ) разгорался и въ его душѣ.

Въ десять часовъ пѣхотные солдаты, бывшіе впереди батареи въ кустахъ и по каменкѣ, отступили. Съ батареи видно было, какъ они пробѣгали назадъ мимо нея, неся на ружьяхъ раненныхъ. Какой-то генералъ со свитой вошелъ на курганъ и, поговоривъ съ полковникомъ, сердито посмотрѣвъ на Пьера, сошелъ опять внизъ, приказавъ прикрытію пѣхоты, стоявшему позади батареи, лечь, чтобы менѣе подвергаться выстрѣламъ. Вслѣдъ за этимъ въ рядахъ пѣхоты, правѣе батареи, послышался барабанъ, командные кри-

ки, и съ батареи видно было, какъ ряды пѣхоты двинулись впередъ.

Пьеръ смотрѣлъ черезъ валъ. Одно лицо особенно бросилось ему въ глаза. Это былъ офицеръ, который съ блѣднымъ, молодымъ лицомъ шелъ задомъ, неся опущенную шпагу, и безпокойно оглядывался.

Ряды пѣхотныхъ солдатъ скрылись въ дыму, послышался ихъ протяжный крикъ и частая стрѣльба ружей. Черезъ нѣсколько минутъ толпы раненныхъ и носилокъ прошли оттуда. На батарею еще чаще стали попадать снаряды. Нѣсколько человѣкъ лежали неубранные. Около пушекъ хлопотливѣе и оживленнѣе двигались солдаты. Никто уже не обращалъ вниманія на Пьера. Раза два на него сердито крикнули за то, что онъ былъ на дорогѣ. Старшій офицеръ съ нахмуреннымъ лицомъ, большими, быстрыми шагами переходилъ отъ однаго орудія къ другому. Молоденькій офицерикъ, еще больше разрумянившись, еще старательнѣе командовалъ солдатами. Солдаты подавали заряды, поворачивались, заряжали и дѣлали свое дѣло съ напряженнымъ щегольствомъ. Они на ходу подпрыгивали какъ на пружинахъ.

Грозовая туча надвинулась, и ярко во всѣхъ лицахъ горѣлъ тотъ огонь, за разгораніемъ котораго слѣдилъ Пьеръ. Онъ стоялъ подлѣ старшаго офицера. Молоденькій офицерикъ подбѣжалъ, съ рукой къ киверу, къ старшему.

— Имѣю честь доложить, господинъ полковникъ, зарядовъ имѣется только восемь, прикажете ли продолжать огонь? спросилъ онъ.

— Картечь! не отвѣчая крикнулъ старшій офицеръ, смотрѣвшій черезъ валъ.

Вдругъ что-то случилось; офицерикъ ахнулъ и свернувшись сѣлъ на землю, какъ на лету подстрѣленная птица. Все сдѣлалось странно, неясно и пасмурно въ глазахъ Пьера.

Одно за другимъ свистѣли ядра и бились въ брустверъ, въ солдатъ, въ пушки. Пьеръ, прежде не слыхавшій этихъ звуковъ, теперь только слышалъ одни эти звуки. Съ боку батареи, съ права, съ крикомъ «Ура» бѣжали солдаты не впередъ, а назадъ, какъ показалось Пьеру.

Ядро ударило въ самый край вала, передъ которымъ стоялъ Пьеръ, ссыпало землю, и въ глазахъ его мелькнулъ черный мячикъ, и въ тоже мгновенье шлепнуло во что-то. Ополченцы, вошедшіе было на батарею, побѣжали назадъ.

— Всѣ картечью! кричалъ офицеръ.

Унтеръ-офицеръ подбѣжалъ къ старшему офицеру и испуганнымъ шопотомъ (какъ за обѣдомъ докладываетъ дворецкій хозяину, что нѣтъ больше требуемаго вина) сказалъ, что зарядовъ больше не было.

— Разбойники, что дѣлаютъ! закричалъ офицеръ, оборачиваясь къ Пьеру. Лицо старшаго офицера было красно и потно, нахмуренные глаза блестѣли. — Бѣги къ резервамъ, приводи ящики! крикнулъ онъ, сердито обходя взглядомъ Пьера и обращаясь къ своему солдату. Я пойду, сказалъ Пьеръ. Офицеръ, не отвѣчая ему, большими шагами пошелъ въ другую сторону. Не стрѣлять.... Выжидай! кричалъ онъ.

Солдатъ, которому приказано было идти за зарядами, столкнулся съ Пьеромъ.

— Эхъ, баринъ, не мѣсто тебѣ тутъ, сказалъ онъ и побѣжалъ внизъ.

Пьеръ побѣжалъ за солдатомъ, обходя то мѣсто, на которомъ сидѣлъ молоденькій офицерикъ.

Одно, другое, третье ядро пролетало надъ нимъ, ударялось впереди, съ боковъ, сзади. Пьеръ сбѣжалъ внизъ. «Куда я?» вдругъ вспомнилъ онъ, уже подбѣгая къ зеленымъ ящикамъ. Онъ остановился въ нерѣшительности, идти ему назадъ или впередъ. Вдругъ страшный толчокъ откинулъ его назадъ, на землю. Въ тоже мгновенье блескъ большаго огня освѣ-

тилъ его, и въ тоже мгновеніе раздался оглушающій, зазвенѣвшій въ ушахъ громъ, трескъ и свистъ.

Пьеръ очнувшись сидѣлъ на заду, опираясь руками о землю; ящика, около котораго онъ былъ, не было; только валялись зеленыя, обожженыя доски и тряпки на выжженной травѣ, и лошадь, трепля обломками оглобель, проскакала отъ него, а другая, также какъ и самъ Пьеръ, лежала на землѣ и пронзительно, протяжно визжала.

XXXII.

Пьеръ, не помня себя отъ страха, вскочилъ и побѣжалъ назадъ на батарею, какъ на единственное убѣжище отъ всѣхъ ужасовъ, окружавшихъ его.

Въ то время какъ Пьеръ входилъ въ окопъ, онъ замѣтилъ, что на батареѣ выстрѣловъ не слышно было, но какіе-то люди что-то дѣлали тамъ. Пьеръ не успѣлъ понять того, какіе это были люди. Онъ увидѣлъ старшаго полковника задомъ къ нему лежащаго на валу, какъ будто разсматривающаго что-то внизу и видѣлъ однаго, замѣченнаго имъ солдата, который, порываясь впередъ отъ людей державшихъ его за руку, кричалъ: «братцы!» и видѣлъ еще что-то странное.

Но онъ не успѣлъ еще сообразить того, что полковникъ былъ убитъ, что кричавшій «братцы!» былъ плѣнный, что въ глазахъ его былъ заколонъ штыкомъ въ спину другой солдатъ. Едва онъ вбѣжалъ въ окопъ, какъ худощавый, желтый, съ потнымъ лицомъ человѣкъ въ синемъ мундирѣ, со шпагой въ рукѣ, набѣжалъ на него, крича что-то. Пьеръ, инстинктивно обороняясь отъ толчка, такъ какъ они не видавъ разбѣжались другъ противъ друга, выставилъ руки и схватилъ этаго человѣка (это былъ французскій офицеръ) одной рукой за плечо, другой за горло. Офицеръ, выпустивъ шпагу, схватилъ Пьера за шиворотъ.

Нѣсколько секундъ они оба испуганными глазами смотрѣли на чуждыя другъ другу лица, и оба были въ недоумѣньи о томъ, что̀ они сдѣлали, и что̀ имъ дѣлать. «Я ли взятъ въ плѣнъ или онъ взятъ въ плѣнъ мною?» думалъ каждый изъ нихъ. Но очевидно французскій офицеръ болѣе склонялся къ мысли, что въ плѣнъ взятъ онъ, потому что сильная рука Пьера, движимая невольнымъ страхомъ, все крѣпче и крѣпче сжимала его горло. Французъ что-то хотѣлъ сказать, какъ вдругъ надъ самой головой ихъ низко и страшно просвистѣло ядро, и Пьеру показалось, что голова французскаго офицера оторвана: такъ быстро онъ согнулъ ее.

Пьеръ тоже нагнулъ голову и отпустилъ руки. Не думая болѣе о томъ, кто кого взялъ въ плѣнъ, Французъ побѣжалъ назадъ на батарею, а Пьеръ подъ гору, спотыкаясь на убитыхъ и раненныхъ, которые, казалось ему, ловятъ его за ноги. Но не успѣлъ онъ сойти внизъ, какъ навстрѣчу ему показались плотныя толпы бѣгущихъ русскихъ солдатъ, которые, падая, спотыкаясь и крича, весело и бурно бѣжали на батарею. (Это была та атака, которую себѣ приписывалъ Ермоловъ, говоря, что только его храбрости и счастью возможно было сдѣлать этотъ подвигъ, и та атака, въ которой онъ будто бы кидалъ на курганъ Георгіевскіе кресты, бывшіе у него въ карманѣ.)

Французы, занявши батарею, побѣжали. Наши войска съ криками ура, такъ далеко за батарею прогнали Французовъ, что трудно было остановить ихъ.

Съ батареи свезли плѣнныхъ, въ томъ числѣ раненнаго французскаго генерала, котораго окружили офицеры. Толпы раненныхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ Пьеру, Русскихъ и Французовъ, съ изуродованными страданіемъ лицами, шли, ползли на носилкахъ неслись съ батареи. Пьеръ вошелъ на курганъ, гдѣ онъ провелъ болѣе часа времени, и изъ того семейнаго кружка, который принялъ его къ себѣ, онъ

не нашелъ никого. Много было тутъ мертвыхъ, незнакомыхъ ему. Но нѣкоторыхъ онъ узналъ. Молоденькій офицерикъ сидѣлъ, все также свернувшись у края вала, въ лужѣ крови. Краснорожій солдатъ еще дергался, но его не убирали.

Пьеръ побѣжалъ внизъ.

«Нѣтъ, теперь они оставятъ это, теперь они ужаснутся того, что̀ они сдѣлали!» думалъ Пьеръ, безцѣльно направляясь за толпами носилокъ, двигавшихся съ поля сраженія.

Но солнце, застилаемое дымомъ, стояло еще высоко, и впереди, и въ особенности на лѣво у Семеновскаго, кипѣло что-то въ дыму, и гулъ выстрѣловъ, стрѣльба и канонада не только не ослабѣвали, но усиливались до отчаянности, какъ человѣкъ, который надрываясь кричитъ изъ послѣднихъ силъ.

XXXIII.

Главное дѣйствіе Бородинскаго сраженія произошло на пространствѣ 1000 саженъ между Бородинымъ и флешами Багратіона. (Внѣ этаго пространства, съ одной стороны была сдѣлана Русскими въ половинѣ дня демонстрація кавалеріей Уварова, съ другой стороны за Утицей было столкновеніе Понятовскаго съ Тучковымъ; но это были два отдѣльныя и слабыя дѣйствія въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ происходило въ серединѣ поля сраженія). На полѣ между Бородинымъ и флешами, у лѣса, на открытомъ и видномъ съ обѣихъ сторонъ протяженіи, произошло главное дѣйствіе сраженья, самымъ простымъ, безхитростнымъ образомъ.

Сраженіе началось канонадой съ обѣихъ сторонъ изъ нѣсколькихъ сотенъ орудій.

Потомъ, когда дымъ застлалъ все поле, въ этомъ дыму двинулись (со стороны Французовъ) справа двѣ дивизіи Дес-

ее и Компана на флеши, и съ лѣва полки Вице-короля, на Бородино.

Отъ Шевардинскаго редута, на которомъ стоялъ Наполеонъ, флеши находились на разстояніи версты, а Бородино болѣе чѣмъ въ двухъ верстахъ разстоянія по прямой линіи, и потому Наполеонъ не могъ видѣть того, что̀ происходило тамъ, тѣмъ болѣе что дымъ, сливаясь съ туманомъ, скрывалъ всю мѣстность. Солдаты дивизіи Дессе, направленные на флеши, были видны только до тѣхъ поръ, пока они не спустились подъ оврагъ, отдѣлявшій ихъ отъ флешъ. Какъ скоро они спустились въ оврагъ, дымъ выстрѣловъ орудейныхъ и ружейныхъ на флешахъ сталъ такъ густъ, что застлалъ весь подъемъ той стороны оврага. Сквозь дымъ мелькало тамъ что-то черное, вѣроятно люди, и иногда блескъ штыковъ. Но двигались ли они или стояли, были ли это Французы или Русскіе, нельзя было видѣть съ Шевардинскаго редута.

Солнце взошло свѣтло и било косыми лучами прямо въ лицо Наполеона, смотрѣвшаго изъ-подъ руки на флеши. Дымъ стлался передъ флешами, и то казалось, что дымъ двигался, то казалось, что войска двигались. Слышны были иногда изъ-за выстрѣловъ крики людей, но нельзя было знать, что̀ они тамъ дѣлали.

Наполеонъ, стоя на курганѣ, смотрѣлъ въ трубу, и въ маленькій кругъ трубы онъ видѣлъ дымъ и людей, иногда своихъ, иногда Русскихъ; но гдѣ было то, что̀ онъ видѣлъ, онъ не зналъ, когда смотрѣлъ опять простымъ глазомъ.

Онъ сошелъ съ кургана и сталъ взадъ и впередъ ходить передъ нимъ.

Изрѣдка онъ останавливался, прислушивался къ выстрѣламъ и вглядывался въ поле сраженія.

Нетолько съ того мѣста внизу, гдѣ онъ стоялъ, нетолько съ кургана, на которомъ стояли теперь нѣкоторые его

генералы, но и съ самыхъ флешей, на которыхъ находились теперь вмѣстѣ и попеременно то русскіе, то французскіе, мертвые, раненные и живые, испуганные или обезумѣвшіе солдаты, нельзя было понять того, что̀ дѣлалось на этомъ мѣстѣ. Впродолженіи нѣсколькихъ часовъ на этомъ мѣстѣ, среди неумолкаемой стрѣльбы ружейной и пушечной, то появлялись одни русскіе, то одни французскіе, то пѣхотные, то кавалерійскіе солдаты; появлялись, падали, стрѣляли, сталкивались, не зная, что̀ дѣлать другъ съ другомъ, кричали и бѣжали назадъ.

Съ поля сраженія безпрестанно прискакивали къ Наполеону его посланные адъютанты и ординарцы его маршаловъ съ докладами о ходѣ дѣла: но всѣ эти доклады были ложны: и потому что въ жару сраженія невозможно сказать, что̀ происходитъ въ данную минуту, и потому что многіе адъютанты не доѣзжали до настоящаго мѣста сраженія, а передавали то, что̀ они слышали отъ другихъ; и еще потому, что пока проѣзжалъ адъютантъ тѣ двѣ-три версты, которыя отдѣляли его отъ Наполеона, обстоятельства измѣнялись, и извѣстіе, которое онъ везъ, уже становилось невѣрно. Такъ отъ Вице-короля прискакалъ адъютантъ съ извѣстіемъ, что Бородино занято и мостъ на Колочѣ въ рукахъ Французовъ. Адъютантъ спрашивалъ у Наполеона, прикажетъ ли онъ переходить войскамъ? Наполеонъ приказалъ выстроиться на той сторонѣ и ждать; но нетолько въ то время какъ Наполеонъ отдавалъ это приказаніе, но даже когда адъютантъ только что отъѣхалъ отъ Бородина, мостъ уже былъ отбитъ и сожженъ Русскими, въ той самой схваткѣ, въ которой участвовалъ Пьеръ въ самомъ началѣ сраженья.

Прискакавшій съ флешъ, съ блѣднымъ, испуганнымъ лицомъ адъютантъ донесъ Наполеону, что атака отбита, и что Компанъ раненъ и Даву убитъ, а между тѣмъ флеши, были заняты другою частью войскъ въ то время, какъ адъ-

ютанту говорили, что Французы были отбиты, и Даву былъ живъ и только слегка контуженъ. Соображаясь съ таковыми необходимо-ложными донесеніями, Наполеонъ дѣлалъ свои распоряженія, которыя или уже были исполнены прежде чѣмъ онъ дѣлалъ ихъ, или же не могли быть и не были исполняемы.

Маршалы и генералы, находившіеся въ болѣе близкомъ разстояніи отъ поля сраженія, но также какъ и Наполеонъ не участвовавшіе въ самомъ сраженіи, и только изрѣдка заѣзжавшіе подъ огонь пуль, не спрашиваясь Наполеона, дѣлали свои распоряженія и отдавали свои приказанія о томъ, куда и откуда стрѣлять, и куда скакать коннымъ и куда бѣжать пѣшимъ солдатамъ. Но даже и ихъ распоряженія, точно также какъ распоряженія Наполеона, въ самой малой степени и рѣдко приводились въ исполненіе. Большей частью выходило противное тому, что̀ они приказывали. Солдаты, которымъ велѣно было идти впередъ, подпавъ подъ картечный выстрѣлъ, бѣжали назадъ; солдаты, которымъ велѣно было стоять на мѣстѣ, вдругъ, видя противъ себя неожиданно показавшихся Русскихъ, бросались на нихъ, и конница скакала безъ приказанія догонять бѣгущихъ Русскихъ. Такъ два полка кавалеріи поскакали черезъ Семеновскій оврагъ, и только что въѣхали на гору, повернулись, и во весь духъ поскакали назадъ. Также двигались и пѣхотные солдаты, иногда забѣгая совсѣмъ не туда, куда имъ велѣно было. Всѣ распоряженія о томъ, куда и когда подвинуть пушки, когда послать пѣшихъ солдатъ стрѣлять, когда конныхъ, — топтать Русскихъ пѣшихъ, всѣ эти распоряженія дѣлали сами ближайшіе начальники частей, бывшіе въ рядахъ, не спрашиваясь даже Нея, Даву и Мюрата, нетолько Наполеона. Они не боялись взысканія за неисполненіе приказанія или за самовольное распоряженіе, потому что въ сраженіи дѣло касается самаго дорогаго для человѣка—собственной жизни, и иногда кажется, что спа-

сеніе заключается въ бѣгствѣ назадъ, иногда въ бѣгствѣ впередъ, и сообразно съ настроеніемъ минуты поступали эти люди, находившіеся въ самомъ пылу сраженія. Въ сущности же всѣ эти движенія впередъ и назадъ не облегчали и не измѣняли положенія войскъ. Всѣ ихъ набѣганія и наскакиванья другъ на друга почти не производили имъ вреда, а вредъ, смерть и увѣчья наносили ядра и пули, летавшія вездѣ по тому пространству, по которому метались эти люди. Какъ только эти люди выходили изъ того пространства, по которому летали ядра и пули, такъ ихъ тотчасъ же, стоявшіе сзади, начальники формировали, подчиняли дисциплинѣ, и подъ вліяніемъ этой дисциплины вводили опять въ область огня, въ которой они опять (подъ вліяніемъ страха смерти), теряли дисциплину и метались по случайному настроенію толпы.

XXXIV.

Генералы Наполеона, Даву, Ней и Мюратъ, находившіеся въ близости этой области огня и даже иногда заѣзжавшіе въ нее, нѣсколько разъ вводили въ эту область огня стройныя и огромныя массы войскъ. Но противно тому, что̀ неизмѣнно совершалось во всѣхъ прежнихъ сраженіяхъ, вмѣсто ожидаемаго извѣстія о бѣгствѣ непріятеля, стройныя массы войскъ возвращались *оттуда* разстроенными, испуганными толпами. Они вновь устраивали ихъ, но людей все становилось меньше. Въ половинѣ дня Мюратъ послалъ къ Наполеону своего адъютанта съ требованіемъ подкрѣпленія.

Наполеонъ сидѣлъ подъ курганомъ и пилъ пуншъ, когда къ нему прискакалъ адъютантъ Мюрата съ увѣреніями, что Русскіе будутъ разбиты, ежели его величество дастъ еще дивизію.

— Подкрѣпленія? сказалъ Наполеонъ съ строгимъ удивленіемъ, какъ бы не понимая его словъ, и глядя на красиваго

мальчика-адъютанта съ длинными завитыми, черными волосами (также какъ носилъ волоса Мюратъ).

«Подкрѣпленія!» подумалъ Наполеонъ. «Какого они просятъ подкрѣпленія, когда у нихъ въ рукахъ половина арміи, направленной на слабое, не укрѣпленное крыло Русскихъ!»

— Dites au roi de Naples, строго сказалъ Наполеонъ, qu'il n'est pas midi et que je ne vois pas encore clair sur mon echiquier. — Allez....

Красивый мальчикъ-адъютантъ съ длинными волосами, не отпуская руку отъ шляпы, тяжело вздохнувъ, поскакалъ опять туда, гдѣ убивали людей.

Наполеонъ всталъ и, подозвавъ Коленкура и Бертье, сталъ разговаривать съ ними о дѣлахъ, не касающихъ сраженія.

Въ серединѣ разговора, который начиналъ занимать Наполеона, глаза Бертье обратились на генерала съ свитой, который на потной лошади скакалъ къ кургану. Это былъ Бельяръ. Онъ, слѣзши съ лошади, быстрыми шагами подошелъ къ императору и смѣло, громкимъ голосомъ сталъ доказывать необходимость подкрѣпленій. Онъ клялся честью, что Русскіе погибли, ежели императоръ дастъ еще дивизію.

Наполеонъ вздернулъ плечами и, ничего не отвѣтивъ, продолжалъ свою прогулку. Бельяръ, громко и оживленно, сталъ говорить съ генералами свиты, окружившими его.

— Вы очень пылки, Бельяръ, сказалъ Наполеонъ, опять подходя къ подъѣхавшему генералу. Легко ошибиться въ пылу огня. Поѣзжайте и посмотрите, и тогда пріѣзжайте ко мнѣ. Не успѣлъ еще Бельяръ скрыться изъ вида, какъ съ другой стороны прискакалъ новый посланный съ поля сраженія.—Eh bien qu'est ce qu' il y a? сказалъ Наполеонъ тономъ человѣка, раздраженнаго безпрестанными помѣхами.

— Sire, le Prince.... началъ адъютантъ.

— Проситъ подкрѣпленія? съ гнѣвнымъ жестомъ прогово-

рилъ Наполеонъ. Адъютантъ утвердительно наклонилъ голову и сталъ докладывать; но императоръ отвернулся отъ него, сдѣлалъ два шага, остановился, вернулся назадъ и подозвалъ Бертье.

— Надо дать резервы, сказалъ онъ, слегка разводя руками. Кого послать туда, какъ вы думаете? обратился онъ къ Бертье, къ этому oison que j'ai fait aigle, какъ онъ впослѣдствіи называлъ его.

— Государь, послать дивизію Клапареда, сказалъ Бертье, помнившій наизусть всѣ дивизіи, полки и батальоны.

Наполеонъ утвердительно кивнулъ головой.

Адъютантъ поскакалъ къ дивизіи Клапареда. И чрезъ нѣсколько минутъ молодая гвардія, стоявшая позади кургана, тронулась съ своего мѣста. Наполеонъ молча смотрѣлъ по этому направленію.

— Нѣтъ, обратился онъ вдругъ къ Бертье, я не могу послать Клапареда. Пошлите дивизію Фріана, сказалъ онъ.

Хотя не было никакого преимущества въ томъ, чтобы вмѣсто Клапареда посылать дивизію Фріана и даже было очевидное неудобство и замедленіе въ томъ, чтобы остановить теперь Клапареда и посылать Фріана, но приказаніе было съ точностью исполнено.

Дивизія Фріана, также какъ и другія, скрылась въ дыму поля сраженія. Съ разныхъ сторонъ продолжали прискакивать адъютанты, и всѣ, какъ бы сговорившись, говорили одно и тоже. Всѣ просили подкрѣпленій, всѣ говорили, что Русскіе держатся на своихъ мѣстахъ и производятъ un feu d'enfer, отъ котораго таетъ французское войско.

Наполеонъ сидѣлъ въ задумчивости на складномъ стулѣ.

Проголодавшійся съ утра M. de Beausset, любившій путешествовать, подошелъ къ императору и осмѣлился почтительно предложить его величеству позавтракать.

— Я надѣюсь, что теперь уже я могу поздравить ваше величество съ побѣдой, сказалъ онъ.

Наполеонъ молча-отрицательно покачалъ головой. Полагая, что отрицаніе относится къ побѣдѣ, а не къ завтраку, M. de Beausset позволилъ себѣ игриво-почтительно замѣтить, что нѣтъ въ мірѣ причинъ, которыя могли бы помѣшать завтракать, когда можно это сдѣлать.

— Allez vous..... вдругъ мрачно сказалъ Наполеонъ и отвернулся. Блаженная улыбка сожалѣнія, раскаянія и восторга просіяла на лицѣ господина Боссе, и онъ плывущимъ шагомъ отошелъ къ другимъ генераламъ.

Наполеонъ испытывалъ тяжелое чувство, подобное тому, которое испытываетъ всегда счастливый игрокъ, безумно кидавшій свои деньги, всегда выигрывавшій, и вдругъ именно тогда, когда онъ разсчиталъ всѣ случайности игры, чувствующій, что чѣмъ болѣе обдуманъ его ходъ, тѣмъ вѣрнѣе онъ проигрываетъ.

Войска были тѣ жѣ, генералы тѣ же, тѣ же были приготовленія, таже диспозиція, таже proclamation courte et energique, онъ самъ былъ тотъ же, онъ это зналъ, онъ зналъ, что онъ былъ даже гораздо опытнѣе и искуснѣе теперь, чѣмъ онъ былъ прежде, даже врагъ былъ тотъ же какъ подъ Аустерлицемъ и Фридландомъ; но страшный размахъ руки падалъ волшебно-безсильно.

Всѣ тѣ прежніе пріемы, бывало неизмѣнно увѣнчиваемые успѣхомъ: и сосредоточеніе батарей на одинъ пунктъ, и атака резервовъ для прорванія линіи, и атака кавалеріи des hommes de fer, всѣ эти пріемы уже были употреблены, и нетолько не было побѣды, но со всѣхъ сторонъ приходили одни и тѣ же извѣстія о убитыхъ и раненныхъ генералахъ, о необходимости подкрѣпленій, о невозможности сбить Русскихъ и о разстройствѣ войскъ.

Прежде, послѣ двухъ-трехъ распоряженій, двухъ-трехъ фразъ, скакали съ поздравленіями и веселыми лицами маршалы и адъютанты, объявляя трофеями корпусà плѣнныхъ, des faisceaux de drapeaux et d'aigles ennemis, и пушки, и

обозы, и Мюратъ просилъ только позволенія пускать кавалерію для забранія обозовъ. Такъ было подъ Лоди, Маренго, Арколемъ, Іеной, Аустерлицемъ, Ваграмомъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Теперь же, что-то странное происходило съ его войсками.

Не смотря на извѣстіе о взятіи флешей, Наполеонъ видѣлъ, что это было не то, совсѣмъ не то, что̀ было во всѣхъ его прежнихъ сраженіяхъ. Онъ видѣлъ, что тоже чувство, которое испытывалъ онъ, испытывали и всѣ его окружающіе люди, опытные въ дѣлѣ сраженій. Всѣ лица были печальны, всѣ глаза избѣгали другъ друга. Только одинъ Боссе могъ не понимать значенія того, что̀ совершалось. Наполеонъ же послѣ своего долгаго опыта войны зналъ хорошо, — что̀ значило, впродолженіи 8-ми часовъ, послѣ всѣхъ употребленныхъ усилій, невыигранное атакующимъ сраженіе. Онъ зналъ, что это было почти проигранное сраженіе и что малѣйшая случайность могла теперь — на той натянутой точкѣ колебанія, на которыхъ стояло сраженіе— погубить его и его войска.

Когда онъ перебиралъ въ воображеніи всю эту странную Русскую компанію, въ которой не было выиграно ни одно сраженье, въ которой въ два мѣсяца не взято ни знаменъ, ни пушекъ, ни корпусовъ войскъ, когда глядѣлъ на скрытно печальныя лица окружающихъ и слушалъ донесенія о томъ, что Русскіе все стоятъ — страшное чувство, подобное чувству испытываемому въ сновидѣніяхъ, охватывало его, и ему приходили въ голову всѣ несчастныя случайности, могущія погубить его. Русскіе могли напасть на его лѣвое крыло, могли разорвать его середину, шальное ядро могло убить его самаго. Все это было возможно. Въ прежнихъ сраженіяхъ своихъ, онъ обдумывалъ только случайности успѣха, теперь же безчисленное количество несчастныхъ случайностей представлялось ему, и онъ ожидалъ ихъ всѣхъ. Да, это было какъ во снѣ, когда человѣку

представляется наступающій на него злодѣй и человѣкъ во снѣ размахнулся и ударилъ своего злодѣя съ тѣмъ страшнымъ усиліемъ, которое, онъ знаетъ, должно уничтожить его и чувствуетъ, что рука его, безсильная и мягкая, падаетъ какъ тряпка, и ужасъ неотразимой погибели обхватываетъ безпомощнаго человѣка.

Извѣстіе о томъ, что Русскіе атакуютъ лѣвый флангъ Французской арміи, возбудило въ Наполеонѣ этотъ ужасъ. Онъ молча сидѣлъ подъ курганомъ на складномъ стулѣ, опустивъ голову и положивъ локти на колѣна. Бертье подошелъ къ нему и предложилъ проѣхаться по линіи, чтобы убѣдиться, въ какомъ положеніи находилось дѣло.

— Что? Что вы говорите? сказалъ Наполеонъ. Да, велите подать мнѣ лошадь.

Онъ сѣлъ верхомъ и поѣхалъ къ Семеновскому.

Въ медленно-расходившемся пороховомъ дымѣ по всему тому пространству, по которому ѣхалъ Наполеонъ—въ лужахъ крови, лежали лошади и люди по одиначкѣ и кучами. Подобнаго ужаса, такого количества убитыхъ на такомъ маломъ пространствѣ, никогда не видали еще и Наполеонъ и никто изъ его генераловъ. Гулъ орудій, не перестававшій 10-ть часовъ сряду и измучившій ухо (какъ музыка при живыхъ картинахъ) придавалъ особенную значительность зрѣлищу. Наполеонъ выѣхалъ на высоту Семеновскаго и сквозь дымъ увидалъ ряды людей въ мундирахъ цвѣтовъ, непривычныхъ для его глаза. Это были Русскіе.

Русскіе плотными рядами стояли позади Семеновскаго и кургана, и ихъ орудія не переставая гудѣли и дымили по ихъ линіи. Сраженія уже не было. Было продолжавшееся убійство, которое ни къ чему не могло повести ни Русскихъ, ни Французовъ. Наполеонъ остановилъ лошадь и впалъ опять въ ту задумчивость, изъ которой вывелъ его Бертье; онъ не могъ остановить того дѣла, которое дѣлалось передъ нимъ и вокругъ него и которое считалось ру-

воводимымъ имъ и зависящимъ отъ него, и дѣло это ему, въ первый разъ вслѣдствіе неуспѣха, представлялось ненужнымъ и ужаснымъ.

Одинъ изъ генераловъ, подъѣхавшихъ къ Наполеону, позволилъ себѣ предложить ему ввести въ дѣло старую гвардію. Ней и Бертье, стоявшіе подлѣ Наполеона, переглянулись между собой и презрительно улыбались на безсмысленное предложеніе этаго генерала.

Наполеонъ опустилъ голову и долго молчалъ.

— A huit cent lieux de France je ne ferai pas démolir ma garde! сказалъ онъ и, повернувъ лошадь, поѣхалъ назадъ къ Шевардину.

XXXV.

Кутузовъ сидѣлъ, понуривъ сѣдую голову и опустившись тяжелымъ тѣломъ на покрытой ковромъ лавкѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ утромъ его видѣлъ Пьеръ. Онъ не дѣлалъ никакихъ распоряженій, а только соглашался или не соглашался на то, что̀ предлагали ему.

«Да, да, сдѣлайте это,» отвѣчалъ онъ на различныя предложенія.—«Да, да, съѣзди, голубчикъ, посмотри,» обращался онъ то къ тому, то къ другому изъ приближенныхъ; или: «Нѣтъ, не надо, лучше подождемъ,» говорилъ онъ. Онъ выслушивалъ привозимыя ему донесенія, отдавалъ приказанія, когда это требовалось подчиненными; но, выслушивая донесенія, онъ, казалось, не интересовался смысломъ словъ того, что̀ ему говорили, а что-то другое въ выраженіи лицъ, въ тонѣ рѣчи доносившихъ, интересовало его. Долголѣтнимъ военнымъ опытомъ онъ зналъ и старческимъ умомъ понималъ, что руководить сотнями тысячъ человѣкъ, борющихся съ смертью, нельзя одному человѣку, и зналъ, что рѣшаютъ участь сраженья не распоряженія главнокомандующаго, не мѣсто, на которомъ стоятъ войска,

не количество пушекъ и убитыхъ людей, а та неуловимая сила, называемая духомъ войска, и онъ слѣдилъ за этой силой и руководилъ ею, насколько это было въ его власти.

Общее выраженіе лица Кутузова было сосредоточенное, спокойное вниманіе и напряженіе, едва превозмогавшее усталость слабаго и стараго тѣла.

Въ 11-ть часовъ утра ему привезли извѣстіе о томъ, что занятыя Французами флеши были опять отбиты, но что князь Багратіонъ раненъ. Кутузовъ ахнулъ и покачалъ головой.

— Поѣзжай къ князю Петру Ивановичу и подробно узнай, что̀ и какъ, сказалъ онъ одному изъ адъютантовъ, и вслѣдъ за тѣмъ обратился къ принцу Виртембергскому, стоявшему позади его.

— Не угодно ли будетъ вашему высочеству принять командованье 1-ой арміей.

Вскорѣ послѣ отъѣзда принца, такъ скоро, что онъ еще не могъ доѣхать до Семеновскаго, адъютантъ принца вернулся отъ него и доложилъ свѣтлѣйшему, что принцъ проситъ войскъ.

Кутузовъ поморщился и послалъ Дохтурову приказаніе принять командованіе 1-ой арміей, а принца, безъ котораго, какъ онъ сказалъ, онъ не можетъ обойтись въ эти важныя минуты, просилъ вернуться къ себѣ. Когда привезено было извѣстіе о взятіи въ плѣнъ Мюрата и штабные поздравляли Кутузова, онъ улыбнулся.

— Подождите, господа, сказалъ онъ. Сраженье выиграно, и въ плѣненіи Мюрата нѣтъ ничего необыкновеннаго. Но лучше подождать радоваться.—Однако онъ послалъ адъютанта проѣхать по войскамъ съ этимъ извѣстіемъ.

Когда съ лѣваго фланга прискакалъ Щербининъ съ донесеніемъ о занятіи Французами флешей и Семеновскаго, Кутузовъ по звукамъ поля сраженія и по лицу Щербинина

угадавъ, что извѣстія были не хорошія, всталъ, какъ бы разминая ноги и, взявъ подъ руку Щербинина, отвелъ его въ сторону.—Съѣзди, голубчикъ, сказалъ онъ Ермолову, посмотри, нельзя ли что сдѣлать.

Кутузовъ былъ въ Горкахъ, въ центрѣ позиціи Русскаго войска. Направленная Наполеономъ атака на нашъ лѣвый флангъ была нѣсколько разъ отбиваема. Въ центрѣ Французы не подвинулись далѣе Бородина. Съ лѣваго фланга кавалерія Уварова заставила бѣжать Французовъ.

Въ третьемъ часу атаки Французовъ прекратились. На всѣхъ лицахъ, пріѣзжавшихъ съ поля сраженія и на тѣхъ, которыя стояли вокругъ него, Кутузовъ читалъ выраженіе напряженности, дошедшей до высшей степени. Кутузовъ былъ доволенъ успѣхомъ дня сверхъ ожиданія. Но физическія силы оставляли старика. Нѣсколько разъ голова его низко опускалась какъ бы падая, и онъ задремывалъ. Ему подали обѣдать.

Флигель-адъютантъ Вольцогенъ, тотъ самый, который, проѣзжая мимо князя Андрея, говорилъ, что войну надо im Raum verlegen, и котораго такъ ненавидѣлъ Багратіонъ, во время обѣда подъѣхалъ къ Кутузову. Вольцогенъ пріѣхалъ отъ Барклая, съ донесеніемъ о ходѣ дѣлъ на лѣвомъ флангѣ. Благоразумный Барклай-де-Толли, видя толпы отбѣгающихъ раненныхъ и растроенные зады арміи, взвѣсивъ всѣ обстоятельства дѣла, рѣшилъ, что сраженіе проиграно, и съ этимъ извѣстіемъ прислалъ къ главнокомандующему своего любимца.

Кутузовъ съ трудомъ жевалъ жареную курицу и съузившимися, повеселѣвшими глазами взглянулъ на Вольцогена.

Вольцогенъ, небрежно разминая ноги, съ полупрезрительной улыбкой на губахъ, подошелъ къ Кутузову, слегка дотронувшись до козырька рукою.

Вольцогенъ обращался съ Свѣтлѣйшимъ съ нѣкоторой

афектированной небрежностью, имѣющей цѣлью показать, что онъ, какъ высоко образованный военный, предоставляетъ Русскимъ дѣлать кумира изъ этаго стараго, безполезнаго человѣка, а самъ знаетъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. «Der alte Herr, (какъ называли Кутузова въ своемъ кругу Нѣмцы), macht sich ganz bequem,» подумалъ Вольцогенъ, и, строго взглянувъ на тарелки стоявшія передъ Кутузовымъ, началъ докладывать старому господину положеніе дѣлъ на лѣвомъ флангѣ, такъ какъ приказалъ ему Барклай и какъ онъ самъ его видѣлъ и понялъ.

— Всѣ пункты нашей позиціи въ рукахъ непріятеля и отбить нечѣмъ, потому что войскъ нѣтъ; они бѣгутъ, и нѣтъ возможности остановить ихъ, докладывалъ онъ.

Кутузовъ, остановившись жевать, удивленно, какъ будто не понимая то, что̀ ему говорили, уставился на Вольцогена. Вольцогенъ, замѣтивъ волненіе des alten Herrn, съ улыбкой сказалъ:

— Я не считалъ себя въ правѣ скрыть отъ вашей свѣтлости того, что̀ я видѣлъ... Войска въ полномъ разстройствѣ.....

— Вы видѣли? Вы видѣли?... нахмурившись закричалъ Кутузовъ, быстро вставая и наступая на Вольцогена. — Какъ вы... какъ вы смѣете!.. дѣлая угрожающіе жесты трясущимися руками и захлебываясь, закричалъ онъ. — Какъ смѣете вы, милостивый государь, говорить это *мнѣ*. Вы ничего не знаете. Передайте отъ меня генералу Барклаю, что его свѣдѣнія несправедливы и что настоящій ходъ сраженія извѣстенъ мнѣ фельдмаршалу, лучше чѣмъ ему.

Вольцогенъ хотѣлъ возразить что-то, но Кутузовъ перебилъ его.

— Непріятель отбитъ на лѣвомъ и пораженъ на правомъ флангѣ. Ежели вы плохо видѣли, милостивый государь, то не позволяйте себѣ говорите того, чего вы не знаете. Извольте ѣхать къ генералу Барклаю и передать ему на

завтра мое намѣреніе атаковать непріятеля, строго сказалъ Кутузовъ. — Всѣ молчали, и слышно было одно тяжелое дыханіе запыхавшагося стараго генерала. — Отбиты вездѣ, за что я благодарю Бога и наше храброе войско. Непріятель побѣжденъ и завтра погонимъ его изъ священной земли Русской, сказалъ Кутузовъ, крестясь; и вдругъ всхлипнулъ отъ наступившихъ слезъ. Вольцогенъ, пожавъ плечами и скрививъ губы, молча отошелъ къ сторонѣ, удивляясь über diese Eingenommenheit des alten Herrn.

— Да, вотъ онъ мой герой, сказалъ Кутузовъ къ полному, красивому, черноволосому генералу, который въ это время входилъ на курганъ. Это былъ Раевскій, проведшій весь день на главномъ пунктѣ Бородинскаго поля.

Раевскій доносилъ, что войска твердо стоятъ на своихъ мѣстахъ, и что Французы не смѣютъ атаковать болѣе.

Выслушавъ его, Кутузовъ по французски сказалъ:

— Vous ne pensez donc pas *somme les autres* que nous sommes obligés de nous retirer?

— Au contraire, votre altesse, dans les affaires indécises c'est toujours le plus opiniâtre qui reste victorieux, отвѣчалъ Раевскій, — et mon opinion....

— Кайсаровъ! кликнулъ Кутузовъ своего адъютанта. Садись, пиши приказъ на завтрашній день. А ты, обратился онъ къ другому, поѣзжай по линіи и объяви, что завтра мы атакуемъ.

Пока шелъ разговоръ съ Раевскимъ и диктовался приказъ, Вольцогенъ вернулся отъ Барклая и доложилъ, что генералъ Барклай-де-Толли желалъ бы имѣть письменное подтвержденіе того приказа, который отдавалъ фельдмаршалъ.

Кутузовъ, не глядя на Вольцогена, приказалъ написать этотъ приказъ, который, весьма основательно для избѣжанія личной отвѣтственности, желалъ имѣть бывшій главнокомандующій.

И по неопредѣлимой, таинственной связи, поддерживающей во всей армій одно и тоже настроеніе, называемое духомъ арміи и составляющей главный нервъ войны, слова Кутузова, его приказъ къ сраженію на завтрашній день, передались одновременно во всѣ концы войска.

Далеко не самыя слова, не самый приказъ передавались въ послѣдней цѣпи этой связи. Даже ничего не было похожаго въ тѣхъ разсказахъ, которые передавали другъ другу на разныхъ концахъ арміи, на то что̀ сказалъ Кутузовъ; но смыслъ его словъ сообщился повсюду, потому что то, что̀ сказалъ Кутузовъ, вытекало не изъ хитрыхъ соображеній, а изъ чувства, которое лежало въ душѣ фельдмаршала, также какъ и въ душѣ каждаго Русскаго человѣка.

И узнавъ то, что на завтра мы атакуемъ непріятеля, изъ высшихъ сферъ арміи, услыхавъ подтвержденіе того, чему они хотѣли вѣрить, измученные, колеблющіеся люди утѣшались и ободрялись.

XXXVI.

Полкъ князя Андрея былъ въ резервахъ, которые до 2-го часа стояли позади Семеновскаго въ бездѣйствіи, подъ сильнымъ огнемъ артиллеріи. Во второмъ часу полкъ, потерявшій уже болѣе 200 человѣкъ, былъ двинутъ впередъ на стоптанное овсяное поле, на тотъ промежутокъ между Семеновскимъ и курганной батареей, на которомъ въ этотъ день были побиты тысячи людей, и на который во второмъ часу дня былъ направленъ усиленно-сосредоточенный огонь изъ нѣсколькихъ сотъ непріятельскихъ орудій.

Не сходя съ этаго мѣста и не выпустивъ ни одного заряда, полкъ потерялъ здѣсь еще третью часть своихъ людей. Спереди и въ особенности съ правой стороны, въ нерасходившемся дыму бубухали пушки, и изъ таинственной области дыма, застилавшей всю мѣстность впереди, непереста-

вая съ шипящимъ быстрымъ свистомъ, вылетали ядра и медлительно-свистѣвшія гранаты. Иногда, какъ бы давая отдыхъ, проходило четверть часа, во время которыхъ всѣ ядра и гранаты перелетали, но иногда въ продолженіи минуты нѣсколько человѣкъ вырывало изъ полка, и безпрестанно оттаскивали убитыхъ и уносили раненныхъ.

Съ каждымъ новымъ ударомъ все меньше и меньше случайностей жизни оставалось для тѣхъ, которые еще не были убиты. Полкъ стоялъ въ батальонныхъ колонахъ на разстояніи 300-тъ шаговъ, но несмотря на то, всѣ люди полка находились всегда подъ вліяніемъ однаго и того же настроенія. Всѣ люди полка одинаково были молчаливы и мрачны. Рѣдко слышался между рядами говоръ, но говоръ этотъ замолкалъ всякій разъ, какъ слышался попавшій ударъ и крикъ: носилки! Большую часть времени люди полка по приказанію начальства сидѣли на землѣ. Кто снявъ киверъ старательно распускалъ и опять собиралъ сборки; кто сухой глиной, распорошивъ ее въ ладоняхъ, начищалъ штыкъ; кто разминалъ ремень и перетягивалъ пряжку перевязи; кто старательно расправлялъ и перегибалъ по новому подвертки и переобувался. Нѣкоторые строили домики изъ калмыжекъ пашни или плели плетеночки изъ соломы жнивья. Всѣ казались вполнѣ погружены въ эти занятія. Когда ранило и убивало людей, когда тянулись носилки, когда наши возвращались назадъ, когда виднѣлись сквозь дымъ большія массы непріятелей, никто не обращалъ никакого вниманія на эти обстоятельства. Когда же впередъ проѣзжала артиллерія, кавалерія, виднѣлись движенія нашей пѣхоты, одобрительныя замѣчанія слышались со всѣхъ сторонъ. Но самое большое вниманіе заслуживали событія совершенно постороннія, не имѣвшія никакого отношенія къ сраженію. Какъ будто вниманіе этихъ нравственно-измученныхъ людей отдыхало на этихъ обычныхъ, житейскихъ событіяхъ. Батарея артиллеріи прошла

передъ фронтомъ полка. Въ одномъ изъ артиллерійскихъ ящиковъ пристяжная заступила постромку.—«Эй, пристяжную-то!... Выправь! Упадетъ.... Эхъ не видятъ!»... по всему полку одинаково кричали изъ рядовъ. Въ другой разъ общее вниманіе обратила небольшая, коричневая собаченка съ твердо-поднятымъ хвостомъ, которая, Богъ знаетъ откуда взявшись, озабоченной рысцой выбѣжала передъ ряды, и вдругъ отъ близко ударившаго ядра взвизгнула и поджавъ хвостъ бросилась въ сторону. По всему полку раздалось гоготанье и взвизги. Но развлеченія такого рода продолжались минуты, а люди уже болѣе восьми часовъ стояли безъ ѣды и безъ дѣла подъ непроходящимъ ужасомъ смерти, и блѣдныя и нахмуренныя лица все болѣе блѣднѣли и хмурились.

Князь Андрей, точно также какъ и всѣ люди полка, нахмуренный и блѣдный, ходилъ взадъ и впередъ по лугу подлѣ овсянаго поля отъ одной межи до другой, заложивъ назадъ руки и опустивъ голову. Дѣлать и приказывать ему нечего было. Все дѣлалось само собою. Убитыхъ оттаскивали за фронтъ, раненныхъ относили, ряды смыкались. Ежели отбѣгали солдаты, то они тотчасъ же поспѣшно возвращались. Сначала князь Андрей, считая своею обязанностью возбуждать мужество солдатъ и показывать имъ примѣръ, прохаживался по рядамъ; но потомъ онъ убѣдился, что ему нечему и нечѣмъ учить ихъ. Всѣ силы его души, точно также какъ и каждаго солдата, были безсознательно направлены на то, чтобы удержаться только отъ созерцанія ужаса того положенія, въ которомъ они были. Онъ ходилъ по лугу, волоча ноги, шаршавя траву и наблюдая пыль которая покрывала его сапоги; то онъ шагалъ большими шагами, стараясь попадать въ слѣды оставленные косцами по лугу, то онъ, считая свои шаги, дѣлалъ расчеты сколько разъ онъ долженъ пройти отъ межи до межи, чтобы сдѣлать версту, то ошмурыгивалъ полыни,

растущіе на межѣ, и растиралъ эти цвѣтки въ ладоняхъ и принюхивался къ душисто-горькому, крѣпкому запаху. Изо всей вчерашней работы мысли не оставалось ничего. Онъ ни объ чемъ не думалъ. Онъ прислушивался усталымъ слухомъ все къ тѣмъ же звукамъ, различая свистѣнье полетовъ отъ гула выстрѣловъ, посматривалъ на приглядѣвшіяся лица людей 1-го баталіона и ждалъ. «Вотъ она... эта опять къ намъ!» думалъ онъ, прислушиваясь къ приближавшемуся свисту чего-то изъ закрытой области дыма. «Одна, другая! Еще! Попало».. Онъ остановился и поглядѣлъ на ряды. «Нѣтъ перенесло. А вотъ это попало». — И онъ опять принимался ходить, стараясь дѣлать большіе шаги, чтобы въ 16 шаговъ дойти до межи. Свистъ и ударъ! Въ пяти шагахъ отъ него взрыло сухую землю, и скрылось ядро. Невольный холодъ пробѣжалъ по его спинѣ. Онъ опять поглядѣлъ на ряды. Вѣроятно вырвало многихъ; большая толпа собралась у 2-го батальона.—Г-нъ адъютантъ, прокричалъ онъ, прикажите, чтобы не толпились. Адъютантъ, исполнивъ приказаніе, подходилъ къ князю Андрею. Съ другой стороны подъѣхалъ верхомъ командиръ батальона.

«Берегись!» послышался испуганный крикъ солдата, и какъ свистящая на быстромъ полетѣ, присѣдающая на землю птичка, въ двухъ шагахъ отъ князя Андрея, подлѣ лошади батальоннаго командира, негромко шлепнулась граната. Лошадь первая, не спрашивая того, хорошо или дурно было выказывать страхъ, фыркнула, взвилась, чуть не сронивъ маіора, и отскакала въ сторону. Ужасъ лошади сообщился людямъ. — «Ложись!» крикнулъ голосъ адъютанта, прилегшаго къ землѣ. Князь Андрей стоялъ въ нерѣшительности. Граната, какъ волчокъ, дымясь вертѣлась между нимъ и лежащимъ адъютантомъ, на краю пашни и луга, подлѣ куста полыни.

«Неужели это смерть?» думалъ князь Андрей, совершенно новымъ, завистливымъ взглядомъ глядя на траву, на полынь

и на струйку дыма, вьющуюся отъ вертящагося чернаго мячика. «Я не могу, я не хочу умереть, я люблю жизнь, люблю эту траву, землю, воздухъ»... Онъ думалъ это и вмѣстѣ съ тѣмъ помнилъ о томъ, что на него смотрятъ.

— Стыдно, господинъ офицеръ! сказалъ онъ адъютанту, какой.... Онъ не договорилъ. Въ одно и тоже время послышался взрывъ, свистъ осколковъ какъ бы разбитой рамы, душный запахъ пороха, и князь Андрей рванулся въ сторону и, поднявъ кверху руку, упалъ на грудь.

Нѣсколько офицеровъ подбѣжало къ нему. Съ правой стороны живота расходилось по травѣ большое пятно крови.

Вызванные ополченцы съ носилками остановились позади офицеровъ. Князь Андрей лежалъ на груди, опустившись лицомъ до травы и тяжело всхрипывая дышалъ.

— Ну что стали, подходи!

Мужики подошли и взяли его за плечи и ноги, но онъ жалобно застоналъ, и мужики переглянувшись опять отпустили его.

— Берись, клади, все одно! крикнулъ чей-то голосъ. Его другой разъ взяли за плечи и положили на носилки.

— Ахъ Боже мой, Боже мой! Чтожъ это.... Животъ! Это конецъ! Ахъ Боже мой! слышались голоса между офицерами.—На волосокъ мимо уха прожужжала, говорилъ адъютантъ. Мужики, приладивши носилки на плечахъ, поспѣшно тронулись по протоптанной ими дорожкѣ къ перевязочному пункту.

— Въ ногу идите.... Э!... мужичье! крикнулъ офицеръ, за плечи останавливая неровно шедшихъ и трясущихъ носилки мужиковъ.

— Подлаживай чтоль, Хведоръ, а Хведоръ, говорилъ передній мужикъ.

— Вотъ такъ важно, радостно сказалъ задній, попадъ въ ногу.

— Ваше сіятельство, а князь? дрожащимъ голосомъ сказалъ подбѣжавши Тимохинъ, заглядывая въ носилки.

Князь Андрей открылъ глаза и посмотрѣлъ изъ-за носилокъ, въ которые глубоко ушла его голова, на того, кто говорилъ, и опять опустилъ вѣки.

Ополченцы принесли князя Андрея къ лѣсу, гдѣ стояли фуры и гдѣ былъ перевязочный пунктъ. Перевязочный пунктъ состоялъ изъ трехъ раскинутыхъ, съ завороченными полами, палатокъ на краю березника. Въ березникѣ стояли фуры и лошади. Лошади въ хребтугахъ ѣли овесъ, и воробьи слетали къ нимъ и подбирали просыпанныя зерна. Воронья, чуя кровь, нетерпѣливо каркая, перелетали на березахъ. Вокругъ палатокъ, больше чѣмъ на двѣ десятины мѣста, лежали, сидѣли, стояли окровавленные люди въ различныхъ одеждахъ. Вокругъ раненныхъ, съ унылыми и внимательными лицами, стояли толпы солдатъ-носильщиковъ, которыхъ тщетно отгоняли отъ этаго мѣста распоряжавшіеся порядкомъ офицеры. Не слушая офицеровъ, солдаты стояли, опираясь на носилки, и пристально, какъ будто пытаясь понять трудное значеніе зрѣлища, смотрѣли на то что̀ дѣлалось передъ ними. Изъ палатокъ слышались то громкіе, злые вопли, то жалобныя стенанія. Изрѣдка выбѣгали оттуда фельдшера за водою и указывали на тѣхъ, которыхъ надо было вносить. Раненные, ожидая у палатки своей очереди, хрипѣли, стонали, плакали, кричали, ругались, просили водки. Нѣкоторые бредили. Князя Андрея, какъ полковаго командира, шагая черезъ неперевязанныхъ раненныхъ, пронесли ближе къ одной изъ палатокъ и остановились, ожидая приказанія. Князь Андрей открылъ глаза и долго не могъ понять того, что̀ дѣлалось вокругъ него. Лугъ, полынь, пашня, черный крутящійся мячикъ, и его страстный порывъ любви къ жизни, вспомнились ему. Въ двухъ ша-

гахъ отъ него, громко говоря и обращая на себя общее вниманіе, стоялъ, опершись на сукъ и съ обвязанной головой, высокій, красивый, черноволосый унтеръ-офицеръ. Онъ былъ раненъ въ голову и ногу пулями. Вокругъ него, жадно слушая его рѣчь, собралась толпа раненныхъ и носильщиковъ.

— Мы его оттеда какъ долбанули, такъ все побросалъ, самаго короля забрали, блестя черными разгоряченными глазами и оглядываясь вокругъ себя, кричалъ солдатъ. Подойди только въ тотъ самый разъ лезервы, его бъ, братецъ ты мой, званія не осталось, потому вѣрно тебѣ говорю....

Князь Андрей, также какъ и всѣ окружавшіе разскащика, блестящимъ взглядомъ смотрѣлъ на него и испытывалъ утѣшительное чувство. «Но развѣ не все равно теперь, подумалъ онъ. А что будетъ тамъ и что̀ такое было здѣсь? Отчего мнѣ такъ жалко было разставаться съ жизнью? Что-то было въ этой жизни, чего я не понималъ и не понимаю».

XXXVII.

Одинъ изъ докторовъ въ окровавленномъ фартукѣ и съ окровавленными, небольшими руками, въ одной изъ которыхъ онъ между мизинцемъ и большимъ пальцемъ (чтобъ не запачкать ее), держалъ сигару, вышелъ изъ палатки. Докторъ этотъ поднялъ голову и сталъ смотрѣть по сторонамъ, но выше раненныхъ. Онъ очевидно хотѣлъ отдохнуть немного. Поводивъ нѣсколько времени головой вправо и влѣво, онъ вздохнулъ и опустилъ глаза.

— Ну сейчасъ, сказалъ онъ на слова фельдшера, указывавшаго ему на князя Андрея, и велѣлъ нести его въ палатку.

Въ толпѣ ожидавшихъ раненныхъ поднялся ропотъ.

— Видно и на томъ свѣтѣ господамъ однимъ жить, проговорилъ одинъ.

Князя Андрея внесли и положили на только что очистившійся столъ, съ котораго фельдшеръ споласкивалъ что-то. Князь Андрей не могъ разобрать въ отдѣльности того, что̀ было въ палаткѣ. Жалобные стоны съ разныхъ сторонъ, мучительная боль бедра, живота и спины развлекали его. Все, что̀ онъ видѣлъ вокругъ себя, слилось для него въ одно общее впечатлѣніе обнаженнаго, окровавленнаго человѣческаго тѣла, которое, казалось, наполняло всю низкую палатку, какъ нѣсколько недѣль тому назадъ въ этотъ жаркій, августовскій день, это же тѣло наполняло грязный прудъ по Смоленской дорогѣ. Да, это было то самое тѣло, та самая chair à canon, видъ которой еще тогда, какъ бы предсказывая теперешнее, возбудилъ въ немъ ужасъ.

Въ палаткѣ было три стола. Два были заняты, на третій положили князя Андрея. Нѣсколько времени его оставили однаго, и онъ невольно увидалъ то, что̀ дѣлалось на другихъ двухъ столахъ. На ближнемъ столѣ сидѣлъ Татаринъ, вѣроятно казакъ по мундиру, брошенному подлѣ. Четверо солдатъ держали его. Докторъ въ очкахъ что-то рѣзалъ въ его коричневой, мускулистой спинѣ.

— Ухъ, ухъ, ухъ!... какъ будто хрюкалъ Татаринъ, и вдругъ, поднявъ кверху свое скуластое, черное, курносое лицо, оскаливъ бѣлые зубы, начиналъ рваться, дергаться и визжать, пронзительно-звѣнящимъ, протяжнымъ визгомъ. На другомъ столѣ, около котораго толпилось много народа, на спинѣ лежалъ большой, полный человѣкъ съ закинутой назадъ головой (вьющіеся волоса, ихъ цвѣтъ и форма головы показались странно-знакомы князю Андрею). Нѣсколько человѣкъ фельдшеровъ навалились на грудь этому человѣку и держали его. Бѣлая, большая, полная нога быстро и часто, не переставая, дергалась лихорадочными трепетаніями. Человѣкъ этотъ судорожно рыдалъ и захлебывался. Два доктора молча — одинъ былъ блѣденъ и дрожалъ — что-то

дѣлали надъ другой, красной ногой этаго человѣка. Управившись съ Татариномъ, на котораго накинули шинель, докторъ, въ очкахъ, обтирая руки, подошелъ къ князю Андрею.

Онъ взглянулъ въ лицо князя Андрея и поспѣшно отвернулся.

— Раздѣть! Что стоите? крикнулъ онъ сердито на фельдшеровъ.

Самое первое далекое дѣтство вспомнилось князю Андрею, когда фельдшеръ торопившимися засученными руками разстегивалъ ему пуговицы и снималъ съ него платье. Докторъ низко нагнулся надъ раной, ощупалъ ее и тяжело вздохнулъ. Потомъ онъ сдѣлалъ знакъ кому-то. И мучительная боль внутри живота заставила князя Андрея потерять сознаніе. Когда онъ очнулся, разбитыя кости бедра были вынуты, клоки мяса отрѣзаны, и рана перевязана. Ему прыскали въ лицо водою. Какъ только князь Андрей открылъ глаза, докторъ нагнулся надъ нимъ, молча поцѣловалъ его въ губы и поспѣшно отошелъ.

Послѣ перенесеннаго страданія, князь Андрей чувствовалъ блаженство, давно не испытанное имъ. Всѣ лучшія, счастливѣйшія минуты въ его жизни, въ особенности самое дальнее дѣтство, когда его раздѣвали и клали въ кроватку, когда няня убаюкивая пѣла надъ нимъ, когда, зарывшись головой въ подушки, онъ чувствовалъ себя счастливымъ однимъ сознаніемъ жизни, представлялись его воображенію, даже не какъ прошедшее, а какъ дѣйствительность. — Около того раненнаго, очертанія головы котораго казались знакомыми князю Андрею, суетились доктора, его поднимали и успокоивали. «Покажите мнѣ... Ооооо! о! ооооо!» слышался его прерываемый рыданіями, испуганный и покорившійся страданію стонъ. Слушая эти стоны, князь Андрей хотѣлъ плакать. Оттого ли, что онъ безъ славы умиралъ, оттого ли что жалко ему было разставаться съ жизнью, отъ этихъ ли невозвратимыхъ дѣтскихъ воспоминаній, от-

того ли что онъ страдалъ, что другіе страдали и такъ жалостно передъ нимъ стоналъ этотъ человѣкъ, но ему хотѣлось плакать дѣтскими, добрыми, почти радостными слезами.

Раненному показали въ сапогѣ съ запекшейся кровью отрѣзанную ногу.—«О! Оооо!» зарыдалъ онъ какъ женщина. Докторъ, стоявшій передъ раненнымъ, загораживая его лицо, отошелъ.

— Боже мой! Что это? Зачѣмъ онъ здѣсь? сказалъ себѣ князь Андрей.

Въ несчастномъ, рыдающемъ, обезсилѣвшемъ человѣкѣ, которому только что отняли ногу, онъ узналъ Анатоля Курагина. Анатоля держали на рукахъ и предлагали ему воду въ стаканѣ, края котораго онъ не могъ поймать дрожащими, распухшими губами. Анатоль тяжело всхлипывалъ. «Да, это онъ; да, этотъ человѣкъ чѣмъ-то близко и тяжело связанъ со мною», думалъ князь Андрей, не понимая еще ясно того, что̀ было передъ нимъ. «Въ чемъ состоитъ связь этого человѣка съ моимъ дѣтствомъ, съ моею жизнью?» спрашивалъ онъ себя, не находя отвѣта. И вдругъ новое, неожиданное воспоминаніе изъ міра дѣтскаго, чистаго и любовнаго, представилось князю Андрею. Онъ вспомнилъ Наташу такою, какою онъ видѣлъ ее въ первый разъ на балѣ 1810 года съ тонкой шеей, руками, съ готовымъ на восторгъ, испуганнымъ, счастливымъ лицомъ, и любовь и нѣжность къ ней еще живѣе и сильнѣе чѣмъ когда либо проснулись въ его душѣ. Онъ вспомнилъ теперь ту связь, которая существовала между имъ и этимъ человѣкомъ, сквозь слезы, наполнявшія распухшіе глаза, мутно смотрѣвшимъ на него. Князь Андрей вспомнилъ все, и восторженная жалость и любовь къ этому человѣку наполнили его счастливое сердце.

Князь Андрей не могъ удерживаться болѣе и заплакалъ нѣжными, любовными слезами надъ людьми, надъ собой и надъ ихъ и своими заблужденьями.

«Состраданіе, любовь къ братьямъ, къ любящимъ, любовь къ ненавидящимъ насъ, любовь къ врагамъ, да, та любовь, которую проповѣдывалъ Богъ на землѣ, которой меня учила княжна Марья и которой я не понималъ; вотъ отчего мнѣ жалко было жизни, вотъ оно то, что̀ еще оставалось мнѣ, ежели бы я былъ живъ. Но теперь уже поздно. Я знаю это!»

XXXVIII.

Страшный видъ поля сраженія, покрытаго трупами и раненными въ соединеніи съ тяжестью головы и съ извѣстіями о убитыхъ и раненныхъ двадцати знакомыхъ генералахъ и съ сознаніемъ безсильности своей прежде сильной руки, произвели неожиданное впечатлѣніе на Наполеона, который обыкновенно любилъ разсматривать убитыхъ и раненныхъ, испытывая тѣмъ свою душевную силу (какъ онъ думалъ.) Въ этотъ день ужасный видъ поля сраженія побѣдилъ ту душевную силу, въ которой онъ полагалъ свою заслугу и величіе. Онъ поспѣшно уѣхалъ съ поля сраженія и возвратился къ Шевардинскому кургану. Желтый, опухлый, тяжелый, съ мутными глазами, краснымъ носомъ и охриплымъ голосомъ, онъ сидѣлъ на складномъ стулѣ, невольно прислушиваясь къ звукамъ пальбы и не поднимая глазъ. Онъ съ болѣзненной тоской ожидалъ конца того дѣла, которому онъ считалъ себя причастнымъ, но котораго онъ не могъ остановить. Личное человѣческое чувство на короткое мгновеніе взяло верхъ надъ тѣмъ искусственнымъ призракомъ жизни, которому онъ служилъ такъ долго. Онъ на себя переносилъ тѣ страданія и ту смерть, которыя онъ видѣлъ на полѣ сраженія. Тяжесть головы и груди напоминала ему о возможности и для себя страданій и смерти. Онъ въ эту минуту не хотѣлъ для себя ни Москвы, ни побѣды, ни славы (какой нужно было ему еще славы!) Одно, чего онъ желалъ

теперь,—отдыха, спокойствія и свободы. Но когда онъ былъ на Семеновской высотѣ, начальникъ артиллеріи предложилъ ему выставить нѣсколько батарей на эти высоты для того, чтобы усилить огонь по столпившимся передъ Князьковымъ Русскимъ войскамъ, Наполеонъ согласился и приказалъ привезти ему извѣстіе о томъ, какое дѣйствіе произведутъ эти батареи.

Адъютантъ пріѣхалъ сказать, что по приказанію императора 200 орудій направлены на Русскихъ, но что Русскіе все также стоятъ.

— Нашъ огонь рядами вырываетъ ихъ, а они стоятъ, сказалъ адъютантъ.

— Ils en veulent encore!.. сказалъ Наполеонъ охриплымъ голосомъ.

— Sire? повторилъ неразслушавшій адъютантъ.

— Ils en veulent encore, нахмурившись прохрипѣлъ Наполеонъ осиплымъ голосомъ, — donnez leurs-en.

И безъ его приказанія дѣлалось то, чего онъ не хотѣлъ, и онъ распорядился только потому, что думалъ, что отъ него ждали приказанія. И онъ опять перенесся въ свой прежній искусственный міръ призраковъ какого-то величія, и опять (какъ та лошадь, ходящая на покатомъ колесѣ привода воображаетъ себѣ, что она что-то дѣлаетъ для себя), онъ покорно сталъ исполнять ту жестокую, печальную и тяжелую, не человѣческую роль, которая ему была предназначена.

И не на одинъ только этотъ часъ и день были помрачены умъ и совѣсть этого человѣка, тяжеле всѣхъ другихъ участниковъ этого дѣла носившаго на себѣ всю тяжесть совершавшагося; но и никогда, до конца жизни своей, не могъ понимать онъ ни добра, ни красоты, ни истины, ни значенія своихъ поступковъ, которые были слишкомъ противуположны добру и правдѣ, слишкомъ далеки отъ всего человѣческаго для того, чтобы онъ могъ понимать ихъ значеніе. Онъ не могъ отречься отъ своихъ поступковъ, вос-

хваляемыхъ половиной свѣта и потому долженъ былъ отречься отъ правды и добра и всего человѣческаго.

Не въ одинъ только этотъ день, объѣзжая поле сраженія, уложенное мертвыми и изувѣченными людьми (какъ онъ думалъ, по его волѣ) онъ, глядя на этихъ людей, считалъ, сколько приходится Русскихъ на однаго Француза и, обманывая себя, находилъ причины радоваться, что на однаго Француза приходилось пять Русскихъ. Не въ одинъ только этотъ день онъ писалъ въ письмѣ въ Парижъ, что le champ de bataille a été superbe, потому что на немъ было 50 тысячъ труповъ; но и на островѣ Св. Елены, въ тиши уединенія, гдѣ онъ говорилъ, что онъ намѣренъ былъ посвятить свои досуги изложенію великихъ дѣлъ, которыя онъ сдѣлалъ, онъ писалъ:

«La guerre de Russie a dû être la plus populaire des «temps modernes: c'était celle du bon sens et des vrais in«térêts, celle du repos et de la securité de tous; elle etait «purement pacifique et conservatrice.»

«C'était pour la grande cause, la fin des hasards et le com«mencement de la securité. Un nouvel horizon, de nouveaux «travaux allaient se dérouler, tout plein du bien-être et de «la prospérité de tous. Le système européen se trouvait fon«dé; il n'était plus question que de l'organiser.»

«Satisfait sur ces grands points et tranquille partout, j'au«rais eu aussi mon *congrès* et ma *sainte-alliance*. Ce sont «des idées qu'on m'a volées. Dans cette réunion des grands «souverains, nous eussions traités de nos intérêts en famille «et compté de clerc à maitre avec les peuples.»

«L'Europe n'eut bientot fait de la sorte véritablement «qu'un même peuple, et chacun, en voyageant partout, se fût «trouvé toujours dans la patrie commune. J'eus demandé «toutes les rivières navigables pour tous, la communauté des «mers, et que les grandes armées permanantes fussent réduites «désormais à la seule garde des souverains.»

«De retour en France, au sein de la patrie, grande, forte, «magnifique, tranquille, glorieuse, j'eusse proclamé ses limites «immuables; toute guerre future, purement *défensive;* tout «agrandissement nouveau *antinational.* J'eusse associé mon «fils à l'empire; ma *dictature* êut fini, et son régne consti-«tutionnel eût commencé....»

«Paris eut été la capitale du monde, et les Français l'en-«vie des nations!....»

«Mes loisirs ensuite et mes vieux jours eussent été consac-«rés, en compagnie de l'impératrice et durant l'apprentissage «royal de mon fils, à visiter lentement et en vrai couple «campagnard, avec nos propres chevaux, tous les recoins de «l'Empire, recevant les plaintes, redressant les torts, semant «de toutes parts et partout les monuments et les bienfaits[1]).»

«[1]) Русская война должна бы была быть самая популярная въ «новѣйшія времена: это была война здраваго смысла и настоящихъ «выгодъ, война спокойствія и безопасности всѣхъ; она была чисто «миролюбивая и консервативная.»

«Это было для великой цѣли, для конца случайностей и для начала «спокойствія. Новый горизонтъ, новые труды открывались бы, пол-«ные благосостоянія и благоденствія всѣхъ. Система Европейская бы-«ла бы основана, вопросъ заключался бы уже только въ ея учреж-«деніи.»

«Удовлетворенный въ этихъ великихъ вопросахъ и вездѣ спокой-«ный, я бы тоже имѣлъ свой *конгресъ* и свой *священный союзъ.* «Это мысли, которыя у меня украли. Въ этомъ собраніи великихъ «государей, мы обсуживали бы наши интересы семейно и считались «бы съ народами какъ писецъ съ хозяиномъ.»

«Европа дѣйствительно скоро составила бы такимъ образомъ одинъ «и тотъ же народъ, и всякій, путешествуя гдѣ бы то ни было, нахо-«дился бы всегда въ общей родинѣ.»

«Я бы выговорилъ, чтобы всѣ рѣки были судоходны для всѣхъ» «чтобы море было общее, чтобы постоянныя, большія арміи были «уменьшены единственно до гвардіи государей, и т. д.»

Онъ, предназначенный Провидѣніемъ на печальную, несвободную роль палача народовъ, увѣрялъ себя, что цѣль его поступковъ была благо народовъ и что онъ могъ руководить судьбами милліоновъ и путемъ власти дѣлать благодѣянія!

«Des 400,000 hommes qui passèrent la Vistule, писалъ «онъ дальше о Русской войнѣ, la moitié etait Autrichiens, «Prussiens, Saxons, Polonais, Bavarois, Wurtembergeois, Mec«klembourgeois, Espagnols, Italiens, Napolitains. L'armée im«périale, proprement dite, était pour un tiers composée «de Hollandais, Belges, habitants des bords du Rhin, Piémon«tais, Suisses, Génevois, Toscans, Romains, habitants de la «32-e division militaire, Brême, Hambourg, etc; elle comptait à «peine 140,000 hommes parlant français. L'expedition de Russie «coûta moins de 50,000 hommes à la France actuelle; l'ar«mée russe dans la retraite de Wilna à Moscou, dans les «différentes batailles, a perdu quatre fois plus que l'armée fran«çaise; l'incendie de Moscou a couté la vie à 100,000 Russes, »morts de froid et de misère dans les bois; enfin, dans sa «marche de Moscou à l'Oder, l'armée russe fut aussi atteinte «par l'intempérie de la saison; elle ne comptait à son arrivée

---

«Возвратясь во Францію, на родину, великую, сильную, велико«лѣпную, спокойную, славную, я превозгласилъ бы границы ея неиз«мѣнными; всякую будущую войну *защитительной*; всякое новое «распространеніе—антинаціональнымъ; я присоединилъ бы своего сы«на къ правленію Имперіей; мое *диктаторство* кончилось бы, и на«чалось бы его конституціонное правленіе....

«Парижъ былъ бы столицей міра, и Французы предметомъ зависти «всѣхъ націй!....

«Потомъ мои досуги и послѣдніе дни были бы посвящены, съ по«мощью императрицы и во время царственнаго воспитыванія моего «сына, на то, чтобы мало по малу посѣщать, какъ настоящая де«ревенская чета, на собственныхъ лошадяхъ, всѣ уголки государства, «принимая жалобы, устраняя несправедливости, разсѣвая во всѣ «стороны и вездѣ зданія и благодѣянія.»

«à Wilna que 50,000 hommes, et à Kalisch moins de «18,000 [2]).»

Онъ воображалъ себѣ, что по его волѣ произошла война съ Россіей, и ужасъ совершившагося не поражалъ его душу. Онъ смѣло принималъ на себя всю отвѣтственность событія, и его помраченный умъ видѣлъ оправданіе въ томъ, что въ числѣ сотенъ тысячъ погибшихъ людей было меньше Французовъ, чѣмъ Гессенцевъ и Баварцевъ.

XXXIX.

Нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ лежало мертвыхъ въ разныхъ положеніяхъ и мундирахъ на поляхъ и лугахъ, принадлежавшихъ г-мъ Давыдовымъ и казеннымъ крестьянамъ, на тѣхъ поляхъ и лугахъ, на которыхъ сотни лѣтъ одновременно сбирали урожаи и пасли скотъ крестьяне деревень Бородина, Горокъ, Шевардина и Семеновскаго. На перевязочныхъ пунктахъ, на десятину мѣста, трава и земля были пропитаны кровью. Толпы раненныхъ и нераненныхъ разныхъ командъ людей, съ испуганными лицами, съ одной

---

[2]) «Изъ 400,000 человѣкъ, которые перешли Вислу, половина «была Австрійцы, Пруссаки, Саксонцы, Поляки, Баварцы, Виртем«бергцы, Мекленбурцы, Испанцы, Итальянцы и Неаполитанцы. Импе«раторская армія, собственно сказать, была на треть составлена изъ «Голландцевъ, Белгійцевъ, жителей береговъ Рейна, Пьемонтцевъ, «Швейцарцевъ, Женевцевъ, Тосканцевъ, Римлянъ, жителей 32-й «военной дивизіи, Бремена, Гамбурга и т. д.; въ ней едва ли было «140,000 человѣкъ говорящихъ по французски.»

«Русская экспедиція стоила собственно Франціи менѣе 50,000 че«ловѣкъ; русская армія въ отступленіи изъ Вильны въ Москву въ «различныхъ сраженіяхъ потеряла въ четыре раза болѣе, чѣмъ фран«цузская армія; пожаръ Москвы стоилъ жизни 100,000 Русскихъ, «умершихъ отъ холода и нищеты въ лѣсахъ; наконецъ, во время «своего перехода отъ Москвы къ Одеру, русская армія тоже постра«дала отъ суровости времени года; по приходѣ въ Вильну, она со«стояла только изъ 50,000 людей, а въ Калишѣ менѣе 18,000.»

стороны брели назадъ къ Можайску, съ другой стороны назадъ къ Валуеву. Другія толпы, измученныя и голодныя, ведомые начальниками, шли впередъ. Третьи стояли на мѣстахъ и продолжали стрѣлять.

Надъ всѣмъ полемъ, прежде столь весело-красивымъ, съ о блестками штыковъ и дымами въ утреннемъ солнцѣ, стояла теперь мгла сырости и дыма, и пахло странной кислотой селитры и крови. Собрались тучки, и сталъ накрапывать дождикъ на убитыхъ, на раненныхъ, на испуганныхъ и на изнуренныхъ, и на сомнѣвающихся людей. Какъ будто онъ говорилъ: «Довольно, довольно, люди. Перестаньте... Опомнитесь. Что вы дѣлаете?»

Измученнымъ, безъ пищи и безъ отдыха, людямъ той и другой стороны начинало одинаково приходить сомнѣніе о томъ, слѣдуетъ ли имъ еще истреблять другъ друга, и на всѣхъ лицахъ было замѣтно колебанье, и въ каждой душѣ одинаково поднимался вопросъ: «Зачѣмъ, для кого мнѣ убивать и быть убитому? Убивайте кого хотите, дѣлайте что̀ хотите, а я не хочу больше!» Мысль эта къ вечеру одинаково созрѣла въ душѣ каждаго. Всякую минуту могли всѣ эти люди ужаснуться того, что̀ они дѣлали, бросить все и побѣжать куда попало.

Но хотя уже къ концу сраженія люди чувствовали весь ужасъ своего поступка, хотя они и рады бы были перестать, какая-то непонятная таинственная сила еще продолжала руководить ими, и запотѣлые, въ порохѣ и крови, оставшіеся по одному на три, артиллеристы, хотя и спотыкаясь и задыхаясь отъ усталости, приносили заряды, заряжали, наводили, прикладывали фитили; и ядра также быстро и жестоко перелетали съ обѣихъ сторонъ и расплюскивали человѣческое тѣло, и продолжало совершаться то страшное дѣло, которое совершается не по волѣ людей, а по волѣ Того, Кто руководитъ людьми и мірами.

Тотъ, кто посмотрѣлъ бы на разстроенные зады Русской

арміи, сказалъ бы, что Французамъ стòитъ сдѣлать еще одно маленькое усиліе, и Русская армія изчезнетъ; и тотъ, кто посмотрѣлъ бы на зады Французовъ, сказалъ бы, что Русскимъ стоитъ сдѣлать еще одно маленькое усиліе, и Французы погибли. Но ни Французы, ни Русскіе не дѣлали этаго усилія, и пламя сраженія медленно догорало.

Русскіе не дѣлали этого усилія, потому что не они атаковали Французовъ. Въ началѣ сраженья, они только стояли по дорогѣ въ Москву, загораживая ее, и точно также они продолжали стоять при концѣ сраженія, какъ они стояли при началѣ его. Но ежели бы даже цѣль Русскихъ состояла бы въ томъ, чтобы сбить Французовъ, они не могли сдѣлать это послѣднее усиліе, потому что всѣ войска Русскихъ были разбиты, не было ни одной части войска не пострадавшей въ сраженіи, и Русскіе, оставаясь на своихъ мѣстахъ, потеряли ПОЛОВИНУ своего войска.

Французамъ, съ воспоминаніемъ всѣхъ прежнихъ 15-ти лѣтнихъ побѣдъ, съ увѣренностью въ непобѣдимости Наполеона, съ сознаніемъ того, что они завладѣли частью поля сраженья, что они потеряли только одну четверть людей, и что у нихъ еще есть 20-ти тысячная, нетронутая гвардія, легко было сдѣлать это усиліе. Французамъ, атаковавшимъ Русскую армію съ цѣлью сбить ее съ позиціи, должно было сдѣлать это усиліе, потому что до тѣхъ поръ, пока Русскіе, точно также какъ и до сраженія, загораживали дорогу въ Москву, цѣль Французовъ не была достигнута, и всѣ ихъ усилія и потери пропали даромъ. Но Французы не сдѣлали этого усилія. Нѣкоторые историки говорятъ, что Наполеону стòило дать свою нетронутую старую гвардію для того, чтобы сраженіе было выиграно. Говорить о томъ, чтò бы было, если бы Наполеонъ далъ свою гвардію, все равно что говорить о томъ, чтò бы было, если бы осенью сдѣлалась весна. Этого не могло быть. Не Наполеонъ не далъ свою гвардію, потому что онъ не захотѣлъ этого, но этого нельзя

было сдѣлать. Всѣ генералы, офицеры, солдаты Французской арміи знали, что этого нельзя было сдѣлать, потому что упадшій духъ войска не позволялъ этаго.

Не одинъ Наполеонъ испытывалъ то похожее на сновидѣнье чувство, что страшный размахъ руки падаетъ безсильно, но всѣ генералы, всѣ участвовавшіе и не участвовавшіе солдаты Французской арміи, послѣ всѣхъ опытовъ прежнихъ сраженій (гдѣ послѣ вдесятеро-меньшихъ усилій, непріятель бѣжалъ) испытывали одинаковое чувство ужаса передъ тѣмъ врагомъ, который, потерявъ ПОЛОВИНУ войска, стоялъ также грозно въ концѣ, какъ и въ началѣ сраженія. Нравственая сила Французской, атакующей арміи была истощена. Не та побѣда, которая опредѣляется подхваченными кусками матеріи на палкахъ, называемыхъ знаменами, и тѣмъ пространствомъ, на которомъ стояли и стоятъ войска, а побѣда нравственная, та, которая убѣждаетъ противника въ нравственномъ превосходствѣ своего врага и въ своемъ безсиліи, была одержана Русскими подъ Бородинымъ. Французское нашествіе, какъ разъяренный звѣрь, получившій въ своемъ разбѣгѣ смертельную рану, чувствовало свою погибель; но оно не могло остановиться, также какъ и не могло не отклониться вдвое слабѣйшее Русское войско. Послѣ даннаго толчка, Французское войско еще могло докатиться до Москвы; но тамъ, безъ новыхъ усилій со стороны Русскаго войска, оно должно было погибнуть, истекая кровью отъ смертельной, нанесенной въ Бородинѣ, раны. Прямымъ слѣдствіемъ Бородинскаго сраженія было безпричинное бѣгство Наполеона изъ Москвы, возвращеніе по старой, Смоленской дорогѣ, погибель 500-тъ тысячнаго нашествія, и погибель Наполеоновской Франціи, на которую въ первый разъ подъ Бородинымъ была наложена рука сильнѣйшаго духомъ противника.

1234884
A 041396
ASSESSORATO ALLA BONIFICA DELLA REGIONE LAZIO

Digitized by Google

Digitized by Google